

Салих САЙДАШЕВ

В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ

*Посвящается 110-летию
со дня рождения великого
татарского композитора*

«РУХИЯТ»

ББК 85.313 (2)
С18

Составитель
Рустем Ахмеров

Редактор
Гаухар Хасанова

Художник
Олег Маковский

Салих Сайдашев в воспоминаниях современников / Сост.: Р. У. Ахмеров. –
С18 Казань: Рухият, 2010. – 384 с.

ISBN 978-5-89706-137-2

Книга повествует о жизни и творчестве выдающегося композитора, основоположника татарской профессиональной музыки Салиха Сайдашева, о любви к нему народа при жизни и после его кончины. Книга написана по воспоминаниям друзей – современников Сайдашева с включением сведений из семейных архивов Сайдашевых-Ахмеровых и привлечением материалов государственных архивов. Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся творчеством Салиха Сайдашева и историей татарской музыки.

ББК 85.313 (2)

ISBN 978-5-89706-137-2

© Издательство «Рухият», 2010

Салих Сайдашев

(Вместо предисловия)

Первая половина XX века войдёт в многовековую музыкальную историю татар как «эпоха Сайдашева». Его талант, интуиция, личностный мир вобрали в себя лучшие качества татарского народа, воплотив их через искусство звука. Ещё при жизни его фигура была овеяна массовым почитанием, а подчас и магией художественного величия.

Моя первая «встреча» с Сайдашевым состоялась в детстве, и мне, конечно, не был известен ореол его национальной славы. Эта была встреча с портретом Сайдашева, который висел в ряду портретов великих гениев в нашей Детской музыкальной школе. Меня приятно поразило, что рядом с прославленными зарубежными и русскими композиторами висел портрет музыканта с татарской фамилией. В тот момент, возможно, по-детски наивно, я испытал сильное чувство национальной гордости. У меня, естественно, возникло желание услышать музыку нашего композитора. По радио Салих Сайдашев раньше звучал чаще, и первые три вечера я беспрерывно сидел у приёмника, ожидая желанной трансляции. Когда, наконец, зазвучала музыка «Зәңгәр шәл», я испытал чувство, которое помню до сих пор. Каждый звук композитора – татарского композитора, который входит в круг мировых гениев, я воспринимал как некое чародейство...

В дальнейшем я не раз испытывал это чувство внутреннего восторга, когда встречался с именем и музыкой Сайдашева. Когда впервые входил в Нижнекамское музыкальное училище, я с радостью прочитал на вывеске, что выбранное мною учебное заведение носит имя Сайдашева... А в холле училища висел его портрет во весь рост. Помню, я долго стоял около него, затаив дыхание и

пытаясь понять таинство, запечатлённое в его взгляде. В Казани первым моим театром был Камаловский, и, конечно, спектакль с музыкой Сайдашева.

Жизнь Сайдашева, как жизнь всякого великого человека, одновременно счастлива и драматична. В ней соединились всенародная любовь, скепсис со стороны отдельных профессионалов в годы великого художественного созидания и сумерки репрессивного времени. Он не был хронологически первым композитором, но он стал именно первым Композитором. Он построил тот изящный и крепкий мостик между народной музыкальной традицией (шире – национальным духом) и профессиональной, академической музыкой, по которому уже уверенной творческой походкой пошли последующие татарские композиторы. В этом плане в каждом из нас есть некоторая толика личности гения, даже если наша музыка внешне и не вызывает ассоциаций с Сайдашевым.

Считается, что современная музыка излишне экспериментальна. Творческий поиск всегда рождает те или иные решения, которые время интерпретирует по-своему. Творчество Сайдашева не меньше, чем у любого другого современного композитора, содержит экспериментальное начало. Он волею художественной судьбы должен был особенно много искать: ему приходилось решать задачу создания национального многоголосного языка. Готовых рецептов практически не было. В те далёкие 20-30 годы были разные варианты решения этой по-своему стратегической задачи. Величие Сайдашева в том, что его эксперименты, вынесенные на суд слушателей, сразу превратились в факты художественного значения. Он интуитивно услышал звучание искомого образа и был принят народом.

«Эпоха Сайдашева» заключается и в том, что, как всякая крупная личность, он был своеобразным магнитом для национальной творческой интеллигенции своего времени. Вокруг него и через него протекали судьбы выдающихся людей – писателей, певцов, артистов, музыкантов. Сайдашев был одним из эпицентров художественной жизни Казани 20-50-х годов. Такой высокий статус определялся и музыкантским профессионализмом, и богатством человеческой души. Впрочем, в его музыке эти две стороны личности гармонично соединялись...

Будучи студентом консерватории, я интересовался судьбой Сайдашева. С этой целью я познакомился с книгой воспоминаний о нём. В этой череде «листочков памяти» меня поразило общее эмоциональное настроение – души людей как бы искрились лучезарным светом. Почти все авторы были полны невыразимо благоговейного отношения к своему великому современнику. У меня было ощущение, что своей музыкантской душой Сайдашев вселил в разных людей своё особое доброе ощущение жизни. Это было наглядным доказательством того, как гений может объединять людей.

Нравственный тонус воспоминания я почувствовал впоследствии, когда писал своё студенческое симфоническое произведение «Булгар». Древние явления прошлого хотелось осветить музыкальными средствами не только в драмати-

ческих тонах, но и разбудить в слушателях чувство душевной гармонии – то чувство, которое вызывают музыка и личность Салиха Сайдашева...

Нынешний юбилей основоположника татарской музыки – это время, когда мы, помимо восхищения личностью композитора, должны ответить на весьма важный вопрос: какое место в системе современной музыкальной жизни Татарстана занимает музыка Сайдашева? При его жизни многие мелодии его песен получали «высшую оценку публики» – они входили в музыкальный быт народа. Сегодня песни Сайдашева звучат всё реже. По результатам одного из соцопросов, проведённого в татарстанской глубинке, по степени популярности Сайдашев оказался далеко позади многих нынешних самодеятельных композиторов. Пришла пора новых песен?..

Разумеется, каждая эпоха создаёт свой песенный репертуар, отражающий чувственные ощущения своего времени. Но в судьбе песен далеко не всё определяется сиюминутными потребностями. Культура человека определяется его равным вниманием как к своему национальному настоящему, так и прошлому. Сегодня Сайдашев ждёт своих исполнителей, способных вдохнуть современное звучание в его музыку. Эта задача чрезвычайно сложная, несравнимая с простым озвучиванием трафаретных песен-однодневок.

На нашей совести – настоящее и ближайшее будущее музыки Сайдашева. Рукописное наследие великого композитора – одна из «болевых точек» истории татарской музыки. Отчасти здесь вина самого композитора, не всегда ответственно относившегося к нотной фиксации своей музыки. Его, как Артиста, больше интересовало само исполнение, а не рутинная кабинетная запись нот. Его музыка возникала «в свободном полёте» пальцев по клавишам фортепиано прежде, чем нотный лист оказывался под руками. Поэтому часть сочинённой музыки осталась просто незаписанной. Но многое оказалось либо безвозвратно утраченным, либо ждёт своего архивного раскрытия. Хочется надеяться, что наступивший XXI век, благодаря исследователям творчества композитора, откроет новые, неизвестные страницы музыки Сайдашева.

Ждёт своего нового прочтения «Наёмщик». Написанный в сюжетных традициях первых советских десятилетий, сегодня он может восприниматься, казалось бы, только как продукт «того времени». Но наряду с «несовременным сюжетом» там есть музыка, которая никогда не потеряет своей современности. Тонкая реставрация или «современное прочтение» – к «Наёмщику» могут быть разные режиссёрские подходы. Но крупная веха татарского музыкального театра не должна находиться в долгом забвении.

Возможно, существующий разрыв между именем Сайдашева (как национальным символом) и его музыкой (всё-таки мало звучащей) объясняется трудностью интерпретации и понимания невидимых сторон его музыки. Меня удивило одно творческое наблюдение, высказанное моими коллегами – композиторами, писавшими «музыкальные приношения» Сайдашеву. А в последние годы к духу великого художника приобщились такие наши авторы, как Ренат Еникеев, Ал-

маз Монасыпов, Александр Миргородский, Шамиль Шарифуллин. Многие из них утверждали, что «Сайдашев не подпускает близко к себе», он не так прост, работать с его интонационным материалом чрезвычайно сложно. В этом видится художественная индивидуальность и загадочная неповторимость, которые отразились в его музыке. Возможно, в этом кроется один из признаков, отличающих великого художника от крепкого ремесленника.

Возможно, в этом потенциале ещё нераскрытых сторон музыки Сайдашева кроется яркая историческая будущность его творческих созданий, его нетленного наследия. Его эпоха не закончилась, и в массовом слушательском сознании его имя будет ассоциироваться не только со знаменитым «Маршем», но и с прекрасными песнями и инструментальной музыкой.

Рашид КАЛИМУЛЛИН.

**Композитор, заслуженный деятель искусств ТАССР, РФ,
лауреат Государственной премии РТ имени Габдуллы Тукая,
председатель Союза композиторов Республики Татарстан**

Автобиография¹

Я, Сайдашев Салих Замалетдинович, родился 3 декабря 1900 года в городе Казани. В молодости отец работал кучером у купца Алат-Шагиева, впоследствии занимался торговлей. Умер он в 1900 году, за пятнадцать дней до моего рождения.

Рос я сиротой, живя до 1911 года на иждивении Раузы Хамитовой, а с 1912 по 1917 год – Амины Сайдашевой². Начальное образование получил в татарской школе (медресе) и русско-татарской первоначальной школе. С 1913 года начал работать мальчиком в магазине казанских купцов Хамитовых. В свободное от работы время участвовал в любительских струнных оркестрах. В 1914 году поступил в торговое училище и одновременно в музыкальное по классу фортепьяно к профессору Осипу Осиповичу Родзевичу.

После Октябрьской революции в 1917 году в Коммунистическом клубе впервые организовал струнный оркестр из любителей. В том же году по приглашению Буинского отдела просвещения уехал в Буинск, где проработал в качестве хормейстера до 1919 года.

В начале 1919 года добровольно вступил в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и был откомандирован военной коллегией в город Оренбург, в распоряжение политотдела 1-й армии. Там был трубачом, капельмейстером оркестра и одновременно пианистом и заведующим музыкальной частью татарской драматической труппы, организованной при политотделе армии.

В 1921 году демобилизовался, но остался в Оренбурге, стал заведующим и преподавателем Восточной музыкальной школы, организовал военно-духовой оркестр с татарским репертуаром и одновременно продолжал учёбу у профессора Гинальской.

В 1922 году по приглашению Татарского Наркомпроса вернулся в Казань. Здесь работал в Татарском государственном Академическом театре в качестве заведующего музыкальной частью и дирижёра. Эту работу совмещал с педагогической – в театральном и педагогическом техникумах, где преподавал элементарную теорию музыки.

¹ Автобиография из личного дела С.З. Сайдашева хранится в архиве Союза композиторов Республики Татарстан.

² Рауза Хамитова – двоюродная сестра, Амина Сайдашева – родная старшая сестра Салиха.

За этот период я написал ряд музыкальных произведений, в том числе специальный марш, посвящённый I-му татарскому полку, написанный в 1929 году, и марш, посвящённый II-му полку, – в 1932 году.

В 1934 году для повышения квалификации правительство Татарии командировало меня на учёбу в Татарскую оперную студию при Московской консерватории имени П.И. Чайковского. По окончании учёбы в 1937 году вернулся в Казань на прежнюю работу (заведующий музыкальной частью и дирижёр ТГАТ).

В 1940 году был назначен на работу по организации декады татарского искусства, не состоявшейся ввиду Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

В 1948 году ввиду сокращения должности заведующего музыкальной частью я оставил работу в театре. В последние годы оформляю отдельные драматические постановки ТГАТ и как член Союза советских композиторов занят творческой работой.

За хорошую общественную работу неоднократно получал грамоты. В 1935 году получил именные часы от Климента Ефремовича Ворошилова за руководство ансамблем красноармейской самодеятельности, выступавшим в честь VII съезда Советов СССР. В 1939 году в октябре месяце мне было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Татарской АССР, а в 1951 году в связи с 30-летием творческой деятельности – звание народного артиста Татарской АССР.

ГЛАВА 1

СОХРАНИВШЕЕСЯ В ПАМЯТИ

Сохранившееся в памяти

Шигаб Ахмеров¹

Детские годы Салиха

Амина Сайдашева и Шигаб Ахмеров в Восточном клубе на благотворительном вечере. Сбор средств для сиротских домов. 1914 год

Я породнился с семьёй Сайдашевых в 1912 году, женившись на Амине – старшей сестре Салиха. Ему тогда ещё не было двенадцати. С тех пор Салих и его мать стали проживать одной семьёй с нами. До этого они находились на иждивении двоюродной сестры Салиха – Раузы и её мужа Насыри Хамитовых. До женитьбы я мало знал Салиха. Но издательство, где я работал, располагалось рядом с их домом, и, конечно, я не раз встречал его, когда он шёл в школу или играл с ребятами. Иногда, зайдя к ним домой, я замечал гармонь, но тогда не придавал этому значения. Только когда мы стали жить вместе, я впервые узнал и понял, как сильно Салих любит музыку и какие старания прикладывает, чтобы овладеть этим искусством. Об этом сам Салих не говорил мне ни слова. Напротив, поначалу он всячески скрывал от

¹ Шигаб Шарафутдинович Ахмеров (1882-1966). Журналист, просветитель, издатель и редактор журнала «Мэктэб» (1913-1914), воспитатель Салиха Сайдашева.

меня, что умеет играть, прятал и саму гармонь; зато в моё отсутствие музыка не умолкала.

Нередко, возвращаясь со службы, я слышал звуки гармонии. Нетрудно было догадаться, что они доносятся из нашего дома. Но стоило мне подойти к двери и нажать на кнопку звонка, как гармонь умолкала.

Не могу понять, почему так происходило – то ли я не нашёл к нему должного подхода, то ли это было своеобразное упрямство с его стороны. Вернее всего то, что Салих был слишком молод, чтобы видеть моё доброе отношение к его музыкальным увлечениям. Как бы то ни было, в этом вопросе мы долго не могли найти общего языка.

И тогда я продумал иной план подхода к Салиху. Уходя из дома, захватил ключ от парадной двери и пришёл домой раньше обычного. Из дома доносилась весёлая музыка. Стараясь остаться незамеченным, я прошёл к парадной двери, бесшумно отворил её, взбежал по лестнице и быстро вошёл в комнату...

Увидев меня, Салих тотчас же, не выпуская из рук гармонии, кинулся к двери. Но я успел положить ему руку на плечо, другой рукой погладил по голове и заговорил, стараясь успокоить и убедить его: «Ты почему прячешься от меня, дружок? Почему при мне не играешь? Разве играть на гармонии дурно, предсудительно? Напротив, занятия музыкой замечательное, похвальное дело!». Салих так был взволнован этой неожиданностью, что ничего не смог сыграть. Но после этого он уже не скрывал от меня своей увлечённости музыкой и свободно играл в моём присутствии.

Видя большую одарённость Салиха, мы освободили его в семье от мелких хозяйственных дел, которые обычно возлагаются на детей, и по возможности создали дома условия для занятий музыкой.

Тогда же я попросил моего знакомого Хаджи Мохаммат ага Ахтямова достать не очень дорогой инструмент – пианино или рояль. Он хорошо знал Салиха, сердечно относился к нему, и вскоре в нашей квартире появился небольшой, аккуратный рояль.

Появление в доме, и специально для него, такого замечательного инструмента, как рояль, очень обрадовало, взволновало и вдохновило Салиха. Чтобы осно-

Салих Сайдашев. 10 лет

вательно познакомить его с музыкой и обучить нотной грамоте, я пригласил к нам известного в то время пианиста, автора «Марша Тукая» Загидулла ага Яруллина. Он принял приглашение и, осмотрев рояль, сказал: «Хоть и не очень хорош, но ничего, на первое время сойдёт». Я подробно рассказал ему о наших планах и познакомил с Салихом.

Загидулла ага послушал игру Салиха на гармонии и на рояле. Затем сам сыграл какую-то мелодию и попросил Салиха повторить её. Очень тонкий музыкант, Загидулла ага быстро распознал талант Салиха. Они подружились, и с этого дня Салих регулярно стал брать уроки музыки. Загидулла ага очень любил мальчика. Салих, в свою очередь, тоже испытывал к нему громадное уважение и до конца жизни с большой теплотой вспоминал учителя. Человеком, впервые открывшим для Салиха путь профессионального музыканта, стал, безусловно, Загидулла ага Яруллин.

Вскоре старый маленький рояль сменило новое красивое пианино фирмы «Шрёдер». В этот же период я водил Салиха на русские и татарские спектакли, концерты. Забыв обо всём на свете, он слушал артистов, певцов, музыкантов, восхищался грацией танцоров, словом, всё производило на него глубокое впечатление.

Окончив в 1912 году начальную школу, Салих до поступления в 1916 году в музыкальное училище брал уроки у частных учителей не только по музыке, но и по общеобразовательным дисциплинам.

К моменту поступления в музыкальное училище он получил знания в объёме средней школы того времени.

Махубджамал Сайдашева, мать композитора.
1914 год

Родители Салиха

Отец Салиха, Жамали Бикчантаевич Сайдашев, был родом из деревни Ибря нынешнего Дубъязского района. Стремясь избавиться от тяжёлой жизни крестьянина, он переехал в Казань. Сначала выполнял всякую чёрную работу, постепенно научился шить национальную обувь. Салих не знал своего отца, тот умер до его рождения.

Мать Салиха, Махубджамал Минлебаевна Сайдашева, выросла в Казани, в Пороховой слободе. Отец её был мастером по пошиву обуви, мать – вышивальщицей каляпушей (тюбетеек). Махубджамал имела десятерых детей,

но восемь из них умерли ещё в детстве, в живых остались только Амина и Салих.

Махубджамал была красивой, статной женщиной, с редкостными душевными качествами – гуманная, деликатная в обращении с людьми, выдержанная, приветливая, добрая. Своим характером Салих во многом напоминал мать. Он воспринял лучшие её качества.

От кого из родителей передался Салиху музыкальный талант? Я не могу ответить на этот вопрос. Отец его умер задолго до того, как я познакомился с их семьёй. Что касается матери, в то время нелегко было определить, способна ли к музыке женщина-татарка из слободы, так как музыка, пение и танцы считались неприличным занятием.

Салих Сайдашев. 16 лет

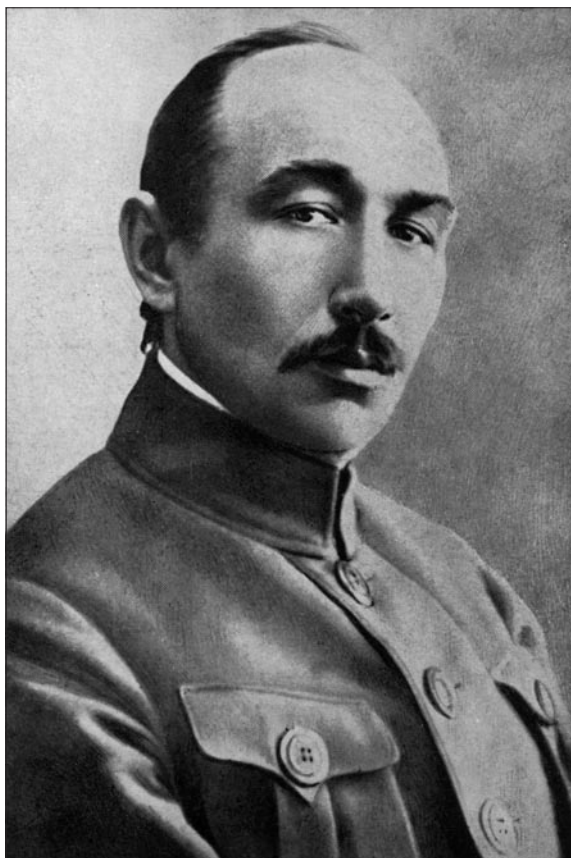
Семейная жизнь Салиха

Первой женой Салиха была Валентина Мухина. Она вместе с моей младшей сестрой Зайнаб Ахмеровой училась на медицинском факультете Казанского университета. Салих и Валя познакомились в нашем доме, и в 1925 году они поженились.

Валя была не только стройной и красивой, но и на редкость обаятельной, приветливой и душевной женщиной. Она хорошо понимала Салиха, глубоко уважала его и была настоящим другом, способным оказать помощь и содействовать его творческому росту.

Но этот «дар природы», выпавший на счастье Салиха, оказался недолговечным. В 1926 году Валя умерла во время родов. Ребенок остался жив. Его назвали Альфредом. Из родильного дома его привезли к нам – к матери Салиха, а с пяти-шести лет ребёнка воспитывала мать Вали. Альфред закончил юридический факультет Казанского университета. Внешне он очень похож на Салиха. Воспринял Альфред и многие душевные качества отца – такой же приветливый, мягкий, не лишён музыкального дарования.

От второй жены, Сафии, у Салиха было несколько детей, но все, кроме сына Науфалья, умерли в детстве. Науфаль родился в 1930 году, сейчас он работает в Казани.

Шигаб Ахмеров, воспитатель Салиха Сайдашева

шали и знали, что Салих упорно и с большим увлечением занимается музыкой. Несмотря на его молодость, они здоровались с ним, беседовали, просили сыграть. Салих не заставлял себя долго упрашивать – играл что-нибудь из хорошо разученных мелодий. Гости оценивали игру, ободряли, вдохновляли Салиха и, пожимая на прощанье руку, говорили: «У этого мальчика большое будущее, надо ему помочь».

В зрелые годы, когда Салих стал признанным композитором, он доброжелательно относился к своим коллегам-композиторам.

Знакомства и дружба Салиха

Я работал в книжном издательстве и часто встречался с писателями и поэтами того времени. Многие из них бывали у меня дома. Этому способствовало соседство моей квартиры с конторой издательства. Писатели приходили в контору узнать, в каком состоянии находятся сданные в печать произведения, или вычитать последнюю корректуру и, если не заставляли меня на работе, заходили домой. Наш знаменитый поэт Габдулла Тукай тоже частенько бывал у меня, иногда даже оставался ночевать. Заходили также Галимджан Ибрагимов, Фатих Амирхан и другие писатели... Близкие отношения были у меня и с артистами. Габдулла Кареев, Нури Сакаев и другие мастера сцены тоже нередко посещали мой дом.

Очень многие из приходивших к нам писателей, поэтов, артистов слы-

Тукай и Сайдашев

Шигаб Ахмеров

Сегодня наша общественность равно чтит и поэта Габдуллу Тукая, и композитора Салиха Сайдашева. Известный наш писатель Адель Кутуй говорил, что для татарской музыки Сайдашев является тем же, что и Тукай для татарской поэзии. Гази Кашшаф пишет в своих воспоминаниях: «Мы, писатели, хорошо знаем Салиха Сайдашева и в музыке считаем его нашим Тукаем. И весь наш народ преданно и глубоко их чтит, любит и в равной мере гордится, называя их «наш Тукай», «наш Сайдаш».

Несомненно, и наш народ, сравнивая и оценивая их, конечно же, исходит из ощущения глубинной общности истоков их творчества. Я сам, наверное, не сумел бы достаточно профессионально оценить истоки этой общности. Это дело специалистов. Могу лишь сказать, что не только в творчестве, но и в их личной жизни много сходства.

Вспомним их детство. Оба сироты. Правда, их сиротство было разным. Если в детские годы Габдулле Тукаю пришлось испытать и обиды, и унижения, находясь на положении мальчика-слуги, то сиротство Салиха Сайдашева прошло под крылом близких родственников, в обстановке душевной теплоты. Но главное – ни тот, ни другой, в сущности, не испытали, не запомнили ласки отцовской руки, не получили отцовского напутствия в жизнь. Это – первое.

Во-вторых, у обоих в одно и то же время, в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, начинают проявляться искры светлого таланта. Если в свои четырнадцать-пятнадцать лет Габдулла Апуш (как называли Тукая в детстве), распевая татарские песни, мелодии, начинал сам придумывать к ним слова, сочинять свои стихи, то и Салих в том же возрасте исполнял татарские песни, тоже творчески перерабатывал их, переводя в многоголосие. Это – второе сходство между ними.

Немало общего в самом складе их характеров. Это выражалось в том, что в общепринятом смысле они не жили своими интересами, никогда не заботились

Памятник Салиху Сайдашеву в Казани. Скульптор Махмут Гасимов. Установлен 12 августа 2005 года

о том, чтобы вовремя поесть или поспать, не придавали значения личным удобствам в быту. Если заболевали, ни тот, ни другой не имели привычки обращаться к докторам. Все свои недуги они старались преодолевать, оставаясь на ногах, продолжая делать своё дело.

С Габдуллой Тукаем я был очень близок в течение последних пяти лет его жизни. И за все эти годы (если не считать времени, когда он уже лежал на смертном одре) я ни разу не видел его недомогающим, в постели. И если друзья советовали: «Габдулла эфенди! Не полежать ли вам пару недель в больнице, полечиться?», — он полушутя-полусерьёзно отвечал: «Да ведь больница — это предпоследняя остановка перед кладбищем. Чего ради туда торопиться?». А когда ему становилось совсем плохо, доставал из кармана коробку с аспирином, с которым никогда не расставался, и принимал большую дозу лекарства. После этого, сжавшись в комочек и укрывшись, укладывался в постель. Но ненадолго. Зайдёшь, бывало, к нему через час справиться о самочувствии, а он уже сидит за письменным столом и пишет.

Точно так же и Салих. Больше сорока лет прожил я с ним рядом и не видел, чтобы он обращался к врачам и вообще тревожился о своём здоровье. Даже аспирин не принимал, как Тукай.

Если обратиться к последним дням их жизни, то и здесь много сходства. Оба заболели лёгочным заболеванием и вынуждены были закончить свои дни в больнице, которой всю жизнь из-

бегали. Пребывание там для них оказалось (как и предсказывал Тукай) последней «остановкой» перед смертью.

И последнее. Вспомним их похороны. И 4 апреля 1913 года, и 16 декабря 1954 года вошли в историю как дни всенародного траура. Казалось, весь татарский народ вышел на улицы, прощаясь со своим любимым поэтом и столь же почитаемым композитором. Не знаю, доведётся ли мне при жизни ещё раз увидеть что-либо подобное? Едва ли.

Вот так эти два величайших таланта не только народным признанием, но и во многом самой природой поставлены рядом друг с другом. Единодушно почитают их и просветители, и писатели, и поэты, и весь наш народ. Следовательно, если в одном из парков Казани будет воздвигнут памятник Салиху Сайдашеву, как в своё время Габдулле Тукаю, то эта параллель между ними обрела бы зримые черты. А ведь народ давно уже ждёт претворения этой мечты в жизнь.

1962 год

Памятник Габдулле Тукаю на одноимённой площади в Казани. Скульптор – С.С. Ахун, Л.Е. Кербель, М.М. Писаревский, архитектор Л.Н. Павлов. Установлен в 1958 году

Воспоминания об отце

Альфред Сайдашев¹

Моя бабушка, мать отца, на расспросы о детстве родителей говорила, что отец рос очень живым, но послушным мальчиком, хорошо учился, что он любил играть в бабки, а одно время сильно увлекался голубями. Сейчас я уже не помню, по каким причинам, но эту страсть быстро пресекли. Любовь же к птицам и животным сохранилась у отца на всю жизнь. Бабушка говорила, что музыкальными способностями он выделялся с раннего детства – пел и стремился научиться играть на гармонике.

В жизни отец был очень мягким, добрым, обходительным человеком, предупредительным как к посторонним, так и к членам семьи. Я не помню случая, чтобы он на кого-нибудь из нас, детей, повышал голос, но в то же время был к нам по-своему требователен – не любил, если дети вмешивались в разговор взрослых, без надобности находились при посторонних в комнате. Не терпел грубости в отношениях, старался воспитать в нас чувство уважения к старшим. Сам с большим уважением относился и любил старшую сестру Амину и её мужа Шигаба Ахмерова. Мне запомнилось, что он как-то необычно, я бы сказал, нежно относился к кураисту и фольклористу Исмагилу Мусину и Загидулле Яруллину. Последнего всегда оставлял ночевать у нас дома во время его приездов в Казань и интересно рассказывал, как он вместо Загидуллы абый в юности иногда выступал как пианист-иллюстратор в кинотеатрах. Отец не любил писать письма и выступать публично. Однако в кругу близких и знакомых он был интересным собеседником и изумительным рассказчиком. В 30-е годы отец был особенно дружен с композитором Мансуром Музафаровым – другом детства.

За творческим процессом отца мне почти не приходилось наблюдать, так как, если он работал, сидя за инструментом, все домашние старались ему не мешать. Он часто создавал музыку в прямом контакте с поэтом или драматургом. Особенно мне запомнились в этом отношении их работы с Тази Гиззатом.

¹ **Альфред Салихович Сайдашев** (1926-2007). Сын Салиха Сайдашева от первого брака, участник Великой Отечественной войны, заслуженный юрист РФ.

Отец любил оперы Чайковского и «Кармен» Бизе. Я несколько раз видел его с их партитурами в руках в 4-5 ряду во время спектаклей в театре. Посидит, послушает, выйдет, затем снова войдёт в другом акте, опять слушает. Складывалось впечатление, что он какие-то места из этих опер усиленно изучает.

В дирижёрской манере отца меня пленяла мягкость, пластичность, удивляло подчас и отсутствие партитур на его пульте при исполнении отдельных как своих, так и чужих произведений. В 30-е годы отец увлекался пианизмом. Я мог часами слушать и смотреть, как он играл на фортепиано. Игра его отличалась лиризмом, певучестью, сочностью аккордов и гармонического сопровождения. Он охотно исполнял популярные пьесы западноевропейских композиторов: Шопена (особенно любил седьмой вальс), Штрауса («Персидский марш»), Кальмана (мелодии из оперетты «Сильва»), Грига, а также Чайковского. При исполнении, чтобы было понятнее, часто фантазировал, например, исполняя марш «Титаник», красочно, в деталях рассказывал, как большой океанский лайнер столкнулся с огромным айсбергом. Или, играя свою «Балетную сюиту», говорил о картинках из жизни и быта Востока.

Особенно хорошо отец играл татарские народные песни. А свои произведения исполнял лишь по просьбе слушателей. Он любил импровизировать, но многое не записывал. Не любил сочинять на заказ. Часто поэты приносили или присылали ему свои стихи с просьбой сочинить к ним музыку. Я сам лично видел у отца большую кучу таких текстов. Но он за них не принимался.

Семья Шигаба Ахмерова. Слева направо сидят: Зулейха Ахмерова, мать Шигаба Ахмерова; маленький Узбек Ахмеров; Махубджамал Сайдашева, мать Амины и Салиха; Амина Сайдашева, жена Шигаба; Шигаб Ахмеров. Стоят: Салих Сайдашев, Хайрулла и Зайнаб – брат и сестра Шигаба Ахмерова. 1914 год

Божественный дар

Альфред Сайдашев

Меня очень часто просят, чтобы я написал воспоминания об отце. Причём написал так, как это делают люди, время от времени общавшиеся с ним, знавшие его в связи с творчеством, работой... Я же помню отца с тех пор, как стал себя осознавать, до последних дней его жизни и похорон. Поэтому писать об отце – это значит писать его биографию (что я и намереваюсь сделать), а не пересказывать отдельные эпизоды из жизни Салиха Сайдашева.

Не умаляя ничьих заслуг, напомним, что основы профессиональной татарской музыки были заложены и развиты в музыкальных драмах, написанных Салихом Сайдашевым, в основном с 1922 по 1934 год. Главным образом в таких музыкальных спектаклях, как «Угасшие звёзды», «Голубая шаль», «Наёмщик», «На Кандре». За этот период отец оформил музыкально более сорока спектаклей разных авторов, а за всю жизнь – шестьдесят четыре.

Как очень точно заметила музыковед Чулпан Накибовна Бахтиярова, Салих Сайдашев тогда произвёл целую революцию в татарской музыке, вложив в неё новую душу. Он покусился на святая святых – пентатонику и одноголосие, обогатил национальную музыку мажорными и минорными ладами и ввёл многоголосие, стал её европеизировать. Поэтому творчество отца развивалось в эти годы в условиях непрерывной борьбы. Его считали «западником» и неодобрительно относились к профессионализации татарской музыки. Правда, со временем критики признали правоту Салиха Сайдашева во всех его новациях.

Работая заведующим музыкальной частью в Академическом театре имени Галиаскара Камала, отец за короткий срок создал симфонический оркестр, организовал хор, воспитал целую плеяду музыкантов, вокалистов. Он писал симфоническую музыку, музыку для развёрнутых танцевальных сюит, которые в дальнейшем легли, по выражению выдающегося балетмейстера Гая Тагирова, в основу развития национальной хореографии, создавал для вокалистов арии и массовые песни.

В истории татарского театра был такой период, когда зрители ходили на спектакли ради его музыки. По воспоминаниям композитора Анвара Бакирова, музыкальную атмосферу 20-30-х годов определяла, прежде всего, музыка Салиха Сайдашева: «Его музыка к постановкам «Наёмщика», «Голубой шали», «На Кандре» и других – ярчайшие музыкальные впечатления тех лет. Ещё до выхода спектаклей сайдашевские мелодии каким-то чудом проникали к слушателям, начинали распеваться в народе».

Огромным достижением Салиха Сайдашева того времени является то, что к профессиональной татарской музыке и культуре в целом приобщалось колоссальное количество населения. Создана слушающая эту музыку публика.

Божественным даром музыки отца была мелодия – её душа. Сайдашевские творения заставляли трепетать сердца. Мелодии отца всегда звали к жизни, добру, любви. [...]

Наш известный музыкант, профессор, ректор Казанской консерватории Рубин Кабирович Абдуллин считает, что творения Салиха Сайдашева по мелодическому совершенству до сих пор недостижимы; природа наградила его таким выдающимся даром, настолько тонким чутьём к прекрасному, что всё создаваемое им мгновенно становилось всеобщим достоянием.

Выдающийся дирижёр, входящий в десятку сильнейших дирижёров мира и стоящий в одном ряду с Артуром Тосканини, Натан Рахлин так сказал о музыке отца: «Когда по приезду в Казань я познакомился с партитурами Сайдашева, я влюбился в этого композитора. Он напоминает мне своим пением Шуберта, он очень мелодичен. Он выражает своим творчеством музыкальный дух народа. Я вспоминаю, как Ромен Роллан сказал о Шуберте: «Если Бах на небе, то Шуберт – это композитор, к которому небо само приходит». Вот и Сайдашев такой. Он бесхитростный, глубоко народный».

В 1960-х годах, когда переложенный Натаном Григорьевичем Рахлиным для Большого симфонического оркестра знаменитый «Марш Красной Армии» по требованию публики в зале камаловского театра трижды был исполнен на «бис», режиссёр Марсель Салимжанов привёл меня за кулисы и познакомил с

Натаном Григорьевичем Рахлиным. Ещё возбуждённый от аплодисментов, тот почти сразу выкрикнул мне: «Не верьте, что ваш отец прост в музыке. Это простота гения. Если бы у истоков украинской музыки стоял такой композитор, как Сайдашев, ему бы там давно поставили памятник!».

Про отца и в его честь написано много стихов, мемуарных произведений, но специальной музыковедческой литературы мало и до конца его творчество не изучено. А ведь он был не только композитором, но и первым татарским дирижёром, хорошим исполнителем и крупным по тому времени педагогом и организатором музыкального дела в республике.

Отец страстно пропагандировал татарскую музыку и искусство во всех бывших республиках Советского Союза, гастролируя с концертами почти по всем городам огромной страны. Салих Сайдашев стоял и у истоков организации музыкальных программ на радио, сам принимал в этом деле активное и непосредственное участие.

Всемирно известный композитор София Губайдулина в одном из интервью, вспоминая годы учёбы в Казанской консерватории (середина 50-х годов), сказала: «В это время на моё сознание очень сильно влиял Салих Сайдашев, хотя он и не был у нас педагогом. Но он исподволь влиял на всю культуру татарского народа».

Первые музыковедческие работы о творчестве отца появились слишком поздно и только после его смерти. Это книги Я. Гиршмана, С. Раимовой и З. Хайруллиной, Р. Исхаковой-Вамбы, статьи Ю. Исанбет и З. Сайдашевой, диссертация Ф. Салитовой, воспоминания Д. Садрижиганова. Среди этих работ наиболее ценной я считаю диссертацию Ф.Ш. Салитовой; также мне нравятся исследования Р.А. Исхаковой-Вамбы.

Мне кажется важным, чтобы кто-то из наших композиторов и музыковедов взял на себя миссию основательного, глубокого анализа всего творчества Салиха Сайдашева с учётом исторических условий и состояния искусства того времени.

Народ нашей республики с гордостью считает Салиха Сайдашева музыкальным гением нации, как Габдуллу Тукая в поэзии. Дирижёр Джаляль Садрижиганов так объяснял причину всенародной любви к нему: «Впервые услышав музыку Салиха Сайдашева, я понял, чем отличается гений даже от очень талантливого художника. Дело не в том, что гениальное произведение нравится больше, что оно непременно лучше, совершеннее, правильно воссоздаёт замысел образа. Оно может и не удовлетворять этим требованиям, может даже, как ни парадоксально это звучит, «не понравиться», вызвать у слушателей несогласие, возражение, протест. Но сила музыки Салиха Сайдашева в том, что она властно покоряет даже несогласных, действует на слушателей даже против их воли, пленяет их в буквальном смысле слова, то есть берёт их в плен вопреки их желанию, наперекор их вкусам. Слушая музыку Салиха Сайдашева, вы невольно покоряетесь ей. И, опомнившись от «наваждения», уйдя с концерта или

из театра, вы можете сколько угодно критиковать услышанное, но не сможете забыть эту музыку, отделаться от того музыкального образа, который волей таланта навсегда вычеканен в вашей душе».

Президент Республики Татарстан Минтимер Шарипович Шаймиев, в своё время побывав в музее Салиха Сайдашева, сделал запись в книге посетителей: «Мы в большом долгу и, безусловно, выполним его перед памятью Салиха ага Сайдашева, навечно вошедшего в душу народа и обогатившего его надеждами на будущее».

Творениям Салиха Сайдашева суждена вечная жизнь, они по-прежнему одухотворяют всю национальную музыкальную культуру. Участвовать в обустройстве этой жизни сейчас, когда её создателя нет с нами, – думаю, дело благородное и благодарное.

Валентина Мухина,
первая жена Салиха Сайдашева

Его любили...

Науфаль Сайдашев¹

С детства запечатлелось: с отцом всегда были люди. Я думал: «Когда же он отдыхает?».

Особенно прибавилось посетителей в годы Великой Отечественной войны. Фронтовики, приезжавшие на побывку в родные края, часто заходили к отцу.

Не могу точно вспомнить год, но помню, что это было в годы войны: к нам зашёл один из прославленных генералов. По-моему, это был генерал Якуб Чанышев². Они сидели очень долго. Папа всю ночь играл на пианино. Тогда трудно было жить. С едой было очень туго. Подняло наше настроение безграничное почтение генерала к отцу, а также то, что, несмотря на отсутствие времени, он зашёл узнать о нашем житье-бытье. Видимо, генерал с кем-то договорился, чтобы папа продолжил творчество: нам начали помогать материально. Помощь была ощутимой.

Я, 11-12-летний мальчик, понял одно: уважение народа к отцу очень велико. Дворник ли, вернувшийся ли с фронта генерал, солдат ли – все были готовы оказать помощь отцу, все они считали его «своим».

Друзей у отца было очень много. У него никогда не было личных врагов – к этому выводу я пришёл тоже в детстве. Папа великодушный и терпеливый человек. Он радушен и приветлив с каждым. Одевается опрятно, любит чистоту. Человек с красивой внешностью и очень чистосердечный. Он был мастером слова. Папа умел увлекательно рассказывать об интересных событиях, о забавных историях. Слушатели смеялись от души и безудержно.

...Перед глазами – отдельные детали нашей семейной жизни. Папа говорил:

– Почему выключили радио? Пусть всегда звучит радио. Слушайте: оно всегда говорит правду. Радио – жизненный маяк.

¹ Науфаль Салихович Сайдашев (1930-2000). Сын Салиха Сайдашева от второго брака.

² Якуб Джангирович Чанышев (1892-1987). Советский военачальник, генерал-лейтенант.

Папа встаёт рано. Я ещё лежу, наблюдаю за ним. Вот он подходит к окну. А перед окнами большие деревья. Папа внимательно наблюдает за птицами, севшими на деревья, а сам тихо насвистывает какую-то мелодию.

...Садимся за чай. Папа очень аппетитно ел отварную картошку. Любил перемячи, а чай с яблочным пирогом был для него праздником.

Одно из самых ярких впечатлений детства, связанных с моим отцом, – это дни, проведённые вместе с ним на отдыхе в деревне Кызыл Байрак. До войны мы обычно все вместе приезжали туда на всё лето, а отец навещал нас каждое воскресенье. Большею частью он приезжал не один, а со своими друзьями, артистами театра. Проводив гостей, он подолгу оставался с нами, и это были самые счастливые для меня минуты.

Мы с ним с утра уходили на рыбалку и долгие часы просиживали с удочкой на берегу Волги. Помнятся мне и его привычки. Когда он рыбачил, то всегда тихонько напевал или насвистывал какие-то мелодии. Я ему говорил: «Не шуми, рыбу распугаешь», а он мне отвечал, что заворачивает рыбу, чтобы шла к нам, ведь она тоже любит музыку.

Были пески, протянувшиеся до середины Волги, как дамбы. Папа водил нас на другой конец этих песков – до середины Волги. Кругом глубокая вода. По-

Салих Сайдашев с женой и детьми Эмилом и Науфалем

сколько папа с нами, мы не боялись. Он очень хорошо плавал, сажая меня на спину, и заводил нас куда-то далеко. Мама, наблюдавшая за нами с берега, сердилась. Такие весёлые купания были у нас и на бывшем острове Маркиз.

Вблизи проходят белые пароходы. Много людей на палубах. Мы провожаем их, машем руками. Они тоже приветствуют нас. Звучит музыка. Всё ещё в памяти названия этих пароходов: «Урицкий», «Жданов», «Буй», «Механик». А однажды пароход «Механик», остановившись, забрал нас с собой и довёз до пристани Шеланга. Оказывается, капитан этого парохода был папиным другом. Нам очень понравилось плыть на палубе такого большого и красивого парохода; радости нашей не было границ. Сама остановка большого парохода у такой маленькой пристани в честь Сайдашева была большим событием...

Особенно запомнился мне день начала Великой Отечественной войны. Я сижу на лестнице около парадной Татарского государственного театра имени Галиаскара Камала. Наша квартира была в доме, находящемся во дворе этого театра. Мы, дети, всегда играли перед театром. Возле меня стоят папа с Хакимом Салимжановым. Хаким ага с семьёй тоже жил в нашем доме. Папа одной рукой приглаживает волосы, говорит задумчиво и очень серьёзно. Они разговаривали о предательском нападении на нашу страну. Не могу передать подробно содержание их беседы. В памяти остались только слова папы, произнесённые очень строго: «Мы ещё прочим их!».

...1954 год. Я, солдат Советской Армии, приехал в отпуск. Договорились с папой встретиться. Вместе с мамой Сафией пошли на квартиру папы. Встреча была незабываемо радостной. Настроение у него было хорошее. Будто не было между папой и мамой никаких трений. Он усадил нас с мамой и сказал: «Слушайте, я сыграю вам ещё никем не слышанные мелодии». Он сыграл друг за другом несколько мелодий. При этом испытующе смотрел на нас, а в глазах – улыбка. Эта улыбка никогда не забудется. «Ну как, нравится?» – спрашивает он. Мы с мамой от восхищения не можем сказать и слова. Мелодии, услышанные при той встрече, мы впоследствии никогда и ни от кого не слышали. Эти мелодии, вероятно, ушли вместе с ним. Удивительно красивые они были...

Через несколько дней папа проводил меня в Читу, в военную часть. До Кольца мы шли вместе; попрощавшись, я сел на трамвай. Папа, достав из кармана белый платок, машет мне. В его глазах я вижу слёзы. Но он улыбается. Мило-сердная улыбка, лучезарная улыбка. Это была наша последняя встреча и последнее прощание.

Проводы сына Науфаля в армию. Казань, Кольцо. 1954 год

Сокровища художника

Дильбар Саинова-Ахмерова¹

*«Раннее утро. Чувствуется, восход уже близок.
Открываю окно и вижу: на ветку сирени сел соловей и залился трелью.
Он поёт, а я слушаю соловьиную песню, зачарованная.
Ах, лишь бы не улетел, думаю я, и хочу тихонько отойти от окна.
Только я собралась это сделать,
как резко толкнулся в моём животе ребёнок, и я проснулась...»
Из рассказов матери
Салиха Сайдашева Махубджамал*

А хорошо узнала Салиха Сайдашева в 1942 году, когда вошла в дружную семью Ахмеровых-Сайдашевых во главе с Шигабом Ахмеровым.

Прежде я встречалась с Сайдашевым как со знакомым моего отца Замалетдина Саинова, театральный псевдоним которого тогда был Замали Пороховской. Он вместе с товарищами создавал в Пороховой слободе после революции первые рабочие театры, самодеятельные драмкружки. Одновременно отец работал администратором в одном из культурных центров татар в Казани в Доме культуры (сейчас это Театр юного зрителя на улице Островского).

Во дворе жили многие деятели культуры и работники театра. Помню, на первом этаже была квартира ветерана театра – рабочего сцены Ибрагима Сайфуллина, с большой многодетной семьёй. Его младшая дочь Гульшат позднее станет солисткой Казанской оперы.

На втором этаже, рядом с нашей комнатой, обитали супруги Фатима Ильская и Фатхи Бурнаш, к ним часто заходил Сайдашев. Дальше – комнаты Зайни Султана. В соседнем доме – комната Нафиги Араповой, которая была особенно дружна с моими родителями.

¹ Дильбар Замалеевна Саинова-Ахмерова (1922-2007). Преподаватель Казанского университета, жена Узбека Ахмерова, племянника Салиха Сайдашева, автор книг «Детство и юность композитора», «Салих Сайдашев. Страницы жизни и творчества композитора», участница создания музея Салиха Сайдашева.

Это было очень весёлое, шумное общежитие людей одинакового духа, творческих устремлений. Репетиции начинались зачастую тут же, в квартирах, где собирались два-три человека. Быт этих людей был прост и непосредствен, полон взаимного доверия, семейные события обсуждались с добротой и юмором. Люди заходили друг к другу запросто.

Само здание театра, очень красивое, уютное, с блестящим паркетом в фойе, образует квадрат двора – место игр детей. Дети проникали также во все уголки этого волшебного дворца, где шли бесконечные репетиции, спектакли, встречи знаменитых гостей. Банкетные столы расставлялись на втором этаже. Влекла к себе таинственная комната, двери которой выходили в фойе первого этажа. Хозяином её был очень живой, восточного типа человек – Султанов. Имени его я не помню.

Эта комната – фотолаборатория, где он делал бесценные для наших дней снимки. Вглядываясь в них сегодня, отчётливо видишь атмосферу равенства, общности людей всех рангов, которые здесь жили, работали, посещали этот первый дом только что созданного Татарского драмтеатра. Едва ли в наши дни можно представить главного режиссёра или известного артиста, запечатлевшегося с билетёршами, уборщицами, сторожами. Актёры и другие работники театра часто собирались в этой комнате, вели бесконечные беседы, спорили, мечтали... Артисты того времени одержимо служили идее просвещения, культурного роста нации. Именно это составляло основу их духовности, их творчества.

Конечно, мои впечатления о театре, о молодых талантливых людях – впечатления ребёнка. Но, вероятно, было такое свечение образов, что они не могли не запомниться, и среди них – Сайдашев. Много-много раз слышанное, а позднее осмысленное имя – Сайдаш!

С тех дней я была уже свидетелем всех событий, связанных с жизнью и творчеством Сайдашева.

Вещее прикосновение

Чтобы понять, как Салих Сайдашев оказался в семье Ахмеровых, надо обратиться к первому десятилетию его жизни. Отец Салиха Замалетдин скончался за несколько недель до его рождения. Перед смертью он поручил заботу о своей семье, а также ведение торгового дела не родным своим братьям, чьё состояние позволяло без труда содержать вдову Махубджамал и осиротевших Салиха и его сестру Амину, а своему приказчику и помощнику Насретдину Хамитову, которому, видимо, целиком доверял. Дела вдовы Замалетдина стараниями Насретдина пошли успешно, хозяйство крепло. Видя это, дед Салиха Бикчантай на правах патриарха принимает решение выдать одну из внучек – Раузу за Насретдина. Он поселяется с женой в доме Сайдашевых. Жизнь Салиха соединилась с жизнью семьи Хамитовых.

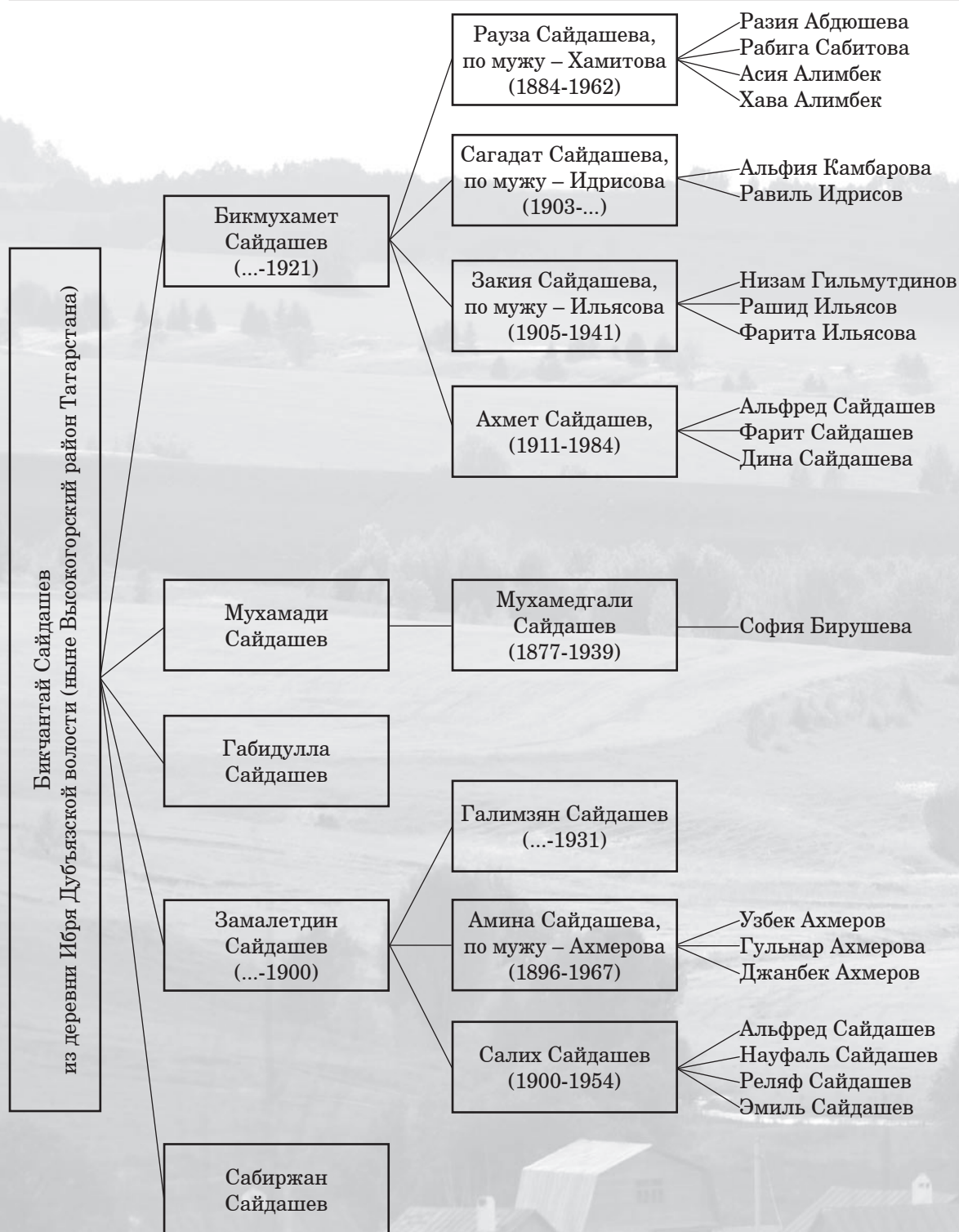
В семейной хронике тех лет сохранились любопытные подробности, связанные с этим событием. По рассказам Раузы, сватовство было не по душе братьям Замалетдина и они пытались отговорить Насретдина от этого шага. Забавна предпринятая интрига. По обычаю тех лет ни жених, ни невеста до свадьбы друг друга не видели, сватовство и все брачные приготовления вёл отец Раузы. Воспользовавшись этим, братья пытались отпугнуть Насретдина, невеста его, дескать, некрасивая и лысая. Но жених оказался предприимчивым. В первый же вечер, когда привезли невесту из деревни Ибря, он решил тайком взглянуть на свою будущую жену. Забравшись на крышу сарая, он сумел в сумерках через

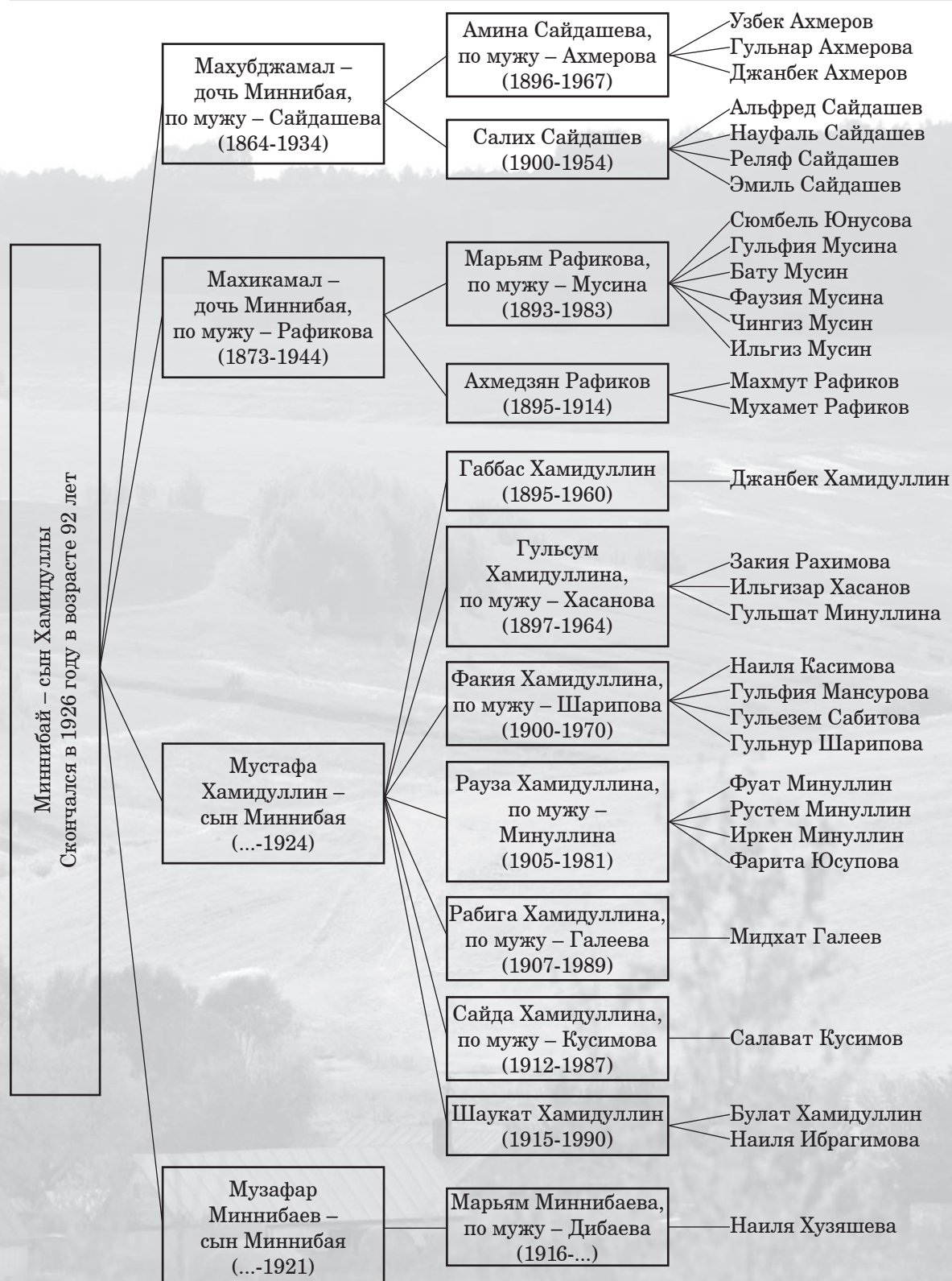
открытое окно увидеть её роскошные волосы, которые она причёсывала перед зеркалом. Вопрос о достоинствах невесты с этого момента был бесповоротно решён, и они прожили долгую жизнь в любви и согласии.

Ибря сегодня. В Ибре жил и трудился его дед Бикантай, родился отец будущего композитора. Здесь набирался впечатлений и жизненных сил сам Салих Сайдашев. Бикантай считался зажиточным крестьянином, имел справное хозяйство. Он поочерёдно отправил сыновей в Казань, очевидно, считая, что на имевшихся небольших земельных наделах развернуть большое хозяйство невозможно, а в деревне оставил лишь Габидуллу и Бикмухамета. Хозяйство Бикантай разделил надвое, а сам жил у Бикмухамета.

Родословная Салиха Сайдашева по линии отца

Родословная Салиха Сайдашева по линии матери

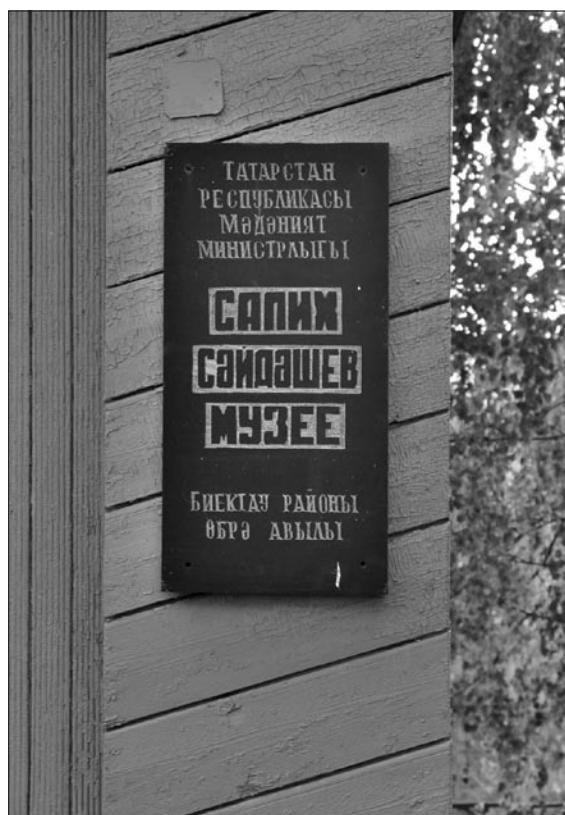
**Надгробный камень Бикчантая –
деда Салиха Сайдашева**

Музей Салиха Сайдашева в Ибре был построен на месте дома Бикмухамета Сайдашева, а на месте дома Габидуллы в 1999 году поднялась мечеть.

В Ибрю приезжают поклониться памяти композитора, прикоснуться к истокам его творчества, попытаться глубже понять тайну волшебной жизнеутверждающей сайдашевской музыки.

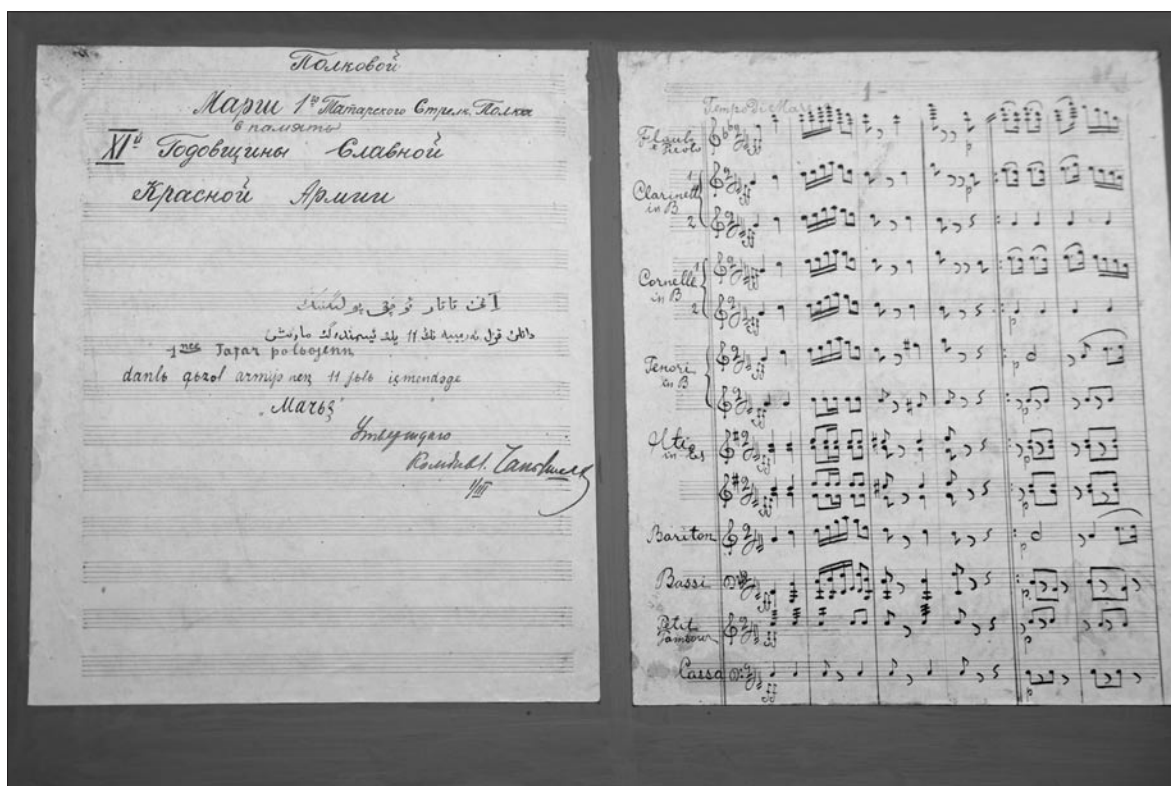
До войны Салих Сайдашев приезжал в Ибрю часто, отдыхая душой, набираясь новых впечатлений. Салих Сайдашев любил слушать шум ветра, стук капель дождя, треск костра. Вода ключа в саду вырывалась из земли с такой силой, что поднималась фонтанчиком со своеобразным звуком, который очень привлекал его. Здесь он черпал мотивы и сюжеты для своих произведений. Его свояченица – красавица Майсара Касимова стала прообразом героини знаменитой музыкальной драмы «Голубая шаль». Имена ибринских жителей стали именами персонажей и других произведений композитора

В музее три зала. В первом рассказывается об истории деревни Ибря, о народных истоках, питавших творчество композитора. Второй зал воссоздаёт интерьер татарской избы с орудиями крестьянского труда, предметами домашнего обихода, одеждой. Третий, самый большой зал даёт представление о жизни и творчестве композитора. Авторы экспозиции – Л.Г. Валеева, Л.Б. Муллина и Р.А. Гасимова – при её создании использовали историко-хронологический принцип.

Наиболее интересны подлинные вещи, прямо или косвенно связанные с Салихом Сайдашевым. Это, например, колокольчик с дуги лошади местного кучера и его кисет. Сабирзян Ганиев привозил композитора на сабантуй и угощал его табачком в дороге. Центральный экспонат – пианино с нотными листами. Это подлинный инструмент, стоявший в комнате Сайдашева в годы его работы в театре. Тут же – его дирижёрская палочка

Насретдин Хамитов был человек целеустремленный, трудолюбивый, не чуждался общественных дел, помогал собирать деньги с верующих для постройки новой мечети рядом со своим домом на берегу озера Кабан. Мечеть эта до сих пор цела, там расположен детский сад. Пережив все превратности судьбы, не избежав тюрем, он пришёл к концу своей жизни с орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовую доблесть». Вот в такой семье, согретой добротой этого человека, в окружении такой же доброй и мягкой женской половины воспитывался Салих до одиннадцатилетнего возраста.

Татарское население города в те годы жило в тесном общении, многие знали друг друга, ходили в гости семьями, с детьми, выезжали на лошадях с самоварами на природу – в Дубки, на Лебяжье озеро. неизменно брали с собой тальян-гармонь, мандолину, иногда даже скрипку.

Сегодня на праздниках в татарских деревнях, на семейных торжествах гармонь обычно оказывается в руках мужчин. Тогда чаще всего ею владели женщины, которые собирались на посиделки. За чаепитием всегда звучала песня, грустная и весёлая. Семья Насретдина не была исключением. Многие родичи и сама Рауза апа хорошо играли на гармошке. Она вспоминала, что после таких посиделок маленький Салих хватал гармонь и выводил какие-то звуки на свой лад.

Первой «учительницей» в этом была одна из его двоюродных сестёр – Марьям Рафикова. «Я привязывала пальцы Салиха к своим пальцам. Затем сажала его к себе на колени и медленно играла какую-нибудь песню. Его пальцы вместе с моими нажимали на клавиши, следовали такту и темпу мелодии. После повторения много раз одной и той же мелодии он сам начинал нажимать на клавиши и быстро научился играть».

Салих вместе с матерью часто приезжал в гости к деду Миннибаю в Пороховую слободу. В доме всегда много было детей. Играя с ними, Салих хватал заслонку от большой русской печи и, выбивая на ней ритм деревянной ложкой, так задорно и весело напевал, что девочки пускались в пляс. Заставлять плясать детей под свою «музыку» – это была любимая игра пяти-шестилетнего Салиха. А вот что запомнилось другой двоюродной сестре Салиха, Сагадат Идрисовой. «Каждое лето моя сестра Рауза с мужем Насретдином и детьми приезжала к нам в деревню Ибря на празднование Сабантуя. Мой отец Бикмухамет обычно посылал за ними лошадей и кучера, а приезд их для нас всегда был праздником. Отец очень любил Салиха, явно выделяя его среди других детей. Ему многое дозволялось. Он целыми днями пропадал на речке, играл с деревенскими ребятами, но самым любимым его занятием была игра на гармонии. А когда начинались праздничные дни Сабантуя, он не выпускал её из рук. Играл для молодёжи на селе и на майдане Сабантуя, и для друзей-мальчишек. С наступлением осени нас отправляли в город, и всю зиму я жила у них.

Помню, Салиху было 8-9 лет, когда его стали приобщать к торговым делам Насретдина. Но он не любил ходить в магазин. Часто уходил из дома, якобы в

магазин, а сам забирался на чердак и, собрав вокруг себя ребятешек, наигрывал на гармонии. Конечно же, ему доставалось. Однажды, когда мать стала ругать его за это, он заявил: «Знаешь, мама! Не гони ты меня в магазин. Я туда не пойду, потому что один музыкант дотронулся до моей руки. А ведь когда музыкант дотрагивается до чьей-то руки, то этот человек тоже обязательно становится музыкантом. И я им буду!»...

Рояль для Салиха

Жизнь в семье Насретдина Хамитова давала Салиху психологический комфорт и защищённость, которые необходимы для развития любой личности. Кто знает, как сложилась бы его судьба, но случилось так, что он попал в другую среду, где были другие ценности, другие условия для развития его музыкального дарования.

В 1912 году Шигаб Ахмеров делает предложение сестре Салиха Амине. Оно не встретило особого восторга у родственников, особенно у дяди Сабиржана, который считал Шигаба вольнодумцем. Однако свадьба состоялась, и она была примечательна уже тем, что в качестве ближайшего друга жениха приехал в дом Габдулла Тукай. Гости прибыли в красивом фаэтоне, одетые по моде молодёжи

Родственники композитора на открытии музея в деревне Ибря

того времени, и Амине казалось, что весь свадебный обряд чем-то отличается от принятого тогда среди татарского населения...

С этого дня жизненный путь Салиха навсегда связан с именем его воспитателя и наставника [...] Шигаба Ахмерова. [...]

...Отшумела свадьба. Ахмеров из гостиницы переезжает жить в семью Насретдина, которая затем покидает старый добрый дом, оставив весь верхний этаж новому хозяину. Постепенно здесь создаётся очаг, где собирается весьма деятельная татарская интеллигенция. Салиху будет подарено судьбой общение с известными людьми того времени, которое обогатит, разовьёт его природный дар.

Первым разгадал этот дар Салиха, наблюдая за увлечением мальчика музыкой, и направил его по предназначенному пути Шигаб Ахмеров. Видя большую одарённость Салиха, взрослые освободили его от мелких хозяйственных дел, которые в семье обычно возлагаются на детей. Специально для него купили рояль. Появление в доме такого замечательного инструмента очень обрадовало, взволновало и вдохновило Салиха. Шигаб Ахмеров пригласил домой известного в то время пианиста, автора «Марша Тукая» Загидуллу Яруллина. Загидулла ага быстро распознал талант Салиха, они подружились, и Салих регулярно стал брать уроки музыки.

[...]

Завсегдатаями в доме Ахмеровых были люди творческие. Хозяин встречал с радушием. «Поскольку я работал в издательстве и моя работа состояла в том, что мне приходилось редактировать, печатать и продавать эти книги, я был тесно связан с писателями, поэтами, просветителями той эпохи. Почти каждый день встречались, работали. Этому способствовало и то, что моя квартира была рядом с издательством. Приходили для того, чтобы узнать состояние дел с рукописями или для просмотра уже готовой корректуры. Если не заставляли меня на работе, заходили домой, а иногда, наработавшись в издательстве, мы шли ко мне, чтобы отдохнуть и попить чаю. Наш известный поэт Габдулла Тукай тоже частенько бывал у меня. Бывали у меня Галимджан Ибрагимов, Фатих Амирхан, Гафур Кулахметов, Галиаскар Камал и др. В это же время я был ещё и членом Восточного клуба (Шарык клубы), был ответствен за организацию разных вечеров, спектаклей и поэтому был в тесной связи с актёрами, певцами. Естественно, Габдулла Кареев, Нури Сакаев и другие были частыми гостями в моём доме. Очень многие из приходивших к нам гостей, увидев Салиха за инструментом, с большим увлечением занимавшегося музыкой, понимали одарённость мальчика. Несмотря на его молодость, они здоровались с ним за руку, беседовали, часто просили сыграть что-либо из их любимых татарских песен. Салих с радостью соглашался, получал всеобщее одобрение и аплодисменты».

Бывая у Ахмеровых, Тукай мог слушать игру Салиха часами, случалось, заглядывал только ради этого. В один из вечеров, вспоминает Шигаб Ахмеров, Тукай зашёл к нам, как обычно, послушать игру Салиха. Присаживаясь рядом

с ним около пианино, он попросил сыграть свою любимую «Эллюки». Салих по его просьбе несколько раз повторял мелодию этой песни. Мы с Кулахметовым сидели в отдалении и были заняты своими делами. Тукай задумчиво слушал игру Салиха и вдруг очень проникновенно и тихо начал вторить музыке. И вот музыка и голос Тукая слились воедино. Он запел громче. Мы сидели, затаив дыхание, боясь пошевелиться. Но это непредугаданное, редкое мгновение окончилось трагично, ибо оказалось последней песней великого поэта. Он не успел закончить – из горла пошла кровь, и так сильно, что попала даже на клавиши, за которыми сидел маленький Салих.

Это было последнее посещение Тукаем Ахмеровых. Вскоре после этого он лёг в больницу, куда так не хотел идти. Был 1913-й год. Салиху шёл 13-й...

Высота второй горы

В 1922 году Сайдашев возвращается в Казань. За плечами гражданская война, которую Салих прошёл военным капельмейстером. Впереди – радостная работа, заведование музыкальной частью нового театра имени Красного Октября. Его пригласил Карим Тинчурин!

Время бурливое, переменчивое. НЭП: зазывалы на улицах, торговля в рост, как зелень буйная после щедрых весенних дождей. И – продолжающийся рас-

Салих Сайдашев с семьёй Насретдина Хамитова. 1910 год

цвет татарской культуры. Сайдашев смутно ощущает, что может сделать многое, он – в предчувствии больших открытий.

Долгожданная встреча с матерью, сестрой, многочисленной родней. «Он не вошёл – вбежал в дом, – не забылось Узбеку Ахмерову, – красивый, возбуждённый, в военной шинели. Совсем другой и в то же время – наш Салих абый». Рассказам, воспоминаниям не было конца. Артистичным, ярким, как вспышка огня в кинематографе, где Сайдашеву довелось подрабатывать тапёром. «Пожар начался с кинобудки. Паника, зрители кинулись к выходу, давят друг друга, – закручивал сюжет неутомимый повествователь. – А я подумал: всё равно пропадать! Побежал наверх и с молитвой прыгнул из окна второго этажа. Видно, Бог меня услышал, отделался переломом пальца на руке. Эх, какой же я теперь музыкант со сломанным пальцем? – И смеётся. – Придётся мне, видно, податься приказчиком в магазин на Сенном базаре!».

Шигаб Ахмеров в то время вместе с заместителем председателя ТатЦИКа Али Ганеевым и другими единомышленниками занимался переселением малоземельных крестьян из дальних татарских деревень на пустующие плодородные земли правобережья Волги. Деревню, над которой он взял шефство, позднее называли «Кызыл Байрак». Сайдашев, поглощённый театром и музыкой, был далёк от этого дела, но когда на яру под соснами поднялись первые срубы, вместе с семьёй стал приезжать сюда каждое лето. Бывал и один, и с друзьями-писателями. Заядлый рыбак, подолгу с удочкой просиживал на берегу, всегда что-то напевая про себя. А ввечеру вместе с гостями непременно выходил на полянку, до самых звёзд в высоком небе взлетали искры от костра, не было конца веселью, играм, сыпались остроты, звучал своеобразный говор. Писатели переносили всё это на сцены театров, где звучала музыка Сайдашева, а его мелодии возвращались на тот лесной майдан, в народ. В Кызыл Байраке отдыхала и его семья, росли дети. Тут он побывал и в последние дни своей жизни перед поездкой в Москву на операцию. Долго бродил по окрестностям, будто прощался с прелестным уголком природы, названным Галимджаном Ибрагимовым Татарской Швейцарией. Что поведал он этой земле, какими запомнили его глаза тёмные воды, ласкающие обнажённую светящуюся плоть белокаменного берегового обрыва? Щемит сегодня сердце, когда закат обольёт волжскую даль и вдруг негромко, чисто-чисто, будто и не из динамика радио, заплещется мелодия Сайдашева...

Семья Шигаба Ахмерова и Амины Сайдашевой жила в то время на улице Вторая гора, в доме, который любовно называли «зелёным». У них уже трое детей – Узбек, Гульнара и Джанбек, приехала из Симбирска после окончания гимназии сестра Шигаба Зайнаб.

Поодаль обитали Мухины, вдова костромского дворянина с двумя сыновьями и дочерью Валентиной, близкой подругой Зайнаб. Обе они учились на медфаке университета, допоздна засиживались у Ахмеровых, готовясь к занятиям. К тому же Валентина давала Узбеку уроки по математике и русскому языку и, понятно, стала для его родственников своим человеком.

Обаятельная, интеллигентная девушка, Валя Мухина была личностью незаурядной и целеустремленной. Она глубоко чувствовала музыку, сама прекрасно играла на фортепиано, родство душ, музыка, внутренний покой, созданный теплотой отношений в доме, быстро сблизили Валентину и Салиха. Вспыхнувшее чувство оказалось искренним и глубоким.

В доме Ахмеровых были две религиозные бабушки, которые настороженно относились к бракам с иноверцами. Но для влюблённых это не стало препятствием. В один прекрасный день, избегая, по-видимому, лишних объяснений, они исчезли, ввергнув обе семьи в смятение. Счастливые и смиренные, Валентина и Салих вскоре объявились, поставив всех перед свершившимся фактом. Как оказалось, эти несколько дней они провели на даче у друга Салиха Мансура Музафарова. А затем сняли комнату на той же улице. Валентина – добрая, душевная, быстро нашла подход к каждому в семье и стала своей для всей родни.

Казалось, ничто не сможет омрачить счастье Салиха: их соединила сама судьба. Но она же готовила удары, потрясшие всю семью. Первым стала трагическая смерть общей любимицы Зайнаб. Её руки просил у Шигаба поклонник, военный представитель от Казахстана при ТатЦИКе Бернияз, но получил отказ. После вечера в Восточном клубе Зайнаб, ничего никому не сказав, пошла в его дом, где и произошло последнее объяснение. Развязка была ужасной – Бернияз застрелил её и себя.

Салих Сайдашев в семейном кругу

С близкими друзьями – сотрудниками Татарского радиокомитета. Журналист Исмагил Усманов, Салих Сайдашев, писатель Адель Кутуй. 1927 (?) год

Случившееся всколыхнуло всю Казань. Как было принято тогда у татар, появился баит – «Наган көе», бытовавший позднее как песня «Қара карлыгач микән...». Джаудат Файзи, описывая на основе легенд историю её возникновения, даёт разные толкования: где-то в доме близ озера Кабан молодой человек на свадьбе застрелил жениха; а ещё – военный на гражданской войне застрелил любимую из ревности и какой-то начальник лишил жизни себя и подругу. Почему он, так долго бывший рядом с Сайдашевым в музыкальном мире, не узнал истинной истории? Событие это оказалось запрятанным в сердце Салиха: баит бередил ещё более глубокую рану. Вскоре после Зайнаб от заражения крови после родов скончалась Валентина, подарив отцу первенца Альфреда.

Позднее Сайдашев пережил много тяжёлых утрат. Всегда мужественно, внешне спокойно, тая своё горе. Но когда он потерял Валентину, утешить его не мог никто, Салих рыдал, уткнувшись в крышку рояля, к которому прикасались руки жены...

Четыре года общения с семьёй Мухиных, вероятно, были самыми счастливыми и безоблачными во всей жизни Сайдашева. Рядом любящий, всё понимающий человек. [...] Оба тогда мечтали об учёбе в Московской консерватории...

Наверное, Сайдашев предчувствовал – потеря невосполнима. Время это подтвердило.

Вскоре Сайдашев напишет свой знаменитый «Похоронный марш». В одночасье, примостившись за гробом своего друга – артиста Нури Сакаева. Для него, но не только о нём. Скорбные звуки владели душой Салиха уже давно, в них – боль предыдущих утрат дорогих ему людей. Так случилось, что под эти звуки народ проводил и самого композитора.

...Сайдашев спасается работой, с головой уходит в неё. Взваливает на себя такую ношу, которая, казалось бы, непосильна простому смертному. И везде – оригинальные решения, большой успех. Он сближается с известными музыкантами, ни на день не прекращает учёбу, берёт частные уроки у знаменитого профессора Ксаверия Александровича Корбута. Занимается упорно, целенаправленно. В его музыке появляются новые качества, а в театре во многом его стараниями мощно развивается новый жанр музыкальной драмы.

Тот 1926 год – переломный для Сайдашева. Самый счастливый и самый тяжёлый. Итог – творческий взлёт, сделано необыкновенно много. Откуда силы? Конечно, творческая энергия копилась исподволь всё предыдущее время, рано или поздно она нашла бы себе выход. Но, вероятно, ускорило это огромная внутренняя работа, вызванная душевной травмой, непреходящей тоской, болью сердца, подарившего нам светлые, жизнеутверждающие мелодии...

Сотворчество. Первый музыкальный редактор Татарского радиовещания

В 1927 году в Казани впервые начало действовать радиовещание. «Слушайте! Слушайте! Говорит Казань! Работает радиостанция РВ-17», – прозвучал голос первого диктора Аделя Кутуя. А первым музыкальным редактором Татарского радиовещания вскоре стал Салих Сайдашев.

Организатором этого большого события в культурной жизни Казани и республики был общественный деятель, журналист и драматург Шамиль Усманов, а литературным редактором – близкий друг Салиха Сайдашева Исмагил Усманов. «В новом доме не всё проходило гладко, – вспоминает Исмагил Усманов. – Возникали трудности. Особенно много проблем было в составлении программ музыкальных передач. Однажды у Шамиля Усманова родилась идея: он предложил мне обратиться за помощью к Сайдашеву. Мы, конечно, понимали, что ему некогда, он очень занят в театре. Но поскольку студия радиостанции в то время размещалась в здании Татарского театра, надеялись на положительный ответ. И действительно, Сайдашева долго уговаривать не пришлось. Он никогда никому не отказывал в помощи, тем более своему другу. Ему выделили отдельную комнату, и он стал первым музыкальным редактором радиовещания.

Сайдашев принялся за работу со свойственным ему энтузиазмом. Искал новые голоса, прослушивал, учил певцов, сам же подбирал репертуар для них,

сам же аккомпанировал. Начались регулярные музыкальные передачи, разнося народную музыку и музыку Сайдашева не только в пределах Казани, но и по всему Союзу.

Поскольку тогда нот ко многим песням не было и далеко не все исполнители читали ноты, приходилось аккомпанировать на слух, приспосабливаясь к ним, импровизируя на ходу там, где это требовалось. В этом очень ярко проявился сайдашевский талант пианиста и аккомпаниатора.

У современников Сайдашева есть много воспоминаний об искусстве его игры на фортепиано. Человек общительный, всенародно любимый, он часто бывал в домах своих друзей и непременно садился за инструмент.

И те, кто слышали его игру хотя бы раз, запоминали её надолго.

Я сама очень хорошо помню, как всё это начиналось. Он тихо, без приглашения подсаживался к пианино, немного откинувшись назад, слегка пожимал плечами, клал руки на клавиши и после небольшой паузы, будто что-то обдумывая, начинал играть.

Нежность, теплота, законченность, свойственные только ему, – сайдашевский стиль игры, который можно было узнать среди тысячи других. Игра его сразу же располагала к себе естественной красотой и искренностью. Пианино пело под его пальцами лирично, мягко, проникая этой своей мягкостью и мелодичностью в самые сокровенные уголки души.

Сайдашев не был концертным исполнителем для больших аудиторий, но часто выступал для узкого круга слушателей, главным образом, со своими произведениями. И был прекрасным импровизатором! Он никогда не играл одну и ту же вещь одинаково. Пальцы его двигались очень спокойно, оттачивая каждую музыкальную фразу и в то же время трепетно варьируя её по настроению. Каждый раз казалось: это что-то новое.

Это было чудо рождения музыки.

Как аккомпаниатор Сайдашев тоже не ограничивался сопровождением исполнителя. Это всегда было сотворчество. Не случайно все, кто работал с Сайдашевым, говорили, что с ним очень легко петь. Прекрасно зная возможности каждого, он становился одновременно композитором, соисполнителем, педагогом и слушателем – в одном лице.

Исмагилу Усманову запомнилось: «Когда Сайдашеву нужно было уединиться, он уходил в отдельную комнату на радиостудии и там подолгу просиживал за роялем – импровизировал. Однажды, желая поработать над программой радиовещания на будущую неделю, мы с Шамилем Усмановым пришли в студию. Открыв дверь, я услышал звуки рояля. Плыли удивительные звуки сайдашевского экспромта, его неповторимые фантазии. Я как зашёл, так и остановился и присел на первый попавшийся стул. Рядом разместился Шамиль. Мы молчали. Не могли произнести ни одного звука, боясь помешать композитору, боясь прервать поток этой мелодии. Звуки плыли... Салих чистым, очень слабым тенорком вторил им, напевая что-то новое, до сих пор не

слышанное. Я взглянул на Шамиля Усманова и удивился. Он был совершенно другим человеком. Взгляд другой. Черты лица изменились. Он весь как-то подался вперёд и с неопишуемой жадностью слушал и слушал. Глаза этого выдавшего виды, многократно смотревшего смерти в глаза человека увлажнились, потеплели. Да! Эти минуты незабываемы. Не помню, как долго мы так сидели. Салих кончил играть. Видимо, было излито всё, что накопилось. Он вышел к нам. Увидев нас, немного смутился. Шамиль порывисто встал ему навстречу и без слов пожал руку. В его глазах были бескрайняя любовь и уважение. Таково было воздействие игры этого человека, неповторимого таланта, у которого музыка шла как из неиссякаемого ручья – чистая и очищающая».

Работа Сайдашева в радиостудии, как и во всём, в чём он участвовал, не обходилась без новых начинаний. Несмотря на все его старания, для ежедневных музыкальных передач там явно не хватало исполнителей. Тогда он предложил: почему бы не делать совместные русско-татарские передачи? У него были знакомые в гастролировавшей тогда в Казани оперной труппе. Особенно восхищался он голосовыми данными и исполнением Оксаны Петрусенко, ставшей впоследствии народной артисткой СССР и Украинской ССР. Он приглашал, уговаривал артистов оперы и, конечно же, Петрусенко. И впервые по татарскому радио зазвучала русская музыка.

«А почему бы не организовать чувашский хор?» – возникла тогда идея. У Сайдашева уже был опыт работы с чувашской музыкой в Буинске. Он договаривался с чувашским поэтом Петром Хузангаем, учившимся в то время в Казани, и они организуют хор чувашских студентов. По радио зазвучали передачи на чувашском языке.

Сайдашев любил музыку как общечеловеческую ценность, служил ей всей душой. И, конечно же, безмерно был горд достижениями своей, татарской культуры.

Работал Сайдашев на радио недолго – всего два-три года. Но эта работа обогатила его. И, без сомнения, тех, кому выпало счастье общения с ним. Он оказался в новом деле таким же новатором, как и во всём. И остался в памяти коллег человеком огромного таланта, прекрасным музыкантом, организатором, незаурядной личностью.

Благословенные места.

Из истории деревни Кызыл Байрак

Деревня Кызыл Байрак расположена в одном из красивейших мест на правом берегу Волги, среди высоких сосен и живописных оврагов.

Мало кто из коренных жителей Казани не слышал о ней или не побывал в этом прекрасном, до сих пор не потерявшем своей первозданной красоты уголке природы. Но не все знают историю и, тем более, задумываются о будущем этого

небольшого поселения, названного когда-то Галимджаном Ибрагимовым «Татарской Швейцарией». Он там часто бывал и работал. Деревня помнит Салиха Сайдашева и многих его друзей и коллег.

Деревня эта была основана в 1924 году по инициативе Сахибгарея Саид-Галиева и заместителя председателя ТатЦИК Али Ганеева. До 1917 года эти земли принадлежали итальянскому помещику-маркизу. На пустующих угодьях одиноко стояли усадьбы управляющего Муратова (отсюда название «Мурат тавы»), купца Гребенщикова (ныне – пристань Гребени) и другие. На большом расстоянии были расположены несколько русских деревень – Шеланга, Теньки...

Али Ганеев при поддержке Саид-Галиева и других передовых людей того времени организовал переселение татарских крестьянских хозяйств из далёких малоземельных районов на правый берег Волги. Так появились на правом берегу Волги деревни Брек, Нариманово, Кызыл Байрак...

Вид деревни Кызыл Байрак

В организации деревни Кызыл Байрак ближайшим помощником Али Ганеева стал Шигаб Ахмеров – просветитель, издатель, воспитатель [...] композитора Салиха Сайдашева, а в то время член правления Банка взаимного кредита.

...Шигаб Ахмеров до своего ареста, купив дом, переселил сюда из Дрожжановского района своего брата Хайруллу, который стал одним из активных членов колхоза. В доме Ахмеровых всегда было много гостей – Галимджан Ибрагимов, Мухутдин Курбангалеев, Ибрагим Биккулов... Со временем соорудили пристрой к дому брата, и семья Ахмеровых постоянно в летнее время проживала в этом

Племянник Салиха Сайдашева Узбек Ахмеров с женой Дильбар Саиновой-Ахмеровой у памятного камня композитору. Деревня Кызыл Байрак. 2004 год

доме. С ней всегда приезжал Салих Сайдашев, известный уже тогда композитор. Гости Ахмерова и Салиха Сайдашева – артисты, музыканты, писатели – позднее жили здесь с семьями.

Так деревня превратилась в место отдыха передовой интеллигенции. Подолгу проживали здесь (иногда и зимой) Шариф Камал, Адель Кутуй, Файзулла Туишев, Хади Такташ... Они дружили с деревенскими жителями. Летом в лесу в нескольких местах всегда были разостланы скатерти, кипели самовары, и присаживался всяк без разбора. Беседы, споры, музыка, песни... А вечерами городские и деревенские, молодые и старики выходили на полянку на игрище. В центре был Салих Сайдашев со своими друзьями артистами и писателями, которые всю эту непосредственность, быт, говор, остроты переносили на сцену в татарские спектакли с музыкой Сайдашева. И наоборот, прекрасная музыка его со сцен театров возвращалась в народ и питала его творчество. Это было время духовного роста татарской нации в городе и деревне.

«Нэни абый»

Диляра Алимбек¹

Удивительный был человек наш дедушка – Насретдин Хуснутдинович Хамитов. Родом из деревни Чамак Дубъязской волости (ныне Высокогорского района), он 13-летним мальчиком приехал в Казань учиться ремеслу. Его наставником стал Замалетдин Сайдашев, владелец магазина «Каляпуш, читек».

Мальчик отличался большим трудолюбием, аккуратностью, добросовестностью, безукоризненной честностью, что сыграло большую роль в его судьбе. В дальнейшем Замалетдин Сайдашев назначил его своим приказчиком.

Высокий, статный и красивый, Насретдин от природы был умён, тактичен, хорошо ладил с людьми. Вскоре Насретдин женился на племяннице Замалетдина Раузе Сайдашевой (двоюродной сестре Салиха). Таким образом Насретдин и Замалетдин породнились.

До замужества Рауза очень страдала от жестокости мачехи. Возможно, поэтому Бикмухамет (родной брат Замалетдина) рано выдал дочь замуж. Небольшого роста, миниатюрная, скромная, Рауза умела вести домашнее хозяйство, прекрасно готовила, пекла отличные пироги. У неё были роскошные, до пят, волнистые волосы. Косы были настолько тяжелы, что Рауза складывала их на плечах, чтобы не оттягивали голову. А дома у нас рассказывали историю о том, как друзья подшутили над Насретдином. «Не женись на ней, она лысая», – сказали они. Тогда Насретдин, приставив лестницу к окну, заглянул в комнату – и именно в тот момент, когда Рауза расчёсывала свои роскошные волосы!

Так случилось, что, когда Замалетдин простудился и заболел, он попросил Насретдина, которому всецело доверял, взять его жену Махубджама, четырёхлетнюю Амину и ребёнка, который вот-вот должен был родиться, к себе в семью и заботиться о них, а также привести в порядок его дела.

¹ **Диляра Нагимовна Алимбек** (род. 1938). Преподаватель специальности фортепиано Детской музыкальной школы №1 имени П.И. Чайковского, заслуженный работник культуры Республики Татарстан.

Насретдин был очень мудрым человеком, много внимания уделял воспитанию и образованию детей, выписывал газеты и журналы на татарском языке.

Дочери, уже став взрослыми, с восторгом вспоминали детские праздники в Восточном клубе, пикники с самоваром в Услоне.

В доме был крепкий достаток. В этой семье, окружённый любовью, Салих жил до двенадцати лет, и в дальнейшем поддерживал со всеми тесные отношения. Долгое время об этом периоде жизни Салиха Сайдашева и участии Насретдина в его воспитании умалчивалось.

Для детей Насретдин купил пианино «Шрёдер». У девочек был отличный слух, все пели, играли, подбирали знакомые мелодии. Уже будучи известным композитором, Салих нередко просил их поиграть. Это пианино впоследствии стояло в маленькой квартирке на улице Волкова, 55, где обитали Насретдин, Рауза и их дочь Разия с семьёй. Салих часто бывал в этом доме, иногда с друзьями.

Помню, как-то вернувшись с экзамена, я застала у нас «нэни абый» (так мы все называли Салиха Замалетдиновича) с другом-композитором. Они попросили меня что-нибудь исполнить. Внимательно послушав мою игру, Салих абый многозначительно произнёс: «А ведь Баха очень трудно играть!».

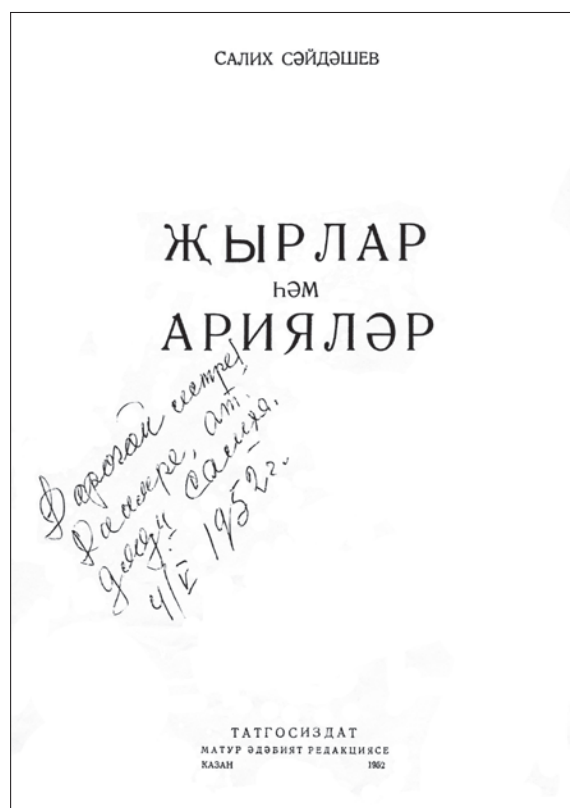
Довелось мне поиграть и у него дома, на улице Горького. Однажды после отчётного концерта музыкальной школы, который состоялся в музыкальном

училище, мы с тётей Асией зашли навестить «нэни абый». И опять он попросил меня поиграть. Запомнилось, что клавиатура у его инструмента была очень тяжёлой для детских пальцев.

Тогда же он подарил мне только что выпущенный сборник своих произведений с надписью: «Дорогой сестре Диляре от дяди Салиха».

Конечно, детским умом трудно было оценить, объять творчество, значимость этого исключительно ярко одарённого и самобытного музыканта, человека. Такой простой, добрый, улыбчивый, обаятельный, для нас он был просто «нэни абый».

К Насретдину и его семье Салих относился с огромной любовью и уважением...

Дарственная надпись Салиха Сайдашева на сборнике произведений

Друг детства¹

Мансур Музафаров²

Я познакомился с Салихом в 1913 году, и с этого времени началась наша дружба. В Казани в те годы существовал Восточный клуб, где ставились татарские спектакли, из которых мне запомнились «Первая любовь», «Ошибка правосудия», «Повелел голод». Наши зятя были членами этого клуба и часто водили нас на спектакли. Во время антрактов там играл струнный оркестр, которым руководил Гали Зайпин. Мы с Салихом с восторгом слушали его. Увлечение оркестром и сблизило нас, пробудило любовь к музыке, оказало большое влияние на выбор жизненного пути.

Салиху купили пианино, а мне – мандолину, мы оба начали учиться игре на этих инструментах, продолжали посещать театр, а года через два стали участвовать в татарском струнном оркестре. В основном оркестр состоял из приказчиков, служивших в магазинах татарских баев; мне запомнились гитарист Ибни абый, скрипачи Хабибулла ага

Салих Сайдашев. 1913 год

¹ Статья «Друг детства» напечатана в журнале «Азат хатын» (1960, №12, с. 17).

² **Музафаров Мансур Ахметович** (1902-1966). Композитор, фольклорист, педагог, автор опер «Галиябану», «Зульхабира», многих симфоний, этюдов, концертов и песен. Заслуженный деятель искусств ТАССР, народный артист ТАССР, лауреат Государственной премии Татарстана имени Габдуллы Тукая.

Репетиция любительского оркестра. Салих Сайдашев – за фортепиано. Четвёртый слева с мандолиной – Мансур Музафаров. Казань, 1913-1914 годы

Ахматуллин (его называли Кара малай, что значит «Чернявый малый») и Мухаммет Яушев. В те годы выдвинулся Загидулла абый Яруллин, Салих учился у него исполнению татарских мелодий.

В 1915-1916 годах мы с Салихом стали постоянными участниками оркестра: он – пианист, я – исполнитель на мандолине. Мальчишкой Салих ходил в простом бешмете. Мы с ним часто играли в бабки, отливали свинцовые биты-налитки, за это нам дома здорово попадало от взрослых. Поступив в оркестр, Салих стал одеваться очень опрятно – он носил чёрный костюм, галстук, чёрную тюбетейку-каляпуш. С товарищами разговаривал очень вежливо, деликатно, всегда был приветлив. Каждую пятницу, днём, в здании Большого театра шли татарские спектакли, и мы играли в антрактах. Уже тогда был очевиден незаурядный музыкальный талант Салиха. Несмотря на юность, он относился к музыке серьёзно, творчески, его не удовлетворяло одноголосное исполнение мелодий. За это серьёзное отношение к музыке в оркестре все его любили и уважали. Даже опытный скрипач Хабибулла, который был намного старше Салиха, прислушивался к каждому его слову, старался играть так, как говорил Салих. Во время репетиций, прервав игру музыкантов, Салих показывал каждому, как надо играть, чтобы музыка звучала в два голоса. Например, скрипки играют одну тему без изменения, а мандолины, гитары в это же время ведут мелодию в изменённом виде. В результате получается необыкновенно красивое полифоническое звучание. Это очень радовало и вдохновляло музыкантов, поэтому все мы, разучивая новую мелодию, с нетерпением ждали указаний Салиха, как будто он открывал для нас волшебные двери какого-то сказочного мира.

Так настал 1917 год – год пламенной революции. Мы продолжали играть в оркестре. Только состав его немного изменился – одни ушли на фронт, их место заняли новые музыканты, в частности, Файзи Биккенин, Исмагил Валитов и другие товарищи. Мы начали выступать в татарском Коммунистическом клубе. Мы, молодые музыканты, начавшие в то время изучать нотную грамоту, быстро усваивали полифонию, внесённую Салихом в татарскую музыку. Если раньше Салих учил исполнять татарские мелодии с подголоском (вторым голосом), то теперь он постепенно усложнял задачи.

В 1919 году Салих добровольно ушёл в Красную Армию, и наши пути разошлись. Вновь мы встретились только в 1923 году, когда он начал работать дирижёром Татарского государственного драматического театра. В это время я не только часто виделся с ним, но и помогал ему. Салиха хочется назвать «родником мелодий». Со стороны казалось, что ему надо заботиться не о сочинении мелодий, а лишь о том, как успеть записать их. Очевидно поэтому, сочиняя произведения для оркестра, зачастую он не записывал партитуру, а сразу писал партии отдельных инструментов. Потом его ближайшие помощники – заведующий нотной библиотекой театра скрипач Мухамет Яушев и я – писали дубликаты этих партий.

Салих Сайдашев и татарская музыка¹

Адель Кутуй²

Развитие татарской музыки неразрывно связано с именем Салиха Сайдашева. Этот молодой композитор с каждым новым произведением растёт, крепнет, окрыляется. Он уже прославился своими произведениями. Его музыка с помощью радио, театра, концертных исполнителей звучит в самых отдалённых уголках советской страны. Прославленный Государственный квартет имени Вильома наряду с произведениями знаменитых композиторов исполняет музыку Сайдашева; этим открывается новая страница в истории татарской музыки.

Салих Сайдашев начал свой творческий путь с самого простого. Через отдельные песни, мелодии, балетную, танцевальную музыку, музыкальные пьесы он шагает к опере. Это надёжный путь! Творчество Сайдашева возникло в результате изучения татарской народной музыки. Он с юных лет внимательно прислушивается к народным мелодиям, деревенским песням, слушает настоящих татарских певцов, изучает этнографию. Тайком от родных он ходит к учительнице музыки Ивановой, учится исполнять эти мелодии на рояле, берёт уроки у

¹ Статья «Салих Сайдашев и татарская музыка» напечатана в газете «Кызыл Татарстан» (№48 от 1 марта 1929 года).

² **Адель Кутуй** (1903-1945). Татарский советский писатель. С 1922 жил в Казани, в 1929 году окончил Казанский восточный педагогический институт. Работал учителем. Печатался с 1923 года. Увлечение футуризмом нашло отражение в сборнике «В беге дней» (1925). Участвовал в кружке А.С. Неверова. Перевёл на татарский язык «Левый марш» В. Маяковского. Написал несколько пьес. В опубликованной в 1929 году пьесе «Ответ» встал на позиции социалистического реализма. В предвоенные годы написал ряд рассказов («День Султана», 1938; «Муки совести», 1939 и др.) и повесть «Неотосланные письма» (1936). Участник Великой Отечественной войны. Ушёл добровольцем на фронт, умер в госпитале от ранения. Награждён двумя орденами, а также медалями.

замечательного знатока и исполнителя народных песен Загидуллы Яруллина. Проходят годы, и этих учителей сменяют другие – профессора Родзевич, Бормусов. Талант, обогащённый музыкальными знаниями, обретает мастерство, Сайдашев начинает заниматься творчеством.

В 17 лет с политотделом Н-ской армии он едет в Оренбург и далее – в Туркмению. Жизнь открывается перед ним во всей полноте; наряду с радостными минутами он познаёт голод и нищету. Всё это повлияло на глубину и выразительность музыки.

Как сейчас помню тот день, когда умер артист Нури Сакаев¹. В театре – гробовая тишина, только из соседней комнаты доносятся рыдания Нагимы Таждаровой. Карим Тинчурин в глубокой задумчивости, Сайдашев склонился над маленьким листочком бумаги и что-то про себя тихонько напевает. Проходит короткое время, и вот Сайдашев объявляет:

– Готово!

Вот так Сайдашев создал свой знаменитый похоронный марш. Скорбные, волнами плещущие звуки рассказывали о горечи утраты и ценности жизни.

Сайдашев творит смело и решительно. Он ввёл в оркестр язык народных масс – гармонь, создал высокохудожественные произведения. Лучшее из них – музыка к «Наёмщику». А сегодня ещё одна победа. Если приехавшие на съезд физиков академик Иоффе и немецкие профессора приветствовали музыку Сайдашева, приравнивая её к европейской, то мы приветствуем его сегодня как революционного композитора. К 11-летию Красной Армии Сайдашев написал новый марш и подарил его татарскому полку. Трудно описать то огромное впечатление, которое произвёл марш на слушателей. Потоки несмолкающих аплодисментов... Многократное «ура»... Многочисленные поздравления. Радость переполняла присутствующих.

Думается, что издаваемые в ближайшее время ноты произведений Сайдашева станут новым большим вкладом в развитие татарской музыки.

¹ **Нуретдин Набиуллович Сакаев** (1885-1927). Актёр, режиссёр, один из основоположников татарского театра. Родился в деревне Шланлыкулово (ныне Буздяковский район Республики Башкортостан). Начальное образование получил в медресе «Хусаиния», затем – в Белебейской начальной школе. В 1904 году поступил на работу в мастерские Ташкентской железной дороги, откуда его уволили за политические убеждения. С 1907 года участвовал в спектаклях на татарском языке. В 1908 году в Оренбург приехала татарская труппа «Сайяр»; в спектаклях участвовал и Нури Сакаев. После гастролей труппа уехала из Оренбурга вместе с Нури Сакаевым, работавшим в ней до 1912 года. После образования труппы «Нур» работал в ней до 1915 года, после чего возвратился в «Сайяр». Работал в труппе «Ширкат» в Оренбурге. В 1919-1920 годах – режиссёр и актёр фронтового театра. В конце 1920 года – режиссёр агитпоезда. В середине 1921 года был приглашён в Казань в Татарский театр. С 1922 года – режиссёр Башкирского театра. С 1926 года – актёр Татарского Государственного театра в Казани. Умер 28 февраля 1927 года. В феврале 1967 года в связи с 60-летием Татарского театра на здании Казанского ТЮЗа, где раньше помещался Татарский государственный театр, и в одной из комнат, где проживал и умер Нури Сакаев, установлены мемориальные доски с его именем.

Незабываемое торжество

Исмагил Усманов¹

Сегодня в Красных казармах Н-ского стрелкового полка большое незабываемое торжество. Салих Сайдашев подарил Н-скому полку в честь 11-летия Красной Армии полковой марш. Этот марш был исполнен 25 февраля в Татарском Академическом театре. Собравшиеся в тот день в театре красноармейцы присвоили Сайдашеву звание почётного красноармейца, а сегодня Сайдашев был принят в ряды красноармейцев; полк подарил ему красноармейскую форму.

Под военную музыку легко шагать в походе, она придаёт силы бойцам и в жестоком бою. Марш Сайдашева – не обычный марш, он напоминает красноармейцам родную деревню, заводской станок... На войне под этот марш солдаты, не забывая о Родине, с ещё большей ненавистью, ещё крепче будут биться с врагом, нарушившим мирный труд нашей страны.

Марш звучит, сердца стучат в невольном душевном порыве. Красивые звуки марша воодушевляют молодых героев, прибавляют им уверенности в победе. Звуки марша умолкают. Овациям тесно в зале. Н-ский полк награждает Сайдашева грамотой. Молодой композитор встаёт, голова высоко поднята; как батыр, приготовившийся к бою, слушает он красноармейцев.

– В предстоящих боях звуки наших выстрелов, звуки снарядов сольются с твоим маршем в единую симфонию.

Сайдашев берёт в руки грамоту и шлем. Зал затихает. Все ждут, что скажет Сайдашев. Слова, исходящие из самого сердца композитора, выражаются в музыке, в звуках труб...

На концерте, после собрания, мы слышали музыку Сайдашева. Рукия Кушловская, Ситдик Айдаров пели его песни... Ярулла Чамаев исполнял его любимую «Сажиду».

Это торжество – не только праздник Н-ского полка, его отмечает татарская музыка. Сегодня она широко шагнула вперёд по революционному пути красных героев.

¹ **Исмагил Солтанович Усманов.** Друг Салиха Сайдашева, журналист, член Союза журналистов СССР.

Утраченная мелодия души

Исмагил Усманов

Начало весны, 50-е годы. Мир погружён в свежую зелень. Яркое сияние солнечных лучей. Удивительно всё красиво в это время, в эти весенние дни. Дети ушли из дома по своим делам, мы с женой собираемся обедать. Она испекла вкусный пирог.

Кто-то позвонил в дверь. Открываю – стоит улыбающийся Салих. Как обычно, аккуратно одетый, в костюме, белый воротник, галстук. Красивые приветливые голубые глаза.

Салих Сайдашев. 1951 год

«Здравствуй, друг мой! Это я. Пришёл к тебе посидеть», – говорит он. А в улыбчивом взоре сквозят затаённые, тревожные мысли. Поздоровались, обнялись. Я очень его люблю – со всеми приветливый, какой-то светящийся человек. Родственная дружба его с моей женой по-своему красива и мне понятна. Он всегда приветствует её «Аня ханум!» и обязательно целует руку. Видимо, напоминает она ему первую жену, Валентину. «Я к вам прихожу с удовольствием, отдохнуть, расслабиться. Не сердитесь?», – спрашивает. Слово за слово, вспомнили друзей. Встала перед глазами наша молодость. Смеялись, Салих любит шуточные рассказы. Пообедали. Пили чай, и Салих по обыкновению подошёл к пианино, погладил белые клавиши длинными пальцами, дотронулся до одной из них. Прозвучал тонкий, чистый звук. Салих сел на стул и осторожно коснулся клавиш. Откуда-то издалека, как с горных вершин, полились звуки чистого родника, пробивающегося из-под светлых камней, далеко разнеслись через открытые окна маленькой комнаты. Чарующие звуки один за другим бежали, останавливаясь, грустили и вновь лились, пробуждая чувства трепетные и возвышенные. А музыка уже поднималась, ширилась, как воды полноводной реки...

Вдруг всё прервалось. Возникла пауза и с ней тревожный вопрос: почему остановилась река, что случилось со звуками, кто прервал устремлённый вперёд поток творчества? Салих оторвал пальцы от клавиш, откинулся, глаза устремились вверх. Он глубоко вздохнул и, обеими руками прикоснувшись к клавишам, вновь начал играть. Как будто из-за тех же гор пришедшие тёмные силы стали накрывать звучавшие прежде светлые, вдохновляющие звуки, породили в душе смятение... Тяжёлые звуки, повторяясь вновь и вновь, дошли до сердца. Они как будто говорили: «Тёмные силы есть на пути!». Победят ли их светлые звуки, открытое море чувств? Повторится ли журчание светлого ручья? На эти вопросы, оторвав пальцы от клавиш, Салих ничего не ответил. Взгляд его был грустен, голубые глаза наполнились чистыми, как алмаз, слезами.

Вот так на моих глазах родилась и исчезла удивительная мелодия – крик души Сайдашева.

Организатор музыкальной студии

Вафа Бурнашев¹

В 1916-1917 годах я часто видел Салиха Сайдашева на спектаклях труппы «Сайяр». «Вот какие таланты есть среди татарского народа», – с гордостью думал я, слушая, как он играет.

В 1918-1919 годах Буинск был уездным центром Симбирской губернии. После освобождения Буинска от белочехов там была восстановлена советская власть. Я работал в уездном комиссариате народного просвещения, руководил отделом мусульманских школ. В эти годы там проводилась большая работа по повышению культуры народа. По приглашению комиссариата в Буинск прибыли известные татарские артисты Камал I, Камал II, Б. Болгарский, З. Богданова и организовали татарскую драматическую труппу. Они ставили спектакли. Сюда же были командированы Салих Сайдашев и Файзи Биккенин.

Салих Сайдашев, едва познакомившись с Буинском, предложил организовать музыкальную студию. Для студии надо было приобрести музыкальные инструменты, найти подходящее помещение. В Буинске до революции жили татарские баи; конфискованные у них инструменты сохранились на складе. Мы взяли эти инструменты, и первая проблема была решена. Студию решили открыть в том же доме, где мы жили, так как в нём был большой зал. Салих начал давать уроки по фортепиано, а Файзи – обучать игре на скрипке.

Желающих учиться оказалось много. Учащиеся гимназии, ученики школы 2-й ступени, девушки, юноши, татары, русские начали заниматься музыкой. Занятия в студии продолжались, а я в марте 1919 года ушёл на фронт.

Осенью 1919 года я встретил Салиха Сайдашева на концерте в Оренбурге. Этот концерт был организован для делегатов красноармейской конференции. Я был направлен на конференцию делегатом Отдельной приволжской татарской стрелковой бригады. Салих был в красноармейской форме – шинель, на

¹ **Вафа Закирович Бурнашев** (1900-1974). Журналист, участник гражданской, финской и Великой Отечественной войн.

голове шлем с красной звездой. На концерте Салих играл на пианино, а Камиль Мутыйги (тоже в красноармейской форме) пел. Прошло столько лет, а их выступление и сейчас у меня перед глазами.

В 1923 году, демобилизовавшись, я возвратился в Буинск. Музыкальной студии уже не было, однако посеянные Салихом зерна дали хорошие всходы. Там была открыта музыкальная школа, учащиеся занимались на скрипке, фортепиано. Это была первая районная музыкальная школа в Татарии, созданная ещё в годы гражданской войны.

Салих Сайдашев – военный музыкант, капельмейстер.
Начало 1920-х годов

Первые шаги в преподавании музыки

Файзи Биккенин¹

 1918 году отдел народного образования направил меня и Салиха в Буинск. На нас возлагалась культурно-просветительная работа с массами.

В Буинске была создана музыкальная студия. Нам выдали удостоверение такого содержания: «Буинский уездный отдел народного образования допускает вас преподавателем музыки при мусульманской музыкально-драматической студии».

Как-то через много лет я показал Салиху удостоверение, выписанное на моё имя. Он очень удивился и обрадовался, как будто снова встретился с молодостью. «У тебя, значит, до сих пор хранится этот документ, а я потерял своё удостоверение», – сказал он.

В музыкальной студии Салих давал уроки игры на фортепиано, с воодушевлением обучал молодёжь музыке. Он организовал из самодеятельных музыкантов оркестр и руководил им. Организовали мы с ним и два хора – татарский и чувашский, с которыми разучили «Интернационал» – первый гимн молодого советского государства.

Мы с Салихом жили в одной комнате и всё своё время посвящали работе. С утра сами упражнялись: Салих – на фортепиано, я – на скрипке, вместе разучивали новые произведения; очень любили играть «Испанское болеро». Потом шли в студию преподавать. Вечерами проводили репетиции с оркестром и хором или участвовали в концертах, спектаклях. Уже в то время чувствовался незаурядный композиторский талант Салиха. Проводя репетиции с оркестром,

¹ Файзи (Файзрахман) Бикмухамметович Биккенин (1898-1968). Гармонист, заслуженный артист ТАССР.

он, бывало, учил: «Ты возьми этот звук, веди мелодию вот так, а ты в это время должен играть так».

В Буинске в тот период работали многие талантливые артисты Татарского драматического театра: Камал I, Камал II, Ситдик Айдаров и другие. Салих был дружен с ними, вместе выступали в концертах, участвовали в постановках.

Возвратившись из Буинска, мы расстались с Салихом, так как он с первой татарской стрелковой бригадой уехал в Оренбург. Прошли годы, и мы снова встретились в Казани. В течение многих лет вместе выступали в концертах.

В 1949 году Салих Сайдашев побывал с творческими концертами в среднеазиатских республиках. Роль ведущего в концертах была возложена на народного артиста Татарской АССР Мажита Ильдара. Произведения Сайдашева в сопровождении симфонического оркестра исполняли башкирская певица Асма Шаймуратова и народный артист ТАССР Рашит Вагапов, я играл на гармониках, дирижировал сам автор. Мы с большим успехом выступали с концертами в Уфе, Оренбурге, Алма-Ате. В этих городах Салих Сайдашев встречался с видными композиторами и музыкальными деятелями братских республик. В Ташкенте он разыскал одного из первых профессиональных татарских певцов артиста Фаттаха ага Латыпова, один вечер мы провели у него. Салих всегда хранил в душе глубокое уважение к старейшим музыкантам, певцам своего народа.

На гастролях. Слева направо: Мажит Ильдар, Рашит Вагапов, Салих Сайдашев, Асма Шаймуратова, Файзи Биккенин. 27 сентября 1949 года, Уфа

В Оренбурге

Гариф Фахретдинов

Это было в конце 1919 – начале 1920 года. Под руководством молодого красноармейца в антрактах спектаклей татарской труппы в Оренбурге играл струнный оркестр. Молодым красноармейцем оказался наш будущий композитор Салих Сайдашев – военнослужащий политотдела 1-й Армии. С первых дней своего пребывания в Оренбурге, помимо службы в армии, Салих был постоянным участником культурных мероприятий города, организовывал музыкальные кружки, аккомпанировал и дирижировал на концертах, спектаклях.

После демобилизации Салих заведовал школой восточной музыки. С большим энтузиазмом отдался он учебной работе, открыл класс духовых инструментов, готовил репертуар для оркестра духовых инструментов из татарских песен. Занимаясь под руководством опытного педагога А.И. Гинальской, Салих продолжал углублять свои знания. В летние месяцы он руководил музыкальным ансамблем агитгруппы, организованной Политпросветуправлением Казахского (бывшего Киргизского) Наркомпроса. Агитгруппа в составе сорока учащихся школы восточной музыки и любителей выезжала в районы Казахской и Узбекской республик; от Оренбурга до Ташкента группа дала более тридцати концертов и спектаклей (ставилась музыкальная драма Мирхайдара Файзи «Галиябану»), в крупных населённых пунктах проводила митинги. Во всех постановках, концертах, митингах Салих руководил музыкальной частью, а также участвовал в спектаклях как актёр, – например, в музыкальной драме «Галиябану» Салих играл роль старосты. По завершении работы агитбригады Салих поехал в Бухару знакомиться с музыкальной культурой узбекского народа.

Зимой 1921 года он возвратился в Оренбург и продолжил работу в музыкальной школе. В это время Салих начал свою творческую деятельность, сочинил песню «Озын сэфэр» («Далёкий путь»), при первом исполнении которой говорил, что песня была создана под впечатлением увиденного и услышанного во время поездки в Узбекистан и поэтому он намерен назвать её «Озын сэфэр». Там же Салих сочинил «Татарский вальс» для фортепиано. В 1922 году он уехал в Казань.

Восточная музыкальная школа

Халима Булатова¹

В 1920 году в Оренбурге была открыта Восточная музыкальная школа, в которой преподавали музыканты, прибывшие из Москвы, – А.И. Гинальская, вокалист Х. Байбеков и другие. Для учёбы в музыкальную школу из татарского полка были прикомандированы пятеро музыкантов-духовиков, среди них – трубач Салих Сайдашев. Помимо игры на трубе, Салих занимался по теоретическим предметам у музыковеда А.И. Гинальской, которая в школе вела сольфеджио, теорию музыки, проводила беседы по истории музыки. До сих пор я помню её разбор «Лунной сонаты» Бетховена. Но Сайдашева не было в нашей группе, вероятно, А.И. Гинальская занималась с ним отдельно. Вскоре Салих Сайдашев сам начал работать преподавателем школы по фортепиано.

Певец Хаким Байбеков организовал в школе оперную группу, в которой мы занимались и балетом. На этих занятиях тапёром был Салих Сайдашев. После окончания урока мы ещё час обычно танцевали наши любимые танцы: вальс, польку-бабочку, мазурку. Салих всегда безотказно играл любой танец на слух.

Часто, собравшись около рояля, под его аккомпанемент мы пели народные татарские и революционные песни. Фортепьянное исполнительство Салиха в эти годы отличалось лёгкостью, свободой, казалось, для него не существует трудностей. Техника у него была блестящая, и всё-таки он много занимался, каждую свободную минуту играл гаммы, упражнения.

Уже в Казани летом 1926 года я встретила Салиха Замалетдиновича на улице. Счастливый, возбуждённый Сайдашев говорил, что много занимается, собирается поступать в консерваторию на фортепианный факультет. Но вскоре умерла его жена, и в консерваторию он не поехал.

¹ **Халима Ибрагимовна Булатова-Терегулова** (1905-2000). Музыковед. В 1938 окончила историко-теоретический факультет Московской консерватории. С 1938 по 1944 год – преподаватель Казанского музыкального училища. С 1945 по 1969 год преподаватель истории западноевропейской музыки в Казанской консерватории. В 1950 году совместно с Ш. Рахманкуловым подготовила книгу «Татарская советская музыка за 30 лет» (на татарском языке).

Салих Сайдашев. 1922 год

В Татарском драматическом театре

Хаким Салимжанов¹

В 1922 году Кариму Тинчуруну было поручено создать первый показательный татарский государственный театр. Для театра выделили новое здание (ныне Театр юного зрителя имени Ленинского комсомола). Сосредоточив в Казани лучшие актёрские и режиссёрские силы, Карим Тинчурин пригласил из Оренбурга для руководства музыкальной работой Салиха Сайдашева.

Музыкальная деятельность Салиха Сайдашева в театре началась с оформления комедии Хабибуллы Ибрагимова «Башмагым» («Башмачки»). Для этой пьесы, кроме использования народных мелодий «Башмагым», «Җизнәкәй» («Зятёк»), композитор написал танец специально для талантливой артистки Нафиги Араповой, которая исполняла роль старухи Жиган и появлялась на сцене, танцуя с узелком на голове. Затем Салих Сайдашев создал музыку к «Казан сөлгесе» («Казанское полотенце») Карима Тинчурина, к сожалению, ноты этого произведения не сохранились в театре. В 1924 году, в бенефис главного режиссёра театра Карима Тинчурина, впервые была поставлена драма «Сүнгән йолдызлар» («Угасшие звёзды»), для которой Салих Сайдашев создал свою первую увертюру. Успех её был огромен. Помнится, Фатых Амирхан, встретившись с Салихом в театральном училище, подозвал его к себе и сказал:

– Браво, Салих!

Музыкальную драму Мирхайдара Файзи «Галиябану» поставил режиссёр театра Гумер Девишев. Роли с успехом исполнили артисты Шакир Шамильский (Исмагил), Рукия Кушловская (Галиябану), Нагима Таждарова (старуха Бади́га). Большой удачей спектакля была увертюра Салиха Сайдашева к пьесе. Здесь он добавил к оркестру две тальянки, на которых играли гармони́сты – народные музыканты. Лейтмотив-мелодию песни Галиябану исполняла только гармо́нь, в своё время это звучало очень красиво.

¹ **Хаким Юсупович Салимжанов** (1903-1981). Актёр, режиссёр, народный артист ТАССР.

В 1927 году в театр пришёл драматург Тази Гиззат. К его драме «Наёмщик» музыку написал Салих Сайдашев. Драма сразу завоевала популярность. Причиной большого успеха спектакля была также талантливая работа первых исполнителей главных ролей – артистов Ситдика Айдарова (Батыржан), Рукии Кушловской (Гульюзум), Марьям Сульвы (Бикэ), Габдуллы Уральского (Бикташ), Зайни Султанова (мулла Иманкол), Нагимы Таждаровой (Остазбикэ – жена муллы) и режиссёра Валеева-Сульвы. Эта первая постановка оставила большое впечатление на всю жизнь. Вторая, расширенная редакция музыкальной драмы «Наёмщик» не произвела на меня уже того впечатления.

В сезон 1931-1932 года состоялась премьера музыкальной пьесы Карима Тинчурина «Кандыр буенда» («На Кандре»). В то время спектакль готовился не три-четыре месяца, как теперь, а гораздо меньше. И вот помню, Карим абый торопит, Салих волнуется. Шутка ли? К произведению надо написать до двадцати песен и вдобавок отдельный балет. Однако эту большую и сложную работу Салих героически одолел за двадцать дней.

У Салиха была характерная для него черта. Создавая музыку к тому или иному произведению, он знакомил автора с музыкой, непременно с ним сове-

Труппа Татарского государственного театра имени Красного Октября (1920-е годы). Во втором ряду второй слева – директор и главный режиссёр театра Карим Тинчурин. Третий слева в третьем ряду – Салих Сайдашев

Сцена спектакля «Угасшие звёзды». 1971 год

товался. «Казан сөлгесе», «Сүнгән йолдызлар», «Зәңгәр шәл» («Голубая шаль»), «Ил» («Родина»), «Кандыр буенда», «Наёмщик», «Бишбүләк», «Изге әманәт» («Священное поручение»), «Күзләр» («Очи») и ряд других спектаклей – плод такого творческого содружества.

Карим Тинчурин очень любил и ценил Сайдашева. Он решил использовать его в качестве драматического артиста и поручил роль казанского купца в спектакле «Жилкәнсезләр» («Без ветрил»). И вот в летние гастроли 1927 года Сайдашев, загримировавшись, с круглой бородкой и усами, исполняет роль татарского купца. Однако актёр из него не получился: на сцене он часто отвлекался от текста, говорил не входящие в текст пьесы слова. Так, в сцене благотворительного общества, где Мисбах-хаджи начинает бушевать, Салих вдруг потешным тонким голосом сказал (слов в пьесе не было): «Будет тебе, хаджи-болван, чтоб тебя мухи съели!». Все артисты и на сцене, и за кулисами безудержно смеялись,

Сцена из спектакля «Угасшие звёзды». 1976 год

а исполнявший роль Батыржана Карим абый Тинчурин, не выдержав, спрятался под стол. Если бы Зайни абый Султанов не взял себя в руки и не прикрикнул басом: «Над чем хохочете», пришлось бы опустить занавес.

Салих Сайдашев очень любил нашего великого поэта Габдуллу Тукая. Готовясь к своему концерту, бывало, просил меня:

– Ты уж, Салим, обязательно прочти сегодня Тукая.

Мало того, Салих и дома просил читать ему произведения Габдуллы Тукая. Особенно любил его стихи «Враги», «Старометодник», поэму «Кисекбаш».

По своей природе Салих Сайдашев был исключительно находчивый, остроумный и очень обаятельный человек.

Мне как-то довелось быть с ним в дружеской компании, где присутствовали большой музыкант, первый его наставник Загидулла абзый с сыном Фаритом Яруллиным, создавшим впоследствии известный балет «Шурале». Фарит Яруллин не принимал участия в беседе, он всё время играл на пианино. Салих, видимо, желал настроить разговор на общий лад. Когда его супруга принесла и поставила на стол винегрет, Салих пошутил:

– Ты, ханум, не угощай гостей козлиным пловом, приготовь что-нибудь основательней.

В доме, где мы жили (двор Академического театра, улица Максима Горького, 13), было множество ребятишек. И Салих никогда не проходил мимо, не поздоровавшись с ребёнком, даже пожимал ему руку.

В дни 50-летия со дня рождения Салиха Сайдашева в одной из татарских школ состоялся вечер встречи композитора с учащимися и учителями. Салих пригласил для участия в этом вечере поэта Мухаммета Садри и меня. Я должен был вести вечер, а Мухаммет Садри выступить со вступительным словом и прочитать стихотворения, посвящённые Салиху Сайдашеву. Когда мы пришли, школьный зал был полон.

Мухаммет закончил своё выступление, и дети попросили Салиха сыграть на пианино. Он исполнил несколько своих произведений и народные песни «Шугур» и «Сарман» – он очень любил эти песни. Когда Салих кончил играть, одна маленькая девочка подняла руку:

– Можно мне сказать? Почему нет книги о жизни Салиха абый? Нам хочется почитать такую книгу.

Я был поражён и подумал, что этого ребёнка научили преподаватели, но моя догадка не оправдалась. Как выяснилось, ребёнок высказал тогда собственное пожелание.

Во время вечера одна седая учительница обратилась к Сайдашеву с таким вопросом:

– Салих абый, отчего ваша музыка так близка сердцу народа, не можете ли вы мне это объяснить?

Салих пожал плечами и обратил ко мне взгляд красивых голубых глаз. Я понял значение этого взгляда: Салих не очень любил говорить, к тому же, ему было очень неудобно отвечать на этот вопрос, поэтому ответить пришлось мне. Рассказав немного о Салихе, о народном характере его музыки, я закончил словами из стихов поэта Аделя Кутуя: «То, что в литературе – Тукай, в музыке – Сайдаш».

Вечер прошёл очень хорошо. Настроение у Салиха было отличное. Дети проводили его песней, хором.

Однажды ко мне входит Сайдашев.

– Композитор Александр Ключарёв едет в Москву, мне дали анкету, надо перечислить все мои произведения. Я не знаю, как писать, – говорит он. – Салим, у тебя память хорошая, давай вместе заполним.

И начали мы вспоминать все произведения, написанные им, начиная с 1922 года. Выяснилось, что пропали ноты музыки к «Хусайну Мирзе» Фатхи Бурнаша, «Нянькеджан» (крымские песни) Аделя Кутуя, «Странам Индостана» (индийские мелодии) Эс Хабиба Вафы, «Камиллю» Хади Такташа, посвящённой десятилетию Татарской республики, кинохронике «Татарстан» и многих-многих других произведений.

Салих Сайдашев очень любил Казань. Во время гастролей в одном из районов председатель райисполкома спросил:

– Товарищ Салимжанов, как вы думаете, приедет Салих Сайдашев к нам месяца на два, если мы пригласим его в гости, а?

– Не знаю, – говорю, – не могу сказать.

Вернувшись, я спросил об этом Салиха, а он и говорит:

– Да разве я могу на два месяца оставить Казань! Если бы на два дня – куда ни шло, и то не один, а с тобой и Мухамметом Садри.

Иногда я, бывало, скажу: «Салих, мне нравится эта твоя песня», а он: «Ещё бы, это же написал твой покорный слуга, друг Салим!». Но самолюбование было несвойственно его натуре, он редко так отвечал. В последние годы жизни совместно с поэтом Мухамметом Садри он работал над музыкальной комедией «Белый голубь». Однако этому последнему произведению не суждено было увидеть свет.

...Перед отъездом на лечение в Москву, помню, Салих ожидал машину. Проводить его приехала группа писателей, музыкантов. Увидев их в окно, Сайдашев садится за пианино. Звучит красивая, но неизвестная мелодия, последняя импровизация композитора. Так он навсегда попрощался с Казанью.

Салих Сайдашев и Мухаммет Садри. 1949 год

«Без него я не стала бы певицей...»

Галия Кайбицкая¹

Я храню книгу Сибгата Хакима с дарственной надписью. Вот она: «Галия ханум! С благоговением склоняю голову перед Вашими истоками, явившими миру Тукая и Вас! Счастливый Вы человек: Тукай благословил Ваш путь в искусство, а Сайдашев и Тинчурин вели Вас по этому пути. Вся Ваша жизнь прошла среди людей выдающихся и блестящих. Жизнь Ваша, отданная музыке, сама подобна песне...».

Да, на судьбу свою я не могу пожаловаться. Родилась я в большой и дружной семье, среди людей добрых и незаурядных. Отец мой, Мутыгулла Тухватуллин, человек просвещённый, придерживался самых передовых взглядов. Он покровительствовал талантливым юношам, обучавшимся у него в медресе в городе Уральске. Его любимцем и гордостью был Габдулла Тукай, который пришёл к нему девятилетним мальчиком и в 1907 году уехал в Казань зрелым поэтом.

В гостеприимном доме отца всегда было много молодёжи. Здесь часто проводились литературно-музыкальные вечера, ставились любительские спектакли. Именно здесь приобщился к искусству театра шакирд Минлебай Хайруллин, который стал известен впоследствии под именем Габдуллы Кариева.

Имена Тукая, Кариева, моего старшего брата Камиля Мутыги священны для меня. В моей творческой судьбе они значили слишком много. Конечно, я была моложе, но я росла среди них, с ранних лет пела на устраиваемых ими вечерах, говорила с ними, впитывала их взгляды и традиции. Я легко запоминала каждое новое стихотворение Тукая и любила декламировать. «Ты непременно будешь артисткой!», – не раз слышала я от старших и мечтала о театре.

В 1923 году моя мечта сбылась. Вместе с братом Адгамом я приехала в Казань и поступила в театральный техникум, а брат стал играть на сцене Татарского театра, который помещался в здании нынешнего Театра юного зрителя на улице Островского.

¹ Галия Мутыгулловна Кайбицкая (1905-1993). Певица, народная артистка ТАССР.

Актёрское искусство в техникуме нам преподавал Карим Тинчурин. Узнав, что я сестра Адгама Кайбицкого, он стал обращаться со мной как со своим человеком и вскоре предложил роль Сарвар в своей новой пьесе «Угасшие звёзды». Премьера прошла успешно, и я, студентка первого курса техникума, была зачислена в труппу театра!

В том же счастливом для меня 1923 году состоялось ещё одно событие, которое способствовало новому крутому повороту в моей судьбе, – я познакомилась с Салихом Сайдашевым. Нас познакомил Карим Тинчурин. Мне вдруг заново открылся мир музыки, которую я любила с детства. Страсть к пению в конце концов возобладала над любовью к драматическому театру и привела меня на оперную сцену.

Музыка Сайдашева сразу же и на всю жизнь покорила меня своим неповторимым обаянием. За многие годы певческой работы я не мыслила себя без неё. В ней то светлая, рвущаяся из глубины души радость, то неподдельная грусть, которая никого не оставляет равнодушным.

Сайдашев умел заставить дружно биться сердца тысяч и тысяч людей. Любовь народа к музыке Сайдашева, к самому первому нашему профессиональному композитору нельзя сравнить ни с чем. Его музыка звучала повсюду – в степях Казахстана, в долинах Башкирии, в самых дальних уголках страны. Она была с народом и в радости, и в горе.

Творчество Салиха Сайдашева принадлежит не только татарскому народу, его с удовольствием слушают люди других национальностей. Это говорит не только о подлинной народности, но и об интернациональной сути музыки композитора. Творчество Салиха Сайдашева по праву занимает видное и почётное место в истории музыкальной культуры Советского Союза.

Мужая из года в год, Сайдашев умел говорить с людьми на близком им, напевном и неповторимо прекрасном музыкальном языке, донести до народа богатство своей души, умел отозваться на мечты и надежды слушателей. Люди узнают эту музыку с первых же аккордов и слушают с большим желанием.

Композитор многое сделал для обогащения свойственной татарской музыке пентатоники. Он ввёл в свои музыкальные произведения хроматизм, который до него не использовался другими татарскими композиторами при гармониза-

Галия Кайбицкая с Ильясом Аухадеевым

ции своих произведений, широко пользовался достижениями мировой музыкальной культуры.

В симфоническую музыку Салих Сайдашев также привнёс народные музыкальные традиции, сумел обогатить её новыми красками. Можно смело утверждать, что сайдашевские музыкальные традиции легли в основу татарской оперной и балетной музыки.

Как и я, многие артисты, годами певшие в музыкальных пьесах на сцене драматического театра, – Сара Садыкова, С.ара Зарова, Ситдик Айдаров, Факри Маннапов и другие, – поддавшись обаянию профессиональной музыки, поехали учиться в Московскую консерваторию и, обогатив свои музыкальные познания, поднялись на сцену оперы.

На сцене оперного театра мне пришлось петь в спектаклях многих татарских, русских и европейских композиторов. Хочу особо подчеркнуть: моим успехам на сцене способствовала не только учёба в консерватории. Очень помогла мне работа в Татарском академическом театре, где много лет музыкальным руководителем и дирижёром был Салих Сайдашев, помогло наставничество большого музыканта. Без Салиха Сайдашева я не стала бы певицей.

Салих Сайдашев был необыкновенно обаятелен и прост. Каждая встреча с ним была радостью. Трудно забыть мягкую улыбку, светлый взгляд его добрых глаз. Во всём облике композитора было столько благородства и интеллигентности, что не любить его было просто невозможно. И его любили. О демократичности и доступности композитора ходили легенды.

Поёт Галия Кайбицкая. За дирижёрским пультом – Салих Сайдашев. Парк им. Горького. 1934 год

В музее-квартире Сайдашева казанцы увидят старое пианино марки «Шрёдер». Раньше оно было в нашем доме. Мы хранили его как память об учителе моего мужа, Ильяс Аухадеева, – профессоре Ленинградской консерватории Александре Глазунове. В 1928 году Глазунов уезжал за границу, а студент Ильяс Аухадеев проводил его на вокзал, помогал доставить чемоданы. По дороге Глазунов заговорил о любимом своём пианино, старом «Шрёдере», редкостном по звучанию инструменте.

Через два года мой муж, с отличием закончив консерваторию, готовился уехать в Ленинград и тут случайно узнал, что на аукционе продаётся старый «Шрёдер». Он вспомнил слова Глазунова и поспешил на торги. К счастью, инструмент стоил недорого. Так он оказался у нас.

Обнаружив в нашем доме прекрасный инструмент, Салих Сайдашев долго музицировал на нём. В то время мы были первыми слушателями всех его новых произведений. Всё, что было написано для голоса, я тут же пела. Это были незабываемые вечера! Приходу Сайдашева у нас радовались все. Он был для нас не только гениальным музыкантом, любимым наставником, но и большим другом семьи. Мы с мужем были обязаны ему своим личным счастьем – это он нашёл нас друг для друга, познакомил и поженил.

Tatar Dövlət Akademik Teatrı
1933-34-ncı ilgə sezon.

PROGRAMMA

„ZƏŇGƏR ŞƏL“

5 pərdədə musiqikalı, **K. Tencurin** əsəre.
Kompozit. **Salix Səjdəşef** musiqikası.
Rejissor at qazanqan artis **K. Tencurin** postanovkası.
Xudoznik **P. T. Speranski** oformleniäse.
Balet—baletmeister **Gaj Tahirof** postanovkası.
Dirizor **M. B. Şajevic**.
Səhnə inspektori **Canlış M.**
Xormeyster **Gladvova**.

Spektakl başlana 7 səq. 30 minutta
3 nce zvanoktan son tamaşacılar zalğa kertelmi.
Telefon № 2-97, 16-33, 27-31.

QATNAŞUCILAR:

1. Çihanşa	Əcəlilif.
2. Məjsərə	Kajuitskaja, Sakajeva
3. Bulat	Ajdaro.
4. Zahirə	M. Sul'va, Məşəqutova
5. İsan	At qazanqan artis Z. Soltanof.
6. Xədicə	N. Arapova.
7. Mərfuqa	İşannın Xalq artiskası Bolqarskaja.
8. Savira	xatənnar Xanbulina,
9. Fazilə	Niqmetullina.
10. Fətyma	F. Januarisova.
11. Saçidə	Sadıjkova.
12. Nurıj	Səğitof.
13. Əptri	Zakirof.
14. Qələvi	Tahirof Gaj-İlder.
15. Malaj	Qjenəjdullina.
16. 1 nce qarcıq	Kamskaja, Axmadieva.
17. 2 nce qarcıq	Xodzajeva.
18. 3 nce qarcıq	Muxamadieva.
19. Kulak	Qasıjmov.
20. 1 nce qart	Ə. Xisəmov.
21. 2 nce qart	Xanlof.
22. 3 nce qart	Ziaəttinof.
23. Şəjxi qart	Qizzətof T.
24. Minneqəli	Şamilski.
25. Xəjri	Səğitof.
26. Pətrej	Bariof.
27. Mişka	Ural'ski I, Xəninof.
28. Timuş	Solimənov.

Qızlar, jegetlər, qacqənnar.
Sənqət eşləre çitəkese: **Riza İsmurat.**
Direktor **Ramazanof.**
Baş administrator **Qudaşef-Gasprinski.**

Татгавлит № 1947. Наряд № 003117. Тираж 1000
Татполиграф. Казань, ул. Миславского, 4. 1933

Вся жизнь – в музыке

Галия Кайбицкая

Из больших событий в истории татарской музыки на меня особое впечатление произвели два.

Первое – торжественный юбилей, посвящённый 50-летию со дня рождения Салиха Сайдашева. Подводя итоги творческого пути композитора, мы радовались росту нашей музыкальной культуры.

Второе – похороны нашего любимого композитора. Тысячи людей прощались с ним под звуки траурного марша. Когда его опускали в могилу, по завещанию самого Сайдашева исполнялся бодрый оптимистический «Марш Красной Армии». Это не случайно: всё творчество Салиха Сайдашева проникнуто любовью к жизни. И даже на похоронах его марш прозвучал могучим призывом к жизни.

Творчество Салиха Сайдашева сопутствует героическому труду и борьбе нашего народа. Его глубоко прочувствованные мелодии разделяют с людьми и горе и радость. Начиная с гражданской войны и до наших дней музыка Салиха Сайдашева помогала народу строить новую жизнь, социализм. Потому его творчество занимает огромное место в истории не только татарской музыки, но и всей советской музыкальной культуры.

Любопытно, что Салих не искал мелодий. «Мои песни как будто сами собой рождаются», – говорил он.

Я, как артистка, певица, начиная с 1923 года в течение многих лет работала вместе с Салихом Сайдашевым. Задумчивый, голубоглазый, с немного вдавленным подбородком на милом улыбчивом лице, очень предупредительный, приветливый и мягкий по характеру, Салих мне и сейчас кажется живым.

Салих Сайдашев умел говорить непринуждённо и весело. Люди, слушая его, отмечали: «Сайдаш и в разговоре, как в музыке, – слушать его приятно и легко».

На отдыхе

Сара Садыкова¹

 1930 году я приехала в Казань, и мы очень подружились с Салихом Сайдашевым. В 1934 году мы поехали учиться в Москву, в оперную студию. В Москве Салих Сайдашев подружился с педагогом по теории музыки В.В. Соколовым; их часто видели вместе. Муса Джалиль был литературным руководителем нашей студии, он часто виделся с казанцами, и в этих встречах всегда участвовал Салих Сайдашев.

В период обучения в оперной студии мы ездили на летние каникулы в Уфу. Здесь проводились вечера-концерты татарской и башкирской музыки. В этих концертах принимал участие и Салих Сайдашев, он дирижировал оркестром при исполнении произведений татарских композиторов.

Салих был чист душой, и музыка его шла от сердца. Человек по характеру добрый, он готов был каждому помочь в беде, со всеми был вежлив, обходителен. И люди отвечали ему тем же. Стоило Сайдашеву войти в театр, как отовсюду его тепло приветствовали. Музыка Сайдашева помогала сразу же установить контакт со слушателями, поэтому я часто начинала свои концерты арией Гульюзум из музыкальной драмы «Наёмщик». Не будет ни ошибкой, ни преувеличением сказать, что своего «Соловья» Сайдашев написал для моего голоса. Арии Фариты из спектакля «На Кандре» он сочинил, имея в виду в качестве исполнительниц меня и Галию Кайбицкую.

И ещё: мне нравилось в Салихе то, что он был очень спокойный, сдержанный. Помню, после успешного концерта в Уфе мы все отправились отдыхать на 12 дней в деревню Абдуллино. Салих любил забираться в густой тальник на берегу Дёмы и тихо сидеть там с удочкой. Иной раз я с озорством, играя на гармонии, с песней врывалась в укромный уголок Салиха. И даже тут он не сердился, не хмурился, только улыбнётся, бывало, и скажет:

– Что ты делаешь, Сара, ведь рыбу распугаешь!

¹ **Сара Гарифовна Садыкова** (1906-1986). Певица, актриса, композитор, народная артистка ТАССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая.

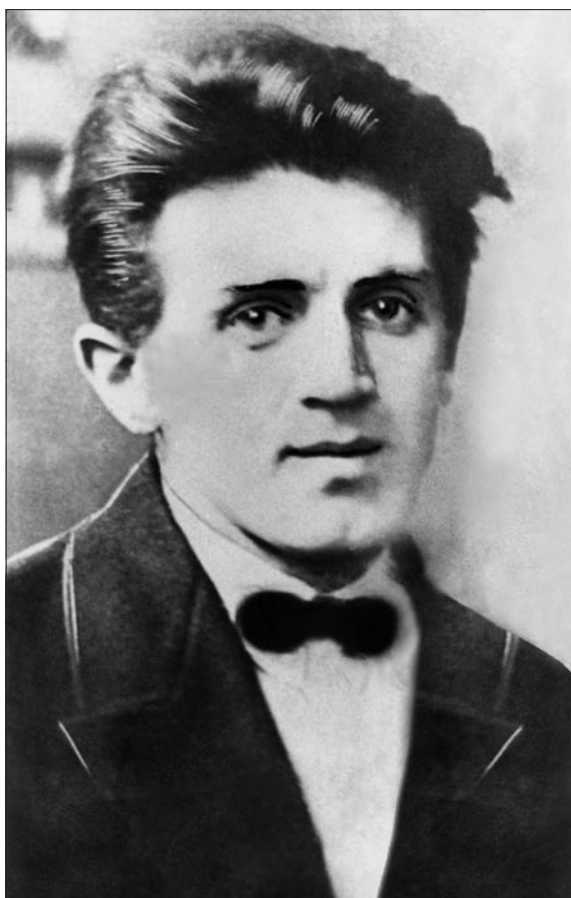
Коллектив Татарского академического театра.
Третий во втором ряду – Салих Сайдашев. 1927 год

В те годы

Габдрахман Минский¹

Салих Сайдашев. 1929 год

Октябрю не было и десяти лет. Юношеский, двадцатилетний возраст татарского театра. У него ещё нет ни славного звания «академический», ни ордена, ни громкого титула «имени Галиаскара Камала». Галиаскар абзый и сам ещё жив; не только жив – работает не зная устали...

В эти дни наши, ныне известные современники, украшающие историю татарской культуры, только что загорелись первыми звёздами на небе Октября. Мы то и дело видим их имена на казанских афишах, встречаем их на сценах театра, комклуба, горячо приветствуем их замечательную музыку, песню, их актёрскую игру, многократно вызываем на «бис». Все молоды, красивы и, как это свойственно молодости, талантливы, все добросовестны и скромны, как это свойственно таланту. Была ли в те годы для них более высокая награда, чем овации переполненных залов! Они и сами вполне довольны этим, и если аплодисменты

¹ Габдрахман Мухамметович Минский (Аллабирдиев), 1906-1983. Татарский писатель и драматург.

искренни, от души, они готовы были, не сходя со сцены, исполнять весь свой репертуар. А народу, стосковавшемуся по музыке, песням, театру, только это и нужно. Ведь в те годы ещё не было ни радио, ни телевидения. Даже граммофон, прошумевший в начале XX века как технический прогресс, теперь превратился в редко встречающуюся «мелкобуржуазную вещь».

В один из таких дней в театре (в помещении нынешнего ТЮЗа) состоялся концерт. Из числа многих «больших концертов», «музыкальных вечеров», посвящённых началу или закрытию сезона, он сохранился в памяти и тем, что в этом концерте участвовали и мы, молодёжь, студенты театрального техникума. Этот концерт имел непосредственное отношение к нашему техникуму. Концерт был организован Казанской музыкальной школой, а мы посещали там раз в неделю уроки музыкальной грамоты, слушали лекции Султана абзый Габаша.

Мы участвовали в татарском хоре, которым начинался этот концерт. Песню запевал солист, девушки, подражая гусям, выводили тонкими голосами «Кый-гак, кыйгак!», а мы должны были петь, подражая уткам: «Бак-бак-бак-бак!». Судя по бурным аплодисментам, мы довольно успешно изображали уток. Это можно было заметить и по выражению лица Габаша абзый. Такой успех, разумеется, был очень приятен и для нас. Правда, один попытался положить «в бочку мёда каплю дёгтя», дескать, мы... «утки театрального училища»... И кто бы, вы думаете, так сказал? Такой же тонкий, как мы, юноша; разница лишь в том, что на шее у него был чёрный бантик. А в те годы шла беспощадная борьба не только с такими «пережитками капитализма», как бантики, но даже галстуки считались признаком мещанства. И вот, оказывается, мы для этого пижона с бантиком – «утки театрального училища». Габаша абзый, видимо, сразу заметил наш гнев, потому что сказал насмешнику:

– Ты погоди смеяться, Салих! Увидишь, настанет время, когда они соловьями станут...

Позже, когда я ближе познакомился с Салихом Сайдашевым и знакомство наше перешло в дружбу, я понял, что этот красивой души, жизнерадостный человек – большой шутник и остролов. Помнят ли знавшие его близко люди, чтобы Салих был когда-нибудь неприветлив, хмур? Даже в последние дни своей жизни, в конце 1954 года, когда мы с поэтом Ахметом Файзи вошли в палату, где лежал больной Салих Сайдашев, он встретил нас шуткой и приветливой улыбкой.

Возвращаясь к 30-м годам с этой последней встречи, я хотел бы остановиться на нескольких эпизодах, характеризующих облик великого композитора.

Летние месяцы были обычно насыщены гастрольными выступлениями. Казанские артисты выезжали в другие города, а в освободившихся зданиях каждую неделю проходили концерты какого-нибудь известного артиста. Если вчера прославленный солист Большого театра Союза ССР Пирогов потряс казанцев исполнением арий Мельника и Мефистофеля из опер «Русалка» и «Фауст», то сегодня идёт «Отелло» с участием знаменитого трагика Мухтара Мутина. А вот

свеженаклеенные афиши сообщают о приезде Айседоры Дункан. Говорят, что в Казани будет выступать и поэт Владимир Маяковский.

В один из таких богатых гастролями дней в Казань приехала известная балерина Екатерина Васильевна Гельцер. В те годы на лучших сценах Советского Союза с большим успехом шёл балет «Красный мак». Постановка в полном смысле слова нового советского балета, да ещё с участием такой звезды балета, как Екатерина Васильевна Гельцер, естественно, была большим событием для казанцев. На этом спектакле я встретился с Салихом Сайдашевым и Аделем Кутуем. Впечатление было потрясающим; в антрактах мы, перебивая друг друга, делились мнениями. Хотя разговор наш во всех подробностях не сохранился в памяти, я крепко запомнил одно: оказывается, и в такой строго канонизированный и, на первый взгляд, не поддающийся «изменениям» жанр искусства, как балет, можно вложить революционную идею и новое содержание! Для нас это было настоящим открытием.

После этой встречи наше знакомство с Салихом Сайдашевым сразу окрепло. Дело в том, что он был художником большого диапазона и работал, поклоняясь не только своей музе, но и в тесной связи со всеми видами литературы и ис-

Салих Сайдашев с первым исполнителем его произведений Ситдиком Айдаровым

кусства. Он горячо любил литературу, театр, был в большой дружбе с писателями, артистами. Эта дружба ценна не только как биографический факт жизни Сайдашева – она имеет значение для истории развития театра, литературы как творческое содружество. Это содружество Сайдашева с поэтами, драматургами Каримом Тинчуриным, Фатхи Бурнашем, Хади Такташем, Аделем Кутуем, Тази Гиззатом явилось новым и знаменательным событием в развитии татарского театра. Пьесы «Угасшие звёзды», «Хусайн Мирза», «Голубая шаль», «Родина», «Наёмщик», «На Кандре», созданные в содружестве авторов с композитором, заслужили горячее признание тысяч зрителей татарского театра; они также сделали и самого Сайдашева любимым в народе композитором. Да, Сайдашев получил в музыке славу Тукая, как отметил Адель Кутуй.

Характерная черта Салиха Сайдашева как пропагандиста музыкально-

го искусства – умение пробуждать в людях любовь к музыке. В истории татарского театра был такой период, когда зрители ходили на спектакли главным образом ради музыки Салиха Сайдашева. Уже это влекло к нему всех писателей – начинающих и известных.

Сайдашев убеждал нас, молодёжь, знакомиться с наиболее высокой формой музыкального искусства – оперой. В связи с этим хочется рассказать такой эпизод. Летом 1928 года в Казань приехала прославленная исполнительница партии Кармен Фатима Мухтарова. Газета «Кызыл Татарстан» искала подходящего человека для написания рецензии.

– Попробуйте предложить Сайдашеву, – посоветовал я.

Договориться с ним поручили мне.

Встречаюсь с Сайдашевым, говорю ему – так, мол, и так. Он горячо поддерживал идею о рецензии, но отказался написать её сам. Сайдашев посоветовал мне непременно послушать «Кармен». «Если не сходишь, многое потеряешь», – сказал он. Мы решили пойти вдвоём.

Опера «Кармен», которую мы прослушали в Казанском Большом театре, глубоко потрясла меня своей изумительной музыкой, превосходной драматургией, темпераментным, мастерским исполнением партии Кармен Фатимой Мухтаровой... И с этого вечера я почувствовал себя одним из поклонников оперы. В антракте Салих рассказал мне историю создания оперы «Кармен», о судьбе композитора Бизе. Рецензию я предварительно показал Салиху, он внёс коррективы, исправления, и она была напечатана в газете «Кызыл Татарстан»...

Осенью того же 1928 года меня призвали в ряды Красной Армии, и я начал свою службу в первом татарском полку стрелковой дивизии под командованием Якуба Чанышева. В дни праздников я отправлялся в город, спешил в Татарский государственный Академический театр. В зале театра можно было каждый вечер встретить Хади Такташа, Аделя Кутуя, Фатыха Карима, а в свободное от спектаклей время – Шакира Шамильского, Хакима Салимжанова, Ситдика Айдарова, Салиха Сайдашева.

В одну из таких встреч Сайдашев пригласил меня в свой кабинет. Татарский театр только что переехал из тесного помещения в новое здание нынешнего Академического театра – бывший Дворец Красной Армии. Заведующий музыкальной частью Салих Сайдашев тоже разместился со своим роялем в одной из просторных комнат этого здания. Сначала он сыграл мне на рояле несколько новых своих произведений. Затем завязалась беседа. Я был уже одним из молодых драматургов, и моя пьеса была поставлена на сцене татарского театра. Естественно, Сайдашева не могло не интересовать, над чем я работаю теперь, надев шинель и шлем. Оказалось, он и сам задумал марш для Красной Армии. Словом, в этой беседе укрепилось решение написать пьесу из жизни Красной Армии. Салих, как говорится, зажёг меня.

– Напиши-ка, Габдрахман, пьесу, в которой был бы маршевый эпизод и несколько походных песен...

**Салих Сайдашев и Сулейман Валеев-Сульва.
1928 год**

И вот наступил этот день. Своё новое произведение «Шлем» я представил на художественный совет татарского театра. Произведение прочитали, его и хвалили, и критиковали. Всего я не запомнил, но сохранилось в памяти, что Шариф абый Камал дал пьесе положительную оценку. Начались репетиции. Постановщиком был назначен страстный и беспокойный по натуре, горячий поборник нового, режиссёр-коммунист Сулейман Валеев-Сульва. Главные роли готовили такие признанные артисты, как Хаким Салимжанов, Асгат Мазитов, Марьям Сульва, Галия Булатова.

Сайдашев, забыв обо всём на свете, создавал музыку к пьесе. У него была одна изумительная черта: в процессе работы он то и дело приглашал автора в свой кабинет, чтобы сыграть какой-то отрывок, посоветоваться. В другой раз снова звал: «Послушай-ка, я по твоему совету кое-что изменил...». Мы знали ещё одного человека, так же близкого людям своим творчеством, так же любившего прислушиваться к совету, критике. Это – Хади Такташ. Должно быть, в этой простоте и таился секрет величия двух огромных талантов татарской поэзии и музыки.

Премьера «Шлема» прошла хорошо. Зрители тепло приняли спектакль. Особое признание получила музыка, написанная Салихом Сайдашевым.

Хочу остановиться на одном эпизоде, особенно характерном для творческой биографии Салиха Сайдашева. Это – культпоход красноармейцев на спектакль «Шлем». Тот вечер до сих пор у меня перед глазами как что-то необычайное.

Театр. В его больших залах, фойе, на лестницах, в гардеробной, буфете, коридорах стоит гул, оживление. Куда ни глянь – всюду зелёные гимнастёрки, гулко топающие солдаты. А когда в зале погас свет и на сцене начались эпизоды из жизни Красной Армии, родилась внутренняя близость между залом и сценой, она всё росла, ширилась, дойдя к финалу до апофеоза.

Финал!

От марша Сайдашева дрожат стены театра. Красноармейцы маршируют по сцене. Зал встаёт и бурно аплодирует. Марш Сайдашева звучит вторично. Сидящие в зале красноармейцы под впечатлением спектакля бросаются к сцене. На сцене они обнимают, поздравляют артистов. Вот «вытаскивают» режиссёра. Раздаются голоса: «Сайдаш! Сайдаш!». Немного ошеломлённый, но не потерявший своей простоты Салих скромно, как виноватый, выходит на сцену. Зал гре-

мит. Слух ловит реплики солдат: «Ой, парень, да ведь он совсем такой же, как мы, этот Сайдаш! Откуда берётся у него такое, а?!»...

* * *

После этих событий прошло десять лет, и мне снова довелось встретиться с Сайдашевым и даже принять участие в небольшом творческом процессе. «Небольшим» называю его в сравнении с огромным размахом деятельности Сайдашева, а для меня это было долгожданным счастьем.

Осенью 1940 года татарский театр готовил мою комедию «Гульчачак». Дирекция театра пригласила меня на премьеру. Прожив долгие годы в разлуке с друзьями (я работал тогда на Бакинской киностудии), буквально летел в Казань. Но премьера не состоялась, остались только расклеенные афиши. Мне предложили переделать пьесу. Салих Сайдашев написал к спектаклю песню «Голубое озеро». Пьесу ставил режиссёр Сулейман Валеев-Сульва. Наконец, спектакль был готов, выпустили новые афиши. Как раз в эти дни в татарском театре состоялся большой концерт. Усман Альмеев исполнил песню «Голубое озеро». Конферансье объявил:

– Песня «Голубое озеро» из готовящейся к постановке комедии «Гульчачак». Музыка Салиха Сайдашева...

Может быть, поэтому в день премьеры «Гульчачак» в кассе не осталось ни одного билета. Тепло принял зритель первый спектакль, однако были и неодобрительные отзывы. Словом, произведение вызвало споры...

Ещё через десяток лет после этих событий мы снова встретились с Сайдашевым. Ходили на его концерты, слушали его музыку. Были свидетелями огромной любви народа к своему композитору.

И вдруг Салих пропал. Оказывается, болен. Увезли лечить в Москву. Приехав в Москву, я позвонил поэту Ахмету Файзи, спросил, как попасть к Сайдашеву. Ахмет, оказывается, не знал о его болезни. Решили сходить в больницу вдвоём. И вот с пакетами апельсинов, лимонов входим к Салиху. Увидев нас в белых халатах, он просветлел. Затем, держась за длинное полотенце, привязанное к кровати, сел в постели... Мы заметили, что лицо его болезненно сморщилось. Сайдашев постарался улыбнуться:

– Ну, расскажите, друзья, что нового в Казани?

Я стал рассказывать казанские новости...

Вдруг в палату вошла худощавая женщина в белом халате:

– Вы что? Забыли?

Да, действительно заговорились: вместо пяти минут просидели почти двадцать. Салих попытался вступить за нас.

– Няня, знаете, мне с ними очень хорошо, пусть посидят.

Пожелав нашему другу скорого возвращения, пообещав всё подробно рассказать, когда он вернётся, мы распрощались с ним и вышли. Теперь мы встречаемся с Салихом Сайдашевым только в мире его волшебной музыки...

Творческая дружба

Масгуда Бурнашева¹

В 1925 году наша семья переехала из Буинска в Казань, и мы часто стали встречаться с Салихом Сайдашевым, так как жили на одной квартире с Фатхи абый Бурнашевым, а Салих абый и Фатхи абый были большими друзьями и часто работали вместе. Сайдашев написал музыку примерно к двенадцати произведениям Фатхи абый. Перед каждой премьерой они трудились особенно напряжённо, не замечали, как летит время; зачастую Салих абый даже оставался у нас ночевать.

В результате их творческой дружбы появилась на свет и песня «Бибисара» к драме «Хусаин Мирза». Фатхи абый посоветовал Сайдашеву включить в спектакль «Камали карт» («Старик Камали») новую народную песню «Комсомолка Нафиса», которая впоследствии вошла в репертуар профессиональных исполнителей.

Сайдашев советовался с Фатхи абый и по поводу песенных текстов других авторов. Помню, что он приносил произведения Тази Гиззата и просил переделать некоторые места:

– Вот это место не сходится с музыкой. Фатхи, нельзя ли его изменить? А здесь не совпадает ударение, здесь есть лишние звуки, слоги, надо укоротить слова.

...Однажды я прихожу домой и вижу – на полу посреди комнаты сидит Салих абый, вокруг него разложены отдельные части пианино, в руке – камертон.

– Это пианино превратилось в несмазанную арбу. Невозможно играть. Хочу вот наладить, – предупредил он меня.

Салих абый возился три дня, но пианино починил и настроил.

...Поставили оперу «Сания». Премьера была большим праздником. Многочисленные слушатели бурно ликовали. Пришёл на премьеру и Фатих Амирхан. Однако в опере было немало недостатков. Во-первых, из-за отсутствия в татарской музыке многоголосия не понравился хор. Во-вторых, в пении некоторых ар-

¹ **Максуда Бурнашева.** Жена родного брата поэта и драматурга Фатхи Бурнашева.

тистов искажалась татарская литературная речь, и значение слов было трудно уловить. Вернувшись после премьеры домой, Фатхи абый с Сайдашевым решили написать пародию, и в ту же ночь принялись за дело: Фатхи абый писал слова, Салих Сайдашев – музыку. Помню «Лягушачью свадьбу» из этой пародии:

*Бакакак, бакакак,
Головой по льду – вот так.
Не плачь, старуха, не рыдай –
Куплю я вышитый башмак.*

После этого добавлялись слова «Магырым, багырым» (Магрушенька, душенька) – критиковалось плохое произношение артистов. Эта пародия была исполнена с огромным успехом на одном из литературных вечеров.

...При Московской консерватории была организована Татарская государственная оперная студия, заведующим литературной частью которой до Мусы Джалиля был Фатхи абый. Он написал оперные либретто «Лачыннар» («Соколы») и «Югалган шатлык» («Потерянная радость») – из жизни татарской женщины до Великой Октябрьской социалистической революции. На либретто «Югалган шатлык» Салих Сайдашев начал сочинять оперу. Фатхи абый и Салих абый довольно долго работали над ней. Приходя к нам, Салих абый проигрывал отдельные отрывки из этой оперы, выслушивал замечания Фатхи абый.

Вскоре их творческой дружбе суждено было прерваться, и совместно начатые произведения остались незавершёнными.

Из воспоминаний музыкального редактора

Юрий Виноградов¹

 первые с Салихом Сайдашевым я встретился в 1922 году на одном из домашних уроков у профессора Ксаверия Александровича Корбута. Учащихся-татар, владевших классическим репертуаром, в те годы было очень мало. Уже поэтому пришлось удивиться, когда на вопрос: «А кто это играет сонату Моцарта?» мне ответили: «Сайдашев, частный ученик Ксаверия Александровича». Но удивление ещё больше возросло при сообщении, что Сайдашев – не только талантливый молодой пианист, но и композитор, которому «сам» Корбут даёт уроки гармонии.

Что играл тогда Салих, занимаясь у Корбута, сейчас сказать трудно, но очень музыкальное исполнение сонаты Моцарта запомнилось надолго.

Следующей неожиданностью была встреча с Сайдашевым на каком-то большом концерте, состоявшемся после торжественного заседания в Татарском драматическом театре. Здесь я впервые увидел Салиха за дирижёрским пультом как исполнителя собственных произведений. Если сама музыка не произвела особенно большого впечатления (вероятно, потому, что исполнялись небольшие отрывки из музыки к драматическим спектаклям), то на дирижёра, спокойно и уверенно управлявшего симфоническим оркестром театра, я глядел во все глаза. Татарин-дирижёр, к тому же ещё пианист-композитор, – такое в середине 20-х годов в Казани воспринималось как явление исключительное.

Во владении жестом Салих был тогда ещё не свободен от так называемой капельмейстерской манеры, усвоенной им ранее, при работе в военных духовых оркестрах. Сказывалось это главным образом в том, что в движении преиму-

¹ **Юрий Васильевич Виноградов** (1907-1983). Композитор, музыковед, педагог, заслуженный деятель искусств ТАССР.

Письмо Салиха Сайдашева,
адресованное Василию Ивано-
вичу Виноградову. 5 декабря
1934 года

Москва 5/XII-34.
Уважаемый Василий Иванович!
Получив Ваше второе письмо
немедленно сообщил в Верховную
о нарушении Вами от них при-
читающихся Вам авторского
почина, и они обещали этот
вопрос вынести и обратит-
ся на парту за вынесе-
нием. С кризисом же Салих
(мой отец) узнал что Вы уже
покинули эту сцену.
Недавно я был в Москве
встретил Ильява, он расска-
зал о Ваших успехах по офор-
млению пьес, а был чрезвычайно
по этому обрадован и считает

щественно находилась тактирующая кисть, а предплечье и плечо оставались в покое. Лет через пять-шесть дирижёрский жест Сайдашева стал гораздо более пластичным, свободным, что, можно думать, не без плодотворного следования дирижёрской манере А.А. Литвинова.

В 30-е годы отец мой, Василий Иванович Виноградов¹, очень сблизился с Сайдашевым. Способствовало этому, во-первых, то, что отец, как руководи- тель оркестра Татарского радиокомитета, часто исполнял произведения Салиха, зачастую меняя и приспособлявая их оркестровку к небогатым воз- можностям оркестра, что осуществлялось обычно в контакте с автором. Во- вторых, возрастало творческое участие Василия Ивановича Виноградова в музыкальных оформлениях спектаклей ТГАТа. Не только сам Сайдашев, но и многие ведущие артисты и режиссёры театра всё чаще стали бывать у нас дома. Когда в 1934 году Сайдашев уехал в Москву, на посту дирижёра, ком- позитора и заведующего музыкальным цехом его заменил именно Виногра-

¹ **Василий Иванович Виноградов** (1874-1948). Русский советский композитор и скрипач. Заслуженный деятель искусств ТАССР. Автор (совместно с Султаном Габаши и Г. Альмуха- метовым) первой национальной татарской оперы «Сания» (1925, Казань), оперы «Рабочий» (1930, Казань), симфонических, камерно-инструментальных сочинений, обработок народных песен и др.

Салих Сайдашев. 1927 год

дов, – по настойчивой рекомендации Сайдашева. Автору этих строк не раз приходилось в домашней обстановке слушать игру Салиха на рояле. Много и охотно играл он не только татарские народные песни в собственной гармонизации, но и классику, например, отрывки из «Евгения Онегина».

Вскоре наши встречи стали ещё более интересными. Дирекция Таткнигоиздата решила опубликовать несколько самых популярных произведений Сайдашева и предложила мне их музыкальное редактирование. Сайдашев принёс в 1936 году кипу рукописей, из которых мы отобрали известнейший «Марш Красной Армии» и ряд песен. При знакомстве с ними «вплотную» напрашивались некоторые изменения. Расспрашивая автора о деталях, слушая его «обоснования», я тогда впервые понял, с каким исключительным по яркости творческим дарованием свела меня судьба.

Творчество Сайдашева получило всенародное признание в Татарии уже в 20-х годах, быстро найдя отклик и за пределами республики. И можно лишь удивляться тому, что произведения его фактически не издавались в течение тридцати лет. Лишь в 1952 году этот «вакуум» был отчасти заполнен благодаря выходу в свет сборника песен композиторов Татарии, включавшего семьдесят названий, явившегося своеобразной антологией, показавшей достижения композиторов ТАССР в данном жанре¹. Наряду с песнями Назиба Жиганова, Александра Ключарёва, Джаудата Файзи, Загита Хабибуллина, Фарита Яруллина, Мансура Музафарова и других в сборник вошли двенадцать песен и арий Салиха Сайдашева. Они открыли мне новые стороны творческого дарования Салиха, в частности, блестящее владение эстрадной песней («Сандугач» – «Соловей» и др.). Несмотря на малоудачные русские переводы, песни и наиболее значительные арии из музыкально-драматических пьес («Кара урман», арии Гульюзум) получили, благодаря публикации их в сборнике, заметное распространение и среди русских вокалистов.

¹ Имеется в виду «Сборник песен композиторов Татарии» (Казань: Татгосиздат, 1952; редакция: А. Ерикеев, Дж. Файзи, Ю. Виноградов).

Однако двенадцать песен и арий представляли собой лишь незначительную часть созданного Сайдашевым за три десятилетия. Издание первого авторского сборника композитора частично восполнило этот пробел¹. Редактирование его оказалось не только более интересным, но и более трудным. Выяснилось, что далеко не у всех музыкально-драматических пьес Салиха Сайдашева имелись оркестровые партитуры. Как объяснил сам композитор, он, прекрасно зная сочинённую им музыку, в партитуре не нуждался, сразу расписывал оркестровку на голоса. Поскольку хранение оркестровых партий находится обычно в условиях, далёких от идеальных, многое из оркестровых сочинений Сайдашева, по видимому, уже тогда было безвозвратно утеряно.

Одновременно выяснилось и другое: что ряд песен сохранился в авторском портфеле лишь в эскизах, в виде записи одной мелодии, причём автор, утратив к ним в какой-то степени интерес, даже не стремился привести в порядок такого рода «эскизы», многое и многое целиком «передоверяя» редактору. Возник целый ряд весьма нелёгких задач, с которыми нужно было справиться. Разумеется, без наличия уже полученного опыта работы над рукописями Салиха это необычное редактирование вряд ли было возможным: текст приходилось восстанавливать интуитивно. Естественно, что при таком подходе к рукописи ничто не шло в печать без основательного совместного обсуждения, причём при наличии безусловного согласия и одобрения автора.

Последним сборником, увидевшим свет ещё при жизни автора, оказались «Балалар җырлары» («Детские песни». – Казань: ТКИ, 1954) на слова А. Ерикеева, Ш. Маннура, Г. Насрия (Насретдинова), М. Садри, С. Урайского.

Наиболее полно песенное творчество Сайдашева представлено в посмертном сборнике², вышедшем в числе других изданий, подготовленных к Декаде татарского искусства и литературы, состоявшейся в Москве в 1957 году.

¹ Имеется в виду сборник «Салих Сайдашев, Җырлар һәм ариялар» (Казань: Татгосиздат, 1952; ответственные редакторы: Ю. Виноградов, А. Исхак).

² Имеется в виду сборник «Салих Сайдашев. Избранные произведения для голоса, хора и фортепиано» (Казань: Таткнигоиздат, 1957).

Горжусь им

Ширияздан Сарымсаков¹

Всё самое лучшее, самое талантливое было создано Салихом Сайдашевым в период работы в Татарском государственном Академическом театре. Здесь он был композитором, дирижёром, руководителем музыкальной части театра. В этом театре тогда были сосредоточены главные музыкально-исполнительские силы татарской сцены. Хорошие для своего времени оркестр, хореографическая и хоровая группы создавали условия для постановки музыкальных спектаклей. В этот период Сайдашев творил легко, одержимо, приподнято. Он был наполнен музыкой, искавшей повода появиться на свет.

В творческом сотрудничестве Сайдашева с театром, точнее, с режиссурой театра, было одно своеобразие. Он писал свою музыку не для спектаклей с их образным строем, а для пьесы, для текста пьесы. Если ему импонировала пьеса, если он воспринимал её близко, душевно, то без дальнейших разъяснений режиссёра он мог довольно быстро написать музыку. Поэтому каждое его произведение является самостоятельным, не теряет своей цельности и значительности и вне пьесы – спектакля. Тем не менее, музыка Сайдашева почти всегда соответствует духу литературного произведения.

Заказы были для Сайдашева трудноисполнимы. Помню случай: в годы войны наш театр ставил драму Тази Гиззата «Изге эманэт» («Священное поручение»). По ходу спектакля нужны были два-три вокальных номера для образа молодой девушки, потерявшей близких. Сайдашев относительно быстро их написал, но песня не соответствовала драматическому настроению, она получилась лиричной, хотя сама по себе интересной. Как мы ни старались убедить его написать песню иного характера, ничего не получилось. Первоначальное восприятие композитором образа в лирическом плане осталось неизменным. Мне кажется, Сайдашев – композитор первого восприятия, первого впечатления. Он как бы раз

¹ **Ширияздан Мухаметзянович Сарымсаков** (1911-1999). Режиссёр Татарского академического театра, педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР и ТАССР, профессор, лауреат Государственной премии ТАССР имени Габдуллы Тукая.

и навсегда оформленный. Его индивидуальность, его творчество – законченное явление, со всеми достоинствами и недостатками. Он неповторим.

Неповторим он и в личных, человеческих качествах. Он сохранился в моей памяти человеком огромного обаяния, исключительного такта.

Мне рассказали один интересный эпизод. Зимой 1924 года после спектакля Татарского театра (ныне академического имени Галиаскара Камала) Сайдашев остался на всю ночь в помещении театра вместе с его сторожем, старым человеком. Они затопили печку в одной из комнат театра и стали печь картошку в золе. К ним присоединились известная уже в то время татарская артистка Нафига-ханум Арапова, жившая при театре, и студентка театрального техникума Галия Булатова. Они просидели всю холодную зимнюю ночь у огня горевшей печи. Как вспоминает Галия Булатова, много народных песен пел Салих Сайдашев, особенно запомнились «Сэгать чылбыры» («Цепочка от часов») и «Зөлхижә» (имя девушки). Тем, кому удалось слышать в исполнении Сайдашева народные или его собственные песни, трудно их забыть. Мягкого тембра лирический тенор Сайдашева гармонировал его душевному настроению.

Салих Сайдашев и Тазигиззат во время репетиции «Наёмщика». 1928 год

Мои встречи с любимым композитором

Фаузия Файзи¹

 1937 году для подготовки спектаклей «Аршин мал-алан» и «Галиябану» Салих Сайдашев пригласил меня в ТГАТ на должность пианистки. С тех пор долгие годы мы работали вместе.

Особенно запомнился мне 1938 год, работа над музыкой к пьесе Тази Гиззата «Бишбүлэк». Помню, как увлечённо создавал Салих Сайдашев сольные и хоровые номера. Часто, не щадя себя, он часами трудился ночью. В окна нашего общежития можно было видеть в полночь его склонённую над инструментом голову, а утром, придя в театр, я снова встречала его бодрым, жизнерадостным.

Ставил пьесу режиссёр Сулейман Валеев-Сулва. Салих абый садился за инструмент и с воодушевлением проигрывал всё новые песни и хоры. Часто, останавливаясь, спрашивал: «Как? Хорошо?». В иных случаях менял аккорды, очень прислушивался к мнению окружающих, хотел, чтобы каждая нота, каждый аккорд дошли до сердца слушателей. В работе много внимания уделял точному исполнению нюансов.

Из пьесы «Бишбүлэк» Салих Сайдашев особенно любил песню партизан – часто напевал первую её часть – и хор девушек «Өмэ жыры». Помню, было три варианта вступления к пьесе. Я их много раз проигрывала. Затем Салих Сайдашев остановился на втором варианте. Премьера «Бишбүлэк» прошла с большим успехом, песни из этой пьесы стали любимыми народом.

Время, которое отводилось прослушиванию музыки с артистами, Салих абый называл «музыкальным антрактом». Я проигрывала ряд произведений из моего

¹ **Фаузия Хабибрахманова Файзи** (1916-1997). Пианистка, хоровой дирижёр, педагог, заслуженная артистка Узбекской ССР. С 1953 по 1960 год – хормейстер Большого театра оперы и балета имени Алишера Навои. С 1960 по 1981 год – преподаватель Ташкентского театрально-художественного института имени А.Н. Островского.

скромного репертуара, а Салих абый, покуривая, внимательно слушал. Особенно нравились ему казахские песни, я их знала много, так как работала в Алма-Ате. Помню также, очень понравился ему испанский танец ми-минор Энрике Гранадоса, он несколько раз просил повторить его.

Следующая наша встреча состоялась в Ташкенте в октябре 1949 года. Салих Сайдашев с группой артистов приехал на гастроли для проведения авторских концертов. Я участвовала в этих концертах, аккомпанировала народному артисту ТАССР Рашиду Вагапову. Перед отъездом Салих Сайдашев подарил мне свой вальс, написанный для струнного трио, с автографом.

Салих Сайдашев. 1929 год

Незабываемые годы

Мухаммет Садри¹

Осенью 1938 года, вернувшись из армии, я начал работать в кабинете фольклора, организованном при управлении по делам искусств Совнаркома Татарстана. Правительство возложило на нас обязанности по сбору и сохранению татарских народных мелодий и песен.

В этом кабинете работали музыковед, педагог и композитор Василий Иванович Виноградов и молодой композитор Александр Сергеевич Ключарёв, о котором в 1933 году на страницах газеты «Коммунист», выходившей в Москве на татарском языке, тепло отзывался Муса Джалиль.

Наш кабинет находился в здании театрального училища, неподалёку от Татарского государственного академического театра имени Галиаскара Камала. Как раз в этом кабинете музыкального фольклора в конце 1938 года и состоялось моё близкое знакомство с Салихом Сайдашевым. Кабинет только-только был организован, и Сайдашев зашёл поздороваться с композитором Василием Ивановичем Виноградовым, которого очень уважал. Ключарёва в тот момент не оказалось... Сайдашев сначала, протянув обе руки, поздоровался с Василием Ивановичем, поговорил с ним о том о сём. А когда Василий Иванович представил ему меня, Салих абый и со мной тепло поздоровался. Он поинтересовался деятельностью нашего кабинета. Мы продемонстрировали ему записи народных мелодий, сделанные на валиках фонографа. Начиная с этого дня Сайдашев начал часто заходить к нам, слушать новые записи народных мелодий и с интересом просматривать нотные записи, сделанные с валиков.

В 1939 году мы с Василием Ивановичем Виноградовым совершили поездку по Актанышскому и Мензелинскому районам, по деревням, расположенным на берегах реки Белой, откуда привезли очень много песен и баитов, записанных у самодеятельных исполнителей. Салих Сайдашев был очень рад тому, что наша

¹ Мухаммет Хабибуллович Садретдинов (1913-1999). Татарский советский поэт, заслуженный работник культуры РСФСР. Участник Великой Отечественной войны.

Союз композиторов Татарии в начале 1940-х годов

поездка оказалась успешной и мы привезли много песен, он много раз прослушивал наши новые записи.

В 1940 году Институт языка, литературы и истории организовал экспедицию, в которой от кабинета фольклора принял участие и я. Побывав в Новосибирске, Омске, Томске, в селах вдоль Иртыша, Тобольске и Тюмени, я привёз в Казань сто двадцать неизвестных до тех пор песен. Осенью того же года мы прослушали их вместе с композиторами и музыковедами. Помню, во время обсуждения особо высокую оценку этим песням дал Салих Сайдашев. А на следующий день он со всем вниманием прослушал часть песен ещё раз.

– Да, душа моя, ты проделал очень хорошую работу, – сказал он мне, чем очень меня обрадовал. Так что об особой симпатии Салиха Сайдашева к народным песням я узнал как раз в период работы в этом кабинете. Большая часть сибирских песен впоследствии часто звучала по радио в исполнении наших певцов.

В тот же период Сайдашев заинтересовался и моими стихами. Мои слова, написанные на мелодию народной песни «Каз канаты», на ноты перенёс он. Также он написал музыку на мои стихи «Туган жир».

Война, развязанная фашистской Германией, надолго разлучила нас. Но и на фронтах Великой Отечественной, даже в самые трудные моменты, я не терял надежду вернуться в Казань и вновь встретиться с Салихом абый. Многие его песни, особенно «Марш Красной Армии», жили в моём сердце. Когда в 1945 году наши войска, преследуя врага, дошли до Германии, на первом этаже одного из

разрушенных зданий мы наткнулись на чудом уцелевший рояль. Мои фронтовые друзья – Риза Ишмурат и Гусман Бакиров – до сих пор вспоминают, с каким чувством и грустью я играл на нём мелодии Салиха Сайдашева...

Пройдя Берлин, Прагу, Вену, Будапешт, я вернулся в Казань. Наша встреча с Сайдашевым состоялась в театре, и с этого дня дружба начала только крепнуть. Мы вместе написали немало песен. На мой взгляд, все они получились очень красивыми. Ни одна из них не повторяет другую. Сайдашев попросил меня написать слова для «Голубой шали». Ноты он передал Рашиту Вагапову; я не могу нарадоваться тому, что эта песня сохранилась в его исполнении. Песню «Чишмә буенда» («У ручья») первой по радио исполнила Марьям Рахманкулова. Также хорошо она звучит в исполнении и Фахри Насретдинова.

При жизни Салиха Сайдашева в Татарском книжном издательстве вышла книга нот «Детские песни». Эта книга была переиздана в 1972 году – ещё более красивой и с текстами на двух языках. Туда вошли и песни на мои слова – «Песня о Ленине», «Москва», «Детская песня о партии».

В 1949 году состоялся большой творческий концерт Салиха Сайдашева, на котором Усман Альмеев исполнил юмористическую песню «Заграничные подарки», которая очень полюбилась зрителям. Видимо, ноты этой песни уже потеряны.

В 1950 году, готовясь к своему юбилейному концерту, Салих абый написал на мои стихи песню для хора и оркестра «Слава вам, победители». Она очень красиво прозвучала в исполнении хора и оркестра Театра оперы и балета имени Мусы Джалиля. Видимо, запись этого концерта также не сохранилась. И всё же коллектив радио записал эту песню в исполнении самодеятельного коллектива. У Галии Кайбицкой и Азата Аббасова до сих пор находятся не исполнявшиеся ни разу песни Салиха Сайдашева, написанные на мои стихи.

Салих Сайдашев – наш первый великий композитор, который привёл нас в мир прекрасной народной музыки, который обогатил наше музыкальное искусство. Татарский народ будет вечно хранить в сердце его великолепные произведения, пробуждающие в душе самые красивые и добрые чувства.

Величие таланта

Мухаммет Садри

Салиха Сайдашева, записавшегося добровольцем в Красную Армию в грозном и огненном 1919 году, отправили на очень опасный по тем временам Туркестанский фронт.

Попав на фронт, Салих Сайдашев сначала был трубачом. Затем политотдел Первой армии назначил его заведующим музыкальным отделом татарской драматической труппы. В труппе Сайдашев руководил хором, участвовал в концертах в качестве пианиста, в этот же период им были написаны первые музыкальные произведения – «Долгое путешествие», «Татарский вальс». Чуть позже по приказу политотдела армии он организовал из числа красноармейцев духовой оркестр, разучил с ними революционные песни и марши и в составе доблестной и неукротимой Красной Армии дошёл до Ашхабада...

Молодой маэстро Сайдашев, уже ставший известным по всей армии, на подступах к Ашхабаду неожиданно заболел малярией. Его отправили на лечение в Оренбург, где после выздоровления назначили заведующим Восточной музыкальной школой. Он наладил работу только что созданной школы, пополнил её юными талантами, открыл класс духового оркестра, организовал из представителей талантливой молодёжи духовой оркестр, обучал их, дирижировал оркестром. В летние месяцы юные музыканты под его руководством давали концерты в различных частях Красной Армии.

Известно, что Салих Сайдашев с детства был музыкально одарённым ребёнком. Быстро научившись играть на тальянке, подаренной ему матерью, он начал самостоятельно играть татарские народные мелодии. Затем он брал уроки музыки у видного татарского самодельного композитора Загидуллы Яруллина и освоил игру на рояле, который купил для него муж старшей сестры Шигаб Ахмеров. Вскоре Салих уже довольно хорошо играл на этом инструменте. Както в дом Ахмерова, где жил маленький Салих, пришёл в гости великий поэт Габдулла Тукай. Он с восхищением слушал, как красиво мальчик играет та-

Справа – Хайрулла, брат Шигаба Ахмерова. Стоит – Салих Сайдашев. Слева – Мансур Музафаров

тарские народные мелодии своими маленькими пальчиками, выразил искреннюю радость и посоветовал ему учиться дальше. Воодушевлённый похвалой народного поэта, маленький музыкант попросил дядю отвести его в музыкальное училище. Сдав экзамен опытному пианисту Осипу Осиповичу Родзевичу, Салих поступил в училище.

Шигаб Ахмеров старался воспитывать мальчика разносторонней личностью, умным и добропорядочным, рассказывал ему о передовых людях своего времени. Он водил его в Восточный клуб на спектакли и концерты. Особенно Салиху нравились концерты струнного оркестра, а вскоре он и сам начал участвовать в его выступлениях в качестве пианиста.

Октябрьскую революцию Салих встретил семнадцатилетним юношей. В Казани открылся Коммунистический клуб, и Салих, как молодой музыкант, начал активно

участвовать в его работе. Он слушал там выступления революционера-ленинца Мулланура Вахитова, большевистского командира Якуба Чанышева, познакомился со многими деятелями искусства, организовал самодеятельный оркестр клуба, руководил им и был его дирижёром. Выступления этого струнного оркестра пользовались большим успехом... Весной 1918 года по призыву уездного отдела образования Сайдашев с группой молодых деятелей искусства поехал в Буинск. Там по его инициативе и при его поддержке была открыта музыкальная студия, организованы татарский и чувашский хоры... А в начале 1919 года молодой музыкант возвращается в Казань с намерением отправиться на фронт.

...В годы гражданской войны на Туркестанском фронте, дирижируя в походах организованным им же самим военным оркестром, молодой музыкант ощутил в себе потребность сочинить новый марш. Многие годы он жил этой мечтой, время от времени записывая музыкальные фразы, рождавшиеся в душе, в записную книжечку. Наконец, мечта композитора реализовалась, и он написал «Марш Красной Армии», который прозвучал своеобразной одой нашей армии. Старый коммунист, генерал-лейтенант Якуб Чанышев, писатели и журнали-

сты старшего поколения Габдрахман Минский и Исмагил Усманов до сих пор с волнением вспоминают, как когда-то, в 1929 году, они впервые услышали это произведение в театре. Этот марш звал нашу армию и народ к победе в годы Великой Отечественной войны...

Вспоминаю, как Салих Сайдашев писал музыку к одному из последних стихотворений Мусы Джалиля. Когда в Казань вернулись стихи Мусы Джалиля, написанные им перед смертью в Моабитской тюрьме, мы с нетерпением стали ждать их выхода отдельной книгой. Тогда я работал заведующим отделом литературы и искусства в газете «Совет Татарстаны». В номере газеты за 26 января 1954 года мы решили подготовить литературную страницу, посвящённую десятилетию со дня зверской казни Мусы Джалиля в тюрьме Моабит. Для этого нам нужна была книга Джалиля. В то же самое время должна была выйти и книга Салиха Сайдашева «Детские песни». Когда композитор пришёл в редакцию газеты, мы узнали, что в издательстве уже получены первые – так называемые «сигнальные» – экземпляры книги Мусы Джалиля. В производственном отделе, с условием возврата, нам выдали один экземпляр этой книги. Прочитав большую часть стихов прямо в Доме печати, остальные мы решили дочитать дома... Пройдя через Ленинский сад, мы пошли по Малой Галактионовской улице. Дойдя до дома Шигаба Ахмерова, Салих абый предложил:

– Давай покажем эту книгу и моему зятю!

Шигаб ага выглядел похудевшим, он сутулился и, похоже, неважно себя чувствовал. При виде нас настроение его словно улучшилось, он присел на диван, мы поговорили о том – о сём. Рассказали ему о новой книге.

– Она у вас? Давайте вместе читаем; это очень большое событие, – попросил он.

Сестра композитора Амина ханум тем временем накрыла на стол. За столом мы от корки до корки прочитали книгу Мусы Джалиля.

– Душа моя (Салих абый всегда так ко мне обращался), прочитай-ка ещё раз стихотворение «Мои песни». Я выполнил его просьбу, затем Сайдашев перечитал стихотворение сам и переписал его на лист бумаги.

Когда на следующий день вечером я принёс к нему домой это стихотворение, отпечатанное на машинке, он сидел в задумчивости возле пианино. Тепло поздоровавшись, он посмотрел на меня своими ясными голубыми глазами и сказал:

– Со вчерашнего вечера непрерывно думаю о Мусе. Не заметил, как день пролетел; послушай вот эту мелодию, звучит ли она?... – и он сыграл музыку, написанную к стихотворению «Мои песни». Как оказалось, я слушал тогда последнее произведение великого композитора...

Салих Сайдашев и Мухаммет Садри в гостях у Шигаба Ахмерова. 1954 год

Навеки в наших сердцах¹

Мухаммет Садри

Мы провожали его на лечение в Москву с самыми тёплыми и светлыми пожеланиями. На вокзал пришли многие его друзья. Мы верили, что он выздоровеет и с новыми силами примется за творчество.

Вот какие тёплые письма писал он:

«Дорогой друг Мухаммет!

Сегодня уже 11 сентября. А я, раньше времени расставшись с летом, лежу теперь в Московской хирургической клинике имени Вишневского. Знакомые и приятели, родные и друзья всегда у меня перед глазами, только поговорить нельзя.

¹ Статья «Мәңге безнең йөрәкләрдә» («Навеки в наших сердцах») печатается с сокращениями.

[illegible]

Последнее письмо Салиха Сайдашева, адресованное Мухаммету Садри 11 декабря 1954 года

Доехал хорошо. В день приезда (27 августа) попал на приём к профессору Алипову. Он тут же посмотрел рентген и сказал: «У вас на левом лёгком киста, дней через пятнадцать будем оперировать», так что пока лежу в ожидании операции.

Клиника большая, народу много, говорят на разных языках; есть и иностранцы. Многие из них после операции желты, как осенние листья; словно покаленные, ходят, опираясь на палку. Глядя на них, я тоже, говоря языком больницы, «жду приговора». Прошло уже немало дней; думаю, на днях будет операция».

А вот телеграмма лечащего врача Салиха абый – Кузнецовой, от 9 октября:

«Состояние удовлетворительное. Готовим к операции на следующей неделе».

Наконец, радостная для всех нас телеграмма. Её послала жена Салиха.

«Операция прошла удачно. Сайдашева».

А после этого из хирургической клиники Академии медицинских наук имени Вишневского, где лежал Салих абый, пришло печальное известие; 16 декабря 1954 года сердце Салиха Сайдашева перестало биться...

На улице его имени

Мухаммет Садри

Здесь всё мне о друге напоминает,
Когда я по улице этой брожу,
Мне кажется, рядом со мной он шагает,
Как будто в руке его руку держу.
...Он громко смеется, читая Тукая, –
Стихи про мороз, смеюсь с ним и я;
Друзей и знакомых своих вспоминая,
Сияет он, к людям любви не тая.
...Он вспомнил, как вызвал его Ворошилов,
Часы именные – за марш! – подарил.
Бесценным подарком всю жизнь дорожил он.
Как жил! Как дружил он!
Как смело творил!
...Идёт нам навстречу знакомый рабочий –
Он рад ему, долго беседует с ним,
Делами и жизнью его озабочен –
Открыто, душевно, как с другом своим.
К просторам морского порта нашего
Задумчиво я направляю шаг
По улице тихой Салиха Сайдашева,
Звенит его марш у меня в ушах,
В глазах моих – волжские вольные волны
Бегут, разрастаясь и шумно дыша,
Как будто они его музыкой полны
Бессмертной, как Волги душа

Перевод Михаила Львова

Надо изучать народную музыку

Латыф Хамиди¹

Хазанские рестораны «Булгар» и «Амур» в 20-е годы можно было назвать музыкальными салонами. Здесь татарские музыканты давали концерты по заранее составленной программе. В них участвовали Салих Сайдашев, Александр Ключарёв, скрипач Мухаммет Юсупов. Слушать эти концерты приходили писатели Хади Такташ, Кави Наджми, Галиаскар Камал и другие.

Однажды возле ресторана я прочитал афишу: «Симфонический ансамбль под руководством Салиха Сайдашева исполнит татарские мелодии». До этого я не слышал татарских народных песен в оркестровом исполнении. Это было для меня приятной неожиданностью. В состав ансамбля входили почти все инструменты симфонического оркестра. Я с восторгом слушал игру симфонического ансамбля. Только, к сожалению, мне тогда не удалось ближе познакомиться с Салихом Сайдашевым.

Снова мы встретились с ним в Москве в 1935 году. Я извинился тогда перед ним, так как по молодости, увлечшись ошибочными течениями того времени, написал резкую статью, в которой называл его мелкобуржуазным композитором. Салих очень расстроился, прочитав её. «Я – участник гражданской войны, я – Салих, влюблённый в Советскую власть», – сказал он. Я обвинял его неправильно и после просил у него прощения за эту ошибку молодости.

Мы подружились с ним. Он рассказал, что включил в один из спектаклей мою песню «Вперёд, комсомол!», а также что народ считает её песней Сайдашева. Рассуждая о своём творчестве, Салих говорил: «Я не против обновления татарской музыки, внесения в неё нового, но в музыке должен сохраняться колорит татарской мелодии. Народ потому и любит мою музыку, что я вношу новое, сохраняя своеобразие. Вот и ты, Хамиди, обратился к новому, используя «вводный тон» в песне «Весёлая молодёжь» на слова Мусы Джалиля, и вместе с тем сохранил татарский колорит».

¹ **Латыф Абдулхаевич Хамиди** (1906-1983). Композитор, педагог, народный артист КазССР, лауреат Государственной премии КазССР имени К. Байсеитовой.

С друзьями. Крайний слева – Салих Сайдашев. Оренбург, начало 1920-х годов

Он не одобрял творчество некоторых композиторов: «Они думают, что татарская музыка – это всего лишь «пентатоника». А ведь, если подумать, то на пентатонике основана музыка многих народов. Однако скажем, между татарской и чувашской музыкой большая разница. Чтобы почувствовать это различие, надо хорошо изучить народную музыку».

Создание оперы «Алтынчэч» сначала было поручено Борису Владимировичу Асафьеву. Мы все пошли слушать новое произведение Асафьева – татарскую оперу. Сначала Асафьев говорил о своих теоретических взглядах на пентатонику. Потом стали слушать музыку. Музыка оказалась – ни то, ни сё, ни татарской, ни чувашской. Салих был очень расстроен.

В 1938 году Салих, Муса Джалиль и я вместе возвращались в Казань. Муса спал на верхней полке мягкого вагона; вернее, поскольку в Казани ему предстояло делать доклад в Союзе писателей, он лежал, обдумывая его, поэтому мало участвовал в разговоре. А мы с Сайдашевым оживлённо беседовали. Салих рассказал мне о том, как служил в Красной Армии, воевал на Туркестанском фронте, работал с духовым оркестром. Я обратил внимание на то, какое количество татарских пословиц он знал, удивительно красиво говорил по-татарски, хорошо был знаком и с творчеством татарских писателей, и с ними самими. В разговоре он часто цитировал стихи Тукая, хорошо знал Фатиха Амирхана.

В Москве, в оперной студии, мы с ним занимались у профессора Генриха Ильича Литинского, а по гармонии – у Владимира Васильевича Соколова. У Салиха был абсолютный слух. Он знал оркестр, красиво играл на рояле и хорошо импровизировал. Профессора высоко ценили талант Салиха.

В Московской консерватории

Генрих Литинский¹

Было это в конце сентября 1934 года. В мой класс в Московской консерватории пришёл молодой человек и несколько растерялся, увидев группу юных студентов, расположившихся вокруг рояля. Сопровождавший его директор Татарской оперной студии Х.К. Тухватуллин отрекомендовал: «Композитор Салих Сайдашев».

Заметная возрастная разница между Салихом Сайдашевым и любым из присутствующих студентов послужила причиной того, что занятия сразу же «затормозились». Заметив это, я счёл более целесообразным приостановить их, перенести продолжение на более поздний час.

Оставшись наедине с Салихом Сайдашевым, повёл разговор, который постепенно приобрёл характер душевной творческой беседы учителя с учеником, кстати, двумя ровесниками, что немало способствовало внутреннему нашему сближению, а в дальнейшем – и подлинной дружбе.

Начало разговора сводилось к глубокой «разведке» творческих интересов моего будущего ученика. Ознакомление с отдельными его работами для театра показывало ясно, что наряду с неиссякаемым запасом фантазии, направленной в сферу мелодического выражения, в творческом сознании Салиха Сайдашева существует пробел в необходимых знаниях. Этот пробел в какой-то мере восполнялся богатой и тонкой интуицией, но, как показывает опыт, интуиция имеет свои границы и, не опираясь на прочный фундамент знаний, постепенно утрачивает свою практическую эффективность. Короче говоря, разговор наш с Салихом Сайдашевым сводился конкретно к тому, что любимому народом композитору, познавшему уже не один раз радости удач, ставшему своего рода баловнем успехов, необходимо без каких бы то ни было компромиссов и поблажек сесть

¹ **Генрих Ильич Литинский** (1901-1985). Композитор, педагог. Профессор Московской государственной консерватории, заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист Татарской, Чувашской и Якутской АССР.

за учёбу – трудную, длительную, не сулящую молниеносного успеха.

Надо сказать, что если на лице моего будущего ученика я не уловил признаков уныния, то и признаков большого восторга тоже не наблюдал. Были лишь глубокая сосредоточенность, сдержанность, даже смущение.

То ли под влиянием моих «успокаивающих» доводов и перспектив лучших надежд на его успехи, то ли от прилива твёрдой решимости преодолеть неизбежные препоны, лицо Салиха засветилось той улыбкой, которая всегда выражала его добродушие и доверие к людям.

С чего начать работу с Сайдашевым? Если у педагогов гармонии, сольфеджио, инструментовки и других не возникало сомнений на этот

Салих Сайдашев. 1939 год

счёт, то для моих занятий с Салихом по сочинению все существующие нормы и кодексы оказывались, как я был убеждён, малопригодными. Я обязан был построить свой учебный план для Салиха Сайдашева таким образом, чтобы привести своего ученика к заветной цели наикратчайшим путем. Для этого я положил в основу творческой учёбы Сайдашева его собственные сочинения. На их материале мы с Салихом Сайдашевым решили на первых порах провести курс творческого усовершенствования, повышения творческой культуры, усвоения основ композиционного мастерства, выработки гармонического языка и других средств композиции.

При том безграничном мелодическом даре, которым обладал Салих Сайдашев, приобретение необходимых ему новых, жизненно важных, творческих навыков в его возрасте было делом нелёгким. Но его талантливость внушала мне уверенность, что Салих проявит усидчивость, настойчивость и истинное прилежание, без которых ни один подлинный успех в художественном творчестве не даётся легко. Так оно и вышло. В качестве предмета его творческого усовершенствования Салих Сайдашев избрал музыку спектакля «Голубая шаль». Номер за номером, шаг за шагом Салих начал постигать такие истины, как стиль и его элементы, форма и её элементы, народно-национальные черты в музыке в их натуральном виде и в индивидуально-художественном преломлении. Начал постигать и такие нелёгкие понятия, как гармонический язык, его индивидуально-творческие проявления и зависимость от мелоса.

Всё шло в высшей степени плодотворно, и понимание Сайдашевым творческих задач композитора от урока к уроку росло всё больше: сказывался его огромный и ценный композиторский труд в театре. Но творческие успехи учащегося композитора вырастают в синтезировании самых разнообразных знаний – не только в сфере собственно композиции, но и в области гармонии, полифонии, инструментовки и т.д. Между тем интерес к этим «сопутствующим» специальным дисциплинам, формирующим творческий облик композитора, у Салиха Сайдашева не только не возрастал, но, порою, вызывал внутренний протест. И хотя эта неприязнь внешне не проявляла себя, учителя Сайдашева по этим дисциплинам не смогли добиться перелома к лучшему. А так как в любой учёбе, особенно художественно-творческой, на одном месте нельзя долго оставаться, между Салихом Сайдашевым и его учителями по ряду творческих предметов постепенно стал расти разлад.

Наше творческое сближение с Сайдашевым в процессе его учёбы в моём классе сочинения, невзирая на конфликты с другими учителями, перешло в подлинную дружбу, что заставляло меня с горечью переносить равнодушие Салиха к другим дисциплинам, которыми он должен был, как композитор, овладеть в самой большой мере и наилучшим образом.

Существующие в каждом высшем учебном заведении сроки экзаменов и зачётов в равной мере распространялись в то уже далёкое время и на моего ученика, судьба которого меня очень волновала.

Настало время экзаменационного отчёта и Салиха Сайдашева перед комиссией профессоров, у которых он учился. К моему великому огорчению, оказалось, что отчёт его мог принять только один из них. Этим профессором был я, его руководитель по курсу сочинения. Тем и закончилась так много обещавшая в самом начале учёба Салиха Сайдашева в Московской консерватории.

Он не был единственным в своём роде в отношении к учёбе. За сорок три года моего преподавания композиции в вузе я наблюдал аналогичные явления в разных классах. История музыкального творчества знала немало таких случаев. Но случай с Салихом врезался в мою память тем, что «действующим лицом» в нём был такой могучий талант.

И, тем не менее, в душе моей нет горечи по поводу того, что Салих Сайдашев ушёл из консерватории без диплома. Наивысшим, бесценным и бессмертным его достижением явились те написанные огнём сердца страницы его театральной музыки, которые сверкают немеркнущим светом в сокровищнице не только татарской, но и всей многонациональной советской социалистической музыкальной культуры.

Как измерить глубину оркестровой ямы

Евгений Бусыгин¹

Те тридцатые... Как сейчас вижу театр, оркестровую яму, сидящего за пультом молодого Анвара Бакирова, скрипача Рыжикова, вот поднимается на дирижёрское место изящный Сайдашев, раскланивается со сцены блестящая красотой и молодостью Мунира Булатова... Так веет весной! Так после долгих снегов, суеты серой и мутного солнышка вдруг ощутишь её тёплое дыхание – дуновение юности, силы и добродушия, – и освежит виски, мысль и взор печаль светлая, нежная, сокровенная...

В 1937 году меня пригласили в Татарский академический театр, вскоре получивший имя Галиаскара Камала. Здесь, несомненно, создали самый сильный из театральных оркестров. Музыкальным руководителем и дирижёром был Салих Сайдашев. С академическим театром я познакомился раньше, когда в стране широко отмечалась столетняя годовщина смерти Пушкина. Театр готовил постановку «Каменного гостя», где Лаурой была блистательная Галия Булатова. Для придания испанского колорита потребовалась игра на мандолине и гитаре. Суслин порекомендовал меня и виртуоза-гитариста Н. Кринкина.

¹ **Евгений Прокопьевич Бусыгин** (1914–2008). Музыкант-мультиинструменталист, доктор исторических наук, профессор кафедры этнографии Казанского университета. Заслуженный деятель науки ТАССР, РФ, заслуженный работник культуры РСФСР, почётный член Русского географического общества. В 1929–1932 годах обучался в Восточном музыкальном техникуме (ныне Казанское музыкальное училище). С 1934 года – профессиональный музыкант ряда оркестров Казани. Играл на четырёхструнной домбре в Малом оркестре народных инструментов Республиканского радиокомитета (под управлением В.И. Суслина), на скрипке и альте – в Малом симфоническом оркестре Республиканского радиокомитета. В 1937–1939 годах играл в оркестре Татарского государственного драматического театра (дирижёр Салих Сайдашев) и одновременно – в симфоническом оркестре Татарской государственной филармонии (дирижёр А.М. Пазовский). С 1939 года – в оркестре Татарского государственного театра оперы и балета. Параллельно выступал как альтист в камерном квартете оркестра Оперного театра.

Дело было несложное – различные испанские песни; игра всем нравилась. Но нас измучили бесконечные повторения: то артисты не туда встанут, то поют слишком тихо или громко. Репетиции длились несколько дней, вот тогда-то я впервые поработал с Сайдашевым, и теперь он встретил меня как знакомого.

Оркестр Сайдашева был небольшой: шесть скрипок, два альты, две виолончели, кларнет, флейта, гобой, две трубы, валторна, тромбон, контрабас, ударник. Около двух десятков человек, замечательный дружный коллектив, опытные музыканты – валторнист Глазырин, игравший до революции в городском оперном театре, виолончелист Иванов, скрипачи Ситников и Яушев, трубач Блинов... Позднее к ним присоединился Анвар Бакиров, с которым мы играли за одним пультом. Душой оркестра был Сайдашев. Кроме него, иногда дирижировал Василий Иванович Виноградов, один из авторов первых татарских опер «Эшче» и «Сания». Высокий, неулыбчивый человек, весьма грузный, с трудом поднимавшийся за дирижёрский пульт. Одевался он очень скромно, длинное демисезонное пальто с поднятым воротником снимал только перед самым выходом. В театре появлялся редко, замечаний оркестру никогда не делал и, выполнив свои обязанности, незамедлительно исчезал.

Вся работа проходила с Сайдашевым. Он всегда был очень спокоен, предельно вежлив, одевался аккуратно, неизменно при галстук-бабочке. Я никогда не слышал, чтобы он повысил голос, не знаю случая несправедливости с его стороны. Истинный интеллигент. Салих тянулся к людям, очень любил общение, но сам говорил мало, больше слушал, задавал вопросы. Во время антрактов сидел с музыкантами в курилке, слушал беседы «за жизнь» и разные байки, весело смеялся забористым анекдотам.

Как-то разговор зашёл о любви к прекрасному полу. Один из музыкантов тут же разделил мужчин на несколько групп, сравнив возможности каждой с музыкальными инструментами.

– До двадцати пяти лет – флейта, берёт и играет, – утверждал он с видом знатока, – до сорока – скрипка, немного подстроит и играет...

Слушавшие насторожились, внутренне подобрались.

–...до шестидесяти лет – контрабас, долго настраивает и мало играет, а после шести десятков... рояль, один подстроит, другой играет...

Мы тогда ещё не состарились, сравнение никого не обидело. Салих улыбался вместе со всеми, ведь ему в то время не исполнилось и сорока. Он не был ханжой, человеком не от мира сего. Но душу свою, как я понимаю теперь, марасть не хотел, мрачнел от сплетен, досужего перемывания чужих косточек.

[...]

Он бесконечно любил свою работу, друзей, вообще людей. Жизнь, всё живое. Возможно, в это время у него и возникали чудесные мелодии. Сайдашев был очень щедр, отдавал всего себя музыке, своему театру. И беда ли, что, встретив кого-то из коллег в буфете, он предлагал разделить компанию: «У меня удач-

Верхний ряд – скрипач Юсупов, Салих Сайдашев, Валеев-Сильва, пианистка Валентина Иванович, рабочие сцены; справа – Евгений Бусыгин. Уфа, 1938 год

ный день, получил гонорар из Средней Азии»... Салих с уважением относился ко всем музыкантам, знал, кто чем дышит, помогал, как мог.

Я тогда учился в университете и продолжал играть на скрипке. Однажды во время антракта захожу в буфет и вижу: за высоким столиком беседуют мой декан Галим Валеевич Фазлуллин и Сайдашев. Декан удивился:

– Ты как попал на татарский спектакль?

– Не попал, он здесь работает, – ответил Сайдашев и пригласил меня к столу.

Так мой университетский руководитель узнал, почему я иногда пропускаю занятия. Чтобы наверстать, приходилось использовать буквально каждую минуту. Оборудовал под сценой специальное место, где готовился к семинарам и зачётам. Коллеги понимали, без нужды не беспокоили. А Сайдашев-то давно ведал о моей «двойной» жизни: случалось пропускать и репетиции. Мог бы выговор закатить, упрекнуть, поставить перед выбором. Он же, напротив, сочувствовал, всегда интересовался, как учёба. И это придавало сил.

Народ любил Сайдашева, его мелодии моментально подхватывались. Помню, готовился спектакль «Бишбуляк» по пьесе Тази Гиззата. Все музыкальные номера своевременно написаны Сайдашевым, отрепетированы. Все, кроме одной-единственной песни. Героиня должна была исполнить её в сцене посиделок. Видимо, не удавалась песня Салиху. Прошли прогонные репетиции, начались генеральные, а песни нет. И Салиха нет. Всё играем без него. Наконец, чуть не на последнюю репетицию является радостный Салих и приносит ноты. Все облегчённо вздохнули. Исполнила песню молодая артистка Зифа Басырова; она сразу же полюбилась и потом звучала очень часто на многих концертах.

Трижды я выезжал с театром на гастроли. Летом 1939 года мы отправились на пароходе в Уфу. Спектакли там проходили в переполненном зале. Успех! Когда не было репетиций, купались, загорали на Дёме – это приток реки Белой.

Как-то оркестр был свободен до вечернего спектакля, и мы, трое молодых музыкантов, по обыкновению собрались на Дёму. Прихватили удочку, сачок и в хорошем настроении двинулись. Проходим мимо театра и видим: стоит в одиночестве Салих абый, скучает... Увидел нас, обрадовался, поинтересовался планами и изъявил желание присоединиться к путешественникам. Нас стало четверо!

[...]

В зарослях тальника на противоположном берегу мы провели несколько счастливых, безмятежных часов – вдали от городской суеты, волнений, арестов, газетного кликушества. Кажется, только теперь я начал понимать, в чём была истинная причина одиночества и тяги Сайдашева к людям – этого столь чувствительного к событиям своей эпохи человека, скрипичный ключ к изучению жизни и личности которого ещё не подобран...

О коллеге и товарище

Джаудат Файзи¹

В архиве Джаудата Файзи в Государственном объединённом музее Республики Татарстан имеется много записей о творчестве Салиха Сайдашева. Вероятно, он собирался написать о товарище и коллеге книгу. Мысли очень интересные, уважение и симпатия к Сайдашеву – искренние. На похоронах Салиха Замалетдиновича Джаудат Файзи сказал, как важно сберечь наследие Сайдашева, и эти страницы говорят о том, что он думал о выполнении своего обещания. Очевидно, что-то помешало ему довести это благородное дело до конца. Вот некоторые отрывки из записной книжки, дневника, отдельных черновых набросков, хранящихся в архиве Джаудата Файзи.

[...]

* * *

Он был одинок, как дуб в смешанном лесу. Вскоре, к 30-м годам, из желудей этого дуба появились поросли – один за другим начали появляться имена молодых композиторов. Он радовался творческому росту, успеху каждого из них, видел [в каждом] продолжателя начатого им дела – подъёма музыкальной культуры татарского народа. Правда, находились отдельные личности, которые хотели противопоставить Сайдашева по отношению к молодым. Но дальновидный композитор не поддавался влиянию этих «поклонников» его таланта. Он всегда оставался самим собой – скромным, благожелательным. Он был душевным ко всему новому, ко всему талантливому...

* * *

30-е годы для Сайдашева были самыми трудными. Он вынужден был оставить свою творческую лабораторию – Татарский академический театр. Нелегко было ему сесть за ученическую парту, имея за плечами большой практический опыт и славу. К тому же, он лишился своих соавторов Карима Тинчурина, Фатхи

¹ Джаудат Харисович Файзи (1910-1973). Татарский композитор, фольклорист, заслуженный деятель искусств ТАССР и РСФСР, народный артист Татарской АССР, лауреат Государственной премии ТАССР имени Габдуллы Тукая.

Композиторы с любимым педагогом. Слева направо: Загит Хабибуллин, Мансур Музафаров, Джаудат Файзи, педагог-хормейстер Александр Фёдорович Бормусов, Салих Сайдашев, Александр Ключарёв

Бурнаша. Его произведения не исполнялись из-за них, а также из-за отсутствия исполнителей, ибо они также были направлены на учёбу в Москву..

* * *

Из выступления на радио. Совещание редакторов, 4 октября 1940 года.

...Чем объяснить его популярность? Тесная связь с фольклором. Темами для его произведений служат народные песни. Формы народной песни, её стиль, типичные обороты – всё это находит место в творчестве Сайдашева. Он умеет находить интересные моменты, обороты в татарских песнях и по-своему их развивает. Типичными для Сайдашева являются секвенции, чёткая ритмика и квадратность формы. Всё это придаёт его песням простоту и ясность. Он лирик. Широкая напевность, интимность, ритмика его песен являются причиной большой [их] доходчивости среди широкой публики. Большая заслуга Сайдашева – это то, что он впервые ввёл окончательно полутон и нарушил тем самым пентатонику. Этим самым он доказал, что с нарушением пентатоники татарский музыкальный язык не теряет своей специфики – наоборот, приобретает новые возможности в развитии татарского музыкального мышления...

* * *

...Он был прежде всего дирижёром и первым интерпретатором своих произведений. Но как бы ни значительно было дирижёрское дарование Сайдашева, его композиторская деятельность в историческом значении стоит несравненно выше... Как композитор, дирижёр и пропагандист своих произведений, Сайдашев был очень схож с Иоганном Штраусом.

Из того, что помню

Джаудат Файзи

В доме культуры

Я помню, как в первый раз пошёл в дом культуры. Это здание, сооружённое в мавританском стиле (ныне ТЮЗ), с первого взгляда стало мне близким. Мне очень понравились его комнаты, уютный зрительный зал, аккуратно одетые зрители. Всё внутри здания сияет торжественностью. Сегодня здесь большой литературно-музыкальный вечер. На афише – имена, написанные большими буквами. Многие имена знакомы, но я пока не знаю этих людей в лицо. Что ни говори, я не так давно в Казни. Какое счастье – видеть живых писателей, живых поэтов, живых музыкантов!

Концерт начался. На сцену вышел Адель Кутуй с перекинутым через шею шарфом. Он говорил так красиво. Вот, откидывая со лба русые волосы, вышел поэт Хади Такташ и прочитал свои стихи. Остальных молодых поэтов, вышедших после него, не помню. Вдруг ведущий объявляет:

– Салих Сайдашев со своим оркестром! – в зале заговорили шёпотом. О Сайдашеве я уже слышал по приезду в Казань. Тогда имена Такташа, Кутуя и Сайдаша часто упоминались среди татарской молодёжи. Мол, Сайдаш пишет мелодии, это татарский композитор, каких до того не было.

Вот сейчас я вижу этого Сайдаша. Открылся занавес. На сцене сидят около двадцати музыкантов. Объявляют:

– Салих Сайдашев, увертюра к пьесе «Угасшие звёзды» («Сүнгән йолдызлар»).

Народ зааплодировал. На сцену вышел Салих Сайдашев, очень красивый молодой человек в белой рубашке с чёрным бантиком, поклонился в зал. Будто желая прекратить аплодисменты, он повернулся спиной к залу и поднял обе руки вверх, как бы держа в них мяч. Палочка в его руке застыла. Зал затих. Зазвучала музыка. Моё внимание было сосредоточено больше на Сайдашеве, чем на его музыке.

Вскоре, присоединяясь к оркестру, пели Айдаров и Кушловская. Пели хорошо, но в моей душе было место только одному человеку – Салиху абый...

Вечер закончился. Аплодировали бурно. Я заторопился не к раздевалке, а за кулисы. Меня даже не остановили, так как я шёл за Хади Такташем. Занавес был закрыт. На сцене толпилось много народа. Поздравления, рукопожатия. Я тоже подошёл к Салиху абый...

– Салих абый! Здравствуйте.

Он, повернувшись, ответил:

– А, здравствуй, братишка! Что-то нужно?

– Нет. Мне очень понравилось...

– Тогда спасибо! Будь здоров! – и он пожал мне руку. Мне хотелось сказать: «Я ведь тот Джаудат, которого вы приняли в музыкальную школу в Оренбурге! Вы меня звали «братишкой». Не помните?». Но я ни слова не сказал.

Он меня не узнал. И о чём-то смеясь, с ожидавшими товарищами вышел на улицу...

«Наёмщик»

Смотрю каждую новую постановку Татарского драматического театра. Особенно мне нравятся музыкальные произведения. По-моему, театр без Салиха Сайдашева и его зачаровывающей музыки не может жить.

Свет гаснет. Затихает таинственный гул в битком забитом народом зале. Взгляды всех людей устремлены на занавес из зелёного бархата, украшенный падающим от рампы разноцветным светом.

Проходит немного времени, перед дирижёрским пультом появляется Сайдашев. По привычке здоровается с музыкантами оркестра только кивком головы. В зале аплодируют, будто говоря: «Сайдаш! Мы тоже приветствуем тебя». Он поворачивается. Скользя грустными глазами сначала по балконам, затем по партеру, кивает и вновь поворачивается к оркестру. В зале становится очень тихо лишь после того, как поднимается его правая рука с изящной палочкой.

Для меня спектакль начинается именно с этого волнующего момента.

Я смотрел очень много спектаклей в сопровождении музыки Салиха Сайдашева. И «Казанское полотно» («Казан сөлгесе»), и «Галиябану», и «Угасшие звёзды» («Сүнгән йолдызлар»), и «На берегах Демы» («Дим буе»), и «Голубая шаль» («Зәңгәр шәл»). Только эти произведения не сумели расшевелить у меня особых чувств. Правда, и оркестр был хорош, и песни, и пляски тоже... Но мелодии, слова-то – народные... Лишь в «Голубой шали» я поверил в композиторский талант Салиха Сайдашева. Здесь, кроме народных мелодий, много песен и танцевальных мелодий, написанных Салихом Сайдашевым: «Кара урман» («Дремучий лес»), «Качкыннар жыры» («Песня беглецов»), «Мәйсәрә жыры» («Песня Майсары»), «Качкыннар бие» («Танец беглецов»), «Шахтер жыры» («Песня шахтёра») и другие. Я уже не говорю про увертюры «Восточный танец», «Галия-

бану» и «Угасшие звёзды», песню Бибисары. Они давно сделали имя Сайдаша популярным среди народа. А вот «Наёмщик» стал произведением, которое увековечит Салиха Сайдашева как композитора!

Вскоре Салих Сайдашев написал свой знаменитый «Марш Красной Армии». Арии, написанные к спектаклям «Страна», «На Кандре», «Бишбуляк», «Глаза», обогатили музыкальную сокровищницу народа своими проникновенными песнями.

Сайдашев пропагандировал татарское музыкальное искусство, выезжая на гастроли со своими концертами в братские республики. Несмотря на свой композиторский дар, он не постеснялся поехать в Москву и сесть за парту вместе с молодыми, как мы, композиторами для повышения профессиональных знаний.

После организации Татарского государственного театра оперы и балета Сайдашев загорелся желанием написать оперу «Наёмщик», отредактировал и добился её постановки на сцене оперного театра. Однако «Наёмщик» остался в моей памяти замечательным образцом татарского музыкального искусства именно в своём первоначальном звучании.

Испытание

Сидим с Салихом абый перед кабинетом профессора Генриха Ильича Литинского: профессор будет принимать у нас экзамен, чтобы решить, сумеем ли мы учиться на композиторском отделении. Сайдашев беспокоится даже больше, чем я, – курит, ходит туда-сюда... Что остаётся чувствовать мне, когда даже сам Сайдаш боится их! У меня всего-навсего 3-4 произведения. Мои музыкальные знания, образно говоря, «азбучные». Чтобы не дать почувствовать своего волнения, стараюсь подбодрить Салиха абый. Что ни говори, я ведь ещё якобы заведующий учебной частью студии...

– Салих абый! Вначале я пройду экзамен. После тебя могу растеряться.

– Так и сделаем, душа моя. Ты – мастер слова. А мне надо понять, на что он намекает.

Как вышли два студента, в дверях показался молодой профессор – среднего роста, в очках:

– Добро пожаловать!

Мы вошли в кабинет.

– Будем знакомы. Генрих Ильич.

– Сайдашев.

– Файзи.

Генрих Литинский оказался открытым, разговорчивым человеком. Знаменитого Сайдашева он знал по слухам. Слышал много похвальных слов от Назиба Жиганова и Фарита Яруллина. Приезд на учёбу такого известного композитора – «очень похвальное, очень похвальное» дело. Про меня он, конечно, ничего не знал. Пришлось самому рассказывать.

Затем Литинский начал знакомиться с нашими произведениями. Я показал марш «Кызыл яшьләр», песню «Байрак тегәбез» и «Урман кызы». Про марш он ничего не сказал, только про песни:

– Очень ласковые. Только со стороны гармоники недоработаны.

Музыку «Наёмщика» и «Марша Красной Армии» Салиха абый он смотрел очень тщательно, снова и снова проигрывая их на рояле. И вот его вердикт:

– Салих Замалетдинович, вы, безусловно, талантливый. Я с большим удовольствием беру вас в свой класс. Только с одним условием: эти произведения пока забудьте. Будете писать требуемые мною произведения. А что касается Файзи, то он будет учиться в классе доцента Бориса Семёновича Шехтера.

Поблагодарив, мы вышли. Пока шли по коридору, Салих абый сказал:

– Если он начнёт требовать писать сонаты и симфонии – дело пропащее!

Его фото

Напротив моего стола висит фото Салиха Сайдашева. Вот уже в течение пятнадцати лет он, опираясь подбородком на пальцы правой руки, задумчиво смотрит куда-то вдаль. Может, он предчувствует рождение какой-нибудь новой мелодии?! Или думает о будущем татарской советской музыки? Как бы то ни было, мне кажется, он наблюдает за моей работой. Когда я переживаю муки творчества, смотрю на него, и мне становится легче. Он как будто говорит: «Не торопись, думай... Увидишь, получится». И я с новыми силами сажусь за рояль... Этот фотопортрет Салиха Сайдашева мне особенно дорог, потому что его можно считать уникальным. К тому же, ко мне он попал вот как. Исполнился год, как мы навеки расстались с Салихом абый. Мы с супругой Мусфирой пошли в гости к Амине Шакировой – как оказалось, на поминки Сайдашева. Ибо в последние годы Салих абый был нашим общим другом. Поскольку Амина ханум была врачом, Сайдашев часто обращался к ней за медицинской помощью... После того как мы сели за стол, Амина ханум сказала:

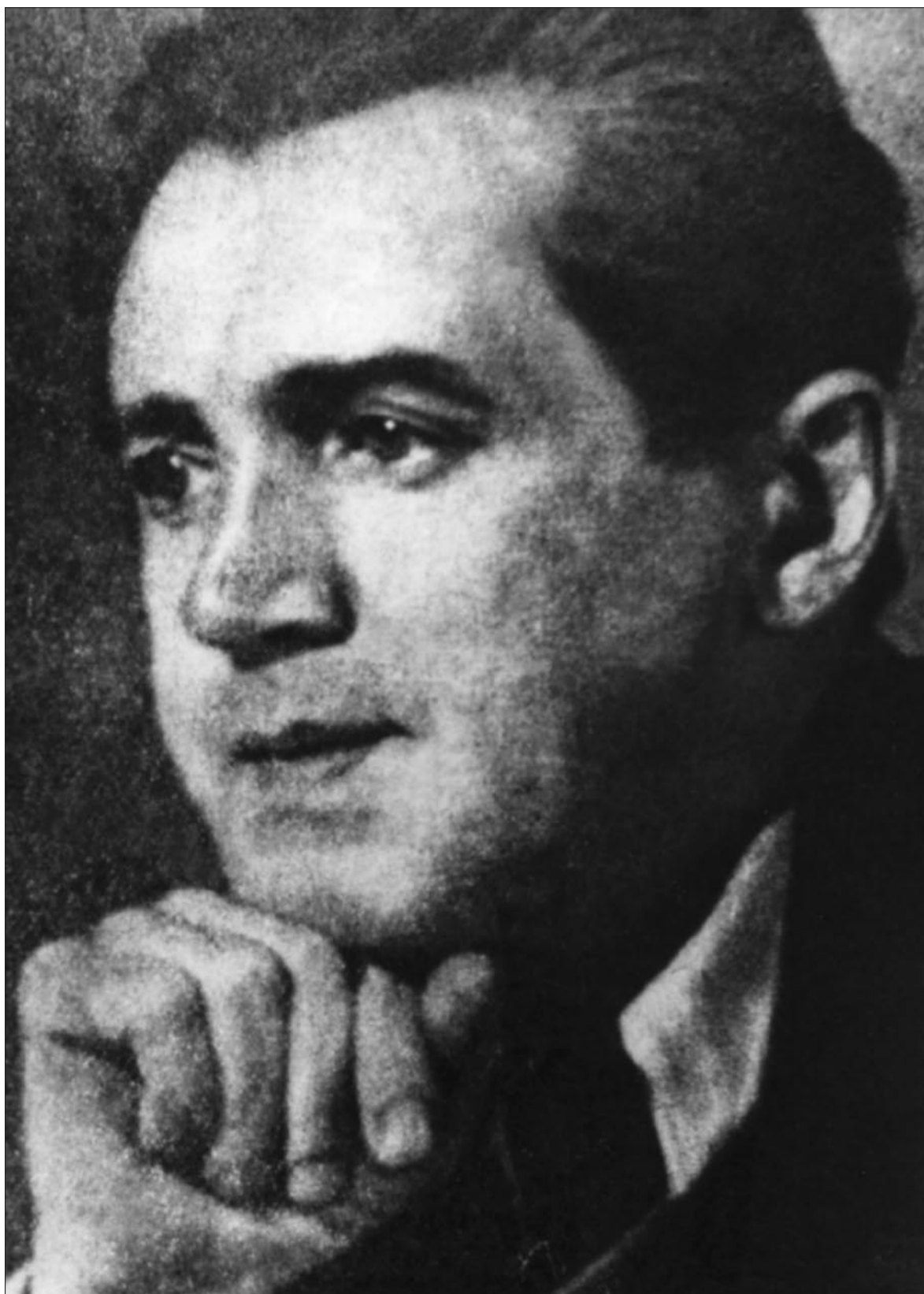
– Знаете, почему я вас пригласила? Ведь сегодня день рождения Салиха.

И впрямь, в этот день ему исполнилось бы 55 лет...

«Сейчас я вам покажу кое-что!» – сказала Амина ханум, подошла к комоду и перевернула прислонённую к зеркалу картонку другой стороной. Это был неизвестный фотопортрет Сайдашева. На вопрос «Где вы его раздобыли?» Амина ханум рассказала историю его появления.

Примерно два года назад до этого разговора Сайдашев зашёл к ним. Под мышкой у него была газета, в которую был вложен этот портрет. Посидев немного, Салих абый начал собираться, даже не стал пить чай. А тут и дождь начался...

Когда сказали: «Салих, ведь портрет остаётся, и дождь собирается», он ушёл, оставив портрет. Одним словом, Амина ханум убрала портрет в том же вложенном в газету виде. Впоследствии Сайдаш несколько раз бывал в этом доме, но о портрете даже не вспоминал. Амина ханум тоже забыла о нём. Вспомнила

лишь после смерти Салиха абый. Фотопортрет мне очень понравился, поэтому я попросил Амину ханум отдать его мне. Но тогда она отказала, сказав, что он ей тоже очень дорог. Однако через некоторое время сама принесла его мне.

В то время музыковед Зайнаб Хайруллина приступила к подготовке к изданию книги «Салих Сайдашев». Я предложил ей этот портрет. В 1956 году фото впервые было напечатано в этой книге. В знак благодарности Зайнаб ханум подарила мне уменьшенную фотокопию того портрета и фотопортрет Фарита Яруллина. Оригинал, полученный от Амины ханум, я вручил нашему Государственному музею. Сейчас он там и хранится. Все же мои старания узнать, когда, где и по какому поводу был снят этот портрет Салиха Сайдашева, остались без результата...

У меня есть ещё один неопубликованный фотоснимок Сайдашева. Его я сделал сам. 6 марта 1952 года исполнилось 50 лет Мансуру Музафарову. Он отказался отмечать юбилей с участием общественности.

– И так придут друзья, считающие меня близким, – сказал он.

Вечером мы собрались у него дома: Салих абый, Александр Ключарёв, Шакир Мазитов и я с Мусфирой. Рахима ханум с Мусфирой готовили стол. У Салиха абый было очень подавленное настроение из-за того, что юбилей Мансура Музафарова проводился не так широко, как его. Что ни говори, они ведь коллеги, выросли вместе, играли в оркестре группы «Сайяр». Только после ухода Мазитова с Ключарё-

Салих Сайдашев с женой Сафией и друзьями – коллегами по театру

вым я вспомнил, что принёс фотоаппарат, чтобы сфотографировать сегодняшнюю встречу. Хотя нас осталось всего пятеро, я снял несколько фото, в том числе Салиха абый и Мансура абый по отдельности. Салих абый вышел довольно-таки обаятельным. Я считаю этот снимок Салиха Сайдашева его последним фотопортретом.

Гордимся

Увертюры, написанные к спектаклям «Галиябану» и «Угасшие звёзды», считаются первыми симфоническими произведениями в татарском музыкальном искусстве. «Голубая шаль» и «Наёмщик» считаются началом жанра музыкальной драмы – нового жанра татарского советского театрального искусства. Этими произведениями и славным «Маршем Красной Армии» Салих Сайдашев поднялся на самую верхнюю ступень своей творческой деятельности.

В своём творчестве Салих Сайдашев не ограничивался лишь народными песнями в их традиционной форме. Он изучал творчество русских и мировых классиков. Бизе и Верди были его любимыми композиторами. Особенно его привлекали их открытия в области оперного жанра. Это, как известно, оказало своё влияние на особенности мышления Салиха Сайдашева как композитора. Об этом говорят часто встречающиеся в созданных им музыкальных произведениях элементы оперы – увертюра, ария, хор и танцы (пляски).

Салих Сайдашев был композитором, создававшим произведения для оркестра. Хотя он не успел написать объёмных симфонических произведений, большинство его произведений написаны для исполнения оркестром. Если не считать первых опытов и песен для детей, все его произведения созданы для исполнения оркестром или для пения в сопровождении оркестра. То, что большинство его произведений – в полифонической фактуре, возможно, и объясняется именно этим.

Творческий процесс композитора был особенным. Большинство своих песен он написал с учётом творческих возможностей таких исполнителей, как Рукия Кушловская, Галия Кайбицкая, Сара Садыкова, Ситдик Айдаров, Фахри Маннапов. Композитор всегда советовался с ними до завершения окончательной обработки песен. Советы и предложения певцов он принимал с удовольствием. Пока исполнители разучивали его песни и арии, он сам перерабатывал их для исполнения оркестром. И это дело он начинал не с партитуры, а с сочинения отдельных партий для оркестровых инструментов. Это дело он выполнял без особого напряжения и весьма легко. Потому что природа дала ему совершенный музыкальный дар. Такой рабочий приём в творчестве Салиха Сайдашева, с одной стороны, объясняется тем, что у него было мало времени, с другой стороны, ему не было особой необходимости для сочинения партитуры – благодаря хорошей музыкальной памяти он дирижировал оркестром наизусть. Он пользовался партитурой лишь при исполнении исключительно сложных и больших по объёму произведений. Совершенное отсутствие в архиве Салиха Сайдашева написанных самим автором партитур, кажется, этим и объясняется.

При оценке наследия Салиха Сайдашева с исторической точки зрения надо помнить, что этот композитор – основоположник профессиональной татарской музыки – своё творчество начал как театральный дирижёр и как сочинитель музыки к спектаклям. Как первый дирижёр, он сплотил вокруг себя театральных музыкантов. Благодаря поразительной способности, он сам сразу улавливал даже малейшие неточности исполнителей. Хорошо зная его требовательность, и артисты, и музыканты старались быть крайне внимательными. Музыканты оркестра, как и сам автор, свои партии часто исполняли наизусть. Возможно, именно поэтому авторы опер «Рабочий» («Эшче») и «Сания», считающихся для того времени достаточно сложными, поручали дирижировать Салиху Сайдашеву. Он не боится даже знаменитого концерта Мендельсона, написанного для скрипки и оркестра...

Салих Сайдашев – народный композитор в истинном значении. Его сочинения неотъемлемы от новой действительности и современности. Салих Сайдашев навсегда останется удивительной фигурой в татарском музыкальном искусстве. Будучи основоположником профессионального татарского музыкального искусства, он является гордостью всего советского искусства. Его творческое наследие составляет золотой фонд нашей национальной культуры. Охрана, изучение и пропаганда его – ответственная задача наших композиторов и знатоков музыки.

Сцена из спектакля «Зәңгәр шәл»

Кладезь татарского фольклора

Олег Лундстрем¹

С Салихом Сайдашевым меня познакомил композитор Александр Сергеевич Ключарёв, вскоре после того как я приехал в Казань из Шанхая. Александр Ключарёв был в то время худруком Татарской государственной филармонии и сразу же предложил мне сделать аранжировки татарских народных песен для приехавшего со мной оркестра.

Я с радостью согласился, так как у меня уже был опыт работы с китайской пентатоникой, и мне было очень интересно узнать разницу в музыке этих народов.

Вот тут-то я встретился с Салихом Сайдашевым. Я сразу же нашёл с ним общий язык и сразу понял, что его музыка – это кладезь татарского фольклора. А я всегда любил фольклор, считая, что он, складываясь веками, сохранил и отложил всё лучшее в любом народе.

Салих сразу же покори́л меня. Это был добрейший, открытый человек, даже не понимавший своего композиторского величия. Он отдавал мне для аранжировки свои сочинения, жалуясь, что не смог в молодости получить музыкальное образование. А ведь его песни в это время уже пел весь народ!

Когда я был в Казани на юбилее консерватории, зашёл в Музей памяти Салиха Сайдашева, и при входе мне так приятно было услышать вальс Сайдашева в моей обработке, записанный моим оркестром, а после осмотра музея – его же «Марш Красной Армии», который меня сопровождал даже при отъезде поездом из Казани.

Память о Великом музыканте и таком же человеке навсегда останется со мной.

¹ **Олег Леонидович Лундстрем** (1916-2005). Дирижёр, композитор, аранжировщик, народный артист РСФСР. Удостоен почётной степени доктора наук Международной академии Сан-Марино, Национальной музыкальной премии «Овация» (1996), ордена «За заслуги перед Отечеством» III степени. Лауреат Государственной премии РФ.

Талантливый дирижёр

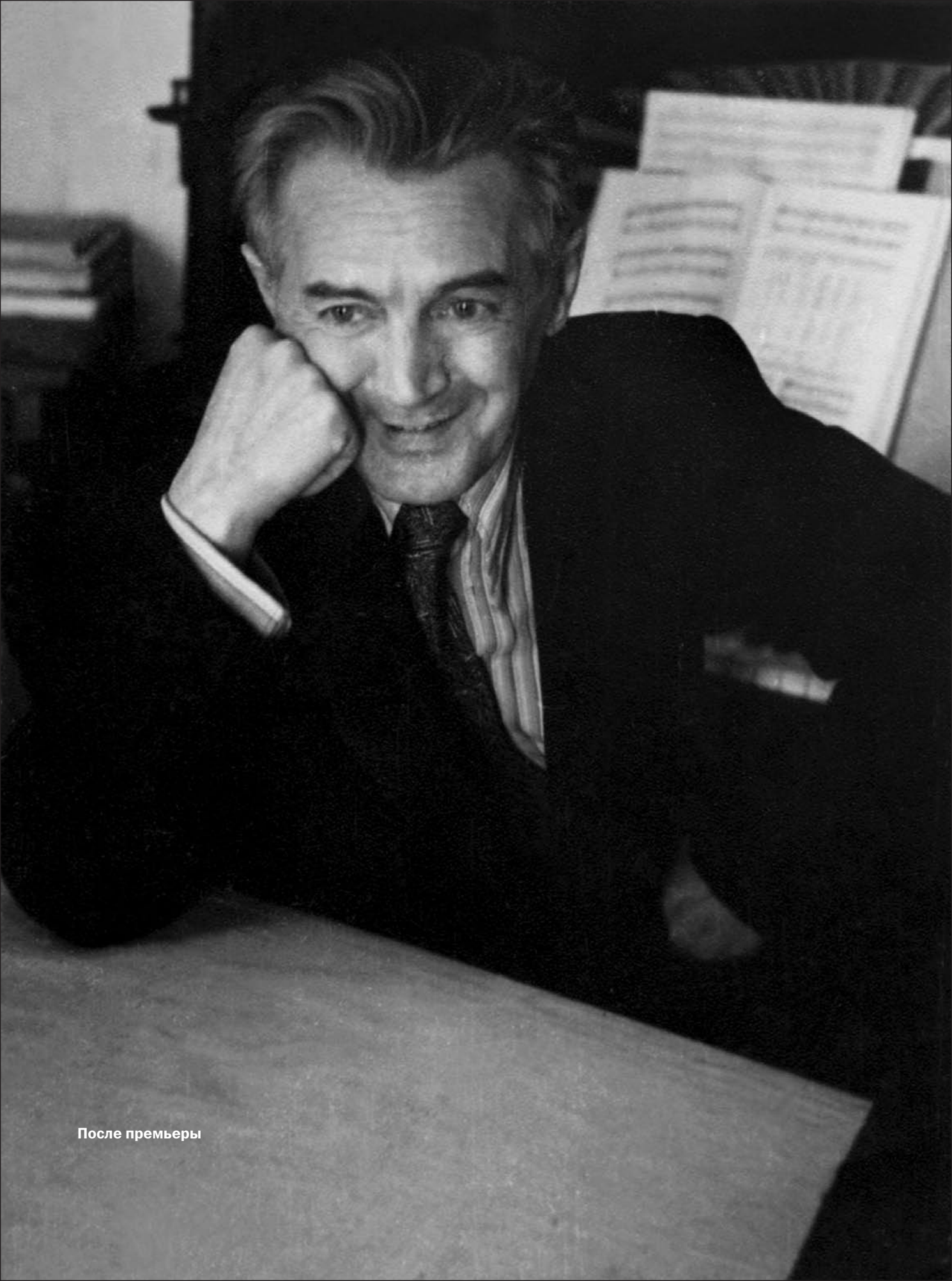
Афзал Хайрутдинов¹

В 1938 году я учился на втором курсе Казанского музыкального училища по классу виолончели. Мы, учащиеся, приехавшие из деревень, были в большинстве своём материально нуждающимися, а потому все старались подыскать себе работу. Мне повезло – я получил приглашение играть в оркестре ресторана «Татарстан». В этом оркестре, состоявшем из пяти-шести музыкантов, я довольно успешно проработал несколько месяцев, когда в один из вечеров в зале ресторана появились Салих Сайдашев и директор нашего музыкального училища Ильяс Аухадеев. Наскоро поужинав, они ушли. На следующий день Ильяс Ваккасович вызвал меня к себе в кабинет, долго расспрашивал меня о том, как я живу, затем сказал, что молодому студенту негоже работать в ресторане. Тут же он поспешил объяснить, что не собирается оставлять меня без работы.

– Иди сейчас в академический театр. Отыщи там Салиха абый. Мы с ним говорили о тебе. Он обещал найти для тебя работу в своём оркестре.

Так я стал музыкантом «оркестра Сайдашева». В те годы в татарском академическом театре ни один спектакль не ставился без музыки. В спектаклях «Бишбуляк», «Потоки», «Глаза», «Наёмщик», «Ходжа Насретдин», «Голубая шаль» и других музыка играла огромную роль, и зрители смотрели их с удовольствием. Наш дирижёр почти каждый день репетировал с оркестром и певцами в малом фойе театра, а вечерами дирижировал во время спектакля при полном зале. Частенько мы участвовали в концертах, которые давались в театре. На них в сопровождении оркестра под управлением Салиха Сайдашева выступали певцы и музыканты. Наш оркестр часто выступал и по радио. В те годы магнитофонных записей не было, поэтому все выступления происходили вживую перед микрофоном.

¹ **Афзал Насретдинович Хайрутдинов** (род. 1928). Профессор Казанской консерватории, кандидат искусствоведения. Виолончелист. Заслуженный деятель искусств ТАССР и РСФСР. Участник Великой Отечественной войны.

После премьеры

Когда шла подготовка к новым спектаклям, на репетициях оркестра мы наблюдали, как Салих ага на рояле сам исполняет для певцов написанную им новую музыку. Его высокопрофессиональное исполнение демонстрировало нам, что он обладает талантом, ранее нам не известным, а также то, что он талантливый импровизатор. Когда я вспоминаю, как проходили многие репетиции и спектакли, не могу не сказать, что Салих абый был наделён и талантом дирижёра высочайшего уровня. Его руки были способны передавать тончайшие нюансы, особенности ритма музыки, управлять голосами певцов, а также мастерски чувствовать многие другие моменты исполнения. Бывало, когда Салих абый болел, ему на замену приглашали другого дирижёра. Так что музыканты имели возможность сравнить и понять, насколько Сайдаш был выше, насколько он был талантливый, тонко чувствующий музыкант. В нём был дар, свойственный очень немногим артистам, – великолепный артистизм, богатство эмоций. Его дирижёрство, слаженная игра музыкантов оркестра, уверенность, с которой он вёл произведение от начала до конца, и умение сделать отличную концовку производили на зрителей огромное впечатление... Я считаю, что если бы даже Салих Сайдашев не стал композитором и посвятил свою жизнь дирижёрскому искусству, он всё равно стал бы известным музыкантом. Скольких его замечательных произведений лишился наш народ из-за краткости его жизненного пути и сложных обстоятельств его жизни...

Красивое лицо и внешность Салиха абый до сих пор хранятся в памяти как незабываемый образ большого мастера.

Мгновения, которые помню

Лябиба Ихсанова¹

В 1949 году, когда я работала в редакции детской литературы радиокомитета Татарстана, мне часто приходилось видеть известного композитора. Я сидела в тёмной и большой, словно амбар, комнате, окна которой выходили на улицу Горького. В этом же кабинете работали редакция литературных передач и музыкальная редакция. Там же стоял старый потрепанный рояль. После утренней работы к нам частенько заходили поболтать, отдохнуть и пообщаться с друзьями Джаудат Файзи, Загит Хабибуллин, Мансур Музафаров. Заглядывали певцы, которые должны были выступать в вечернем эфире – Марьям Рахманкулова, Гульсум Сулейманова, Рашит Вагапов... В такие моменты, разумеется, речь заходила о музыке. Кто-то садился за рояль, певцы пробовали голос. Частенько разгорались споры по поводу слов песен. Например, кто-нибудь вопрошал: почему выпали слова из стихотворения Тукая, мы в молодости пели вот так... Или: почему не исполняются песни, написанные на стихи такого-то поэта?.. Когда песни на стихи Мусы Джалиля, которому звание Героя тогда ещё не было присвоено, перестали вообще исполняться, нашлись те, кто попытался написать на эту музыку новые стихи.

Однажды редактор музыкальных передач Зайнаб Хайруллина зачитала нам слова, написанные к произведению «Бибисара»:

*Бибисара идёт по воду,
Стучит ножками, словно жеребёнок...*

Услышав такое, мы все, как один, сначала от души посмеялись. Но нам следовало не смеяться, а плакать. Это было настоящим издевательством над песней Салиха абый, которая радовала столько поколений слушателей! Кто-то из нас тяжело вздохнул: «Только не проговоритесь Салиху абый...».

Несмотря на такие неприятные эпизоды, подобные встречи были для нас настоящим праздником. Казалось, что потолок в комнате становится выше, и ка-

¹ **Лябиба Фаизовна Ихсанова** (1923-2010). Татарская советская детская писательница, заслуженный работник культуры ТАССР.

залось, что это не лампочка день и ночь освещает комнату, а солнечные лучи заполняют всё вокруг.

Салих абый жил по соседству с радиокомитетом, в двухэтажном здании, расположенном во дворе татарского академического театра. Выходя на прогулку, он иногда заглядывал к нам в редакцию. Но чаще всего он был неразговорчив, в споры не вмешивался, а к роялю даже не подходил. Я думаю, он считал творчество настолько волшебной и божественной силой, что не хотел принижать музыку в таком шумном и беспокойном, как колхозный базар, месте.

А те, кто его хорошо знал, говорили, что композитор мог за одну ночь написать песню, достойную стать образцом классики. И для этого ему не нужны были какие-то особые условия. Отмечали также насмешливость и остроумие Салиха абый. Мой сосед, один из основателей татарского балета Гай Тагиров любил вспоминать весёлую молодость, которую провёл с Салихом Сайдашевым. Но тот Сайдашев, которого видела я, был другим – подавленным, невесёлым и неразговорчивым, словно на его плечах лежало тяжкое бремя. В эти годы и его творчество, кажется, было не таким активным, как раньше. Может быть, его подавленность была следствием творческого застоя...

А причин для этого было достаточно. Это было время, когда творческие люди не могли открыто высказывать свои чувства, но и мириться с системой, полной обмана и несправедливости, тоже не могли. Поэты, например, вместо того, чтобы писать стихи, способные дойти до сердца людей, увлеклись тем, что перекладывали в стихотворную форму народные сказки (между тем, особо «бдительные» критики даже в народных сказках находили какой-нибудь «грех» и нападали на автора). Композиторы старшего поколения (поколение Рената Еникеева тогда ещё не созрело) занимались обработкой народных мелодий либо писали музыку для детей. Образовавшуюся пустоту тут же заполнили графоманы, назвавшие себя самостоятельными композиторами.

Разве не действовал этот застой на такого человека, как Салих Сайдашев – с его тонким вкусом, глубиной переживаний, полным погружением в мир звуков и чувств? Впрочем, иногда он словно вспыхивал и создавал произведения, становившиеся жемчужинами татарской музыки. Но для этого ему необходимы были очень сильные переживания – победа в Великой Отечественной войне, возвращение честного имени Мусы Джалиля. Однако его крылья, надломленные после ареста Карима Тинчурина, так и не смогли расправиться. Духовная трагедия, которую композитор пережил в последние годы своей жизни, и материальные проблемы, возможно, также служили причиной его подавленности.

...После войны жизнь творческих людей действительно была очень трудной. Впрочем, тогда всем было нелегко. Перед праздниками в магазинах продавали пшеничную муку. В очередь надо было вставать в три-четыре утра. Выйдешь позже – ничего не достанется. В одни руки – три кило. Многодетные семьи выходили всем семейством. При виде замёрзших и невыспавшихся детей на глаза наворачивались слёзы. Но, как говорится, «голод не тётка»...

В один из таких дней я встретила в магазине «Горняк» на улице Бутлерова Салиха абый. Мука уже кончилась, молодая симпатичная девушка прибирала пустые мешки и подтирала мучную пыль. Салих абый подошёл к девушке и, стесняясь, несмелым тихим голосом спросил:

– Сестрица, не осталось ли у вас хоть одного пакета?

Продавщицу словно подменили – куда делось её обаяние. Ледяным неприятным голосом она рявкнула: «Откуда?! Не видишь разве, что кончилась?».

Салих абый ничего не ответил и, опустив голову, вышел из магазина. Не выдержав, я в сердцах сказала девушке: «Это же Салих Сайдашев!..».

Хочу вспомнить ещё одну замечательную черту Салиха абый. Он с огромным уважением относился к женщинам. Он превозносил их и всегда опасался поставить в неловкое положение. Однажды они вместе с Шарафом вышли из радиокомитета и, разговаривая, направились к нашему дому. Оказывается, Шараф хотел пригласить его на чай. Однако, уже дойдя, Салих абый зайти отказался:

– Нехорошо, Лябиба ханум не знает о моём приходе. Мне перед нею неудобно.

– Тогда я тебя сфотографирую, – сказал Шараф и сделал снимок.

Но мы эту плёнку испортили. Проявитель оказался слишком горячим, и фотография получилась «рябой». Но я до сих пор бережно храню её в семейном альбоме. Она памятна мне вдвойне – во-первых, её снимал Шараф, во-вторых, это, наверное, одна из последних фотографий Салиха Сайдашева.

Последняя встреча и последний путь

Анвар Бакиров¹

 1937-1938 годах я играл на скрипке в оркестре Татарского государственного академического театра под руководством Салиха Сайдашева. В связи с тем, что мой брат Хамит был флейтистом, играл на кубызе и других музыкальных инструментах, Салих ага Сайдашев бывал и в нашем доме...

В последний год Великой Отечественной войны мне пришлось встретиться с одним татарским полковником. Он участвовал и в гражданской войне. Его полк принял Салиха Сайдашева почётным красноармейцем после того, как тот написал «Марш Красной Армии». Этот полковник – Мирза Ульданов попросил устроить встречу с Салихом Сайдашевым. Встреча состоялась в Казани. На неё пришли композитор Александр Ключарёв, певица Галия Кайбицкая и друг Сайдашева – мой учитель по скрипке, дирижёр Ильяс Аухадеев. Обед прошёл очень интересно. Хочу остановиться отдельно на последней встрече с Салихом Сайдашевым.

После преобразования Елабужского двухгодичного учительского института республики в четырёхлетний государственный педагогический институт его первый ректор Абдулхак Галиевич Аминов летом 1954 года изъявил желание организовать встречу с Салихом ага Сайдашевым в Елабуге. Я с радостью принял это предложение, считая его как очень почётное дело, и довёл эту просьбу елабужан до Салиха ага. Салих ага сказал: «Не будет ли скучной эта встреча только для меня одного?.. Анвар, ты бы организовал поездку ещё нескольких композиторов, писателей, поэтов, певцов». Это его желание ещё раз подтвердило, как велики были его любовь и уважение к своим коллегам.

В этой творческой группе, состоявшей из деятелей литературы и искусства, были композиторы Джаудат Файзи и Александр Ключарёв, писатели Гази Каш-

¹ **Анвар Закирович Бакиров** (1920-2001). Композитор, заслуженный деятель искусства ТАССР, РСФСР, народный артист РТ, лауреат Государственной премии РТ имени Габдуллы Тукая.

шаф, Бари Рахмат, Ахмет Исхак и Анвар Давыдов, певицы Марьям Рахманкулова, Раиса Билалова, а также заведующий отделом культуры Татарского обкома КПСС, нынешний профессор Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина Камиль Фатыхович Фасеев.

Таким образом, в один из летних красивых дней на пароходе «Вера Засулич» мы отправились в творческое путешествие в Елабугу.

Когда на Волге село солнце, опустились сумерки и взошла луна, в салоне первого класса нам накрыли ужин.

За столом Салих ага смешил нас своими забавными рассказами. После ужина он встал из-за стола, сказав, что хочет немного отдохнуть. По прошествии времени и Александр Сергеевич Ключарёв пошёл в свою каюту, но вскоре вернулся и сказал: «Идемте, посмотрите, как красиво Салих заснул, съездившись, как младенец».

В первый день встречи прошёл в зале Елабужского педагогического института в приподнятом настроении. На второй день нас вывели в шишкинские леса. Чаепитие из самовара на лесной поляне осталось в памяти чудесным воспоминанием. Салих ага был центром внимания и здесь.

Вечером в Елабужском районном доме культуры прошла большая встреча-концерт. Певцы с большим мастерством исполнили песни наших композиторов. Зрителям особенно понравилась игра на пианино самих композиторов. Несомненно, аплодисменты, сопровождавшие появление Салиха Сайдашева на сцене, его игру на пианино, в прямом смысле потрясли районный дом культуры.

Эти дни остались в памяти и для нас, и для зрителей. Тех, кто утром пришёл на елабужскую пристань, чтобы проводить казанских гостей, было больше, чем пассажиров. Пароход тронулся. Салих ага остался на берегу. Провожающие были в растерянности, но в то же время их лица сияли радостью. Кто-то из них произнёс: «Салих Сайдашев всегда среди народа», – и публика устроила ему овацию. К прибрежным аплодисментам присоединились гости и пассажиры парохода.

Утром мы вместе с группой преподавателей института проводили Салиха ага в Челны к старшему сыну Альфреду Сайдашеву...

Надо же так случиться! В декабре того же года я, возвращаясь из дома творчества в Москве, зашёл в Союз композиторов. Там до меня довели печальную весть: в московской больнице скончался Салих Сайдашев, и мне придётся в качестве представителя Татарского союза композиторов сопровождать его тело до Казани. Таким образом, мы – старший сын композитора Альфред, сын Амины, родной сестры Салиха, врач Узбек Ахмеров и я – на самолёте привезли тело Салиха Сайдашева в аэропорт Казани. Нас глубоко потрясло море людей, приехавших в аэропорт...

...Когда процессия с телом Салиха Сайдашева дошла до площади Куйбышева, последние ряды провожающих были ещё у здания академического театра...

Сайдашев, как и Тукай, остался вечно неугасимой звездой татарского народа!

Салих Сайдашев и театр

Фатима Камалова¹

Бесспорно, каждому из нас известно, что Салих Сайдашев оставил в истории музыки неизгладимый след. Известно также, что созданные им произведения с любовью слушает не только наш народ, но и представители других национальностей. Об этом достаточно написано и сказано.

В этих коротких воспоминаниях я попытаюсь сказать несколько слов о его отношении к театру и артистам.

В 1921 году я несколько раз видела его в Оренбурге. Тогда мы, группа артистов, собравшись с разных фронтов гражданской войны, создали в Оренбурге труппу и начали работать. Однажды, после репетиции спектакля в пользу детей-сирот по пьесе Мирхайдара Файзи «Асылъяр», руководитель труппы Габдулла Камал сказал:

– Товарищи, минуточку внимания!

Мы все устремились в зал и увидели солдата – среднего роста, в шинели, со шлемом на голове, обутого в ботинки. Он, застенчиво улыбаясь, обнялся и поздоровался с Камалом I. Затем Камал I сказал:

– Будьте знакомы: этот солдат – парень из Казани, музыкант Салих Сайдашев. Остаётся в Оренбургском музыкальном училище.

Как только нам представили Салиха, его щеки зарумянились, и он поздоровался за руку с каждым из нас, при этом беззвучно шевеля губами.

На том же вечере во время антрактов Салих Сайдашев уже руководил оркестром музыкантов. Зрители с упоением слушали народные мелодии: «Гусиное крыло» («Каз канаты»), «Сизый голубь» («Күк күгәрчен»), «Сумерки» («Эңгер-меңгер») и «Марш Тукая» Загидуллы Яруллина.

После вечера молодёжь начала игры с песнями и танцами, в это время старший композитор Муслим Валиев, обращаясь к народу, сказал:

¹ **Фатима Хайрулловна Камалова** (1903-1974). Заслуженная артистка РСФСР, народная артистка ТАССР.

– Сейчас будет исполнена музыка Салиха Сайдашева – «Татарский вальс».

Как только он произнёс эти слова, Сайдашев, как готовый к взлёту орел, словно отряхнул раскрытые в стороны руки. Затем оркестр заиграл «Татарский вальс»...

На зимний сезон 1922 года артисты, до этого работавшие в разных фронтовых бригадах, наконец, вернулись в наш культурный центр – Казанский театр. Музыкальным руководителем театра стал Салих Сайдашев.

В этот период он сочинял музыку к произведениям Карима Тинчурина «Голубая шаль», «На Кандре» и «Родина», Мирхайдара Файзи «Галиябану», Тази Гиззата «Наёмщик», Аделя Кутуя «Свояченица» и «В калфаках», Хади Такташа «Зарытое оружие» и к произведениям многих других драматургов, воодушевляя и создавая настроение, прикладывая много усилий для популяризации их среди народа.

Во время подготовки для постановки на сцене «Голубой шали» композитор буквально измучился, чтобы научить нас петь с оркестром, так как до этого никто из нас не пел под исполняемую оркестром мелодию. Когда после десятикратного повтора одного и того же мотива мы не сумели спеть так, чтобы это его удовлетворило, он, положив на пульт дирижёрскую палочку, закрыв нотную тетрадь и приглаживая чёрные волосы, сказал:

– Пели весьма замечательно. Теперь отдохните немного.

Он был очень терпелив, не злился, не говорил резких слов. Был мягким и от природы немногословным. Но если уж раскрывался, то радовал нас смешными рассказами. А сам никогда громко не смеялся, только улыбался.

Роль Майсары в «Голубой шали» Карима Тинчурина первый раз исполнила Рукия Кушловская. Зрители полчаса аплодировали, не давая закрыть занавес.

После спектакля очень взволнованный Салих Сайдашев зашёл в гримёрную и поблагодарил всех нас. Затем, достав из нагрудного кармана платок, стер со лба капельки пота и сказал:

– Рукия-ханым! Сегодня вы своим певучим голосом воодушевили мою музыку и донесли до зрителей, поэтому от всего сердца я дарю вам первые ноты этого спектакля, – и отдал ноты Кушловской.

Намучившись с нами на репетициях спектакля «Голубая шаль», Салих Сайдашев начал учить нас нотам.

– Хотя вы и драматические артисты, вам следует понимать музыку, знать ноты. Это понадобится не только при исполнении песен, но и при чтении монологов на фоне музыки.

Благодаря его стараниям мы научились читать ноты, начали глубже понимать музыку.

Одновременно Салих Сайдашев и сам интересовался работой артистов. Как известно, в произведении «Без ветрил» Карима Тинчурина есть образы богачей, у которых на сцене нет слов. Однажды во время спектакля на сцене появился один незнакомый нам «богач». Это был человек с жёлтой бородой, длинными

усами и большим животом. Его вид был замечательным, он был очень похож на откормленного татарского бая. Когда все остальные «богачи» закончили свои молитвы, уселись кто куда, этот самый богач громко рыгнул. Зрительный зал начал смеяться и зааплодировал. Мы за кулисами тоже рассмеялись и начали с нетерпением ждать, когда опустится занавес.

Когда занавес опустился, мы подбежали к тому «богачу». Увидев, что это Салих Сайдашев, мы начали смеяться ещё сильнее. А Сайдашев, как обычно, скромно улыбаясь, оттирал бороду...

Ценность и особенность созданных Салихом Сайдашевым музыкальных произведений в том, что они, являясь национальными, одновременно очень хорошо понятны людям и других национальностей. В качестве примера хочу привести один концерт, состоявшийся 8 сентября 1928 года.

В тот год в Казани прошёл съезд физиков, после чего в их честь был дан концерт, составленный из произведений Салиха Сайдашева. Концерт прошёл очень успешно. На него пришли не только учёные, но и великий писатель Максим Горький, а также зарубежные журналисты.

Каждый номер концерта слушали с интересом и сопровождали бурными аплодисментами. Когда концерт закончился, Максим Горький и зарубежные гости зашли за кулисы и от всей души поблагодарили Салиха Сайдашева и певицу – госпожу Асию Измайлову. В тот вечер немецкие журналисты пригласили Салиха Сайдашева в Берлин на гастроли.

...В годы Великой Отечественной войны мы жили по соседству с семьёй Сайдашевых. В те годы мой муж Шакир Мазитов мучился воспалением лёгких. В такие невесёлые дни Салих Сайдашев часто заходил навестить мужа...

– Ты, Шакир, дружище, не унывай. Болезнь пройдёт. Другие воюют против врага с оружием в руках, а мы давай создадим мелодии, вдохновляющие этих бойцов на победу, – говорил он.

Бывало, как только сочинит новое произведение, сразу заходил на прослушивание к Шакиру, некоторые из них не только проигрывал, но и распевал. Он также с желанием слушал сочинённые Шакиром мотивы, высказывал своё мнение о них, давал советы.

Он любил сцену

Касим Шамиль¹

Одно из хорошо сохранившихся в памяти событий – сочинение Салихом Сайдашевым увертюры к драме «Угасшие звёзды» Карима Тинчурина.

В 1926 году с драмой «Угасшие звёзды» мы поехали в Москву. Поскольку произведение исполнялось в Казани маленьким оркестром, Сайдашев приступил к подготовке своей музыки для симфонического оркестра. Нас устроили в школе на улице Большой Татарской. Сайдашев в одной из больших комнат застлал пол нотами и, сидя на корточках или на коленях, продолжал работать даже ночью.

Около одиннадцати утра пошли на репетицию. В оркестр были приглашены музыканты Московского театра. Им раздали ноты. Сайдашев поднялся на дирижёрское место, и... в это время вдруг заиграл туш. Мы, артисты, с нетерпением ожидавшие увертюру, были опарашены. Как только туш закончился, пожилой скрипач сказал: «Извините, этот туш был исполнен для вас, молодого дирижёра, как поздравление с началом работы». Репетиция прошла в очень приподнятом настроении.

Спектакль «Угасшие звёзды» оставил незабываемый след в памяти не только у московских зрителей, но и самих артистов. Помню, как при упоминании этого спектакля Салих говорил: «Он стал большим экзаменом для меня».

...28 февраля 1927 года мы прощались с известным артистом татарской сцены Нури ага Сакаевым. Гроб с телом покойного был выставлен в верхнем зале театра. Родственники, близкие друзья выстояли ночной караул. Каждый глубоко перенёс эту большую утрату. Находящийся среди нас Адель Кутуй написал стихотворение «Прощание», посвятив его Нури ага Сакаеву. Сидя у пианино на тёмной сцене театра, при горящих свечах Сайдашев приступил к сочинению «Марша Сакая». Около двух часов ночи мы уже прослушали мелодию полностью. Композитор, подготовив оркестровку марша, посвящённого своему любимому артисту и близкому другу, с раннего утра провёл репетицию с музы-

¹ Касим Шамильевич Шамиль (1892-1981). Актёр, режиссёр, народный артист ТАССР.

Похороны Нури Сакаева. Сидит Салих Сайдашев

кантами. При прощании с покойным этот траурный марш потряс сердца всех присутствующих.

В 1928 году на сцене была поставлена драма Тази Гиззата «Наёмщик». Помню слова знаменитого артиста-певца Ситдика Айдарова: «Наконец, на мою долю выпало сыграть Батыржана, который много поёт». Такое же мнение относительно музыки Сайдашева я слышал и от других артистов, участвующих в «Наёмщике».

Музыка Салиха Сайдашева росла вместе с театром. И поэтому Салих любил сцену, артистов, жил, восторгаясь их игрой. Он и сам не отказывался от возможности сыграть на сцене. Например, в 1936 году в Уфе шла репетиция комедии «Без ветрил». Он выпросил себе небольшую по объёму роль купца с Сенного базара. «Заржавелым» голосом произнес: «Чу ещё, чу Хаджи!», – он от себя добавил: «Что ты наделал, подковавшее муху существо?». Даже мы, артисты, невольно засмеялись.

В 1952 году на гастролях в Кемерове музыканты клуба шахтёров интересовались Сайдашевым, в знак уважения к нему они продемонстрировали оркестровое исполнение «Марша Красной Армии».

Салих глубоко вошёл в сердца людей своей музыкой и своей человечностью. Он очень хорошо относился к людям, был жизнерадостным, находчивым, остроумным, не жаловался на трудности, был человеком бесконечного терпения.

Чувствуя его влияние

Бату Мулюков¹

Осень 1949 года. На улицах Оренбурга висят афиши о предстоящих творческих концертах Салиха Сайдашева. Желание увидеть знаменитого Сайдашева собрало много людей в концертный зал, где должна была проходить репетиция.

Вел репетицию человек среднего роста, с искрящимися голубыми глазами – Салих Сайдашев.

Всё ещё звучат в ушах его пояснения Файзи Биккенину, играющему знаменитый «Марш Красной Армии»: «Файзи, эту фразу не присоединяй, ты прерви её».

Битком наполненный зал удивительно тепло встретил своего любимого композитора. Хотя прозвучавшие произведения были давно и хорошо известны любителям музыки, каждый раз они вызывали сильные чувства. А исполнение автором на фортепьяно аккомпанемента к песне «Бибисара» зал особенно потрясло.

Близкое знакомство с Салихом Сайдашевым состоялось после концерта в квартире доктора медицинских наук Гафура Ибрагимова. Я показал Салиху абый одну свою мелодию, сыграв на фортепьяно. (Это была «Песня строителя», исполняемая теперь на слова Гульшат Зайнашевой.) Он попросил, чтобы я сыграл её ещё и ещё раз. «Это ново!», – сказал он. Затем я сыграл на гармонии вальс из «Шурале». Салих абый сразу заговорил о таланте Фарита Яруллина, упомянул с болью о том, что он стал жертвой Великой Отечественной войны.

На другой день он пригласил меня к себе – в гостиницу. Там, беседуя, мы просидели довольно долго. Он обрадовал меня, сказав: «Приезжай в Казань, в консерваторию»... В Казани мы также часто встречались. Во время бесед Салих абый говорил о своём отношении к композиторам. Если возникал разговор об

¹ **Мулюков Бату Гатауллович (1928-1999).** Композитор, педагог. В 1952 году окончил Казанскую консерваторию по классу композиции А.С. Лемана. В 1955-1957 годах – заведующий музыкальной частью и дирижёр оркестра Татарского драматического театра имени Галиаскара Камала, в 1958-1960 годах – директор Татарского республиканского Дома народного творчества, с 1970 года – старший преподаватель Казанского института культуры. Заслуженный деятель искусств ТАССР и РСФСР, лауреат Государственной премии РТ имени Габдуллы Тукая.

оркестре, не было случая, чтобы он не вспомнил о Мансуре Музафарове. Он говорил: «Мансур Музафаров – отец оркестра, он Римский-Корсаков татар».

При встречах у рояля в Союзе композиторов или в его квартире начало своих произведений играл он, а конец должен был доигрывать я. Это был серьёзный экзамен для познания и понимания музыкальной культуры.

По истечении многих лет я понял, что встречи с Салихом Сайдашевым были для меня своеобразной школой. Несмотря на короткий срок, его большая, сложная жизнь была полна светлыми замыслами и красивыми мечтами. Это был человек с широкими взглядами на развитие татарской профессиональной музыки, он верил в её расцвет в контексте музыки разных национальностей. В своё творчество он привнёс новизну и чистоту. Его произведения были пропитаны новыми интонациями. «Хоть плохой, пусть будет свой», – бывало, говорил он мне, то есть у композитора должны быть свой облик, свой мотив, свой стиль. Эти слова я принял для себя как завет.

Салих абый умел поддерживать беседу. При этом вставлял крылатые слова – пословицы, афоризмы, поговорки. Он был композитором, хорошо изучившим множество музыкальных инструментов и много сочинявшим для них. Если у него просили клавиры его произведений, он говорил, что пишет напрямую партитуру. Такой творческий приём присущ только большим талантам.

В последние годы жизни его творческая активность снизилась. Он ходил какой-то обеспокоенный, печальный. Однажды я с прямою, присущей молодёжи, спросил: «Почему сейчас у вас нет творческой активности, характерной для 1930-1935-х годов?». Печально улыбаясь, Салих абый ответил: «Мне не хватает Каримов Тинчуриных...».

Салих Сайдашев жил в тесной связи с театром, сценой. На его концертах залы были битком набиты народом. Для оркестра с небольшим количеством исполнителей он писал партитуры так, чтобы не заглушать голоса певцов на сцене. Хотя в его дирижёрской технике не хватало профессионализма, но музыкантов подчинять себе он умел.

...В проводах композитора в последний путь приняли участие все трудящиеся Казани. Чтобы войти в Академический театр, где был выставлен гроб с телом покойного, очередь протянулась по улице Максима Горького, поворачивая влево на улицу Гоголя, и заканчивалась где-то далеко-далеко. До сих пор стоит перед глазами то, как, проходя мимо гроба, люди плакали. Такое же бескрайнее море людей провожало его до кладбища. К нему присоединялись потоки людей с других улиц. В тот день остановилось движение трамваев, автобусов. Балконы, подоконники, крыши домов были заполнены людьми. По словам представителей старшего поколения, такого прощания удостоился только Габдулла Тукай.

Композитор Рустем Яхин в своём докладе о творчестве Салиха Сайдашева в дни празднования его 70-летия сказал: «Мы все, формируясь как композиторы, всегда испытывали влияние Салиха Сайдашева». И это действительно так.

Дорогие сердцу даты

Гай Тагиров¹

В жизни каждого из нас есть события и даты, особенно дорогие сердцу. В них, в этих событиях, сходится всё самое светлое и самое счастливое, что довелось пережить. Я никогда не забуду отдых на берегу реки Дёмы вместе с Салихом Сайдашевым, Ситдиком Айдаровым и Сарой Садыковой.

В 1932 году после закрытия сезона Татарского академического театра мы вчетвером в своё отпускное время выехали с концертом в Уфу. В порядке обмена артистическими силами между республиками 27 мая во Дворце культуры должен был состояться большой концерт артистов Татарского государственного академического театра. «В концерте примут участие композитор Сайдашев, премьер Татарского государственного театра – Айдаров, певица Сара Садыкова, балетмейстер Гай Тагиров. В программе – сольные номера и оркестровые произведения в исполнении татарского симфонического оркестра в составе 25 музыкантов. Будут продемонстрированы лучшие произведения татарских композиторов», – так писала «Коммуна» от 26 мая.

Выступали в Башкирском академическом театре. В первом отделении местным оркестром дирижировал Салих Сайдашев. Он исполнял свои произведения: увертюру из «Галиябану», балета «Зәңгәр шәл», «Марш Красной Армии», «Праздник урожая», «Восточный балет», «Вальс»... Ситдик Айдаров и Сара Садыкова под оркестр пели песни и арии из произведений Сайдашева. Я выходил на сцену между ними.

¹ **Гай Хаджиевич (Гайнулла Хаджимухамметович) Тагиров** (1907-1995). Танцовщик и балетмейстер, народный артист ТАССР. В 1928-1933 годах – артист, балетмейстер Татарского академического театра, в 1938-1952 годах – балетмейстер Татарского театра оперы и балета, в 1952-1955 годах – балетмейстер, в 1967-1970 годах – главный балетмейстер Ансамбля песни и танца ТАССР. В 1972-1986 годах преподавал в Казанском институте культуры и искусств. Театральные постановки: «Шурале» Ф.З. Яруллина (1945 год, совместно с Л. Жуковым), «Красный мак» Р.М. Глиэра (1950 год) и другие. Автор работ, посвящённых татарскому танцу.

Дали два концерта. Были аншлаги. Отзывы появились во всех уфимских газетах.

После Уфы поехали на отдых в деревню Абдуллино на речке Дёма – в семи километрах от станции Чишмэ, где жили в доме у одного колхозника.

Сара Садыкова и Ситдик Айдаров готовили каждый день разные кушанья. Сара Садыкова, воспитанница Московской консерватории, была тогда оперной певицей, Ситдик Айдаров – одним из самых популярных актёров драматического театра. Как писала газета «Кзыл Татарстан», он стал «...незаменимым Булатом, напоминающим своим обаянием известного американского киноактёра Дугласа Фербенкса» (6 января 1929 года). Он был настолько популярным и любимым актёром, что каждый раз его выход в первом акте в роли Булата (спектакль «Голубая шаль») зрители, приподнимаясь с мест, встречали громом аплодисментов.

Мы с Салихом ловили рыбу, пили башкирский кумыс и тихо мечтали. Все наши дни проходили у реки Дёма, вот где можно было мечтать!

...С Салихом Сайдашевым я познакомился в первый же день моего приезда в Казань в театральный техникум, где он преподавал музыкальные дисциплины. Мы быстро подружились, и дружба наша продолжалась почти тридцать лет. Общались не только в театре, приглашал он меня и к себе домой. Был я на его свадьбе. Свадьба была пышная, многолюдная, играл военный духовой оркестр. Присутствовали многие деятели культуры и искусства.

Вместе принимали участие в гастрольных поездках 1926-1933 годов по городам Советского Союза. В 1930 году участвовали в Олимпиаде искусств в Москве. В 1929 году, в феврале, я присутствовал на торжественном вечере в честь 11-й годовщины Красной Армии, где Салих передал свой Марш татарскому полку, а ему преподнесли полное обмундирование и объявили о присвоении звания почётного красноармейца.

Такой блестящий и остроумный собеседник и рассказчик в жизни, композитор терялся на трибуне. Всё, что он сказал тогда: «Вот, написал... Для вас...», – и показал на оркестр, как бы на результат своего труда. Ещё прибавил: «Спасибо вам». Остальное досказала его прекрасная музыка.

Мы вместе работали над постановкой оперы «Сания» (1930 год): Габаши, Альмухаметов, Виноградов, Сайдашев как дирижёр, я как балетмейстер. Известный драматург, поэт, журналист и критик Адель Кутуй отмечал: «Постановщик постарался приблизить балет к татарскому народу, и хорошее исполнение Тагировым центральной партии с партнёршей можно считать одной из удачных сцен оперы» («Кзыл Татарстан», 5 апреля 1930 года). «Красная Татария» (4 апреля 1930 года) вторила: «Достижением нынешнего сезона надо считать также дирижирование Салиха Сайдашева и балет, поставленный молодым балетмейстером Гаем Тагировым».

Салих Сайдашев был человеком очень компанейским, дружелюбным. Никогда не унывал, в какие бы трудные условия ни попадал.

Как известно, в поездках часто бывают курьёзные случаи. Не обошлось без этого и у нас. Первые гастроли ТГАТ в 1926 году по городам СССР – Москва, Оренбург, Кзыл-Орда, Ташкент, Самарканд, Астрахань, Царицын... В конце гастрольной поездки мы очутились в Донбассе. Прямо скажу – в материальном отношении потерпели фиаско. Маленькие посёлки, большинство населения – на работе. На железнодорожной станции Сентяновка зашли в привокзальный ресторан. Официант принёс меню. Рассчитав свои возможности, заказали только первое блюдо. Когда суп принесли, сразу потребовали расчёт. Мы с Камалом Третьим кое-как наскребли нужную сумму. Сайдашев порылся в карманах, вытащил горсть мелочи, вздохнул, поднял глаза к небу и произнёс: «Кажется, не хватает». Официант сказал: «Не волнуйтесь». Вынул из супа кусок мяса и унёс со словами: «Ешьте спокойно, теперь всё в порядке!».

Другой такой случай мне особенно запомнился. Пожалуй, его стоит описать подробно. После Москвы и Оренбурга приехали в бывшую столицу Казахстана Кзыл-Орду. Наутро мы, молодёжная группа, пошли знакомиться с городом. Пришли на базар и увидели такую забавную сцену. Возле огромной лужи стоял казах с ослом. Наш руководитель Зайни Султанов сказал: «Хочешь, Салих, прокатиться?». Тот в ответ: «А что – и прокачусь!». Султанов попросил разрешения у хозяина. Сайдашев сел, сказал: «Но!». Осёл зашёл в самую середину лужи и

Постановочная группа первой татарской оперы «Сания». Сидят слева направо: Газиз Айдарский, режиссёр-постановщик; Сара Садыкова, исполнительница заглавной роли Сании; Султан Габаши, композитор, соавтор оперы «Сания»; Генрих Литинский, профессор, дирижёр; Газиз Альмухаметов, певец, соавтор музыки; З. Чарушина, танцовщица; И. Илялов, администратор. Стоят: Ю. Муко, балетмейстер; Э. Хисамов. 1920-е годы, Казань

Сайяр Юнусова, педагог Казанского хореографического училища, Салих Сайдашев, Гай Тагиров, балетмейстер Татарского академического театра

остановился как вкопанный. Как ни понукал его Салих, тот не сдвинулся с места. Стала собираться толпа. Салих в своих полотняных белых ботинках никак не смог бы слезть самостоятельно. На помощь пришёл хозяин...

Мне было легко работать с Салихом, я понимал его с полуслова. Всего в Татарском академическом театре мною было оформлено 37 спектаклей. И большинство из них – с музыкой Сайдашева.

Сайдашев является основоположником татарской профессиональной музыки, в том числе сценической. В его музыкальных драмах в концентрированном виде соединились многие формы, в том числе балетная и танцевальная музыка. Все пьесы в созданном им жанре музыкальной драмы обязательно содержали в себе развёрнутые хореографические номера. Именно они стали той основой, на которой в дальнейшем развивалось национальное хореографическое искусство. Столь успешное его развитие, создание зрелых, совершенных произведений – таких, как балет Фарита Яруллина «Шурале», во многом обязано творчеству Сайдашева. Считаю, что если бы не было многочисленных танцевальных и балетных номеров, то создание первого национального балета не могло бы состояться за столь краткий исторический период. Его танцевальная музыка способствовала развитию и широкому распространению искусства хореографии в нашей республике.

К тому времени, когда складывался жанр музыкальной драмы, ощущался острый дефицит музыки к народным танцевальным номерам. Ведь подлинно народных, танцевальных мелодий было мало. Это «Эпипэ», «Чабата кее», «Этнэ». Но поскольку в пьесах Тинчурина и других авторов в народных сценах предусматривалось довольно большое количество танцев, то именно Сайдашев первым стал писать свои оригинальные танцы в народном духе.

Следует сказать, что в то время стало появляться много подделок под народные танцы. В борьбе за их чистоту и подлинность музыка Сайдашева помогла тем, что она, будучи по своему духу истинно народной, воспринималась как фольклор.

Я работал над многими сценическими произведениями с музыкой разных татарских композиторов. Музыка Сайдашева наиболее соответствует для показа характера, души народа посредством искусства хореографии. Недаром многие его танцевальные мелодии считаются ныне народными. Его творчество способствовало развитию танцевального фольклора, не получившего до революции столь широкого распространения в силу социальных условий и религиозных запретов.

Сайдашев никогда не оставлял мысли об освоении сложных классических форм. Общеизвестна его работа над оперой «Наёмщик». Но неизвестен или малоизвестен факт, что то же самое делалось и в отношении балета.

Мы вместе работали над балетом «Гульнара» (либретто моё). Сохранились черновики нот, написанные рукой Сайдашева. Имеется клависюжет на тему жизни Булгарского царства. С 1949 года внесены изменения в либретто и, соответственно, в музыку, вернее, в порядок следования некоторых номеров. Но в саму музыку не внесено никаких изменений. Сегодня требуется новая оркестровка, так как партитура Сайдашева предназначалась для небольшого состава. Оркестровые партии хранятся в библиотеке оперного театра.

Работал Сайдашев больше по вдохновению, и если оно приходило, то писал очень быстро, не отвлекаясь ни на что. Быстрота не отражалась на качестве. Например, музыку к пьесе «На Кандре» он сочинил всего за двадцать дней, когда уже были выпущены афиши. Сочинял всегда с инструментом. При мне в 1927 году, после смерти старейшего татарского артиста Нури Сакаева, написал траурный марш. Это было в старом здании ТГАТ, ныне ТЮЗе. Сочинил, сидя на подоконнике в фойе. Тут же марш был оркестрован, здесь же его и исполнили.

Музыкальное наследие Сайдашева – это неиссякаемый источник, из которого можно черпать вдохновение для дальнейшей творческой работы.

Как рождалась его музыка

Мингали Давлетшин¹

Моё знакомство с Сайдашевым началось заочно. В дни моей юности татарская молодёжь, впервые получившая широкий доступ к культуре, искусству, с увлечением отдавалась учёбе, участвовала в различных самодеятельных коллективах, кружках.

И в годы гражданской войны, и позже, в 20-е годы, где бы ни был (а мне пришлось работать и жить в Иркутске, Верхне-Удинске, Улан-Удэ, Омске и т.д.), в армии (погранзастава в Сибири), везде я был участником или организатором кружков самодеятельности. Давали концерты, ставили спектакли – зачастую сами были авторами пьес, текстов песен, режиссёрами, актёрами, певцами.

Поскольку я имел возможность наблюдать жизнь татар в разных городах и местностях, удалённых друг от друга на значительные расстояния, то везде замечал общие явления – бурный рост культурного сознания народа, его тягу к искусству. Пением, участием в хоровых, драматических, танцевальных коллективах была увлечена поголовно вся молодёжь и немало людей более старшего возраста. Типичным же коллективом был тогда такой, где ставились постановки, сочетающие в себе и музыку, и танцы, и драму, то есть где соединялись все виды сценического искусства. Именно в таких коллективах мы, дети батраков и рабочих, впервые приобщались к прекрасному. Когда я начал работать в Анжеро-Судженске на шахте №2, тоже был активным участником подобных мероприятий. Уже тогда, в начале 20-х годов, популярность Салиха Сайдашева была велика. По всей стране, где было татарское население, знали его имя, его музыку. Повальным увлечением стали для самодеятельных драматических трупп постановки пьес с его музыкой: «Галиябану», «Голубая шаль» и других.

Все мы сразу полюбили музыку Сайдашева – она была нашей, родной. Он имел большое влияние на развитие нашей духовной культуры, на воспитание молодого поколения. Мне довелось петь партию Халила в «Галиябану»...

¹ Мингали Давлетшин. Ветеран войны и труда.

Написали мы как-то, году в 1926-1927-м, письмо Сайдашеву о том, что любим и исполняем его музыку, о работе нашего коллектива.

Приехав в Казань, я познакомился с ним лично. Жил я на улице Карла Маркса, Сайдашев – на улице Островского.

За долгие годы нашего знакомства было много разных событий, встреч – общение с ним всегда доставляло радость. Запомнилась, например, его дружба с Тази Гиззатом. Это был творческий союз единомышленников по искусству и просто двух хороших людей...

Нередко я приходил к нему в театр, в здание на улице Горького. Он работал там в подвале. Условия, конечно, были не очень подходящие, пианино отсырело.

...Сайдашев всегда начинал свои занятия с классики, помногу играл произведения русских и зарубежных композиторов... Затем начинал играть уже «наше», «потатарски», то есть сочинять музыку... После работы над сочинением он опять начинал играть что-либо из классики, потом опять принимался за сочинение. Играл и народные песни, в таком процессе работы он, мне кажется, осуществлял тот сплав народного и классического, что отмечают прежде всего, говоря о его творчестве. Он как бы проверял себя на классике, всё время к ней возвращался. Но Сайдашев никогда и ничего не копировал, всё было только своё, сайдашевское.

В 1937 году меня вызвали в Кремль, к Гали Динмухаметову. Я его знал давно, ещё с Сибири. Мне предложили стать директором театра имени Галиаскара Камала, который в то время находился в плохом финансовом состоянии. Были неполадки и в организационной работе. Меня такое предложение несколько удивило. Решил подумать. Я был партийным работником и в учреждениях искусства ранее не работал. Первое, что подумалось, – найти Сайдашева.

...Когда сказал Салиху о предложении и поделился своими сомнениями, он обнял меня и сказал, что будет очень рад работать со мной...

Я постарался сделать всё возможное, чтобы изменить условия работы Сайдашева. Прежде всего, выделил ему помещение около малого фойе. Привели в порядок отсыревший и расстроенный инструмент.

В работе театра было много трудностей. Очень нам помогли в Москве, в союзном министерстве, куда я послал докладную о состоянии наших дел. Мы получили солидную безвозмездную дотацию. Привезли много реквизита, красивые материалы на костюмы. Настроение в коллективе поднялось.

В 1938 году поехали на гастроли в Уфу. Имели большой успех. Потом вместе отдыхали на реке Белой, очень дружно, весело. Обрато ехали пароходом.

Когда писалась пьеса «Бишбуляк», втроём – Сайдашев, Гиззат и я – поехали в Агрызский район, в деревню Бишбуляк. Слушали там рассказы старожилор.

Раздел помещений для оперного и драматического театров ещё не состоялся. Когда началась подготовка к этому разделу, стало тесно. Оперная труппа репетировала своё, драма – своё. Но было весело, шутили, подтрунивали друг над другом, особенно когда распевались певцы – их голоса были слышны на весь театр и мешали репетировать артистам драматическим.

У театра были дачи в Верхнем Услоне (с яблоневым садом) и в Дербышках. Там работали артисты, драматурги. Иногда это было так. Гиззат вместе с группой артистов жил на даче и сочинял пьесу; тут же намечалось, кому играть, тут же репетировали. Роли часто писались для определённых актёров. Драматург и композитор видели их перед собой. После сочинения куска пьесы Сайдашев делал наброски, говорил: «Это для Кайбицкой, это для Айдарова...».

С 20-х годов, в 30-40-е годы Сайдашев неуклонно поднимался по ступенькам творчества всё выше и выше, всё более совершенствуясь. Он сумел первым из татарских музыкантов выразить самые сокровенные и глубокие чувства народа.

В годы работы в театре Сайдашев часто звал меня послушать новую музыку, говорил: «Ну-ка, товарищ директор, зайди ко мне!». Я очень любил слушать, любил и петь, иногда начинал подпевать особо запомнившийся мотив. На верхнем этаже была маленькая комната. Там они часто оставались ночевать.

В 1936 году Сайдашев и Тинчурин работали над пьесой «Гайниджамал». Сюжет основывался на истории, случившейся до революции в моей родной деревне, в Мамадышском районе. Типичная история о любви бедных молодых людей, закончившаяся смертью девушки, не пожелавшей выходить замуж за богатого, но нелюбимого человека. Но эту задумку по объективным причинам осуществить не удалось...

Салих Сайдашев с женой и сыном. 1930-е годы

На даче. Салих Сайдашев, Сафия Сайдашева, Тази Гиззат, Мирхайдар Файзи и другие. Нижний Услон. 1939 год

Во время войны, когда в 1941-1942 годах я был комиссаром госпиталя №4495, к нам часто приходил Сайдашев вместе с Файзуллой Туишевым. Файзулла ага приносил свои гармоники, часто играл прямо у постелей раненых, которые не могли ходить. Очень много прошло концертов с их участием.

И, наконец, моя последняя встреча с ним. В 1954 году на площади Куйбышева я собирался сесть в трамвай №2 – надо было в Молотовский райвоенкомат. Встретил Сайдашева. Пошли с ним в гостиницу, заказали в ресторане обед. Тут он мне сказал: «Знаешь ли ты, Гали ага, что я еду в Москву «умирать»?..».

Я не знал о его болезни, был потрясён, но не подал виду, стал уговаривать не поддаваться плохому настроению. Когда Салих абый узнал, куда я иду, сказал, что хочет пойти со мной – видимо, ему не хотелось оставаться одному. Я хотел сесть на трамвай, но он предложил пойти пешком. Так мы с ним вместе потихоньку и пошли в гору. Зашли к военкому, сказали и ему об отъезде Сайдашева. Потом втроём пошли к Салиху абый, потом к военкому, потом ко мне – расставаться не хотелось, разошлись лишь поздно вечером.

А потом были похороны. Катафалк не потребовался, так как всю дорогу его несли на руках. Выглядел Сайдашев совсем как при жизни: такой же красивый.

Так я расстался навсегда с дорогим моему сердцу человеком, любимым композитором.

Мой второй отец

Вера Сайдашева¹

«Счастливы, кто живым его застал, я им завидую...», – так сказал Ренат Харис о Салихе Сайдашеве в одном из своих стихотворений. Вот такой счастливцей волею судьбы оказалась и я, став женой сына композитора – Альфреда. В течение семи лет я близко общалась с ним. Мы совместно проживали некоторое время, затем, живя отдельно, часто бывали у него, и он часто посещал нас. Я видела его в разных ситуациях, с разными людьми. Как и Альфред, считаю Салиха Замалетдиновича своим отцом, я обязана ему вторым рождением – он спас меня от смерти при тяжёлой болезни, называл дочкой и очень нежно, с любовью, уважительно относился ко мне, к моей маме, нашим детям. А Альфредом он очень гордился – его сын такой молодой, и уже судья!

* * *

Вскоре после нашего знакомства Альфред серьёзно занялся моим музыкальным образованием и приобщал к татарской культуре. Почти каждый вечер мы проводили в театре имени Галиаскара Камала.

Однажды в антракте какого-то представления Альфред обратил моё внимание на человека, стоявшего в окружении артистов. Это был очень привлекательный господин среднего роста, стройный, подтянутый, элегантный. Темно-коричневый костюм, белоснежная рубашка с чёрным галстуком-бабочкой, до блеска начищенные ботинки... Притягивали взгляд тёмно-русые чуть волнистые волосы с небольшой сединой и открытое лицо с мягкими чертами.

– Какой красивый! – шепнула я.

– Это мой отец! Сейчас я тебя с ним познакомлю... – Альфред взял меня за руку, подвёл к отцу.

– Папа, это Вера...

¹ **Вера Петровна Сайдашева** (род. 1927). Жена Альфреда Сайдашева, сына Салиха Сайдашева. Преподаватель русского языка и литературы.

Я увидела устремлённые на меня большие светло-голубые глаза. Взгляд был пронизывающий, внимательный и в то же время добрый-добрый, с лукавинкой.

Сначала я оробела, но вскоре добрая улыбка и ласковый голос меня успокоили, и я уже свободно отвечала на все вопросы: где учусь, кто и где мои родители... Сразу почувствовала к Салиху Замалетдиновичу доверие и восхищение им. В нём всё было прекрасно.

В душевной щедрости Салиха Сайдашева я убедилась при дальнейшем нашем общении. Мне вспоминается случай, который рассказала нам Галия Кайбицкая, называвшая себя певицей Сайдашева. Оказавшись в затруднительном положении, без квартиры, с маленьким ребёнком на руках, она хотела уехать из Казани. Своими горестными мыслями поделилась с Салихом Сайдашевым. Отец, подумав, предложил ей свою квартиру. Сам же с маленьким Альфредом ушёл жить в артистическое общежитие. Так он проявил беспримерную доброту и заботу о друге и сохранил для театра талантливую певицу, отъезд которой стал для того времени невозполнимой потерей.

О его доброте, чуткости, уважительном отношении к артистам, музыкантам и к людям вообще говорят многие. Общаясь с отцом, я восхищалась его умением быть на равных с людьми разного уровня развития, социального положения. Со всеми он неизменно оставался внимателен, вежлив, приветлив, прост.

В мае-июне 1954 года Салих Замалетдинович в течение двух недель гостил у нас в Набережных Челнах, где мы жили и работали по назначению уже три

Третий слева – Салих Сайдашев. Набережные Челны, 1954 год

года. Получив от него телеграмму: «Еду пароходом «Вера Засулич» Елабугу встречайте папа», – мы, радостные, поспешили ему навстречу. От Красного Ключа ехали до Елабуги вместе. При расставании отец обрадовал, сказав, что будет у нас в гостях после торжеств в Елабуге (он направлялся туда на открытие Елабужского пединститута вместе с другими деятелями искусств).

При встрече с отцом мы заметили, что он очень изменился: похудел, лицо бледное, в глазах затаённая грусть. Что это? Или отец очень устал, или болен? Решили создать ему условия для полноценного отдыха: пусть отойдёт от всех забот, суетной городской жизни среди безмерно любящих его родных. Договорились о его приезде никому не сообщать, даже своим друзьям.

И действительно, первые дни пребывания у нас отец отдыхал, наслаждаясь обществом сына – самого близкого ему человека, наших детей, которые его обожали. Отец был тронут до глубины души заботой о нём. Он много гулял по городу, по берегу Камы в обществе любимых внуков. С удовольствием наблюдал за их играми, шалостями, сидя под клёном в нашем уютном дворике. Его забавляли нежный лепет полугодовалой Аленьки, бесконечные «почему» четырёхлетней Светочки, нравилось вести «умные» разговоры с пытливым Валериком, которому он рассказывал о Средней Азии, и многое другое... Подолгу беседовал о жизни с моей мамой и был очень благодарен ей за заботу, оценил её кулинарное искусство.

Вечером мы всей семьёй собирались за столом. Было весело, шумно. А потом вели душевные беседы на крылечке дома; отец вспоминал Валентину Фёдоровну, мать Альфреда, рано оставившую его вдовцом. Как он сожалел о её ранней кончине: «Валя испортила мне своей смертью всю жизнь!». Ему нравилось у нас. Салих Замалетдинович говорил: «У вас красивая жизнь! Я очень рад за вас, спокоен за сына». Он тепло благодарил мою маму за то, что она, посвятив свою жизнь нам и нашим детям, была ангелом-хранителем семейного очага.

Эта семейная спокойная идиллия продолжалась недолго... Непостижимым образом Челны узнали о пребывании Салиха Сайдашева в городе. Началось что-то невообразимое: с утра до вечера ворота нашего дома, как сказала мама, «не стояли на петлях»: к отцу шли и шли люди разных возрастов, национальностей – настоящее паломничество. Хотели увидеть отца, поприветствовать, пожать руку, услышать голос, выразить любовь к его творчеству, признательность за талант. Все приглашали в гости. А чуть позднее стали приезжать на тарантасах, на машинах колхозники и опять приглашали отца погостить у них, народ так хочет его видеть!

Я не переставала удивляться не только народной любви к отцу, но и тому, как он общался с людьми: доброжелательно, терпеливо. А ведь он был уже сильно болен, не спал по ночам – его душил сильный кашель. В гости мы ходили всего несколько раз, да и у себя собирали друзей лишь дважды – берегли отца.

Сколько мужества, выдержки надо было иметь отцу в этом полноводии любви в его состоянии!

Салих Сайдашев в гостях у друзей Валиевых. Озеро Кара-Куль, 1939 год

Я поехала в Казань вместе с отцом (меня послали на усовершенствование). И снова любовь, обожание людей – уже на пароходе.

Утром отец пригласил меня в салон позавтракать. Устроившись в уголке, ждём официанта. Приходят люди, здороваются и, уже пройдя мимо нас, вдруг спохватываются, снова приветствуют отца – радостно, с восторгом, удивлением, называют его по имени. Вот салон уже полон. Кто-то попросил разрешения подвинуть свой столик к нашему. А вскоре в салоне образовался один общий стол. В центре отец. Завязалась интересная беседа.

Отец – изумительный рассказчик. Полилась красивая живая речь на татарском и русском языках, остроумная, с чувством юмора. Предметом насмешек в рассказах отца был он сам. В беседе принимало участие всё застолье, постоянно раздавались дружный смех, шутки. А рассказать отцу было что, он очень наблюдательный, много ездил по стране, встречался с интересными людьми, попадал в разные ситуации. По просьбе присутствующих на этом стихийном празднике отец играл на пианино, попутно рассказывая историю создания того или иного произведения...

Летом того же года мы с Альфредом стали свидетелями необыкновенной популярности отца уже в Казани. Альфред тогда тоже приехал в Казань – сдавать экзамены; он учился заочно в университете.

Отец пригласил нас на Сабантуй в парк имени Горького, где он должен был дирижировать оркестром на открытой эстраде. Попросил прийти пораньше, чтобы успеть погулять по городу, по парку. У него мы с Альфредом были уже в восемь часов. Я очень люблю летние праздничные утра в городе – улицы в нежной зелени деревьев, нарядные, чистые. Воздух свежий, солнце ласковое.

Салих Замалетдинович попросил меня выгладить его любимый белый костюм. Польщённая доверием, я очень старалась угодить отцу, как можно лучше выполнить задание. Справилась! Отец поблагодарил меня и похвалил мою работу. Ещё поручил пришить новую ленту к шляпе. Тоже удостоилась похвалы.

И вот в девять утра мы, торжественные и принаряженные, вышли из дома в предвкушении приятной прогулки. Но сразу же за воротами, на крыльце театра имени Галиаскара Камала (теперь это Тинчуринский) встретили группу артистов. Радостные возгласы, приветствия Салиху ага, весёлые шутки, расспросы о здоровье... Только расстались с артистами, снова встреча – с писателями у Радиокомитета в другом конце здания. Снова тот же ритуал приветствий. Я видела, какими просветлёнными, добрыми становились люди. Ни одного недовольного, грустного лица, неподдельная радость на каждом от встречи с Салихом Замалетдиновичем.

Не успели повернуть на другую улицу, как повстречали какого-то учёного. Та же радость, те же приветствия. А что творилось на улице Карла Маркса! Здесь мы просто не могли идти: шаг – остановка, шаг – остановка. Я перестала спрашивать у Альфреда, кто есть кто. Тут были рабочие, военные, писатели, артисты, педагоги... И снова радостные восклицания! Отец со всеми очень за-

1939 год

ботлив – расспрашивал о здоровье и благополучии не только приветствовавших его, но и их близких.

А я уже начала беспокоиться, успеем ли вовремя на концерт. Да и костюм отца тревожил: плечи всё темнели и темнели, да и спина от объятий становилась серой. Как же он будет дирижировать, стоя такой разноцветной спиной к зрителям?! И уж совсем не выдержала, когда из трамвайного парка вышла группа рабочих в спецовках и один из них стал так сильно обнимать отца, оставляя «автографы» на спине, что я, как мне казалось, очень вежливо заметила ему: надо бы поосторожней, костюм белый, а отцу выступать ещё в нём... Отмахнувшись от меня, тот проговорил сердито: «Не мешай, наш Сайдаш, не твой!». Отец, видя моё лицо, тихо успокоил: «Ничего, дочка, не расстраивайся! Это же народ...».

Да, такого я ещё не видела! Чтобы так открыто, искренне, непосредственно, хотя и по-разному в силу своего темперамента, воспитания люди выражали радость при встрече с композитором. Вот это ЛЮБОВЬ НАРОДНАЯ! А отец до конца оставался терпеливым и доброжелательным, вежливым и с достоинством, юмором и доброй улыбкой принимал знаки внимания.

К моему удовольствию, мы пришли вовремя, к началу концерта, к двенадцати часам. Шли три часа! Солнышко и ветерок позаботились, чтобы тень от деревьев падала на эстраду и скрывала недостатки отцовского костюма...

Вскоре отец пригласил нас с Альфредом отдохнуть на несколько дней в Кызыл Байраке. Те счастливые три дня в деревне показали нам раем. Живописная природа на высоком берегу Волги, уютный домик, радушные люди, угощавшие нас деревенскими яствами, незабываемое общение с отцом... Тёплые июньские дни позволяли вволю купаться, бегать по берегу, взбираться наперегонки на холмы, словом – мы резвились, как дети.

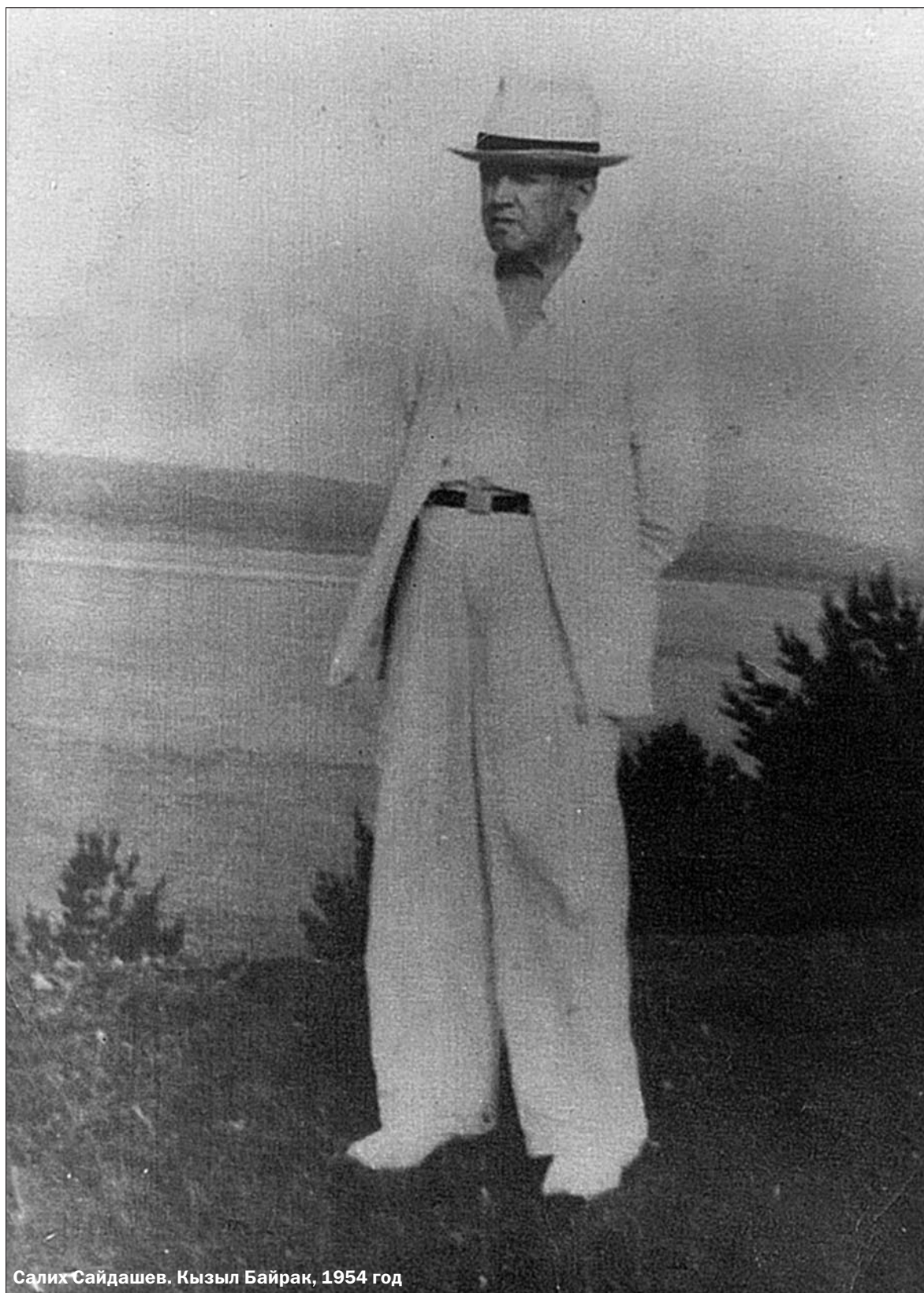
Отец, наблюдая за нами, весело говорил своему спутнику: «Как дети! Кто скажет, что у них самих трое детей?», – Собеседник удивлялся: «Не может быть!».

А мы на самом деле позабыли обо всём на свете – ведь впервые за последние годы оказались под опекой отца, любящего, заботливого, нежного... Мы словно вернулись в беззаботное детство!

Но делу время – потехе час. Пора было возвращаться в Казань. Как не хотелось расставаться с отцом, и ему тоже не хотелось отпускать нас. Мы чувствовали – ему доставляет радость общение с нами, он очень доволен, что доставил нам этот праздник, и очень уговаривал погостить ещё. Отец проводил нас до Шеланги (тогда в Кызыл Байраке не было пристани), долго махал рукой вслед.

Глядя на удалявшуюся фигуру отца, вспоминая его грустные глаза при прощании, мы молчали. В груди сжалось сердце, на глаза навернулись слёзы...

Знакомый отца, фотограф-любитель Шамкин приехал в Кызыл Байрак со своей семьёй на следующий день после нашего отъезда. Это он сфотографировал отца на берегу Волги в том самом белом костюме, за чистоту которого я так радела, в котором Салих Замалетдинович в последний раз дирижировал в парке имени Горького на Сабантуе...

Салих Сайдашев. Кызыл Байрак, 1954 год

Салих Сайдашев в Кызыл Байраке с семьёй Шамкиных. 1954 год

Те дни навсегда остались в нашей памяти как самые счастливые мгновения жизни. Могли ли мы тогда предположить, что всего через полгода отца не станет?..

Много воды утекло с той поры. Мы вернулись в Кызыл Байрак, каждое лето проводим здесь. Природа та же, люди такие же приветливые, но нет самого главного, самого дорогого человека – отца.

Прошло более сорока лет. В Национальном культурном центре «Казань» состоялась встреча потомков известных людей, на которой присутствовали мы с Альфредом и наши дети. Альфред вспоминал об отце, наша дочка Альфия и внук Айдар играли на фортепиано его произведения. После концерта, помогая внуку одеться, я услышала: «Здравствуйте! Вы не узнаете меня?». Мучительно вспоминаю, где я могла видеть этого уже немолодого мужчину. Извинившись, отвечаю честно, что не помню. «А я вас помню, вы почти не изменились! Мы с вами ехали на пароходе вместе с вашим отцом Салихом ага».

Я удивилась: «И вы это помните? Это же было в 1954 году!». Господин даже обиделся, с укоризной посмотрел на меня: «Что вы, я не только помню; об этой встрече рассказываю детям, внукам, всем родственникам и знакомым... Я так горжусь, что жал руку, разговаривал, слушал его рассказы, сидел за одним столом, наслаждался его игрой на пианино! Я знал самого Салиха Сайдашева! Я – счастливый человек!».

Сумерки за кулисами

Асфан Ильясов¹

Действующие лица и исполнители глазами души

 помню эти улицы моего детства. Сейчас это улицы Абжалилова, Султанова, Сайдашева...

И всегда при воспоминании о старых мастерах возникает острая боль. Неужели эти гиганты сцены и музыки вымерли, вымерли, как исторические обитатели планеты, и карма их на землю никогда больше не возвратится? И их имена останутся только в названиях улиц? Теперь, когда я прохожу по этим улицам, с высоты прожитых лет оглядываюсь на прошлое, чередой перед глазами проходят лица, образы мастеров, основоположников татарского театра. И аккомпанирует этой блистательной череде, от творцов до статистов, чарующая музыка Салиха абый Сайдашева.

Палочка для маэстро

Театр мне казался громадным кораблём со множеством залов диковинного названия – репетиционных, отдельных и соединённых коридорами комнат, различного рода цехов, где пахло то свежей стружкой, то тёплым столярным клеем, то краской, то лежалыми костюмами под нафталином, куда неодолимо влекли то бречание оружия разных веков, особенно удивительной сабли из дамаской стали (она прогибалась, соединяя кончик с ручкой, в тяжёлой руке Камала III в «Отелло»), то вращающийся круг, на котором я любил прокатиться, мешая перестановщикам сцены. Это было волшебное царство, сложное, трепетное и прекрасное, царство превращения известных мне по-житейски людей в каких-то иных, непохожих на самих себя... А как можно описать то состояние души,

¹ Асфан Ильясов. Режиссёр театра и кино.

когда гас свет и прожекторы косыми лучами освещали бархат занавеса? Я знал один секрет: тяжёлый полог последний раз вздрогнет прямо перед медленным взлётом, потому что там, в занавесе, была щелочка, через которую актёр или актриса опасливо и нетерпеливо смотрели в зал, выискивая своих знакомых, поклонников или почитателей. И, наконец, полузатихший оркестр, «расстроенный» до первого взмаха палочки дирижёра, который ещё ходит, томится в унылом, полутёмном коридоре, дожидаясь общей тишины и своего душевного вздрога. Но вот тишина установилась; все в предвкушении праздника. Появляется Салих абый, с подчёркнутой осторожностью продвигается мимо поупитров, улыбаясь сдержанной улыбкой каждому; и тут, в тишине, раззява-зритель, именно в этот самый момент, таинственный и торжественный, роняет алюминиевый номерок, и тонкое звяканье отдаётся глухим колоколом в ушах, зрители чувствуют неловкость до возмущения и...

Всё прощалось, забывалось, когда сутулые плечи Салиха абый появлялись у дирижёрского пульта. Салих абый невидящим взглядом вполоборота оглядывал зал, затем – оркестр, как-то тяжелее, чем левую, поднимал, будто подтягивал, правую руку, и начиналась увертюра...

Салих Сайдашев.
Картина художника
Г.Д. Милентьева

Дирижёрская скупость движений Салиха абый меня удивляла, другие тут вытворяли чудеса пластики, его же угловатые движения вызывали некоторое раздражение. Только потом, позднее, до меня дошло: ведь он прочувствовал эту музыку в одиночестве у пианино, записывая ноты на клочках бумаг среди друзей, простаивая у окна и дождавшись наконец рождения той искры, которая ведёт за собой, как колодезная цепочка – ведро, накручивая на поперечину чистую, вкусную, обжигающую до дрожи воду, могущую утолить жажду прекрасного у слушающих сейчас его творение...

Действие заканчивалось, Салих абый быстро, только ему свойственным кивком головы делал полупоклон, который уже был продолжением начавшегося движения туда, в коридор, где можно расправить напряжённые плечи и спокойно закурить папиросу, что-то услышать в себе, да просто поулыбаться весёлым, а иногда и едким разговорам оркестрантов на театральные темы. Закулисная жизнь театра многолика, она далеко не тот, да простят меня, общеизвестный, блестящий фасад; в ней проявляются и все недобрые свойства человеческой натуры, не прикрытые условностью сцены – прежде всего зависть, а потому – интриги, насмешки, подсиживание, наговоры на талант и преклонение перед бездарностью. Вечный спор Моцарта и Сальери всегда имеет продолжателей.

Салих абый избегал этих разговоров, они претили ему, а если он вдруг оказывался в центре закулисной болтовни, то всегда говорил, усмехнувшись, «да-да», и по этим «да-да» трудно было понять, осуждает он или одобряет. Ему была близка созерцательность жизни, из неё он выхватывал созвучия, отвечавшие гармонии души. Это успокаивало его, дарило надежду на завтрашний день. Но жизнь, конечно же, без участия сильных мира сего зачастую выкидывает с доверчивыми, открытыми людьми коварные номера и наступает своим тяжёлым башмаком именно на пятки талантливых людей.

Как-то прошёл слух, что Салих абый (причин в таких случаях не указывают, считая это излишним) отстранён от дирижёрских обязанностей в театре, лишь изредка будет дирижировать на договорных началах. Одним из спектаклей была мелодрама «Күзләр» («Глаза»), доживавшая свой век под напором барабанных пьес соцреализма.

В один из зимних вечеров, когда до начала спектакля оставалось совсем немного, я пробежал по коридору музыкантов в гримуборную к матери и увидел Салиха абый, в растерянной задумчивости стоявшего у стены. Он поймал мой взгляд; я в ожидании остановился... Чувствовалось, он что-то хочет спросить, но не решается. Наконец, он наклонился ко мне и, видимо, боясь, что его услышат другие, сказал тёплым шёпотом:

– Улым, ты не можешь мне выстрогать вот такую палочку?

Я сразу понял: речь идёт о дирижёрской палочке. Тут же нырнул под круг сцены, под тяжёлые железные балки. Здесь всегда достаточно щепок, а перочинный ножик был при мне. Я быстро выстрогал палочку и вынес в коридор. Салих абый стоял в той же позе, прислонившись к стене, о чём-то задумавшись;

фрак откинулся и – о ужас! – я заметил, что манишка была надета без рубашки прямо на голое тело.

Салих абый увидел меня, без слов взял моё творение и скрылся в дверях оркестровой ямы. Я поднялся за кулисы и в щель между порталом сцены и занавесом увидел его; он дирижировал, дирижировал не скованно, а свободно, музыка плыла, захватывала; актриса – это была Марзия Миннибаева – как-то по-новому взглянула на Салиха абый и сильно вывела припев песни: «Прощай, моя родная деревня, я уезжаю от тебя навсегда, потому что много горя я видела здесь». Это была уже не мелодрама, а драма. Настоящая. Великий татарский композитор покидал свой театр, которому вместе со своим другом Каримом Тинчуриным подарил столько блестящих произведений.

В детстве, когда встречаешься с несправедливостью, чернеет светлый день, гаснет солнце, потому что книга жизни души твоей чиста и ты можешь выкинуть чёрт знает что, лишь бы восстановить справедливость, наказать виновного. Что-то во мне тогда перевернулось.

Началось второе действие: слепая героиня мелодрамы приезжает в город, и ей должны сделать операцию на глаза, чтобы она видела белый свет, людей, любимого. Я почувствовал себя таким же слепцом, вспомнилось своё горе, несчастье всей нашей семьи, репрессированный отец; его я не видел, но мать, тихонько, испуганно поглядывая на дверь, рассказывала о нём, показывая маленькую фотографию. Я смотрел на снимок: отец стоит в плавках на берегу Казанки – здоровый, сильный человек. Он повернул голову, будто его окликнули с берега. Прямой, несколько суровый, честный взгляд. Вспомнил страдания матери, её муки, когда её, жену врага народа, выбросили из театра. Мы оказались на улице, без денег, без крова, квартиру конфисковали. А затем и мать, как жену врага народа, посадили в тюрьму, а нас, брата 13 лет, меня, полуторагодовалого, разбросали по детским домам... Вспомнил, как я поднимал одного пьяного актёра на спине по лестнице, и он вдруг вместо благодарности кинул мне в лицо: «Ты, сын врага народа, тебя тоже надо туда, добренький...». Потом шёпот матери: «Отец хороший, хороший...».

На сцене хлопотали над героиней, сейчас она прозреет...

Салих абый дирижировал с каким-то упоением, целиком отдаваясь музыке. Меня осенило: он тоже, вместе со своей героиней, прозревает... Может, вот сейчас он думает, посылая крутой подбородок вперёд, к сцене, о том, почему я здесь, а Карим там, где-то в Сибири, в тюрьме, какая разница, жить в страхе здесь или там? Разве... Какая же разница, когда везде тюрьма духа?

Спектакль закончился, раздались аплодисменты. Салих абый повернулся к залу, и мне показалось, что он впервые зрячими глазами, полными невыразимой тоски и сожаления, посмотрел на аплодирующих. А во мне вскипала какая-то злость: вот, вы аплодируете, довольны, счастливы, вам, пусть на мгновение, подарили радость, а в то же самое время творец этой радости, этого подарка, на которого вы смотрите с восхищением, стоит перед вами в старом фраке, надетом на голое тело! Аплодисменты всё звучали. Салих абый повернулся и пошёл

мимо оркестрантов к двери, ведущей в сумрачный, тусклый коридор. Оркестранты смычками били по струнам. Мне чудилось, Салих абый думал, что за этим тусклым коридором есть ещё жизнь со всеми её красками, музыкой, лишь бы не сломали душу и не потерялось ощущение гармонии... Хуш, авылым, сау бул... Прощай, моя родная деревня. Прощай! Салих абый скрылся в тёмном проёме...

После я размышлял, какой же трагический рок преследует таланты в нашей стране и почему; возник единственный ответ: равнодушие, равнодушие к самому ценному, к духовному роднику, который всегда поил бы правдой, обогащал разум. Эх, люди, думалось мне, слава талантам нужна при жизни! Наступит ли и твоё прозрение, народ? Хватит поклоняться пустышкам, временщикам, невежественным голым королям! Дай Бог тебе, наконец, видеть не только глазами, которые на лбу, но и глазами души...

Варежки

Это было в военные годы, мы тогда обитали в общежитии Татарского театра на улице Островского, 6, заселённом, как соты пчелами. С фасада дом – двухэтажный с подвалом, а часть, выходящая на Булак, – трёхэтажная, также с подвалами. Вот на третьем этаже, у двери на лестницу, в пятиметровке мы с матерью и жили. Правда, даже она стала горько просторной после ухода брата на фронт.

Салих Сайдашев и Тази Гиззат. 1948 год

Я, как всегда, поздно прибежал с улицы и, естественно, весь мокрый. Была зима. Начал раздеваться, получая нагоняй от матери. Она торопилась в театр на вечерний спектакль; в этот дальний поход надо было снаряжать и меня – оставить не с кем, а тут ещё генеральная сушка. Тишина установилась тягостная. Я с чувством вины прошёл вглубь комнаты и сел в ожидании еды. Мать крутилась около плиты, развешивая, раскладывая мою единственную амуницию. За дверью внизу раздались какие-то разговоры, и вскоре к нам постучали, довольно решительно и громко.

Дверь открылась, на пороге возникла приземистая фигура артиста Шамильского, а за ним в тёмном ореоле коридора маячил ещё один пришелец; я тогда ещё не знал, что это Салих Сайдашев. Мать, как обычно в то жуткое время, вздрогнула, уронив на плиту подтопки мои варежки. Они сразу зашипели, издавая запах нагревающейся шерсти.

– Вот, Салих, заходи... Это, сам знаешь, наша замечательная актриса, Гульсум Камская. В-о-о-т, – растягивая и усиливая сказанное, Шамильский сделал движение рукой, а затем, скрипнув пружинами дивана, сел и замолчал. Салих абый неловко повёл шеей, будто ему жал воротник, потоптался, чуть приподняв брови, оглядел своими синими глазами комнату и тоже примолк.

Он был в тёмносинем пальто с потёртым каракулевым воротником. Мать запоздало, а потому суетно, пригласила его в комнату. Салих абый было наклонился, хотя косяк двери высок, потом, оценив обстановку, виновато выбрал голову в плечи, отступил назад, отгоняя дым горячей папиросы правой рукой.

– Шакир, – неторопливо молвил он, – мне кажется, малышу нужно делать уроки, да и жаркое у Гульсум поспевает, – кивнул он в сторону невидимой ему плиты с тёплой хитринкой в глазах. – Собирайся-ка.

Мать, с обычным для неё голосовым всплеском, кинулась к плите, где уже и вправду по-настоящему начинали поджариваться мои варежки. – Вот шайтан! – покачала она головой, больше обвиняя себя в забывчивости.

Шамильский сочно рассмеялся.

– Шайтан, – усмехнулся он, больше подбадривая, чем укоряя, – Ильяс, вылитый Ильяс, – широко развёл руками, приглашая всех посмотреть на удивительное явление природы в моём лице. Все мягко улыбались, глядя на меня, в то же время думая о чём-то своём.

– Да, Салих, д-а-а-а, жизнь, – вдруг с хрипотцой выдавил Шамильский и обмяк, будто съёжился от холода. Тишину нарушал далёкий собачий лай, доносившийся с Булака. Я видел, как Салих абый, прижимаясь к косяку двери, чтобы его меньше видела мать, умоляющими глазами ловил взгляд Шамильского: да скорей же!

Мать, обминая сопревшие варежки, растерянно смотрела на них, не зная, что предложить неожиданным гостям. Шамильский резко выпрямился и, желая что-то или кого-то догнать, шагнул за порог, кинув «Д-а-а-а» в темноту. Салих абый, прямо-таки чудом уступивший проход темпераментному взрыву Ша-

мильского, как-то смято улыбнулся, тихо прикрыв дверь. Шаги их на лестнице затихали...

– Шайтан, – сказала мать, взглянув на будильник, и засуетилась с моей амуницией, успев тут же другой рукой поставить кастрюлю с картошкой на плиту.

Я взглянул в окно, через ледяные торосы которого внизу, на белом снегу, виднелись две маленькие фигуры. Удаляясь к тёмным воротам, они вырастали как две большие нахохлившиеся птицы, пока их не поглотила темнота...

Гармония

Мы постучали, но дверь вдруг открылась сама. Мать, оторопев, настороженно оглядела коридор. Тишину нарушала капающая из крана вода. Капли выбивали тонкую тревожную дробь. Мать неловко остановилась, будто решая что-то про себя. Я с учебниками и тетрадями в руках отчуждённо смотрел в сторону.

– Может, Салих абый работает? Тогда почему не слышно музыки?

Догоравшая печь несла множество хлопот: чтобы я не угорел, меня отводили к Салиху абый делать под присмотром уроки.

Безучастность моя исчезла. Дверь открыта, а никого нет. Из кухни несло холодом. По краям окна белой щетиной горбился снег. Мать попыталась закрыть кран, но беспокойная дробь воды не слабела.

Мать увлекла меня по коридору. Мы прошли пустую комнату, в окно которой виднелась стена театра, и постучали в дверь зала. Тут же отзвуком послышался голос Азии ханум; увидев мать, она оставила пасьянс и блеснула нам навстречу очками-пенсне.

– Пусть, пусть занимается, – опередила она просьбу матери, покосившись на окно, где силуэтом в лучах зимнего солнца в своём неизменном пиджаке стоял Салих абый. – Салих сегодня весь день не садился за инструмент и, видимо, не собирается этого делать, – закончила Асия ханум, собирая карты.

Салих абый повернулся, потёр с морозным скрипом руки, будто лепил снежок, оценил взглядом явление и приподнял плечи, по привычке слегка наклонил голову.

– Пусть, пусть! Он мне не мешает. Мне даже нравится, когда около меня кто-то чем-то полезным занимается, кроме карт, – сказал он, снова поворачиваясь к окну.

– С утра места себе не находит, – шепнула Асия ханум матери и громко продолжила. – Вот и я сижу, как на вокзале, а ехать некуда.

Стол, кровать, подальше от окна два стула, один круглый, у пианино, отполированный до благородного блеска, и часы – подарок правительства за «Марш Красной Армии». Вот обстановка, в которой доживали свой век Салих абый и его жена – Асия ханум Казакова, отпрыск богатого купеческого рода. Казаковы имели магазины, в дар городу строили мечети и содержали богадельни, в одной из которых, у Кабана, истопником и сторожем работал и проживал по соседству мой дед, Сафиулла Шарипов.

Тишина затянулась, часы маршеобразно стучали свою музыку; я чувствовал, как Салих абый воспринимал всё происходящее в комнате спиной, она мелко вздрагивала.

– Я испекла пирог с капустой, пойдёмте, – сказала мать, прижимая мою голову к себе.

Асия ханум, поглядывая добродушной совой из-под очков на окно, где стоял Салих абый, стянула с себя одеяло и, виновато улыбнувшись, сказала:

– Гульсум, у тебя всегда вкусные пироги, как успеваешь с твоими-то заботами? Ты всегда была отменной кулинаркой, точь-в-точь как твоя мать, Гульбахар ханум.

– Да, Гульдраушан, – повернул голову Салих абый, отчего плечо его ушло вниз, – большая мастерица, сейчас таких днём с огнём не найдёшь! – и снова нахохлился, глядя в окно.

«Гульдраушан» в душевном переводе – колокольчик, ручеёк; так любовно мою мать называл отец за удивительно чистый и звонкий голос. Я почувствовал, как дрожь пробежала по телу матери; она забыла это слово с 1937 года, когда репрессировали моего отца. Тишина стала тягучей, только часы продолжали барабанить свой марш. И вдруг, резко повернувшись в нашу сторону, склонив голову, как подраненная птица, и обращаясь только к Асии ханум, Салих абый сказал:

– Какие разговоры... Вот смотри, этот мальчик не видел своего отца, а ты ещё о чём-то рассуждаешь, раздумываешь... Странные дела, – добавил он, скрипуче потерев руки и снова отвернувшись к окну. Часы били кремлёвскими курантами, я отодвинулся от матери и перенёс свою ношу в одну руку.

– Но разве я возражаю, Салих! – виновато огляделась Асия ханум. Растерянно провела ладонью по столу и едва слышным шёпотом, кивнув в сторону Салиха абый, сказала мне:

– Нет, он не сядет сегодня за инструмент... Я схожу к Гульсум, не теряй меня...

Салих абый обернулся, какие-то воспоминания осветили его лицо, он извиняющимся тоном, вбирая голову в плечи, мягко сказал:

– Пусть занимается, какие могут быть разговоры.

Мать подтолкнула меня к столу и, улыбнувшись Салиху абый, двинулась к двери, за ней последовала Асия ханум, из-под очков-пенсне прощально взглянув на Салиха абый. Я скрипнул стулом и разложил учебники. Салих абый остановился надо мной, снова скрипуче потёр руки и направился к пианино, осторожно подсел к нему и взял аккорд. Стук часов остановился. Холодный воздух комнаты вздрогнул. Я смотрел на спину Салиха абый; она не вздрагивала, она жила какой-то музыкой, которая должна вот-вот явиться и заполнить эту нежилую холодную комнату чудным весенним теплом. Салих абый сгорбился, вобрал в себя руки, затем мягким движением беззвучно прошёлся по клавишам и вдруг обмяк, глядя на часы. Часы будто ожили, опять застучали.

Уроки не шли в голову. Я был весь в ожидании, что вот сейчас польётся музыка, и даже обиделся длившейся тишине.

Из крана выливается, из крана выливается... Я не выдержал этой затянувшейся паузы, осмелел обидой обманутого:

– А если эта музыка ваша будет похожа на какую-нибудь другую?

Салих абый встрепенулся, будто его окатили горячей водой. Резкость не его стихия, его стихия доброта души, которую в обыденной жизни называют доступностью, покладистостью, ранимостью. И не в старом, замызганном пиджаке я увидел его, а во фраке, в котором нарисуют, изваяют позднее, делая из него потребу, играя на популярности.

Салих абый, вполоборота, не глядя на меня, сказал:

– Обо мне так не скажут, сынок. И как же она будет похожа на какую-то другую, если души у нас разные, значит, и мысли разные. Но нет, не это меня беспокоит, сынок. Не это! – Он тяжело, с присвистом вздохнул, поднял голову высоко вверх, будто ему не хватало воздуха.

– Я... Гармонию потерял. Понимаешь ты, улым?..

О какой гармонии говорил тогда Салих абый, так и осталось для меня загадкой. В музыке ли, в жизни... Но, как бы там ни было, я всегда вспоминаю Салиха абый, не портретного, не скульптурного бодрячка, а просто человека, уставшего, с поникшими плечами, тонкими повисшими руками с длинными пальцами... И не отпускает, мучает вопрос: о какой же гармонии говорил Салих абый?..

Без грима

Всё, описанное в моём рассказе, произошло в действительности, может, за некоторым исключением в деталях, которые также имеют право на жизнь и документальны, так как были рассказаны женой Салиха абый Асией ханум Казаковой, в дни его смерти и похорон почти каждый вечер заходившей к моей матери. Присутствие некоторого вымысла – это дань уважения, почитания, любви к великому татарскому маэстро.

Разные слухи о Салихе абый во множестве проникали во флигель театра, где проживал композитор с женой Асией ханум, артисты и мы с матерью – Гульсум Камской. Проникали они разными путями, как весенняя вода просачивается в наши сараи в глубине узкого двора, где хранились дрова и всякая рухлядь. Вода замерзала, и нам приходилось, чертыхаясь, отколупывать мёрзлые поленья. Но откуда зимой в сараи, обдуваемые всеми ветрами, она просачивалась – оставалось загадкой. Такой же загадкой было появление бесконечных пересудов, сплетен о Салихе абый. Какие злопыхатели их выдумывали? Не иначе, завистники! Они не знали, что большой грех завидовать богоизбранному. Тем не менее, слухи появлялись, примораживались к имени, старели, оттаивали, исчезали, чтобы появиться в новой, ещё более фантастической форме.

Сарафанное радио в фантазии и доставке пересудов, сплетен нисколько не уступало средствам массовой информации. Говорили, что когда Салих абый лежал в больнице Домрачева, его не находили в палате, – видать, убежал. Удивлялись болезни, потому что только сейчас видели его в Кекинской забегаловке, ещё при жизни Сайдашева величаемой «сайдашевкой». То он пропадал в дебрях Татарской слободы у какой-то молодухи, которая, судачили, позарившись на его богатое наследство, решила прибрать композитора к рукам. Популярность Салиха абый, хоть и разных знаков, была невероятной, но это был крест – тяжёлый, беспокойный, хлопотный. Неси! Слава, как медаль, – двухсторонняя; судьба такая. Сам Салих абый на это не сетовал, а, улыбаясь, повторял пословицу: «Собака лает, караван идёт».

А если подумать, за что ругать авторов пересудного жанра? Жалеть их надо. Они, в меру своей испорченности и всеобщей любви к объекту сплетен, хотели приобщиться к жизни знаменитого земляка, хоть на словах почувствовать родство с ним, близость. Невероятно богатое наследство было – написанная и ещё не написанная музыка. Но она ведь – не деньги, с ней на базар не пойдёшь, в сберкассе не положишь, а поговорить можно, греха в том большого нет. И всё же Салих абый был сказочно богат – честью незапятнанной, совестью незамаранной. А основное богатство его находилось всегда при нём – уникальная память на татарскую народную музыку, которая в его сердце превращалась в неповторимые творения.

После Татарской оперной студии при Московской консерватории, после оклеветанного Карима, после кровавой жатвы репрессий у Салиха абый появилась какая-то отрешённая непоседливость, охота к перемене мест. На него давили стены, потолок пикировал, тянуло на улицу, – казалось, только там желанная свобода. Но и там какое-то незримое око следило за каждым его шагом, вездесущая тень преследовала. Иногда казалось, вот сейчас сзади на плечо опустится тяжёлая рука и ему скажут... Салих абый резко разворачивался. Просили закурить. Он улыбался, угощая. Жизнь превратилась в какую-то скверную игру. Без вины виноватый идёт по улице, к нему подходят, уводят, часто он пропадает навсегда...

Салих абый торопился к знакомым, друзьям. Широта души татар легендарна, особенно по отношению к такому любимцу, как Салих Сайдашев. Здесь, в простодушной обстановке, обычно немногословный Сайдашев раскрывался цветком на солнце, оттаивал душой; иногда ему так не хотелось возвращаться в могильную тишину и холод своей квартиры. Чтобы оттянуть расставание, он садился за инструмент, чтобы озвучить, продлить дружескую встречу.

Наверное, не заброшенность квартиры, не житейские проблемы – непосильная ноша талантам, – не вечные заботы о хлебе насущном беспокоили его, а непреодолимое желание работать и – ужас! – невозможность осуществить это естественное желание человека, творца, придавленного прессом государственной машины. Несговорчивых, неудобных ещё при жизни душили атмосферой равнодушия и показного крикливого уважения. Куда девалась романтика, о которой они так чудесно пели с Тинчуриным? Её съело пламя Молоха, как огонь поедает сухую солому в мгновение ока. От жестокости жизни люди очерствели, ходят, будто в футляре. А ведь так мало нужно человеку, когда ему невыносимо трудно. Нужно простое сочувствие, естественное, как день ясный, согревающий, радующий теплом души остывающее к жизни израненное сердце.

Застолья у друзей отвлекали от безжалостных будней, каждый день которых тяжёлым сапогом наступал на пятки. Близость инструмента будоражила воображение. Очень часто тут же появлялся поэт, и под талантливыми пальцами композитора стихи укладывались в чудную песню о пионерах, молодёжи, гимн

Салих Сайдашев и Мухаммет Садри на Первомайской демонстрации. 1954 год

любви к краю, родине. А уже через несколько дней она звучала по радио, на концертах, встречах. Но бывало и другое: изумительной красоты музыкальная тема звучала в гостях в первый и последний раз или, записанная на клочке бумаги, салфетки, терялась в суете жизни. Может быть, с этими нотными знаками уходили из жизни замечательные творения татарской музыки. Этому уходу в небытие аккомпанировало молчаливо-многозначительное равнодушие власть предержащих.

Когда в 1948 году Салиха абый сократили из театра, он жил на гонорары, но музыкальные организации республики заказывали музыку с коммунистической «начинкой», с обязательным упоминанием имени Сталина. На сочинение такой музыки он всегда шёл с обречённостью осуждённого, по его словам, надевая... личину, чтобы потом пчёлы не жалили. Значит, и с гонорами дело обстояло туго. Как можно было жить мужу, отцу, главе семьи, что требовалось предпринять, чтобы не морить голодом детей и не смотреть на своё лицо в кривом зеркале? Слава была на устах, народ боготворил, а композитора, радушно ему улыбаясь, оставляли без работы. Как сердце композитора терпело такое лицемерие, какие рубцы запеклись на его живом теле? Слава гонораров не давала, а жизнь проходила скорым поездом. Верно скажет позднее поэт Рустем Кутуй: «Слава ходит по мёртвые души...». Каждый, кто жил от зарплаты до зарплаты, поймёт положение музыканта. Как можно творить в таких условиях и создавать божественную музыку? Советовали обратиться к самым высоким начальникам, но гордость и скромность связывали руки Салиху абый. Он замкнулся и замолчал, хотя на праздниках без марша Сайдашева не обходилось.

Таланты в искусстве – это люди с собственным видением жизни, зачастую категоричные, не вмещающиеся в общепринятые шаблоны, очень тонкой душевной конструкции, с большим самолюбием. Всё, что сказано о талантах – а речь идёт о настоящих, – можно в полной мере отнести к Салиху абый. Можно говорить о житейской неприспособленности, о слабости характера, увлечениях, но оставить за бортом жизни композитора, не имеющего иной профессии, кроме как сочинять музыку, человека, в конце концов, было страшным ударом по его пошатнувшемуся здоровью. Вечерами, оставшись в одиночестве, Салих абый оборачивался на прошедшую жизнь, мучительно искал свои ошибки и не находил...

Мелодия из детства

Асия Галеева¹

Как-то я перебирала старые ноты. И вдруг среди них нашла два листа с автографом Салиха Сайдашева. И вспомнилось...

Конец 30-х годов. Уютная наша квартира на улице Чехова – зал, пианино, сёстры Лина, Софочка. Мои молодые, красивые мать и отец, их друзья – музыканты, композиторы, артисты... Нет, родители мои не были артистами, но очень любили музыку. Мама неплохо пела. Любимой её песней была «Галиябану» и лирическая «Зәңгәр күз». Я помню домашние концерты. Бывал у нас и композитор Салих Сайдашев. Я училась в музыкальной школе, но татарская музыка оставалась от меня как бы в стороне. Отец очень хотел, чтобы я, обучаясь музыке, знала бы и татарскую, и, конечно же, песни своего народа. И когда к нам приходил Салих абый, папа просил его записать для меня мелодии татарских народных песен для того, чтобы я разучивала их на пианино. Так я полюбила на всю жизнь песни нашего народа. И помог мне в этом Салих Сайдашев.

Началась война... Отец, человек не военный, очень мирный, ушёл на фронт. От него нам шли письма. Бабушка уехала... Мама целыми днями была на работе. В квартире мы были одни, три маленькие девочки. Есть было нечего, печи топить нечем... Но удивительно, что мы, тем не менее, часто пели – песни, романсы, арии из опер. Слушали на патефоне записи Сергея Лемешева, Ивана Козловского, Надежды Обуховой, Александра Вертинского, Вадима Козина, Клавдии Шульженко. Разучивали новые песни – о Великой Отечественной войне.

В здании школы №98, в которой я училась, разместился госпиталь. Нам временно передали деревянное двухэтажное здание на улице Достоевского, где и проходили школьные занятия. В основном здании школы мы иногда выступали с концертами перед ранеными. Я помню, как они были нам рады. На концерты я брала и свою маленькую сестрёнку, которая очень забавно исполняла арии из

¹ **Асия Амировна Галеева** (род. 1929). Актриса Татарского государственного академического театра имени Галиаскара Камала, народная артистка РТ.

оперы «Евгений Онегин» и песни Исаака Дунаевского. Концерты чаще проходили в коридоре, а иногда прямо в палатах. Нам хлопали, улыбались и иногда в маленьких скрученных бумажных пакетиках давали сахарный песок, особенно сестрёнке Софочке...

С фронта приходили письма, и вдруг всё оборвалось, ни одной весточки. Долго, очень долго ничего не было известно об отце. Наступил 1943 год. Однажды я, как обычно сидя за пианино, разучивала очередную новую песню. Стук в дверь. Я вышла. На крыльце стоял Салих абый Сайдашев. Обычно он улыбался, а сегодня был каким-то очень серьёзным. Казалось, у него было предчувствие (и оно не обмануло его!), он сразу же спросил у меня, есть ли вести от моего отца. Я ответила, что писем давно нет, и что мы о нём ничего не знаем. Салих абый молча прошёл в зал, сел на диван рядом с пианино. Мы молчали. Я села за инструмент и опять стала играть. Салих абый слушал. Продолжая играть, я взглянула на него. Он сидел на диване в глубокой задумчивости, широко раскинув руки и склонив голову. Вот таким я и запомнила его на всю жизнь. Некоторое время я молча смотрела на него. Похоже, он этого не почувствовал. Он сидел так довольно долго. Вспоминая впоследствии эти мгновения, я поняла, что он уже тогда, возможно, почувствовал, что отец мой погиб. И, как позже выяснилось, в это время отца моего действительно в живых уже не было. Он погиб 16 октября 1942 года и был похоронен в братской могиле под Ленинградом.

Салих абый думал... Я тихо перебирала клавиши. Вероятно, моя незамысловатая мелодия помогла ему снять напряжение. Он взглянул на меня, выражение его лица смягчилось. Салих абый попросил у меня нотную бумагу. Бумаги в годы войны в доме не было, но у нас были небольшие топографические карты, на обратной стороне которых мы с сестрой писали ноты. Но даже и их сейчас не оказалось. Я просмотрела ноты на пианино и взяла первые попавшиеся с чистой страницей в конце. Салих абый попросил начертить нотные линии, что я и сделала. Он взял эту страницу и спокойно, не отрываясь, стал записывать ноты, потом дал их мне, сказав: «Играй вот это, хорошо?».

После его ухода я разобрала написанное и выучила. Это оказалась несложная, но довольно грустная мелодия. Не знаю, в тот ли момент он её сочинил или раньше, но эта страница, а также записи рукой Салиха Сайдашева мелодий татарских народных песен и музыки из «Наёмщика» поныне напоминают дорогих мне людей – отца, мать, сестёр, моё далёкое детство, а также встречи с удивительным человеком – Салихом Сайдашевым.

Образ из детства

Зуфар Гимаев¹

Начало 1950 годов. Моё детство проходило во дворе дома №8 по улице Мусы Джалиля. Бабушка у меня строгая, но справедливая, родители «пашут» с утра до вечера. Мой дядя, Алмаз абый, высокий, чёрный, захаживал иногда навестить нас. Я его боялся, но от него веяло строгой добротой. Часто он приходил не один, а с другом Салихом.

Мои воспоминания о Салихе Сайдашеве краткие, но очень яркие. От него также всегда веяло добротой. Его тёплые руки мягко трепали меня по рыжей шевелюре, если я попадался у него на пути. И обязательно шоколадная конфета перекочёвывала из кармана пиджака Салиха абый в мои руки.

В нашей семье часто произносили его имя. Когда по радио транслировали музыку Сайдашева, все бросали свои дела и слушали, а я становился на стул и начинал дирижировать. Делал я это с большой серьёзностью и усердием, чем вызывал улыбки и смех близких.

Умер Сталин. Погода солнечная, тёплая, а мама почему-то растерянная. Папа пришёл с работы вечером, сказал: «Хужа китте», – хозяин, значит, ушёл, – и добавил: «Всё будет хорошо». Мама успокоилась.

Умер Сайдаш. Холодно. Люди плачут. Все улицы вокруг заполнены, народ прощается со своим великим музыкантом.

Ушёл через несколько лет и мой дядя. Но первые импульсы к творчеству я получил от него: полюбил музыку, театр. Большая тяга была к изобразительному искусству – я стал живописцем. Уже с детства знал, что выбираю сложный путь. В своём творчестве я тяготею к сложному жанру портрета.

Образ Салиха Сайдашева часто возникает перед моими глазами. Я написал несколько портретов композитора, пользуясь фотографиями разных периодов его жизни. Но ближе всего мне живой образ того времени, когда он с моим дядей заходил к нам в гости.

¹ **Зуфар Фаатович Гимаев** (род. 1951). Художник, председатель правления Союза художников РТ, заслуженный деятель искусств РТ, лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая.

С судьбой один на один

Халит Кумысников¹

Музыка Сайдашева окружала меня с детства, у нас в московском доме был свой домашний оркестр: братья играли на скрипке, баяне, домре, сестра на мандолине. В их исполнении часто звучала музыка к спектаклям «Голубая паль» и «Казанское полотенце». В то время, в начале тридцатых годов, в Москве существовал Татарский театр, где ставились пьесы Карима Тинчурина с музыкой Салиха Сайдашева. Я часто слышал реплики из этих пьес: «Булат, Булат кайткан» или песню Майсары, или «Кара урман», а также песню о казанском полотенце. Но тогда мне было мало лет, и я, конечно, не знал имени автора музыки. А когда начал учиться, почему-то дома перестали играть и петь песни о казанском полотенце и о Булате. Это было время, когда на экранах кинотеатров появились фильмы «Цирк», «Весёлые ребята», «Волга-Волга». Как я узнал намного позднее, в ту пору был репрессирован Карим Тинчурин и его пьесы запретили.

В 1942 году в Татарском академическом театре я смотрел спектакль Хабиба Фатхуллина «Очи» о слепой деревенской девушке, которую полюбил один юноша. В роли Раисы выступила Зифа Басырова. В спектакле она пела, да так, что заставляла зрителей плакать.

После спектакля раздались восторженные аплодисменты и кто-то крикнул: «Сайдаша, Сайдаша на сцену...», Салих Сайдашев был автором музыки. Зал хлопал ещё сильнее и хлопал до тех пор, пока на сцену не вышел чуть улыбающийся человек в сером костюме. Он встал у края сцены, правой рукой придерживая занавес, поклонился и незаметно ушёл.

Когда я выходил из театра, увидел Сайдашева ещё раз. Он стоял у окна и добрыми глазами провожал зрителей. У Салиха абый всегда были добрые глаза. Люди, одевшись, выходили из театра. Сайдашев вынул из кармана белый

¹ **Халит Латфуллович Кумысников** (1926-2007). Театровед, педагог, профессор кафедры театрального искусства КГАКИ, кандидат искусствоведения, режиссёр, заслуженный деятель искусств РТ.

платок, вытер слёзы. Мне показалось – слёзы... Вероятно, оттого, что какая-то пара молодых людей шла, напевая песню Раисы... Когда в фойе уже никого не осталось, вышел и Сайдашев. Он был без пальто и без шапки... Только потом я узнал, что он жил во дворе театра. Тогда ему было всего сорок два.

Помню авторский концерт Салиха Сайдашева зимой сорок четвёртого. Зал театра имени Галиаскара Камала был полон до отказа. В первом отделении была представлена симфоническая и оркестровая музыка композитора. На сцене расположился весь оркестр театра оперы и балета. До начала оставались считанные минуты, а зал уже сидел в ожидании чуда. Звонкий голос ведущей звучал торжественно:

– Начинаем авторский концерт композитора Салиха Сайдашева...

Раздался шквал аплодисментов. Он продолжался довольно долго. Ведущая ждала, пока утихнут аплодисменты.

– «Марш Красной Армии». Дирижирует автор. Из-за кулис вышел стройный Салих Сайдашев. Он был во фраке, в белоснежной рубашке, с бабочкой, в руке – тоненькая блестящая дирижёрская палочка. Подошёл к пульта, поклонился и повернулся к оркестру. Зал продолжал аплодировать. Взмах рукой – и в зале наступила тишина. Зазвучала музыка...

Во втором отделении концерта выступали артисты оперного театра. Особый успех выпал на долю Шафики Кутдусовой, которая исполнила песню Гульюзум из музыкальной драмы Салиха Сайдашева «Наёмщик». Кутдусова пела эмоционально, с озорством, игриво. Аплодисменты были долгими. Актриса кланялась, потом подошла к Сайдашеву, подала ему руку и вместе с ним стала кланяться зрителям. Сайдашев начал хлопать Шафике, а певица – композитору.

В начале пятидесятых я каждое лето подрабатывал на радио, замещал редактора литературного вещания. Комната, в которой я работал, была довольно просторной, и в ней сидели несколько человек.

Однажды июльским утром в комнату зашли поэт Мухаммет Садри и Сайдашев. Садри был разъярён.

– Вот, – кричал он, – Салих написал десять миниатюр для детей, а здесь не хотят брать их. Почему? Надо же человека поддерживать. Где Салих возьмёт денег, чтобы жить? Он ведь нигде не работает. Его должность в театре сократили, а здесь работают не понимающие музыку люди, хотя и начальствуют над музыкой. Салих, ну-ка, садись за рояль и сыграй свою музыку.

Сайдашев стоял растерянный. Он чувствовал себя неудобно, стеснялся. Но Садри настаивал и чуть не насильно усадил композитора за рояль.

– Играй. Вот тебе ноты.

– Я и без нот могу, – сказал Сайдашев и начал играть.

Это были маленькие пьесы. В них композитор выразил настроение детей, их непосредственность, наивность...

Во время исполнения в комнату вошла Рукия Юнусова и тоже стала слушать.

Когда Салих абый закончил играть, все зааплодировали.

– Вот видите, – сказал Мухаммет Садри, – вам понравилось. Заставьте своё начальство купить эти песни.

Разговоров о песнях Сайдашева тогда было много, но договор с Сайдашевым заключили.

Как-то по радио передавали детскую песню «Цыплята» армянского композитора. Юнусова предложила Сайдашеву написать такую же детскую песенку.

Сайдашев улыбнулся:

– А зачем? Ведь уже есть песенка, и довольно хорошая. Лучше этой я не смогу сочинить.

...Я учился в московском ГИТИСе. От Асии Измайловой узнал, что Салих абый Сайдашев тяжело болен и лежит в одной из московских клиник. Дома рассказал маме, что Салих абый болен и находится в Москве. Мама предложила мне навестить его.

Это было примерно в конце ноября 1954 года. Я только недавно получил стипендию. Купил банку варенья и какие-то фрукты. Позвонил Асии Измайловой, узнал адрес больницы и палату, где лежал Сайдашев. Когда в больнице сказал дежурной, к кому иду, меня тут же пропустили. Поднялся на второй этаж и оказался в комнате, где было много больных. Все посмотрели на меня, а я стоял и выглядел Салиха абый. Мы встретились глазами, и он узнал меня, хотя до этого мы с ним редко встречались.

Мне показалось, что Салих абый лежал не в маленькой палате, а в зале. Может быть, я ошибаюсь.

Мы хорошо поговорили. После обычных расспросов о болезни и обсуждения казанских новостей Салих абый сказал:

– Обещали скоро выписать... Есть у меня большая задумка. Хочу написать симфонию. Уже есть мысли... Надо только вылечить.

– Конечно, вылечитесь. Всё будет хорошо. Не буду вас утомлять, Салих абый...

Через полтора месяца Сайдашева не стало. Он был уже безнадежно болен, ему не могли помочь никакие лекарства.

Салих абый остался в памяти человеком удивительно добрым, стеснительным и никогда не жалующимся на судьбу, которая была для него нелёгкой, препятствия – непреодолимыми. Он умер, никем не защищённым. Те, кто его любил, были людьми без власти, без силы бороться против несправедливости. У Сайдашева не было человека, который мог бы изменить его жизнь. Сайдашев, которого окружали толпы поклонников, оказался один на один со своей горькой участью. Родные и близкие старались ему помочь... Но не могли заменить театр, который он бесконечно любил.

Признание в любви, на которое автор решился сорок с лишним лет спустя

Празат Исанбет¹

Казанская улица Горького в дни моей молодости была улицей студентов. Днём они бегали из одного здания в другое, с лекции на лекцию. Вечером совершалось волшебное преобразование в улицу зрителей, которые собирались на спектакли Татарского академического. И всякий раз, проходя мимо или бывая в театре, я видел Сайдашева; он жил во дворе в пристрое театра. Выходил всегда к воротам и стоял, слегка запрокинув голову. В белой сорочке, неизменно при «бабочке». Его узнавали, здоровались, он со всеми раскланивался. Элегантный, интеллигентный и какой-то очень добрый человек. Уважение к нему было чрезвычайное, так что подойти просто – «Салих абый!..» – и спросить что-то не хватало смелости. Казалось, этот человек недосягаем, он на вершине, на Гималаях своего успеха. Наивные люди, мы проходили мимо, у нас ведь свои заботы. А он стоял, потом незаметно исчезал...

Я теперь задумываюсь: чего Сайдашев ждал, всегда в парадном, будто на концерт, костюме? Словно антракт; он вышел, только что отработав первый акт, и ждёт, когда прозвенит третий звонок, выйдет помреж и скажет: «Салих абый, начинаем». Звонок не звенел... Антракт продлился очень долго, много лет, а потом Сайдашев исчез вообще, перестал стоять на своём посту. О чём же он размышлял у этих ворот, что его тревожило? Не хотел ли сказать: «Быть может, я вам нужен?». Поток людей – днём ли, вечером – спешил мимо... Среди людей – свой и чужой. Страшное одиночество, вероятно, мучило его. Он нуж-

¹ **Празат Накиевич Исанбет** (1927-2001). Актёр, режиссёр, педагог, народный артист ТАССР, заслуженный деятель искусств РТ и РФ.

дался просто в общении, чтобы мы, молодёжь, подошли к нему, сказали: «Салих абый, пойдёмте в Фуксовский сад...». Может, он действительно пошёл бы, разговаривал, нашёл бы какую-то тему... Или слушал бы, улыбался жизни с нами вместе. Теперь я думаю: ужасно одиночество, в котором оказывается художник, даже не тогда, когда его уже не приглашают, нет, он может оказаться в одиночестве и при творческом взлёте, когда всё вокруг него крутится. Это момент психологический, творческий, неисполнимость идеального, несовместимость надежд и того, что происходит в жизни, что не свершается и идёт совсем иначе... Оглядываясь назад, вспоминая Салиха абый, я немного стыжусь того эгоизма молодости. Трагическую ноту, тоску, которая была за его улыбкой, за его доброжелательностью, мы так и не увидели... А он, по-видимому, без людей не мог творить, а жить, не творя, не умел... Сам он никогда никому не жаловался, он лишь надевал прекрасную белую сорочку с «бабочкой» и выходил к своим воротам...

Ему нужны были ответная улыбка, просто доброе слово. Он хотел жить в этой жизни, а не усыхать ракушкой, выброшенной на песок. Это была тоска по той волне, которая бы, захлестнув, забрала его обратно, чтобы прожить вместе со своей рекой дальше, как положено, до конца. Вероятно, он об этом мечтал, но так не случилось.

Салих Сайдашев и режиссёр Сулейман Валеев-Сульва возле Татарского театра (улица Максима Горького, 13). 1945 год

Салих Сайдашев. 1950 год

Лучшие друзья его ушли. 37-й и последующие годы взяли Тинчурина, не оказалось рядом многих, с кем он вырос, кому был нужен, кто без него жить не мог, с кем он был на одну струну настроен. Пришли другие люди, другое время, его, видимо, избегали, я не знаю, что там было, во всяком случае, если бы даже его и пригласили, не думаю, что песня у него родилась бы. Он потерял основу, не только лучших людей, себя потерял вместе с ними...

Сайдашев был человеком другой эпохи, в новое время он так и не вписался. И как незаметно стоял у ворот и куда-то незаметно уходил, так же он ушёл и из жизни. Никто не знал о его болезни. И вдруг, когда обожгло известие, что Сайдашев умер, вот тут что-то оборвалось у многих, у меня тоже. Ушла целая эпоха, жизнь, неотделимая от моей, где-то рядом идущая, оторвалась с кровью часть меня, часть моего народа. Все мы поняли, что ушло нечто большое, очень большое...

А Сайдашев всё стоит у ворот, незримо и безмолвно, и ждёт – может, ещё позовут, скажут: «Салих абый, антракт кончился, просим Вас!»...

Праздники встреч

Лемоза Беляева

С именем великого композитора у меня связано множество воспоминаний, в том числе относящихся к детству, которое прошло в семье, где почитали Салиха абый – друга моего отца.

Салих абый был очень тактичным, приветливым человеком. Никогда не кичился своим талантом, отличался чрезвычайной скромностью, необыкновенным обаянием, красотой не только внешней, но и душевной, а его музыка была неподражаемо светлой, бодрящей, зажигательной. О высокой внутренней культуре Сайдашева свидетельствует всё его творчество. Он очень любил людей, общество, имел подход ко всем – от мала до велика. Помню, как он вместе с нами в новогодние праздники кружился вокруг ёлки...

Когда Салих абый бывал у нас, будни превращались в праздники. Он завораживал всех не только своей искрящейся музыкой, но и неиссякаемым природным юмором. Заражая своим юмором, негромко, гортанно смеялся, смеялся с закрытым ртом, и только глаза – огромные серо-голубые глаза – выдавали его, а в это время внутри него, казалось, всё клокотало, значит – созревала новая шутка. Шутил он часто.

В его обществе всегда была непринуждённая, дружеская атмосфера. Я не помню ни одного случая, когда в его присутствии возникла бы конфликтная ситуация. К нему тянулись все, с ним было легко, весело и интересно.

Сидя за инструментом, он исполнял, сочинял и... курил. Нередко при исполнении собственных произведений он подпевал своим тихим, певучим, мягким, сродни звуку виолончели голосом.

В один из вечеров, когда мы с Салихом абый «музицировали» в четыре руки, у него возникла идея написать для меня что-нибудь «детское». На первом же попавшемся под руку листе нотной бумаги начала рождаться мелодия. Эти ноты я храню как дорогую реликвию.

Иногда мы с отцом навещали Салиха абый, бывали у него дома. Отчётливо помню небольшую комнату, где напротив окна стояло пианино. Однажды, когда мы пришли, за этим инструментом музицировал Шакир Мазитов, вскоре его сменил Салих абый. Они поочерёдно импровизировали, сочиняли музыкальные шутки.

Порой мне казалось, что Салих абый весь состоит из нотных знаков, которые по мере своего созревания выплёскивались чарующей мелодией.

В нашей квартире в доме №66 по улице Баумана часто собирались люди искусства – музыканты, композиторы, артисты и поэты: Х. Абжалилов, М. Ильдар, Ф. Туишев, Ш. Мазитов, а впоследствии – М. Музафаров, А. Ключарёв, З. Хабибуллин, М. Хусаин...

Мои родители были любителями музыки, неплохо играли на фортепиано, а отец – и на гармонии. Они очень хотели, чтобы я стала музыкантом, но судьба распорядилась иначе. Мечту родителей я претворила в жизнь через свою дочь Эльмиру, которая, проучившись в одной группе с внучкой Салиха абый Альфиёй Сайдашевой, с отличием закончила Казанскую консерваторию, имеет несколько собственных сочинений.

Осталось в памяти и то, что на спектакли и концерты Салиха Сайдашева попасть было непросто из-за аншлагов.

В жизни у Салиха абый было немало и мрачных дней, когда он тяжело переживал несправедливое отношение к себе со стороны некоторых людей, и, конечно, это не могло не отразиться впоследствии на его здоровье.

Незадолго до своей кончины Салих Сайдашев подарил моему отцу свои ноты «Слава победителям!» с автографом.

Будучи членом Общества по распространению политических и научных знаний, мой отец неоднократно выступал с лекциями о жизни и творчестве композитора, а также делился своими воспоминаниями о периоде пребывания Салиха Сайдашева в Оренбурге, где в 1919 году они и познакомились. Их дружба продолжалась до последних дней жизни композитора.

В моей памяти Салих Сайдашев остался человеком высокой культуры, который обладал ярким талантом, и если бы не болезнь, безвременно унёсшая его жизнь, он создал бы ещё не один музыкальный шедевр.

Салих Сайдашев. 1954 год

Салих Сайдашев в моей жизни

Рада Нигматуллина¹

Мой долг – помнить о доброте этого гениального композитора. В моей душе живёт вечная благодарность этому прекрасному человеку, как и Хакиму Юсуповичу Салимжанову.

В семье Салимжановых нас жило около десяти человек в двух комнатухах. Этого не мог не видеть и не замечать близкий друг и сосед Хакима абый – Салих Сайдашев. Кто не помнит его исключительную воспитанность, интеллигентность, чуткость? Это знали даже маленькие ребяташки. У него с женой Асией ханум было четыре небольших комнаты. Внутренне стесняясь того, что он живёт «лучше» других, Сайдашев предложил Хакиму абый переселить нас (маму и меня с братом) к ним. Дал нам большую комнату. Мы и сейчас с мужем вспоминаем ту удивительную ситуацию, как два очень деликатных человека (моя мама и Сайдашев), прожив бок о бок пять лет, боялись лишь одного – причинить друг другу неудобства.

Переехали мы в течение десяти минут – переносить было нечего: небольшой сундук, три чашки, три тарелки и ложки... В комнате поставили одну кровать маме, мне – сундучок, а брат спал на полу. Мы долго не могли опомниться от такого счастья – иметь свою комнату!

Асия апа жила с нами недолго. Она была очень больна – сердце, астма. Её сын увёз в деревню Янаул, на свежий воздух. После этого Салих абый совсем загрустил. Уход за ним мы взяли на себя. При всей его знаменитости, он был очень неустроенным в быту. Был у него единственный костюм, и тот на нём, тёмно-синий, в еле заметную полоску, белоснежная сорочка, всегда чистая и выглаженная, – он был предельно аккуратным. Чаще носил галстук, иногда – бабочку.

¹ **Рада Хусаиновна Нигматуллина** (род. 1931). Скульптор, народный художник Татарстана, заслуженный деятель искусств ТАССР, член Союзов художников России и Татарстана, лауреат Государственной премии РТ имени Габдуллы Тукая.

Зимой – шапка и пальто с каракулевым воротником. Вот и всё его богатство. Дома тоже всё было очень скромно: пианино, стол, напротив – трельяж. На большой стене – дар к юбилею – картина Кондрата Максимова «Кара урман»; в спальне – небольшая железная кровать и стул. Печь топили дровами, в водопроводе была холодная вода, и никаких удобств.

Салих абый был человеком незаурядным, начиная с внешности: стройный, выше среднего роста, красивое, одухотворённое лицо, какое-то европейское, артистичное. Большие глаза, вьющиеся волосы, мягкая походка; всегда прямой, элегантный. Как мы жили вместе? Странно, но почти не видя друг друга. У него было много друзей, и его часто не было дома. Он был удивительно щепетильным, это же можно было сказать и про нас. Но нас обязывало к этому наше положение, а что его? Он, хозяин квартиры, известный, любимый народом композитор, ходил в своём доме на цыпочках. Когда он приходил домой, мы слышали звук открывающейся двери, и он осторожно проходил мимо в свои комнаты.

Что особенно запомнилось за эти годы? Его грусть. Вне дома он был очень общительным и жизнерадостным, остроумным, всегда в окружении друзей, душа компании. Дома становился другим. Помню долгие часы его молчания. Когда он бывал дома, я всегда прислушивалась к тому, что он делает, – собирается ли уходить, садится за инструмент сочинять или проигрывать свои сочинения, или будет молчать? Тогда мне это было непонятно, теперь же думаю, что уединение ему было просто необходимо. Только в такие часы рождается творчество. Конечно, он ценил и любил эти моменты, когда оставался наедине со своими мыслями.

Он никогда не закрывал двери зала, и можно было видеть, как он сидит за столом и много курит. Обычно перед ним лежала нотная бумага, стояла огромная серая мраморная пепельница, наполненная окурками, которые я по нескольку раз в день выбрасывала.

Он долго сидит перед окном, курит, что-то перечёркивает на бумаге, пробует проиграть на клавишах... Я думала: что же он так долго сочиняет? Неужели ему, такому титану, тоже непросто? Он часто вставал с места, прохаживался по комнате, останавливался у окна, выходящего во двор. Из окна хорошо просматривались ворота, через которые была видна улица Галактионова.

Тяжело сложилась его личная жизнь: первая жена умерла при родах, вторая от него ушла; с младшим сыном Эмилем произошла трагедия – он умер от удара и кровоизлияния в мозг; сын Науфаль был нестроен. И в его творческой жизни всё было непросто. Он был талантлив, популярен, любим народом. Его прекрасные мелодии звучали всюду, песни исполнялись везде. Его искрящийся «Марш Красной Армии» открывал все праздники, торжества. И при всём этом – грусть, какая-то печаль. Только теперь, в зрелом возрасте, я могу осознать, почему столько препон, травли, невнимания. Почему истинный талант обретает подлинную цену только после смерти? Неужели бережности, чуткости, внимания нельзя было уделить ему при жизни? Разве это не продлило бы жизнь компози-

тора, жизнь его творений? Он очень любил свою песню «Адриатическое море». Песня написана в щемящем душу минорном ключе, и она была близка ему.

Он много импровизировал на темы татарских народных мелодий, и игра была замечательная! Это были и тихие, мягкие, лирические ноты, перекликающиеся с журчащими ручейками-украшениями, и все эти звуки превращались в настоящий концерт. Теперь я понимаю – это была интимная, доверительная беседа в ключе «моң». При нас он сочинил свою последнюю песню «Жырларым» («Мои песни») на стихи Мусы Джалиля. Сочинял её недолго, как бы на одном дыхании, в это время он уже болел и как будто предчувствовал свой близкий конец. А я вскоре уехала учиться в Академию художеств в Ленинград, и сочинение этой песни он завершил уже после моего отъезда. Мама потом часто вспоминала, как он ещё в процессе сочинения проигрывал части песни ей, спрашивая её мнение. А после завершения сочинения он позвал маму в зал и устроил первое прослушивание песни.

Что ещё запомнилось в нашей совместной жизни? К сожалению, всё сводится к одному: редкие встречи, стеснение друг перед другом. Он всячески пытался ввести нас в свой круг. Мама любила вспоминать, как когда-то он пригласил её вместе с друзьями на Сабантуй в парк Горького, тем самым показав большое уважение к ней. Он где-то даже был недоволен нашей чрезмерной деликатностью. Помню, как-то пришёл домой радостно возбуждённый (что бывало редко) – получил гонорар в пятьсот рублей – и прямо сходу, не заходя к себе в комнату, постучался к нам: «Гульсум ханум, я получил много денег, теперь мы будем жить богато. Пусть эти деньги будут у вас. Тратьте их, а я буду брать себе на необходимые расходы. Пожалуйста, не откажите, а то я сам не умею с умом их тратить». Мама очень растерялась, но Салих абый настоял на этом. Мама потом выдавала деньги по записи, со строжайшим отчётом, что очень веселило Салиха абый.

Припоминается мне и такой эпизод. Пришёл домой грустный, постучался к нам. Сел у стола, долго молчал. Потом говорит: «Что же мы так живём, так мало общаемся, не пьём вместе чай? Поставьте, пожалуйста, самовар, и давайте вместе пить чай».

У него был именно электрический самовар, который мы ставили, как только он приходил домой, и обычно сразу относили к нему в зал. Видимо, его тяготила наша отдалённость друг от друга. Мама опять растерялась, поставила самовар, а к чаю подать нечего. Нечем угостить нашего дорогого человека.

Причиной нашего отчуждённого поведения в основном и была наша всегдашняя бедность.

Мы жили очень тяжело: я – студентка, брат – школьник, у мамы мизерная пенсия, учительская, «за выслугу лет» в тридцать рублей, не помню, чтобы мы ели мясной суп или настоящее сливочное масло. Утром и вечером – чай и булка, намазанная маргарином. Днём – пустой суп и вермишель с томатным соусом. Мы с братом постоянно искали работу, чтобы хоть как-то облегчить наше по-

ложение. Брат был согласен хотя бы на место дворника, работал грузчиком в речном порту. А я искала работу, близкую к моей профессии. Мне тогда очень помогли студенты КХУ и художник Бикташев. Мы ретушировали фотографии, часть своей работы он отдавал мне, научил, как это делать, я занималась работой ночами. Тогда, после войны, было много желающих оставить в памяти дорогие лица погибших родных. Фотографии очень плохого качества при увеличении теряли почти весь свой облик, и их нужно было воссоздавать практически заново; сделанные мной фотографии оценивались вдвое дешевле, чем у опытных художников, но я была рада и этому. Если бы не этот мизерный заработок, мы бы не выжили, и я бы не поступила в институт.

Салих абый очень жалел, понимал и ценил этот мой хлеб. Помню одну нашу беседу с ним. Накопив деньги, я наконец-то смогла купить себе пальто и пришла поделиться своей радостью с Салихом абый. Он был приятно удивлен тем, что я сама осмелилась зайти. Помню, он говорил, что у меня красивая профессия, что я могу стать первой женщиной-скульптором среди татар и что мне обязательно нужно учиться дальше. Сказал, что ему когда-то по семейным обстоятельствам пришлось бросить учёбу в Москве, что в будущем ему очень помешало. Много говорил о том, с какой нежностью относится к нашей семье. «Не всегда вам будет так трудно. Ты станешь знаменитым (так и сказал – знаменитым) скульптором, и у вас всё наладится». Сказал напоследок, что очень хотел бы дожить до того времени, когда я стану настоящим скульптором, но, наверное, этого он не увидит, плохо себя чувствует. Это был очень тяжёлый момент.

...Я лепила его живого, когда мы ещё не жили у него. Хаким абый и Галия апа посоветовали мне сделать это к пятидесятилетнему юбилею. С замиранием сердца и страхом я принялась за эту работу, я тогда училась на первом курсе КХУ. Лепила на краешке их стола, поставив каркас на кастрюлю. По высоким требованиям, портрет, конечно, не получился. Моя природная застенчивость, благоговение и страх перед великим человеком сковали мои руки и мысли. Но и ему позировать было сложно, такому живому и общительному человеку. Сеансы

Самовар в экспозиции квартиры-музея Салиха Сайдашева

Бюст Салиха Сайдашева (автор – Рада Нигматуллина)

проходили, как правило, в присутствии его друзей – Мансура Музафарова, Мухаммета Садри. Все они много шутили и подтрунивали, так и сыпались анекдоты и остроумные, смешные истории. Так было три или четыре сеанса по двадцать-тридцать минут. Работу затем отформовал И.А. Новосёлов.

Ещё хотелось бы вспомнить о старшем сыне Салиха Сайдашева – Альфреде. Хотя и не очень много мы виделись, но он часто приходил к отцу. У них была очень тёплая взрослая дружба. Даже если он не заставлял отца дома, не торопился уходить сразу. Проходил в зал, садился за инструмент отца и подолгу играл, прекрасно импровизировал, иногда меня с моей подругой звал в зал и просил петь под его аккомпанемент татарские мелодии и песни Салиха Сайдашева. Он был очень похож на отца – такой же скромный, обаятельный, музыкальный.

Я узнала о смерти Салиха абый, когда училась на первом курсе Академии

художеств... Позже мама рассказала мне о последних днях его жизни. Его увезли в Кремлёвскую больницу в Москву, откуда он уже не вернулся. А перед отъездом к нему пришло очень много друзей, родных, представителей власти, и он на прощание играл свою последнюю песню «Жырларым»... Вот так в моей молодой начинающейся жизни серебряным родником, ласкающим нас своей добротой, чуткостью и живительной силой, стал великий композитор, которому я впоследствии посвящу не одну свою работу, но всё равно останусь в вечном долгу перед ним.

Последняя встреча

Ахмет Хайретдинов¹

В 1953-1954 учебном году в Елабуге открылся педагогический институт. Это событие ещё более повысило статус города. Меня пригласили в новое учебное заведение вести музыкальное воспитание. Работу я начал с создания хора и оркестра. В свой рабочий план записал и организацию встреч с нашими деятелями литературы и искусств. Это начинание понравилось руководству вуза, и меня поддержали.

После организации хора из 120 человек и оркестра из 45 человек (мандолина, домра, балалайка), к концу первого семестра мы уже довольно неплохо пели и играли. Отослав письма в Союз композиторов и Союз писателей ТАССР, мы вскоре получили положительные ответы и с большим творческим подъёмом начали готовиться к встрече гостей. В письме сообщалось, что к нам приедет Салих Сайдашев. Программу концерта мы составили исключительно из его произведений: всю зиму репетировали вступление к драме «Галиябану», а также произведения «Летние месяцы», «Песня о Татарстане», «Их, күңелле өмәсе» и другие.

В Актовом зале института мы повесили портрет Салиха Сайдашева и крылатые слова Аделя Кутуя: «Сайдашев – это наш Тукай в музыке». Также организовали стенд-выставку из нотных изданий Салиха Сайдашева.

1 июня 1954 года мы торжественно с цветами встретили гостей из Казани. Самой значительной частью нашего концерта-встречи стала игра Салиха Сайдашева на фортепиано. Концерт прошёл с большим успехом. После того, как смолкли звуки последнего произведения – «Мои песни», зал взорвался аплодисментами, а автора завалили цветами.

В конце встречи Сайлих Сайдашев сказал: «Милые мои! Всем спасибо. Желаю творческих успехов студентам, исполнившим мои произведения, и их руководителю Ахмету Хайретдинову». Это была наша последняя встреча...

¹ **Ахмет Хайретдинов.** Композитор.

Бессмертные песни

Магсум Латифуллин¹

Загидулла ага снял верхнюю одежду, повесил её на крючок и спросил:
– Амина ханум, а ученика дома нет, что ли?..

– Он сейчас вернётся. Пошёл в магазин помочь моему мужу.

Речь шла о маленьком Салихе. Амина была его родной сестрой. Несколько лет назад, в апреле 1912 года, она вышла замуж за Шигаба Ахмерова – образованного человека с передовыми взглядами. Салиха, который рос без отца, они взяли к себе на воспитание. Ахмеров немало способствовал изданию книг Габдуллы Тукая, Гафура Кулахметова и Фатиха Амирхана и поддерживал с ними дружеские отношения. Однажды эти писатели вместе с артистами труппы «Сайяр» пришли к ним в дом и стали свидетелями того, как одиннадцатилетний Салих мастерски играл на гармонии. Все в один голос говорили: «Шигаб, найди возможность обучить его музыке!».

Ахмеров переговорил со своим знакомым – первым татарским самодеятельным композитором Загидуллой Яруллиным, тот согласился и начал давать Салиху уроки музыки. Воодушевлённый тем, как быстро он научился играть на пианино, мальчик поделился своей тайной с друзьями, с которыми вместе учился в медресе. Среди шакирдов были те, кто играли на скрипке, мандолине, курае, кубызе, а также интересовались театром, пением, музыкой. Ребята начали время от времени собираться вместе и где-нибудь в укромном уголке, спрятавшись от взрослых, играть народные мелодии. Со временем мальчики осмелели и решили создать в медресе струнный оркестр и организовать музыкальный вечер. Однако осуществить задумку не удалось. Шакирдов-музыкантов исключили из медресе. Среди изгнанных оказался и Салих. Теперь он помогал мужу сестры торговать в магазине книгами.

¹ **Магсум Мубаракович Латифуллин** (1925-2002). Татарский писатель, автор книги «Детство Сайдаша».

...Наконец, вернулся и Салих. Загидулла ага посмотрел в светящиеся голубые глаза мальчика, на его румяные щеки и улыбнулся:

– Никак, золото нашёл, Салих?

– Нет, Загидулла абый, не золото! Я нашёл бессмертную песню!

– Бессмертную песню?..

– Да. Я проходил через Сенной базар и встретил мальчика-кураиста Байтимера. Рядом с ним стоял какой-то дедушка. Оказалось, что это односельчанин отца Байтимера. Байтимер сказал мне, что этот дед знает бессмертную песню. Песню, которая никогда не умрёт и не забудется! Мне её тоже дали послушать, сказали, что я потом смогу дома её сыграть.

Салих тут же сел за пианино. Чуть наклонив голову, он неторопливо заскользил пальцами по клавишам, но по мере того как мелодия набирала силу, движения его пальцев становились всё стремительнее. Салих играл страстно, всего себя отдавая музыке. И в самом деле, это была очень чувственная и волшебная мелодия.

– Это старинная татарская народная мелодия, – сказал Загидулла ага, когда Салих доиграл. – Тот старик сказал правду, эта музыка очень древняя, она живёт сотни лет. Потому что родилась из народной души, в ней отразились и горе народа, и его мысли, его печали и надежды на будущее. Такие песни обладают волшебной силой, способной наделять человека энергией в тяжёлые моменты жизни.

Медресе «Мухаммадия», в котором учился Салих Сайдашев (улица Тукая, 34)

Загидулла Яруллин, первый учитель музыки Салиха Сайдашева. 1914 год

Салих слушал учителя, не переводя дыхания, а потом спросил:

– А может ли композитор создать бессмертную песню?

– Конечно. Если он горит душой за свой народ, если он пишет, всем сердцем понимая душу, чувства и переживания своего народа, то и песни такого композитора будут бессмертными!

...16 декабря 1954 года. Умер народный композитор Салих Сайдашев. Десятки тысяч людей пришли проводить его в последний путь. У самой могилы стоит седой старик. По его морщинистому лицу ручейками бегут горячие слёзы.

– Мальчик мой, Салих... – прошептал старик, – помнишь, в детстве ты спрашивал меня о бессмертных песнях?.. Ты достиг своей цели – стал композитором, создавшим бессмерт-

ные песни. Ты служил своему народу искренне, от чистого сердца и преданно. Прощай, Салих, спи спокойно, твои песни бессмертны!..

Старик вытер слёзы, поднял горсть земли и бросил в могилу. Это был Загидулла Яруллин.

Встречи с Салихом Сайдашевым

Салих Низамутдинов-Шамов¹

Солнечное утро лета 1953 года. На верхней палубе парохода «Нептун», курсирующего по Волге в окрестностях Казани, на длинной скамье в одиночестве сидит Салих Сайдашев. Я поздоровался и попросил разрешения присесть рядом. Он, словно вынырнув из задумчивости, сказал: «Конечно, конечно, душа моя», кивнул мне на место рядом с собой и устремил на меня свои голубые глаза, словно спрашивая, мол, кто вы?.. Когда я представился, он улыбнулся: «А, так мы ещё и тёзки!», – и похлопал меня по спине. В разговоре выяснилось, что он интересуется нашей древней историей. Он спросил меня:

– Рассказываете ли вы, как учитель истории, своим ученикам о том, что на берегах полноводной Волги когда-то процветало богатое Булгарское государство с удивительно высоким уровнем культуры?

Не обратив внимания на тот глубокий смысл, который он вложил в свой вопрос, я ответил коротко:

– Нет, Салих абый, история волжских булгар теперь изъята из учебников.

Он растерялся, его глаза, только что источавшие тёплые чувства, словно затянулись печалью. До сего дня корю себя за то, что я тогда (хотя мне было уже 34 года) не придавал особого значения тому, как расстроили мои слова этого великого человека. Чтобы отвлечь его, я осмелился спросить, что он думает о статье «К творчеству Салиха Сайдашева» («Совет эдэбияты», 1952, №6-7), вызвавшей немало споров.

– Салих абый, почему вы не отвечаете на этот отвратительный пасквиль? Народ ведь ждёт этого!

Такого вопроса он не ожидал. Он медленно обвёл взглядом остающийся позади берег, а потом нехотя сказал:

– Знаете, несмотря на то, что у этих прекрасных дам весьма скромные нравственные ценности и ограниченные научные познания, они обладают надёжной поддержкой и сильнее нашего министра.

¹ Салих Шигабутдинович Низамутдинов-Шамов (род. 1919). Историк.

Загит Хабибуллин и Салих Сайдашев.

Затем, желая сменить тему разговора, он с горечью сказал:

– Неужели славная история наших болгарских прадедов так и исчезнет без следа?

...Я подумал, что он даже не желал говорить о той журнальной публикации (её авторами были Чулпан Бахтиярова и Зайнаб Хайруллина), зато трагическая история нашего народа тлела в его душе, словно раскалённый уголь.

Весной 1990 года уважаемая Дильбар Саинова-Ахмерова пригласила меня к себе. К моему приходу вокруг «круглого стола» уже сидели Луиза Батыр-Булгари, Асгар Абдуллин, Махмут Нигмедзянов, Гай Тагиров и другие. Наконец, к фортепьяно стремительно вышла красивая девушка. Она взяла со стола истрёпанную папку, вынула из неё такие же «древние» нотные записи, прозвучали первые аккорды. Время от времени она останавливалась и со словами «здесь ошибка» исправляла, затем продолжала игру. Через два часа девушка сказала:

– Сейчас я познакомлю вас с недавно найденным и до сих пор не известным балетом Сайдашева.

Хозяйка – Дильбар ханум – пояснила:

– Балет, о котором все знают только понаслышке, для вас исполнит внучка композитора Альфия Сайдашева.

На протяжении полутора часов в комнате звучала волшебная восточная музыка, рождённая величественными легендами наших болгарских прадедов.

Центральным мотивом этого произведения был «Восточный танец», восхитивший слушателей ещё в 20-е годы. Созданное в таких же муках, как и балет «Шурале», это произведение станет жемчужиной нашего непростительно медленно развивающегося балета, которым когда-нибудь можно будет гордиться – таково было общее мнение всех приглашённых специалистов. В качестве неотложной задачи была названа подготовка к постановке балета на театральной сцене.

Краткую историю находки нам поведал ветеран балета Гай Тагиров.

[...]

В ту же весну «Гульнару» прослушали и в Союзе композиторов. Видные деятели искусства А. Абдуллин, Б. Мулюков, Х. Булатова и другие дали произведению высокую оценку и рекомендовали осуществить его сценическую постановку.

...В конце лета 1954 года я как-то зашёл в нотный магазин, расположенный на площади Свободы, и натолкнулся там на Сайдашева. Перемены, произошедшие в нём за год, поразили меня. Где прежнее радостное выражение лица, светлый и тёплый взгляд, обаятельная улыбка, шутки?.. Бегло осмотрев выставленные на стенде нотные издания, он пошёл к выходу. Выйдя на улицу, остановился и долго смотрел на новое здание театра оперы и балета. Может, в нём тогда тлела надежда, что его балет «Гульнара» когда-нибудь будет поставлен на этой сцене?..

Вдруг на площади по радио зазвучала мелодия Загита Хабибуллина «Сагыну», автор сам исполнял её на скрипке. Салих абый слушал, чуть склонив голову вправо. Когда смолкли последние звуки, он сказал: «Если хочешь, чтобы народ любил твои произведения, надо писать вот именно так!», – и мягко попрощался со мной. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами: Сайдашев в белом костюме, с соломенной шляпой в правой руке неторопливо уходит вниз по улице. Это была наша последняя встреча. В холодный декабрьский день того же года столица проводила Тукая нашей национальной музыки в последний путь. Но его наследие, особенно легендарный «Марш Красной Армии», будет жить вечно!

Свет Сайдаша

Фатима Даулеканова

В начале 1951 года в старом здании Камаловского театра очень торжественно прошёл юбилейный концерт Салиха Сайдашева, посвящённый его 50-летию. После событий 1937-1938 годов, когда Сайдашев потерял своих друзей – Фатхи Бурнаша и Карима Тинчурина, в жизни великого композитора это были, наверное, первые праздничные события и, возможно, последние. Потому что вскоре заглянувший к отцу по какому-то делу Файзи Биккенин сказал: «Снова против него повеяли злые ветры...» и показал статью «К творчеству Салиха Сайдашева», опубликованную в журнале «Совет эдэбияты» (1952, №6-7). Её авторами были Чулпан Бахтиярова и Зайнаб Хайруллина. Запомнилось, что в разговоре кто-то зло обронил: «Хозяин орудует грязными руками продажных типов...». Мы сразу заметили, какое впечатление произвела статья на Салиха абый: его всегда улыбчивое лицо потемнело, он по лся в какие-то тревожные мысли. Спустя некоторое время мы узнали, что он заболел и уехал лечиться в московскую клинику. Из Москвы вернулось только его мёртвое тело. [...]

В те годы наш отец – Фахретдин Тимербулатов – вернулся из десятилетнего ада сталинских лагерей. Он сумел встать на ноги – благодаря своей мудрости и дальновидности он вновь стал уважаемым человеком, общался с очень известными и достойными людьми того времени. Файзи Биккенин, Мухтар Ахматеев, Зиннат Аббасов (отец известного народного артиста Азата Аббасова) и другие были частыми гостями в нашем доме. А Салих Сайдашев среди них долгие годы был самым дорогим человеком. Иногда, проводив гостей, отец оставался с Салихом абый, и они часами о чём-то негромко разговаривали. Не будет преувеличением сказать, что приходы Сайдашева к нам становились своеобразным праздником.

Обычно, появляясь у нас, Сайдашев первым делом здоровался с нашей мамой – лицо его озаряла ласковая улыбка, он протягивал ей обе руки и приветствовал мягким голосом. До сих пор в ушах звучат его слова: «Самая большая беда для

женщины – пьяный муж, сырые дрова и капризный ребёнок. В этом смысле вы, Фирзана ханум, наверно, счастливы...». Часто Сайдашев начинал свою речь с шутки или анекдота. Его искренность и человечность сохранились в памяти тех, кто его знал.

Хочу немного сказать и о воспоминаниях некоторых товарищей старшего поколения, которым случалось, якобы, «выпивать вместе с Сайдашевым». В те годы, когда Салих абый бывал у нас, обязанность накрывать стол чаще всего лежала на мне. Но я не помню, чтобы мы выставляли на стол алкогольные напитки. И ни разу наш дорогой гость не уходил от нас пошатываясь, под хмельком. Мой отец и сам не увлекался спиртным и курением...

Сейчас, как мне кажется, те, кто любит легендарные марши великого композитора, его зажигательные танцевальные мелодии, чудесные песни, способные растопить любое сердце, должны постараться увековечить свет-

лое имя Сайдашева как Тукая нашей музыки. Для этого ведётся сбор средств на открытие памятника, понемногу формируется музей композитора. Известные представители нашего музыкального искусства (Азгар Абдуллин, Ренат Еникеев, Фарита Салитова и другие) готовят к выпуску академическое издание музыкального наследия композитора (3 или 4 тома). Всемирно известный ансамбль песни и танца под руководством Лимы Кустабаевой и телерадиокомпания «Татарстан» постоянно предлагают зрителям великолепные образцы из творческого наследия Сайдашева. Остаётся ещё одна очень важная проблема – именем Сайдашева следует назвать такую улицу, которая играла значительную роль в культурной истории города и была бы достойна носить имя великого композитора.

...Последнюю половину своей недолгой жизни Салих Сайдашев прожил на улице, которая ныне носит имя Горького, – в старом здании Камаловского театра он писал свою прекрасную музыку, именно здесь он стал великим татарским композитором и любимым сыном татарского народа. Отсюда великой и светлой личностью он шагнул в нашу богатейшую тысячелетнюю историю. Камни именно этой улицы в декабре 1954 года оросились слезами тысяч казанцев, пришедших проститься с Сайдашевым. Отсюда они проводили его в последний путь...

Салих Сайдашев. Последний год жизни

Несущий счастье людям

Фатима Ильская¹

У меня Салиха Сайдашева неразрывно связано с Татарским государственным академическим театром. Молодой композитор, увидев тяготы гражданской войны своими глазами, повоевав в рядах Красной Армии, пришёл в наш театр в 1922 году и навсегда связал с ним свою творческую жизнь.

Мы, артисты старшего поколения, очень хорошо помним музыкально-драматические спектакли с музыкой Сайдашева.

Спектакль «Угасшие звёзды», изобилующий народными песнями, спектакль «Тахир и Зухра» с его «Восточным танцем»... А мелодия песни «Бибисара» в драме Фатхи Бурнаша «Хусаин мирза»! Их нельзя забыть!

Салих Сайдашев очень любил театр. При подготовке новых спектаклей он старался быть почти на каждой репетиции. Во время коротких перерывов он приглашал артистов в свою комнату. Комната была очень простая, вся обстановка – стол, пианино и несколько стульев. Однако всё это забывалось, когда своей музыкой хозяин уводил нас в волшебный мир.

Салих Сайдашев любил делиться своими творческими радостями. Он с большим желанием знакомил нас, своих театральных друзей, с новыми произведениями. Бывало, подходил к инструменту и говорил: «Послушайте-ка». Закончив играть, с нетерпением ожидал откликов. Серьёзно относился он и к замечаниям друзей. В случае единогласного одобрения артистами произведения в его глазах появлялась улыбка, лицо сияло.

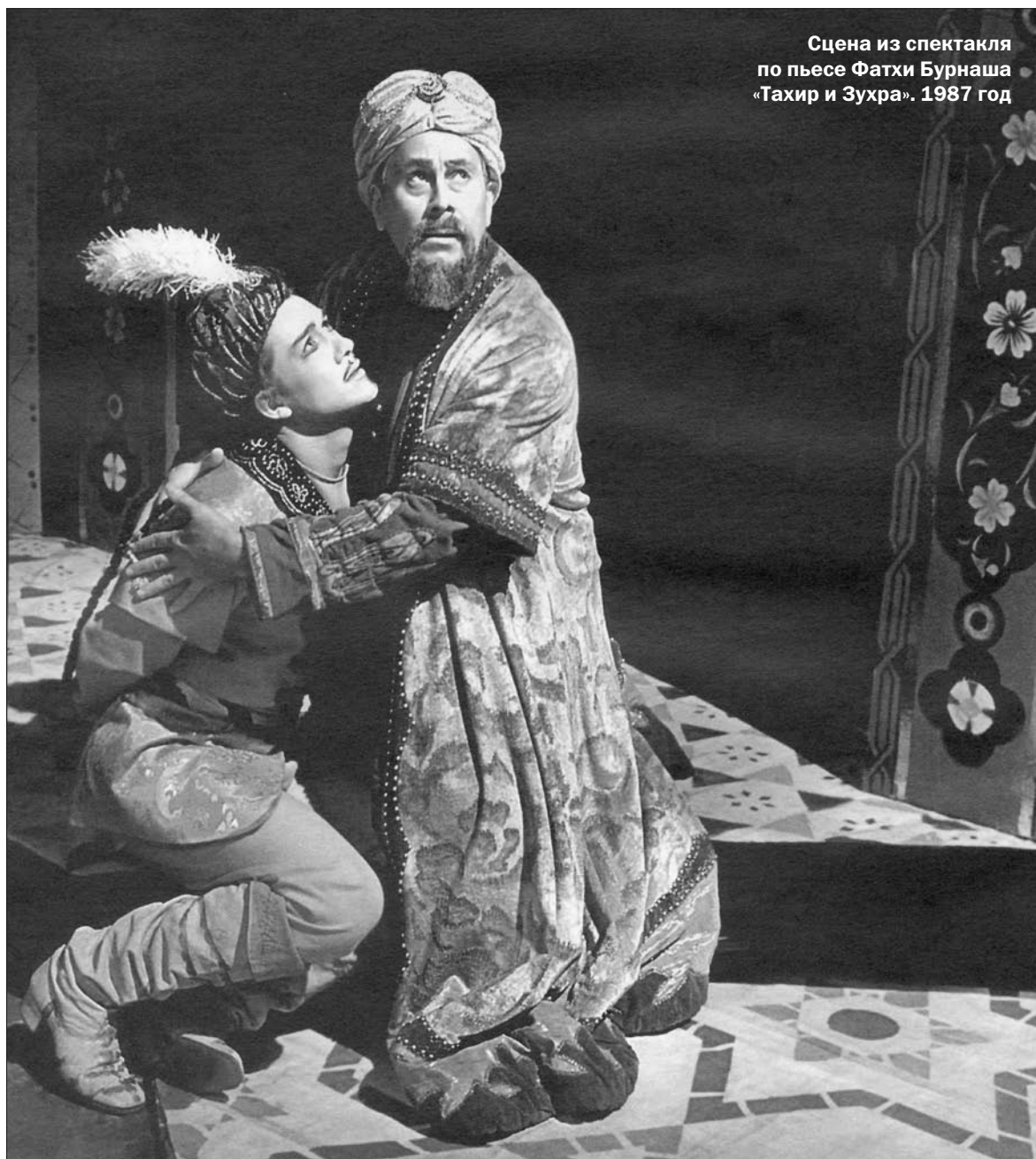
Воодушевлённый, Салих Сайдашев сочинял музыку быстро. Помню, перед постановкой спектакля «Тахир и Зухра» он подошёл к автору драмы Фатхи Бурнашу. Вечером они очень долго разговаривали, а утром уже была готова сюита «Восточный танец», получивший большую известность. Мы знали, что если с утра музыки к какому-нибудь явлению нет, то уже днём, к нашему приходу, она была написана, и мы совместно прослушивали её.

¹ **Фатима Салиховна Ильская** (1902-1984). Актриса Татарского академического театра, народная артистка ТАССР, РСФСР.

Салих Сайдашев был щедрым и великодушным художником. Он никогда не любил рассказывать о своих печалях и огорчениях. Но он щедро дарил людям свои песни, мелодии. Его удивительно гармоничные мелодии чисты, как голубое весеннее небо. В них звучат и радость, и горе, и сила непобедимого народа.

Салих Сайдашев предстает перед моими глазами человеком среднего роста, с волнистыми чёрными волосами, мягким голосом.

В первые годы Советской власти он был одним из создателей нашей национальной культуры.

Сцена из спектакля
по пьесе Фатхи Бурнаша
«Тохир и Зухра», 1987 год

Дирижёр и пианист

Ильяс Аухадеев¹

Окончив Ленинградскую консерваторию по классу скрипки, в 1931 году я приехал в Казань. В эти годы вся музыкальная жизнь города была сосредоточена в Татарском государственном академическом театре. В этом театре ставились оперы, музыкальные спектакли. Симфонический оркестр театра часто давал концерты с участием известных татарских артистов: Ситдика Айдарова, Асии Измайловой, Галии Кайбицкой, Марьям Рахманкуловой и многих других. Концертами симфонической музыки дирижировали Александр Литвинов и Салих Сайдашев. В этих концертах я впервые познакомился с Салихом Сайдашевым – дирижёром и музыкантом.

Как дирижёр, благодаря необыкновенной талантливости, общей и музыкальной одарённости, Салих Сайдашев быстро и глубоко усваивал характер, содержание, тонко чувствовал форму исполняемого произведения, умел увлечь оркестр. Оркестранты уважали его как музыканта, любили как человека. Слаженности звучания оркестра, чистоты, лёгкости, изящества исполнения Сайдашев добивался не сложными приёмами дирижёрского искусства, не многочисленностью репетиций, а увлечённостью музыкой, своим музыкальным чутьём.

Салих Сайдашев не ограничивался исполнением только своих сочинений. Очень хорошо помню, что дирижировал он и произведениями западноевропейских, русских композиторов, в частности, Бетховена, Мусоргского, Ипполитова-Иванова. В симфонических концертах я несколько раз играл Концерт для скрипки с оркестром Мендельсона, как правило, под руководством дирижёра Литвинова, но на одном из этих концертов Александра Александровича заменил Салих Сайдашев. Он мастерски справился с этим сложным, требующим большого мастерства произведением немецкого композитора. Играть с ним было легко и интересно. Мне ещё несколько раз приходилось в творческой об-

¹ **Ильяс Ваккасович Аухадеев** (1904-1968). Дирижёр, педагог, скрипач. Заслуженный деятель искусств ТАССР, народный артист ТАССР.

В гостях у Галимджана Ибрагимова (в центре); Салих Сайдашев в верхнем ряду, второй слева; второй ряд слева направо Кави Наджми, Карим Тинчурин. Ялта, 1929 год

становке встречаться с Сайдашевым – я был концертмейстером оркестра, – и каждая встреча оставляла глубокое впечатление.

Салих Сайдашев обладал также большим даром пианиста. Его игра отличалась мягким красивым звуком, богатством и тонкостью нюансов. Фортепиано под его пальцами пело. Часто он импровизировал на фортепиано. Но, даже играя свои известные произведения, он вносил вариантные изменения, новые нюансы, и каждый раз эти произведения звучали по-новому.

Охотно играл Сайдашев народные песни, причём с детства знакомые мелодии в его исполнении звучали интереснее, полнее, богаче.

Близкий народу

А. Друтин¹

В 1920-1930-е годы музыка Сайдашева гремела в театре татарской драмы. Спектакли с его музыкой всегда шли при полном зале. Как говорят артисты, всегда был аншлаг. Ведущие артисты драмы иногда даже выражали своё недовольство: «Опять спектакль с музыкой, что это, театр музыкальной комедии и драмы или драматический театр?». Сила воздействия музыки Салиха Сайдашева была так велика, что драматурги стремились писать пьесы, рассчитывая на музыку Сайдашева. Зрители уходили из театра, напевая новые мелодии Сайдашева.

Я старый музыкант. За пятьдесят лет своей творческой жизни мне пришлось исполнять многие произведения мировой и русской классики и советской музыки. Музыка Сайдашева своей образностью, мелодичностью вызывает у меня сравнение с музыкой Джузеппе Верди. Салих Сайдашев в своей творческой практике часто обращался к русской классической музыке. Клавир оперы Петра Ильича Чайковского «Евгений Онегин» он носил с собой как святыню. Прежде чем писать оркестровые вступления к пьесам, он тщательно изучал увертюры классиков, много раз их проигрывал, разбирал форму, строение, переход тем. Творил он интересно, талантливо. Он знал вокальные возможности певцов, и свои песни и арии писал, учитывая данные будущего исполнителя. Вот почему его вокальные сочинения всегда звучали ярко, ибо они были удобны для исполнения. У певца хорошо звучали и верхние, и средние, и нижние регистры.

Хорошо чувствовал он и возможности музыкальных инструментов.

У Сайдашева была изумительная музыкальная память. Он мог дирижировать без партитуры.

¹ А. Друтин. Артист оркестра.

Не будешь забыт!¹

Гази Кашшаф²

О нём можно много рассказывать как о талантливом композиторе, человеке большой души, хорошем товарище. Но больше всего хочется говорить о жизненности и впечатляемости его музыки.

И в годы мирного строительства, и в суровое военное время – в окопах, в блиндажах, будь то близко или далеко, но, если звучали песни Салиха, сердца вспыхивали огнём борьбы, трудовой человек чувствовал прилив вдохновения, воин бросался в атаку. В годы Великой Отечественной войны тысячи солдат шли на врага с песнями Сайдаша на устах, под сайдашевский марш... Я помню концерты Сайдашева, которые организовывались в грозные годы войны в «фонд победы». Такие концерты несколько раз состоялись и в клубе писателей имени Габдуллы Тукая. Боевые командиры, бойцы, направляющиеся на фронт или вернувшиеся с фронта в командировку в Казань, просят билеты, хотят «хоть часок» послушать Сайдаша. Ни одного места нет. Зал переполнен. «Хоть бы стоять, хоть у двери...», – умоляют многие – разве сочтёшь, сколько их!.. И как откажешь фронтовику, пропитанному окопной пылью и запахом гари. Он слушает концерт и, храня в сердце тепло этой встречи, стремится на фронт бить врага...

Можно сказать без преувеличения: Сайдаш своими песнями воевал на передней линии огня! Он был солдатом Отечественной войны...

В июне 1954 года писатели и композиторы поехали в Елабугу. Трудящиеся города с большим уважением приняли писателей, композиторов. Особенно горячо был принят Сайдашев. Но он не только не возгордился от оказанного ему осо-

¹ Статья «Онытылмассың» («Не будешь забыт») напечатана в журнале «Совет әдәбияты» (1955, №1, с. 93-95).

² **Гази Султанович Кашшаф** (1907-1975). Литературовед, литературный критик, исследователь литературного творчества и жизненного пути Мусы Джалиля.

бого почёта – он по-прежнему оставался самым скромным среди нас. Да, скромность была его неотъемлемым качеством.

Наконец, невозможно не рассказать о последней встрече. Я приехал на II Всесоюзный съезд писателей на день-другой раньше других. Рассчитывал в субботу закончить все свои дела в издательствах, а в воскресенье сходить к Сайдашеву в больницу. Но по приезде в Москву пришлось изменить планы. Ахмет Ерикеев оказал, что Салих Сайдашев в очень тяжёлом состоянии и надо сходить к нему, не откладывая на завтра.

Мы отправились в больницу имени Вишневского. Поговорили с профессором Алиповым, который оперировал Сайдашева. Он, не скрывая, сообщил нам о грозящей опасности.

– Очень уж милый человек, – сказал он о Сайдашеве. – Мы с ним беседуем о музыке...

Профессор рассказывает, как везти композитора в Казань: на поезде лучше, он ещё крепок, только вот рана после операции не заживает...

Сайдашев лежит в 10-й палате на третьем этаже. Палата большая, светлая, он лежит один, далеко от окна. При виде нас Салих абый радостно вспыхнул:

– А я-то думал, что это за профессора в белых халатах... Вот хорошо-то... Садитесь...

Соединив ладони, он делает жест, будто пожимает руку. Мы просим его лежать спокойно; подходим, здороваемся за руку. Начинаются расспросы. Он стеснялся по Казани, друзьям, спрашивает о каждом, называя по имени – о писателях, композиторах, артистах. Как театр? Как прошёл пленум композиторов? Мы обо всём рассказываем.

Я сказал, что в Казани по-прежнему звучат его песни, и мне стало вдруг очень тяжело, я с трудом удержал слёзы. Эта перемена тоже не ускользнула от внимания Сайдашева, и он с юмором рассказал, как испугался Саид Шарафеев, увидев его в таком состоянии. Было удивительно, что тяжело больной Сайдашев, который не в силах встать с кровати, но с милым юмором рассказывал о своём положении, смеялся и смешил людей. Это – всё тот же, прежний Сайдаш... И верилось, что в нём есть сила, способная победить неумолимую болезнь.

Мы очень тепло попрощались, но это оказалось последним прощанием!.. Перестало биться сердце неповторимо яркого таланта, обаятельного человека, настоящего товарища, но он будет вечно жить в сердцах трудящихся.

Любимый композитор

Рукия Кушловская¹

В татарском театре я долгие годы работала вместе с Салихом Сайдашевым. Во многих музыкальных драмах исполняла главные роли. Это роль Майсары в драме «Зәңгәр шәл» («Голубая шаль») Карима Тинчурина, Гульюзум в «Наёмщике» Тази Гиззата и т.д. Наши репетиции, отбор песен для музыкального спектакля проходили при участии Карима Тинчурина.

Салих всегда работал с упоением и вместе с тем с большой требовательностью к себе. К драме «Таһир-Зөһрә» («Тахир и Зухра»), например, кроме восточного балета, Салих Сайдашев написал песню Тагира (я уже не помню её).

Многие татарские народные песни Салих Сайдашев переложил для симфонического оркестра. Так, в драме «Сүнгән йолдызлар» («Угасшие звёзды») он использовал мелодии песен «Каз канаты» («Гусиные крылья»), «Германская песня», «Махдум» (персидская песня). В драме «Энжекэй» (имя девушки) звучали башкирские напевы, были использованы песни «Сибай кантон» (имя наместника) и «Энжекэй»...

В драме Фатхи Бурнаша «Хусаин Мирза» из новых песен Салиха Сайдашева прозвучали «Бибисара» и «Песня слабоумного старика», которая по своему звучанию напоминала музыку восточных народов.

В произведении «Нәнкәжән», написанном на основе крымских сказок, Салих Сайдашев использовал мелодии крымских татар.

Салих называл меня «мои ноты». Часто во время репетиций Салих Сайдашев находил совершенно новую мелодию, играл её раз, другой, а записывать не успевал. А я очень быстро схватывала и запоминала мелодии. На следующий день, на репетиции, если Сайдашев, случалось, не мог сразу вспомнить сочинённый им вчера музыкальный текст, то я напоминала ему мелодию. Поэтому он и говорил: «Рукия – это мои ноты».

¹ **Рукия Камалетдиновна Кушловская** (Хусаинова), 1901-1984. Актриса татарской драмы, заслуженная артистка ТАССР.

Чудо

Риза Ишмурат¹

Мелодии Сайдаша, живущие в сердце и душе нашего народа, поддерживающие и сопровождающие его не только в дни радости, но и в минуты жестоких испытаний и горя, стали поистине чудом.

Если бы мы сравнили наших талантливых композиторов – таких, как Джаудат Файзи, Рустем Яхин, Назиб Жиганов, Фарит Яруллин, Анвар Бакиров, Мирсаид Яруллин, Александр Ключарёв, Мансур Музафаров, Бату Мулюков, Сара Садыкова, завоевавших своими лирическими песнями сердце народа и придавших нашей жизни глубокий смысл, со звёздами, то, без сомнения, Сайдашева я назвал бы главной из звёзд и сравнил бы его с Полярной звездой.

А вот его учителя – Загидуллу Яруллина, сыгравшего важную роль в том, чтобы вывести Сайдашева в мир большого искусства, написавшего необычный по звучанию «Марш Тукая» и поднявшего национальную музыку на новую ступень, я бы сравнил с загадочной утренней звездой – Венерой. Большое ему спасибо! Ещё я хотел бы поблагодарить семью Шигаба Ахмерова, воспитавшую Салиха и помогшую ему стать настоящим человеком, особенно Амину ханум.

* * *

Главное содержание творчества Сайдаша, если не считать мастерски написанного и получившего большую популярность «Марша Красной Армии» и ещё некоторых мелодий, развивалось в основном в тесной связи с татарским театральным искусством. Самую большую роль во всём этом сыграл известный татарский драматург, режиссёр и артист Карим Тинчурин. Главное место в их совместном творчестве занимают спектакли «Голубая шаль», «Страна», «Казанское полотенце», «Угасшие звёзды», «На Кандре». Наряду с этим значительное место в развитии нашего музыкального театра занимает музыка, написанная

¹ Риза Фахрутдинович Ишмуратов (1903-1995). Драматург, режиссёр, заслуженный деятель искусств ТАССР, РСФСР.

На Волге с друзьями. Слева – Тази Гиззат с женой, в центре – Салих Сайдашев. Нижний Услон, 1939 год

для спектаклей, поставленных по пьесам известного драматурга Тази Гиззата «Наёмщик» и «Бишбуляк». Одним словом, Салих Сайдашев и Карим Тинчурин в нашем театральном искусстве считаются создателями жанров музыкальной драмы и музыкальной комедии.

...Салих Сайдашев был обаятельным и красивым человеком, с очень приятным своеобразным голосом и удивительно мягким взглядом и движениями.

Его мастерство дирижирования, сливаясь воедино с волшебными звуками его музыки, дарило слушателям и зрителям духовное наслаждение, которое невозможно объяснить словами.

...Сайдаш играл на пианино с невероятным мастерством, очаровывая зрителя не только своими божественными мелодиями, но и завораживающе-плавными движениями.

Годы ответственной и творческой работы вместе с Салихом Сайдашевым и Каримом Тинчуриным в Татарском государственном академическом театре имени Галиаскара Камала навсегда останутся для меня самым счастливым периодом моей жизни.

Дорогие традиции

Марсель Салимжанов¹

На фасаде нашего театра установлена мемориальная доска. Золотыми буквами на ней выбиты слова о том, что во флигеле, во дворе, с такого-то по такой-то год жил Салих Сайдашев. А когда вы войдёте в фойе, вас встретит скульптура задумчивого композитора. Всё это не случайно. Когда мы говорим о традициях Татарского академического театра, то одной из первых называем традицию Сайдашева. Все лучшие годы творческой жизни композитора связаны с нашим академическим театром.

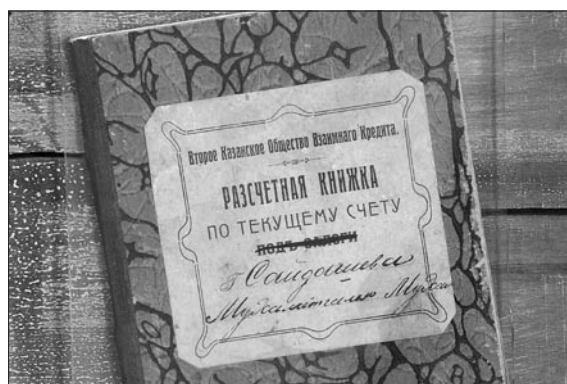
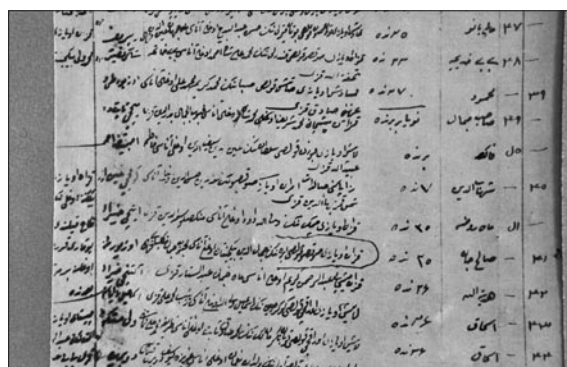
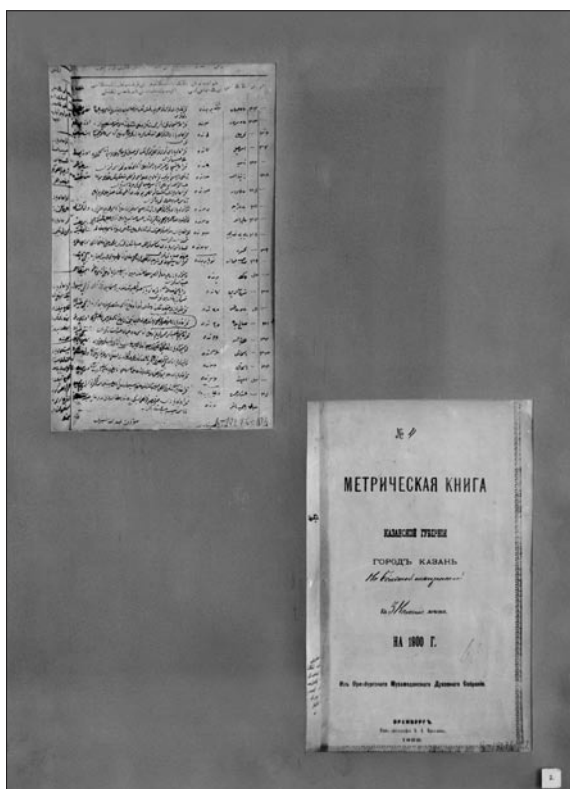
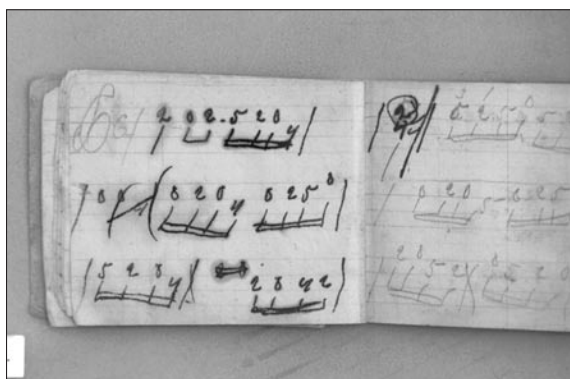
Салих Сайдашев проработал здесь около тридцати лет и оформил множество спектаклей. Его музыка к драматическим произведениям не только обогащала постановки, она прочно вошла впоследствии в музыкальную сокровищницу татарского народа.

...Музыка Сайдашева к драматическим произведениям выдержала испытание временем.

¹ **Марсель Хакимович Салимжанов** (1934-2002). Главный режиссёр Татарского ордена Ленина академического театра имени Галиаскара Камала, педагог, общественный деятель, заслуженный деятель искусств ТАССР, РСФСР, СССР, академик АН РТ, профессор, лауреат Государственной премии ТАССР имени Габдуллы Тукая, лауреат Государственной премии РФ имени Константина Станиславского, лауреат Национальной театральной премии «Золотая маска».

Скульптор Рада Нигматуллина

До сих пор колоссальный успех сопровождает знаменитую «Голубую шаль». Где бы мы ни были – в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Уфе – мы непременно открываем гастроль «Голубой шалью». Зритель не прощает, если в нашем репертуаре долгое время не появляются «сайдашевские» спектакли.

Спектакль «Угасшие звёзды» шёл в 1925 году и с тех пор на сцене не появлялся. К сожалению, музыка частично утеряна. Сохранилась широко известная увертюра и две песни. Но мы сейчас пытаемся восстановить, насколько это возможно, потерянные музыкальные куски.

Работа над спектаклями с музыкой Сайдашева всегда интересна. Для актёров старшего поколения – это встреча с юностью, тёплые и радостные воспоминания, для молодых актёров – это всегда встреча с прекрасным.

С двадцать второго года, с того самого дня, когда его пригласили работать в театр, Салих Сайдашев фанатически полюбил театральное искусство, полюбил актёров, художников, драматургов, режиссёров. Со многими его связывала крепкая творческая дружба. Карим Тинчурин, Фатхи Бурнаш, Тази Гиззат – вместе с ними Салих Сайдашев создал замечательные спектакли, которые навсегда вошли в золотой фонд татарского театра.

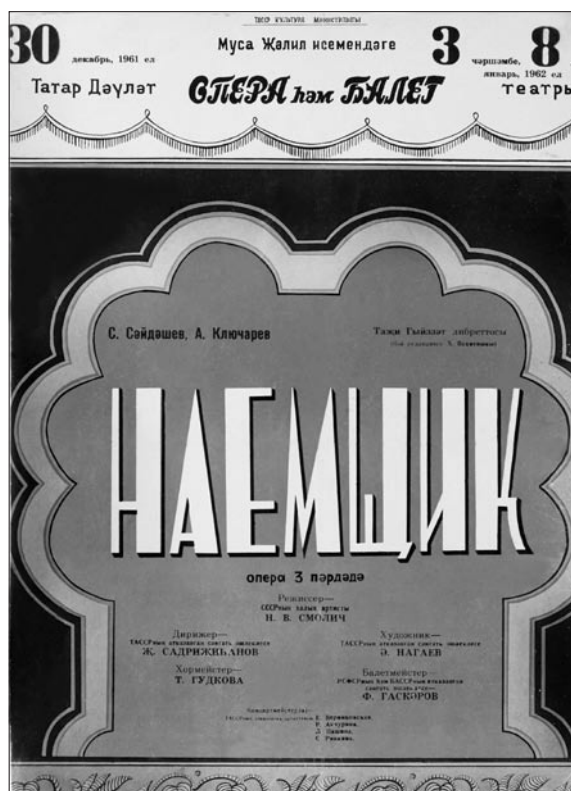
Мы будем всемерно продолжать и хранить традиции «сайдашевских» спектаклей – это наша слава, наша гордость, наша любовь.

Сцена из спектакля «Зәңгәр шәл». Декада татарского искусства. Москва, 1957 год

На фоне декораций к спектаклю «Зәңгәр шәл». Второй слева – Салих Сайдашев. Конец 1920-х годов

Концерты Салиха

Ахмет Жубанов¹

 нас в Алма-Ате гостит группа деятелей искусств братской Татарской республики во главе с Салихом Сайдашевым. Алмаатинцы в эти дни с большим интересом слушают авторские концерты этого замечательного композитора. Концерты свидетельствуют об огромном росте культуры Советской Татарии. Когда слушаешь музыку Сайдашева, первое, на что обращаешь внимание, – это её тесная связь с народной мелодией, родственность, созвучность с ней.

В первом отделении – симфонические произведения композитора. Оркестр исполнял его первую увертюру «Галиябану», написанную к драме известного татарского писателя Мирхайдара Файзи. Её начинают струнные инструменты отрывистыми, тревожными аккордами. Произведение сразу захватывает слушателей. Композитор средствами музыки раскрывает содержание драмы «Галиябану», которую в татарском народе трепетно любят и знают даже дети. Несмотря на то, что увертюра написана ещё юным Сайдашевым, это вполне самостоятельное, зрелое произведение.

Одним из номеров концерта, особенно понравившихся слушателям, был марш, посвящённый 20-летию комсомола. Бодрый, жизнерадостный, он с первых же тактов отражает устремленность вперёд нашей молодёжи – строителей коммунизма. Вступление к музыкальной драме «Наёмщик» и танец «Урожай» также произвели хорошее впечатление.

Примером чарующей красоты оркестрового звучания явилась «Восточная сюита». Это не простое любование восточной музыкой, экзотикой. Композитор берёт определённый мелодический рисунок народных песен и создаёт своеобразную новизность её, вносит свои, сайдашевские краски (соло кларнета и гобоя). Таким образом, мелодический язык восточных песен автор передаёт языком татарской музыки. Восток он рисует не языком «Тысячи и одной ночи», а передаёт, обновляя, обогащая современным музыкальным языком. Поэтому его произведения понятны и дороги современному слушателю. В сюите композитор каждую группу симфонического оркестра использует с исключительной красотой и ясностью.

¹ **Ахмет Куанович Жубанов** (1906-1968). Советский музыковед, композитор, дирижёр, народный артист Казахской ССР (1944), академик АН Казахской ССР.

Первое отделение завершал блистательный «Марш Красной Армии». Композитор, вдохновлённый легендарными подвигами армии, стремился языком музыки отобразить её сокрушительную мощь и силу, воспеть её всемирную победоносную славу. Желание это осуществлено в высшей степени успешно. С нашей точки зрения, марш Сайдашева может оспаривать первенство с любым из маршей, посвящённых данной теме. У этого необычайно яркого по образу и красоте произведения есть ещё одно превосходство – марш влечет вперёд, в поход.

Второе отделение начал популярнейший татарский певец Рашит Вагапов. В его замечательном исполнении ария Гарая из музыкальной драмы «Наёмщик», песня из драмы «Очи», «Песня партизан» из музыкальной драмы «Бишбуляк», татарские народные песни «Сарман», «На небе звёзды», «Дремучий лес» покорили сердца слушателей. Исполнение Вагапова отличается мягкостью, теплотой, особенной задушевностью. Певец, обладая сильным голосом широкого диапазона, легко и ровно ведёт звук, без нажима даже на крайних верхах.

Затем выступила солистка Татарской государственной филармонии Асма Шаймуратова. Она исполнила арию Гульюзум из музыкальной драмы «Наёмщик», песни «Голубая шаль», «Иж буе», «Споёмте, друзья». У Шаймуратовой высокое сопрано, она хорошо владеет вокальной техникой. Певица выразительно преподносит как лирические, так и драматические элементы исполняемых ею произведений.

Очень интересным было выступление известного татарского музыканта Файзи Биккенина. Он поразил публику мастерством, лёгкостью и изяществом игры на гармониках; настолько мастерски была исполнена песня Магинур из «Бишбуляк», что казалось, будто поёт человеческий голос. Участие народного артиста Мажита Ильдара как ведущего, безусловно, способствовало хорошей организованности, целеустремленности, приподнятости концертов.

В выступлениях гостей принимал участие симфонический оркестр Казахского радиокомитета. Он исполнил симфоническую часть программы и сопровождение некоторых вокальных номеров. Программы этих замечательных вечеров состояли исключительно из произведений Салиха Сайдашева. Творческий отчёт большого деятеля, вдохновенного труженика, посвятившего свою полувекую жизнь служению народу, раскрыл для нас прекрасный облик талантливого композитора, поднявшего на высокий профессиональный уровень татарскую музыку, композитора, который чутко воспринимает и отражает в своём творчестве нашу современность, полную мужества, отваги и великих событий.

Все симфонические номера на этих вечерах были исполнены под управлением самого автора, выступившего как самобытный, интересный дирижёр. Это обстоятельство создавало на его концертах приятную атмосферу непринуждённости, исполнительскую свободу и способствовало великолепному звучанию его прекрасной музыки.

Казахский государственный оркестр народных инструментов имени Курмангазы приобрёл ряд оркестровых произведений Сайдашева. Казахский народ услышит их в своеобразном звучании наших национальных инструментов.

Салих Сайдашев
с женой Асией.
1950-е годы

Заветное

Т. Гараев¹

Салих Сайдашев. 1930 год

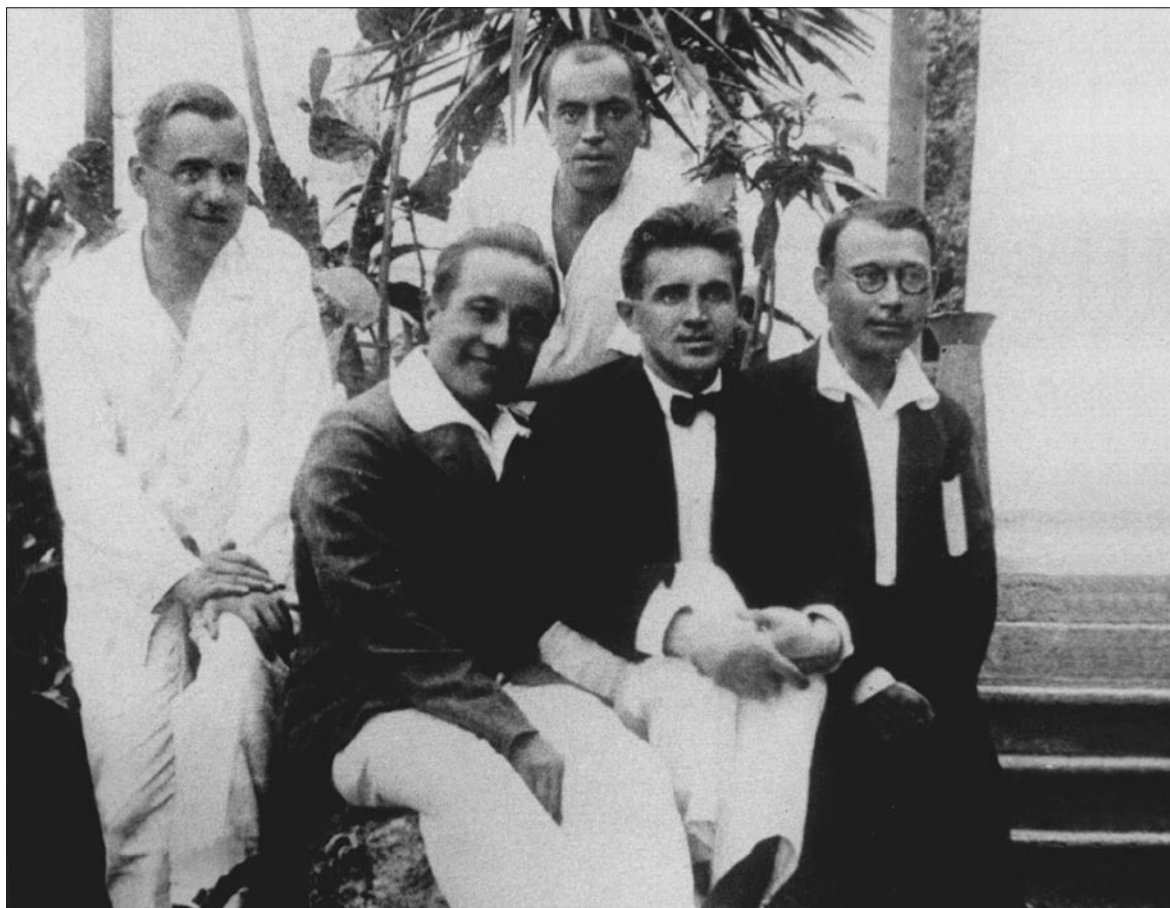
раскаты орудий, и взрывы мин – отодвинулось назад. Музыка Сайдашева вернула солдат туда, где нет войны, где когда-то под певучие гармонии собирались мы в весёлый круг.

У каждого человека есть самое заветное, самое дорогое. Прикоснёшься к нему, и словно вернёшься, казалось бы, давно забытое. И то давнее пробудит в тебе воспоминание о былом, оно напомним о себе так, как будто всё случилось только вчера.

Таким заветным и дорогим для меня стала теперь уже старенькая грампластинка с записью сюиты на татарскую народную тему «Райхан». Сотни раз уже проиграна та пластинка, но и по сей день она дарит мне радость встречи с любимым композитором Салихом Сайдашевым.

Мне вспоминается поздний фронтовой вечер. После жестокого боя, когда над израненной бомбами и снарядами землей повисли короткие часы тишины, в тесной землянке мы в первый раз поставили ту пластинку на патефонный диск. И сразу всё – и громовые

¹ Т. Гараев. Оператор НГДУ «Альметьевнефть».

С друзьями на отдыхе. Батуми, 1928 год

Молчали тогда мои боевые товарищи. Ласковая с грустинкой мелодия нашего замечательного татарского композитора одарила тогда солдат самой доброй радостью – думой о родной стороне, о близких, о друзьях и товарищах, о любимой Отчизне.

Огромное наследие щедро оставил людям Салих Сайдашев. Разве может оставить кого-нибудь равнодушным его музыка к драмам «Голубая шаль» и «На Кандре», или «Марш Красной Армии»?.. Многие песни Салиха Сайдашева стали народными. Их поют на клубной сцене и на тихих ночных деревенских улицах, за праздничным столом и в концертных залах. Музыку Салиха Сайдашева любят, и это лучшее признание таланта этого человека, который всего себя без остатка отдал служению людям.

В нефтяном крае республики, где идёт трудовая битва за высокие рубежи в добыче нефти, произведения Салиха Сайдашева стали добрыми спутниками в рабочих буднях покорителей подземных недр Татарстана.

Чем мне дорог Сайдашев? Если ответить коротко – тем, что его музыка общается к родникам татарского музыкального искусства, к любви к Родине. Она окрыляет и дарит большую сердечную радость.

Певец жизни

Махмут Хусаин¹

Прошло уже 16 лет, как ушёл от нас этот талантливый и обаятельный, милый и человечный человек. Но он продолжает жить среди нас. Кажется, вот сейчас откроется дверь, и он войдёт в нашу комнату и, мягко улыбаясь, спросит: «Как дела, джанкисяк?» («джанкисяк» – душенька – было его любимым словом в обращении к друзьям). Если Салих Сайдашев в жизни был глубокомыслящим, широко эрудированным и смелым композитором-новатором, то в своей окрыляющей человеческие сердца музыке он был поэтом, истинным певцом жизни и борьбы. Когда смотришь на портрет Сайдашева, мастерски и талантливо исполненный художником Германом Мелентьевым, в памяти оживают светлые воспоминания о нём.

...Стояло лето 1944 года. Мы – на передней линии Ленинградского фронта. Бои шли на эстонской земле под городом Тарту. Нам было приказано, сокрушив мощное вражеское укрепление, открыть дорогу своим войскам для продвижения вперёд. Как только артиллеристы успешно справились со своей задачей, тут же по лабиринтам окопа разнеслись пленительные звуки. Боевые ребята из муззвода исполняли очаровательную мелодию. Наша пехота даже не заметила, как под действием этой музыки дружно рванулась вперёд. Что за музыка это была? И кто её создал? Никто из нас об этом не знал.

Ответ на свой вопрос я смог получить только через год, в июне сорок пятого. Тогда я, как представитель Ленинградского фронта и молодой поэт, приехал на празднование 25-летия Татарстана. Мы, гости, собрались на площади Свободы. Фанфары известили о начале торжества. А потом зазвучала музыка. О, как она была близка и знакома! Где я её слышал? Тут же вспомнил; она же под городом Тарту поднимала в атаку наших солдат! Я, волнуясь, спросил у стоящего рядом товарища: «Вы не скажете, чья это музыка?». Мой сосед с гор-

¹ **Махмут Хафизович Хусаин** (1923-1993). Татарский поэт, член Союза писателей РТ, заслуженный работник культуры ТАССР. Участник Великой Отечественной войны.

достью ответил: «Это – знаменитый «Марш Красной Армии». А написал его Салих Сайдашев. Вон он, видите», – указал сосед на человека, стоящего на трибуне.

После торжества мы подошли к композитору. Солнечная улыбка Сайдашева сразу пленила нас.

Он жил и творил в Казани. Но его пламенные песни, в том числе популярный «Марш Красной Армии», прогремев на передней линии борьбы, вместе с нами в окопах Великой Отечественной войны ковали победу, вдохновляя наших солдат на героическую борьбу с фашистами. Славное имя и немеркнущие творения незабвенного Салиха Сайдашева бессмертны, как сам народ.

* * *

*Мы, сыновья Татарии любимой,
В боях, в походах много стран прошли.
И Ваши песни в сердце пронесли мы –
Мелодии своей родной земли.
Мы слушали в окопах песни Ваши
Под свист снарядов и под взрывы мин!
Под музыку сайдашевского марша
Ворота открывали мы в Берлин.
Война затихла. Мы в Казань вернулись.
И здесь однажды в предвечерний час
Увидел Вас на перекрёстке улиц,
Вам руку жал, благодарил я Вас
За музыку!
За то, что в Ваших песнях
Душа народа плещет через край.
Вы для татар – Чайковский – свой, чудесный.
Ведь Вы в татарской музыке Тукай.
Я счастлив, что живу в стране свободной,
Что с Вами я в семье творил одной.
Лауреат большой любви народной
Салих Сайдашев – гений наш родной!*

Звезда татарской музыки

Айрат Арсланов¹

*Сайдаш – солнце, заря татарской музыки,
Сайдаш – душа и сердце татарского народа...*

Ф. Ахметов

Со сцен наших концертных залов, в передачах радио и телевидения Татарстана мы часто слышим божественную музыку, наполняющую душу энергией и радостью – несравненную музыку нашего великого Сайдаша. Его мелодии – словно музыка народного родника, вечно звенящего в нашей душе.

Хочу привести отрывок из воспоминаний о Салихе Сайдашеве известного писателя и критика Гази Кашшафа: «Народ любит воспевать студёную родниковую воду; поэтизируя родники, он сравнивает с ними своё физическое и духовное состояние, особенно часто прибегая к образу родника для выражения любви. Я бы сравнил творчество Салиха Сайдашева с красотой, чистотой, нежностью и целебностью родника».

Наш известный композитор Мансур Музафаров также справедливо назвал творчество Салиха Сайдашева «мелодическим родником». Не только творчеством, но и всеми своими человеческими качествами он был похож на чистый родник. В творческом плане музыка Салиха Сайдашева уходит корнями в народные песни – и этим он также близок всем нам и дорог. Родник, без которого невозможно представить жизнь народа, родник, дарящий радость – какое красивое сравнение для выражения силы и народности творчества композитора! И в самом деле, всё его творчество напоминает бьющий из-под земли ключ.

Наш современник, великий маэстро, признанный во многих уголках мира – дирижёр Натан Рахлин искренне любил музыку Салиха Сайдашева. Благодаря этому большому музыканту произведения Салиха Сайдашева звучали

¹ **Айрат Гареевич Арсланов** (1928-2010). Драматический актёр, режиссёр эстрады, мастер художественного слова, народный артист России и Татарстана, лауреат Государственной премии ТАССР имени Габдуллы Тукая.

в исполнении его оркестра, он также оставил очень ценные мысли о великом композиторе: «Сайдашев не идёт по лёгкому пути обработки народных песен. Его музыка и народна, и в то же время оригинальна. В этом суть его таланта: содержанием его музыка похожа на татарские мелодии, но благодаря таланту, дарованному Сайдашеву природой, он создаёт неповторимые мелодии, наполненные светлым звучанием. Патриотический талант Сайдашева рождал образы, звучавшие радостью, наполнявшие татарскую музыку весенним настроением». Это очень высокая оценка великого музыканта о великом композиторе.

Когда же состоялось моё первое знакомство с творчеством Салиха Сайдашева? Это случилось в середине 40-х годов прошлого века в Балтасинском районе Башкортостана. Районный радиоузел тогда транслировал передачи из Казани. Вот эти радиоконцерты и познакомили меня с произведениями Сайдашева. В 1946 году я приехал в Казань на учёбу в Татарское государственное театральное училище. Мы, студенты, посещали большинство спектаклей и концертов, проходивших в Татарском государственном академическом театре. На одном из концертов – кажется, это было в 1947 году – я увидел на сцене самого Салиха Сайдашева – нашего любимого композитора. Ещё в студенческие годы я начал работать диктором радио. Так что многих наших композиторов и певцов я имел возможность встречать именно там.

Однажды сотрудник музыкальной редакции радиокомитета попросил меня занести Салиху Сайдашеву какие-то бумаги. Композитор жил тогда во флигеле во дворе театра. Стоял холодный зимний месяц, в его квартире было нетоплено. Может, поэтому комната показалась мне неуютной. Салих абый встретил меня в накинутом поверх пижамы пальто и отвёл в другую комнату, где было тепло. Именно тогда состоялось моё первое близкое знакомство с Сайдашевым.

Меня очень удивило, что такой значимый для татарской культуры человек живёт в холодной квартире. Я был тогда молодым и, видимо, не представлял себе его тогдашнего материального положения. Позднее, получив возможность кое-что прочитать о жизни и творчестве представителей музыки и вообще людей искусства, я многое начал понимать. Одной из таких заметок был очерк доктора педагогических наук, профессора Фариты Салитовой о последних годах жизни композитора. Перед Великой Отечественной войной Сайдашев был вынужден уйти из театра, оставив любимую работу, которой он отдавал все свои творческие силы, потому что руководство театра, ссылаясь на какие-то причины, включило его имя в список на сокращение штатов... С окончанием войны возродились и былые надежды – Сайдашев вернулся в академический театр имени Галиаскара Камала. Ему снова была дана возможность работать в привычном коллективе, получая постоянную зарплату.

Салих Сайдашев проработал в театре ещё три года. За этот период он написал музыкальное оформление к спектаклям Б. Лавренёва и Н. Погодина, дирижировал оркестром.

Особый простор для творческих возможностей композитора, разумеется, давали пьесы татарских драматургов. В начале 1948 года состоялась премьера спектакля «Мулланур Вахитов», поставленного по пьесе Наки Исанбета. Мы стали свидетелями большого успеха, который пришёл к композитору вместе с музыкой, написанной им к пьесе Тази Гиззата «Настоящая любовь». Песни композитора «Адриатическое море», «Гора Динара», «Птичка» пользовались огромной популярностью среди народа. Песня «Адриатическое море» много лет не выходила из репертуара известного эстонского певца Георга Отса.

В конце 40-х годов Салих Сайдашев написал музыку к музыкальной драме «Наёмщик». В тот же период он работал над музыкой к балету «Гульнара» по либретто балетмейстера Гая Тагирова. К сожалению, мало кто знает об этом балете.

В 1948 году должности, которые занимали в театре Салих Сайдашев и его коллега Тази Гиззат, были сокращены. Как видно из документов, официальной причиной стало то, что у Тази Гиззата было мало ролей, а у Салиха Сайдашева – музыкальных спектаклей. Начиная с этого дня и до конца жизни композитор был вынужден оставаться «свободным художником», а это значило, что он был лишён постоянного дохода. Например, однажды Сайдашев сообщил, что за год получил в радиокомитете 44 рубля, и с горечью добавил: «Как можно прожить на такие деньги?..».

Разумеется, в то время я не знал подробностей материального положения великого композитора и его переживаний, но всё же в моей памяти сохранилось ощущение того, что он постоянно испытывал какую-то неуверенность и смущение.

Таким образом, со стороны высокопоставленных кругов и чиновников от культуры не хватало самого элементарного внимания к необычайно популярному в народе композитору. Имя Сайдашева ещё при жизни стало легендой, но тень от этой легенды заслонила самого композитора. Вдобавок, в это же время «против него началась кампания в периодической печати и в Союзе композиторов», – пишет Фарита Салитова.

Тяжело переживая всё это, сам Сайдашев публично никак не реагировал на нападки на своё творчество. Зато публика, не обращая внимания на всяческие измышления, продолжала любить своего Сайдаша, ходить на его концерты, на которые всегда было трудно достать билеты. На этих концертах дирижировал сам композитор, и они проходили с большим успехом.

Приближался 50-летний юбилей Салиха Сайдашева. Однажды кто-то сообщил мне, что Сайдашев хочет меня видеть. По дороге с работы я заглянул к нему на квартиру. Он пригласил меня в комнату, мы поговорили о всяких пустяках, а потом он сказал:

– Скоро мой юбилейный вечер, было бы замечательно, если бы его концертную часть вёл ты, душа моя.

Я растерялся. Предложение было очень лестным, но это должен был быть мой первый выход на большую сцену, и это меня пугало.

Невзирая на мои страхи и сомнения, Сайдашев меня уговорил.

Большой юбилейный вечер, посвящённый 50-летию Салиха Сайдашева, состоялся 10 января 1951 года в здании Академического театра (ныне здание театра имени Карима Тинчурина). Это событие стало большим праздником нашей культуры. В нём приняли участие писатели, композиторы, артисты, художники, представители многих организаций и предприятий города. Концертная часть вечера была составлена с очень большим вкусом. Песни и арии Сайдашева, уже по праву считавшиеся музыкальными жемчужинами, исполнили любимые народом певцы – оперные солисты М. Рахманкулова, Ф. Насретдинов, Ш. Кутдусова, У. Альмеев, Х. Забирова, В. Шарипова, его инструментальные произведения с большим подъёмом сыграл композитор Загит Хабибуллин, активно участвовавший в те годы в концертах со своей скрипкой. Произведения композитора с большим успехом исполнил оркестр оперного театра под управлением дирижёра Джаляля Садрижиганова.

Когда вечер закончился, Салих абый поблагодарил всех артистов... До сих пор помню, как он тепло похлопал меня по спине...

Вспоминая тот вечер, я припоминаю и одно неприятное для меня событие, случившееся тогда. Для меня, молодого актёра, первая встреча с известными артистами, работа на сцене стали своеобразным экзаменом, но угнетало, что за кулисами не было никого, с кем я мог бы посоветоваться. Случилось так, что ко мне подошли два поэта-фронтовика – Мухаммет Садри и Махмут Хусаин и попросились на сцену прочитать стихи, посвящённые юбиляру. В программе вечера их имён не было, поэтому я предложил: «В зале сидит заведующий отделом культуры обкома Х. Рахматуллин, попросите у него разрешения». Вскоре они вернулись, сообщили, что получили добро, и я пригласил их на сцену. Прозвучали прекрасные стихи, но сидящим в зале чиновникам, видимо, не понравилось появление на сцене не заявленных в программе людей. [...] Оказалось, что поэты обманули меня – никакого разрешения ни у кого они не просили. Получилось, что я выпустил их на сцену по собственной инициативе. На следующий день, как оказалось, меня пытались вызвать в обком, только не смогли отыскать. Через пару дней пришёл товарищ из управления культуры и ознакомил меня с приказом вышестоящего начальства. Мне ставилось в вину самовольство, в наказание два месяца мне запрещалось самому выходить на сцену. Разумеется, оказаться без вины виноватым было очень обидно, я расстроился.

А Мухаммет Садри и Махмут Хусаин потом подошли ко мне и извинились за свою авантюру. «Если бы мы не сделали это, то не смогли бы поздравить Сайдаша», – сказали они. А я ответил: «Махмут, ты никогда не теряешься, и на этот раз поступил как настоящий фронтовик». Мы рассмеялись.

Когда эта история достигла ушей Салиха абый, он очень переживал. При встрече в театре он даже сказал мне: «Почему мои друзья так поступили, они подвели тебя». Я ответил: «Не волнуйтесь, Салих абый, иначе они не смогли бы вас поздравить». Салих абый, который был очень добр по отношению к людям, сказал: «Ты уж, пожалуйста, прости их...».

Скульптор Рада Нигматуллина

В те годы в районах республики, казанских школах и институтах часто устраивались встречи с Сайдашевым. Об одном из таких вечеров, торжественно прошедшем в Елабужском педагогическом институте, я узнал из газет. В двух встречах, проведённых в двух казанских школах, я и сам принял участие по просьбе самого Сайдашева.

Помню, что в юбилейный для Сайдашева год я провёл несколько концертов в театре имени В. Качалова, на которых произведения Сайдашева исполнялись в исполнении симфонического оркестра и певцов; дирижировал тогда сам композитор. На одном из этих концертов приключилась небольшая история.

...Театр был заполнен почитателями музыки Салиха Сайдашева. Приближалось начало представления. Я зашёл к Сайдашеву, чтобы спросить, не пора ли начинать. И вдруг Салих абый начал озиаться: «Где моя дирижёрская палочка?». Все присутствующие враз онемели. «Я сегодня очень торопился, видимо, забыл палочку дома...», – пробормотал Сайдашев и растерянно посмотрел на нас.

Время шло, зрители начали нетерпеливо хлопать, требуя начинать концерт. А мы судорожно искали что-нибудь, напоминающее дирижёрскую палочку. В это время за кулисы вбежал друг Салиха абый – дирижёр Ильяс Аухадеев.

– Салих, в чём дело? Почему не начинаете концерт? – спросил он.

Узнав, в чём дело, он также бросился на помощь Сайдашеву, – обежал несколько комнат в театре и отыскал какую-то палочку. Что ни говори, а он, как дирижёр, подходящую вещь увидел быстрее нас.

Наконец, я вышел к зрителям, извинился за задержку «по техническим причинам» и объявил начало концерта. Занавес медленно раздвинулся, зрители радостно захлопали, артисты оркестра, встав в полный рост, приветствовали вышедшего на сцену маэстро. Вот дирижёр взмахнул палочкой, и через несколько мгновений полилась восхитительная музыка Сайдашева...

На протяжении своей творческой жизни я слышал многих артистов, исполнявших музыку великого Сайдашева, я восхищался мастерством дирижёров, но

каждый раз мне казалось, что за дирижёрским пультом стоит сам Сайдаш. Наверно, это потому, что мы в театре видели много спектаклей, где он сам дирижировал, и образ маэстро до сих пор ясно сохранился в памяти.

В начале 90-х годов был объявлен конкурс на создание памятника Сайдашеву, на который представила свою работу и наш известный скульптор Рада Нигматуллина – она увидела Сайдашева в образе дирижёра. Помнится, мы очень радовались столь красивому проекту. Однако его не приняли московские скульпторы, правда, их собственное предложение также не получило поддержки у нашего народа. Наконец, в 2005 году был установлен долгожданный памятник Сайдашеву. Его автор – наш соплеменник Махмут Гасимов. Однако, на мой взгляд, памятник, хотя и хорошо выполнен, не раскрывает внутреннего мира и характера Сайдашева как человека. И каждый раз, проходя мимо него, я останавливаюсь и словно вижу перед собой живого дирижирующего Сайдаша, с широко раскинутыми в стороны руками – именно таким, каким изобразила его Рада Нигматуллина.

Некоторые из тех, кто тогда видел проект Рады Нигматуллиной, а среди них были и авторитетные композиторы, задавались вопросом: а почему Сайдашев изображён дирижёром, ведь он был композитором?.. Но ведь Сайдашев был великим композитором, дирижёром и замечательным музыкантом. Сохранилось

Салих Сайдашев и Мухаммет Садри. 1950 год

немало фотографий и рисунков наших художников, на которых Сайдашев запечатлён именно как дирижёр.

Здесь хочется привести слова близкого друга Сайдашева – дирижёра и народного артиста Ильёса Аухадеева: «Обладающий выдающимися способностями не только в области музыки, но и во многом другом, чрезвычайно талантливый дирижёр Сайдашев очень быстро осваивал характер и содержание исполняемого произведения, очень тонко чувствовал его форму и умел полностью подчинить себе оркестр. И оркестранты любили его, уважали как музыканта; лёгкого, слаженного звучания оркестра, мастерства музыкантов он достигал не только виртуозным дирижёрством и многочисленными репетициями, но, в первую очередь, благодаря своей преданности музыке, благодаря музыкальному чутью».

Разве можно после таких слов известного дирижёра рассуждать о том, были ли Сайдашев дирижёром?! Ведь известно, что Сайдашев с удовольствием дирижировал и при исполнении музыки западноевропейских и русских композиторов, в частности, Людвиг ван Бетховена, Модеста Мусоргского, Михаила Ипполитова-Иванова.

Сайдашев был не только дирижёром, но и талантливым пианистом. Музыканты вспоминают: «Его игра отличалась тем, что состояла из красивых мяг-

С женой и сыном Эмилем

ких звуков, была богата различными художественными нюансами: фортепиано под его пальцами просто пело». Думаю, что всех этих свидетельств достаточно, чтобы признать: наш великий Сайдаш был одновременно талантливым композитором, виртуозным дирижёром и музыкантом.

Мы – все те, кто хорошо знали Сайдаша и общались с ним, – очень скучаем по нему. В жизни Салих абый был очень простым, невероятно мягким, по-настоящему интеллигентным человеком. Он остался в нашей памяти жизнерадостным, остроумным, сердечным и добрым человеком. Мы, его современники, до сих пор с теплотой вспоминаем его ласковое обращение к собеседнику: «Как дела, душа моя?..».

Запомнилась ещё одна встреча, которая свидетельствует о том, каким внимательным и заботливым был Салих абый к нам, молодым актёрам. 1 декабря 1952 года. Я несусь, словно на крыльях, по улице Горького по направлению к радиокомитету. Из ворот театра появились Салих абый и его жена Асия ханум (они любили вечерами выходить на прогулку).

– Что, душа моя, так радостен? На работу?.. – спросил Салих абый.

– У нас сегодня родилась дочь, Салих ага, я как раз от них иду – из роддома, – ответил я.

– Это очень радостное для семьи событие, поздравляем от всего сердца, передай Марьям от нас поздравления. А отметим потом... – и Салих абый хитровато улыбнулся.

– Если у вас есть время, я осмелюсь пригласить вас в кафе на бокал шампанского, – предложил я.

Супруги посмотрели друг на друга и кивнули мне, выражая согласие. Мы отправились в кафе, расположенное неподалёку, в доме Кекина. Когда бокалы были наполнены шампанским, Салих абый сказал тост:

– Желаем нашей маленькой девочке Гульнаре и её маме крепкого здоровья, поднимем эти бокалы за счастье вашей семьи. Передай Марьям, что ножку Гульнары мы обмыли в этом бокале – пусть малышка будет счастлива!

Это поздравление Салиха абый запечатлелось в моей памяти как один из самых счастливых дней в жизни нашей семьи. Вот таким ласковым и сердечным к людям был наш Салих ага!

Салих Сайдашев создавал произведения, наполненные глубоким содержанием, красивым звучанием, которые хотелось слушать снова и снова. Думы и чувства любимого народа Сайдашев воплощал в музыку, он всю свою жизнь пел о народе. Татары, где бы они ни жили, по праву гордятся своим великим сыном – композитором, дирижёром и музыкантом Салихом Замалетдиновичем Сайдашевым. Он – звезда, освещающая музыкальный небосклон Татарстана.

Признавая тот факт, что Сайдашев был великой личностью, стоявшей у истоков татарского музыкального искусства, наши композиторы писали о нём: «Салих Сайдашев – самый любимый композитор и верный сын татарского народа. Он внёс большой вклад в обогащение духовной сокровищницы народа.

Его музыкальные произведения не стареют и не блёкнут. Они и сегодня живут с нами. Остаются рядом и во время работы, и в минуты отдыха. Делят с нами и радости, и горе. Светлая и жизнерадостная музыка Салиха Сайдашева вобрала в себя величие нашей реальной жизни».

...Прошло 58 лет после последнего в жизни Салиха Сайдашева юбилея – его 50-летия. Однако даже сейчас проходят вечера памяти, юбилейные вечера, посвящённые Сайдашеву. Я счастлив тем, что участвовал в юбилейных торжествах, посвящённых 70-, 80-, 90-летию Сайдашева. Особенно широко отмечалось 90-летие со дня рождения композитора. В городах и райцентрах Татарстана, в различных регионах страны прошли вечера, посвящённые Сайдашеву. В центральном концертном зале Москвы «Россия» прошёл большой концерт при участии мастеров искусств, он был воспринят как большой праздник татарского музыкального искусства. В казанских театрах показывались спектакли, в которых звучала музыка, написанная композитором, прошла декада спектаклей, для которых Сайдашев написал музыку. Казанская студия телевидения сняла полнометражный документальный фильм о композиторе, татарстанское радио выпустило в эфир цикл передач, посвящённых Салиху Сайдашеву. Лично я счастлив тем, что участвовал во многих концертных программах, звучавших с эстрады и на радио, в которых исполнял произведения, посвящённые Сайдашеву. Среди них можно назвать поэму Р. Файзуллина «Сайдаш», радиокomпозицию «Огни, которые мы зажгли», большую концертную программу, составленную из многочисленных произведений наших поэтов, посвящённых композитору, а также песен и арий Сайдашева, радиоспектакль «Сайдаш», успешно поставленный режиссёром Г. Хусаиновым, и другие передачи.

В декабре 2000 года в Большом концертном зале, носящем имя композитора, прошёл большой торжественный вечер, посвящённый 100-летию со дня рождения Салиха Сайдашева, в нём приняло участие большое количество артистов, музыкантов, деятелей культуры. Я выступил с воспоминаниями о Сайдашеве и чтением произведений поэта Ильдара Юзеева о композиторе. Поскольку строительство памятника Сайдашеву сильно затянулось, Ильдар по моей просьбе немного изменил своё стихотворение «Раздумья на улице Сайдаша», внеся в него прозрачные намёки в адрес «отцов города». Насколько помнится, стихотворение заканчивалось такими строками:

*Раздумываем: где, какой памятник
Поставить гению музыки...
Он на вершине ушедших эпох,
На месте, близком всем нам –
В глубине сердца народа!*

Разумеется, зрители, на протяжении десятков лет ждавшие памятника Сайдашеву, восприняли эти строки поэта с большим воодушевлением.

Наконец, вот уже столько лет жители города и гости Казани имеют возможность любоваться памятником композитору, стоящим напротив театра имени

Слева направо: У.Ш. Ахмеров (племянник Салиха Сайдашева), Д.Н. Алимбек (двоюродная сестра Салиха Сайдашева), Р.У. Ахмеров (внучатый племянник Салиха Сайдашева), В.А. Сайдашев (внук Салиха Сайдашева) с женой на ежегодном празднике искусств, посвящённом памяти Салиха Сайдашева. Кызыл Байрак, 2002 год

Галиаскара Камала. В начале XXI века появилось ещё одно место, где можно склонить голову перед памятью великого Сайдаша – в селе Кызыл Байрак, расположенном на берегу Волги, был открыт мемориальный комплекс. Инициатором его строительства стало руководство Камаловского театра, в частности, директор театра, патриот по духу, Шамиль Зиннурович Закиров. Те, кто съезжается на праздник музыки, ежегодно проходящий в августе на поляне Сайдаша в Кызыл Байраке, непременно благодарят Шамиля Зиннуровича.

В августе прошлого года вечер памяти Сайдаша в Кызыл Байраке прошёл в восьмой раз, в трёх таких вечерах участвовал и я. В первый раз я поехал туда в 2002 году. Вернувшись домой, записал в дневник свои впечатления. Приведу здесь отрывок из этих записей.

«...17 августа теплоход отвёз нас в Кызыл Байрак. Теплоход напоминает большое учреждение культуры. Большинство пассажиров – артисты театра имени Галиаскара Камала. Здесь есть также певцы из оперного театра и филармонии, музыканты, поэты, художники и композиторы. Дорога была неблизкой, народ понемногу разделился на группы, вскоре послышались мелодии Сайдаша в исполнении певцов. Режиссёры и операторы телевидения, переходя от группы к группе, снимали кадры для будущего телевизионного очерка о Сайдашеве. Среди присутствующих было очень мало тех, кто видел Сайдаша и общался с ним.

Молодёжь просила нас рассказать о встречах с ним, а мы с теплотой и грустью перебирали страницы своей памяти. За разговорами и путь становился короче...

Наконец, вот он, Кызыл Байрак. Здесь у Волги очень высокий берег. Мы поднимаемся на него по крутой бесконечной лестнице. Перед нами предстаёт сияющая своими высокими минаретами мечеть. Эти минареты видны с Волги издалека. Неподалёку от мечети устроена красивая сцена. Она стоит почти вплотную к каменному ансамблю, посвящённому великому Сайдашу. Там же установлен известный всем нам большой портрет улыбающегося Салиха ага. По свидетельству родственников Сайдашева, на месте мемориала когда-то стоял дом, в котором на протяжении многих лет останавливался композитор, приезжая на отдых в Кызыл Байрак.

На поляне собралось большое количество народа, все поздравляли друг друга с праздником, везде царил праздничное оживление...

Салих Сайдашев. 1950 год

Стоит сделать пятнадцать шагов от сцены, как ты оказываешься на высоком берегу, а перед тобой, как море, раскинулась Волга, внизу виднеется живописный дебаркадер... При виде этого величественного пейзажа, созданного Всевышним, начинаешь испытывать гордость. И думаешь: Салих ага наслаждался отдыхом в красивейшем уголке природы, эти восхитительные места вдохновляли композитора на творчество...

Праздник прошёл замечательно, в течение почти четырёх часов на волжском берегу звучали прекрасные мелодии и песни Сайдашева. Артистов академического театра сменяли певцы, на смену им выходил ансамбль народных инструментов, затем – мастера художественного слова, музыканты, ансамбль песни и пляски и многие другие.

Зрители остались очень довольны праздником. Я видел, как близко к сердцу они воспринимают музыку Сайдашева, а у меня в ушах не переставая звучала строфа из стихотворения И. Юзеева, которое я прочитал здесь со сцены:

*Сайдаш уловил мелодию
И звучание нашего времени.
Приблизил театр
К сердцу зрителя.*

Радио- и тележурналисты, принимавшие участие в празднике, задавали мне вопрос: «Кто для вас Сайдашев?». И я отвечал примерно так: «Для меня Салих Сайдашев – композитор, заложивший основы татарской профессиональной музыки. Сайдаш – это автор бессмертного «Марша Красной Армии», автор музыки к спектаклям «Наёмщик», «Голубая шаль», «На Кандре», «Угасшие звёзды», снискавшим всенародную любовь зрителя, он – создатель прекрасных песен, которые с удовольствием слушает наш народ. Салих ага Сайдашев – великий человек, обладавший самыми лучшими человеческими чертами!». Кажется, журналисты остались довольны моими ответами...

Салих Замалетдинович Сайдашев появился на свет 3 декабря 1900 года в Казани на Большой Мещанской улице (ныне – Нариманова) в доме №101. Эту дату мы теперь называем днём памяти великого татарского композитора. Обычно этот день музыкальная общественность республики отмечает вечером в музее-квартире композитора и концертами.

Родившись 3 декабря, Сайдашев перешёл в мир иной 16 декабря 1954 года. Декабрь в народе по праву считается сайдашевским месяцем. Народ любит и уважает своего Сайдаша, вошедшего в татарскую музыкальную культуру великой и неповторимой личностью. Яркими доказательствами этого являются спектакли с его музыкой, идущие на сценах театров, музыкальные программы, звучащие в концертных залах, радио- и телепередачи из его произведений, конкурс певцов имени Салиха Сайдашева, музыкальные праздники, ежегодно проходящие в Кызыл Байраке.

Пока жив наш народ, будет жить и музыка Салиха Сайдашева!

Салих Сайдашев. К 70-летию со дня рождения

Александр Ключарёв¹

Творчество Салиха Сайдашева имеет удивительно большое значение для развития музыкальной культуры татарского народа. Большинство композиторов республики считают себя продолжателями традиций Салиха Сайдашева. Это обстоятельство неудивительно даже в нынешнее время, в эпоху, когда в Союзе композиторов Татарстана несколько десятков профессионалов с высшим образованием, которые прославили республику своими симфоническими, оперными и вокальными произведениями.

Салих Сайдашев был пионером татарской профессиональной музыки, он с честью и отважно выполнил выпавший на его долю долг. В двадцатые годы, приехав в Казань, я поразился, увидев чрезвычайную популярность Салиха Сайдашева среди народа. Всюду звучали мелодии Салиха Сайдашева – в клубе, на улице, в учебных заведениях и общежитиях. По-моему, его любили не за то, что он был единственным автором, создающим новые мелодии, а потому, что он с первых шагов своего творчества был свободен от старых традиций, чувствуя революционный дух народа. Известно, что Сайдашев знал до тонкостей музыкальное наследие своего народа и широко пользовался самыми знаменитыми образцами народных песен, прошедших испытание временем. Историческое значение его творчества – в создании музыки, обогащающей эстетический дух свободного народа. Ещё в то время Сайдашев видел, что использовать народные мелодии только как необработанное сырьё недопустимо. Взяв в качестве примера классическое музыкальное наследие русских и западных композито-

¹ **Александр Сергеевич Ключарёв** (1906-1972). Композитор, музыкальный деятель, фольклорист, заслуженный деятель искусств Татарской АССР, народный артист ТАССР, заслуженный деятель искусств ТАССР, РСФСР, лауреат Государственной премии ТАССР имени Габдуллы Тукая.

ров, Сайдашев понял, что национальное народное творчество требует особого созидательного подхода и нуждается в сегодняшнем настроении.

Салих Сайдашев обладает великим талантом, однако у него есть ещё один талант – способность творить по-народному. Как говорил Белинский, это последнее в большинстве случаев не даётся вместе с первым. Известно, что даже талантливый композитор не может быть одновременно и национальным, и народным.

Салих Сайдашев умел чувствовать эпоху, в которой он творил, умел проникать в основу психики народа и, самое важное, – умел это выразить. В этом корень его по-новаторски смелого поиска новых форм, по-новому звучащих мелодий.

Изучая наследие композитора, диву даёшься безмерному богатству музыки Салиха. Как обширна она и размахиста! И в то же время глубоко мелодична! Ей свойственны классическая аккуратность и содержательность, никакого излишества и притворства.

Помню, в молодости мы, когда сами были погружены в изучение татарских народных песен, обвиняли Салиха Сайдашева в неуважении к народным мелодиям или «в искажении национальных основ – пентатоники». Оказывается, мы даже не знали, с обладателем какого таланта имели дело. Частенько мы придирались к его пустяковым недочётам. Однако он, очень умело и с лёгким юмором охлаждая наши горячие споры, продолжал работать по-своему. Он шёл своей дорогой и вышел победителем. Это было время его расцвета. Неповторимые мелодии, написанные ко многим музыкальным произведениям, являются тому доказательством.

Хочется также сказать о том, что Салих Сайдашев был чистосердечным человеком. Он протягивал руку дружбы каждому, кто стремился к искусству, не обращая внимания на его положение в обществе...

Он никогда не кичился своей славой, ни разу не хулил творчество своих коллег. Салих, мечтавший создать оперу, понимал невозможность быстрого осуществления своих целей без поддержки Союза композиторов и писательской общественности. Поэтому в последние годы много времени посвящал общественным делам, общению с сослуживцами.

Звезда музыки

Натан Рахлин¹

Юбилей Салиха Сайдашева отмечается в эпоху, когда музыкальная культура ещё более выросла, когда наши оркестры, другие творческие коллективы обогатили музыкальную сокровищницу реалистическими произведениями в народном стиле. Поэтому ещё ярче кажется обаятельный образ Сайдашева, подарившего свои мелодии, через голосовую поэзию обогатившего настроение трудящихся верой в доброту и красоту.

Творческий источник мелодий Сайдашева начинается с родников народных песен, поэтому они близки, поэтому они дороги. Музыка Сайдашева волнует нас своей искренностью, человечностью и правдивостью.

Следует сказать и то, что Сайдашев не встаёт на путь простой обработки народных песен. Его музыка отли-

¹ **Натан Григорьевич Рахлин** (1905-1979). Дирижёр, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР. В 1920-1923 годах – трубач в Красной Армии. По окончании Киевской консерватории работал в Харькове и Куйбышеве, был инициатором создания симфонического оркестра в Донецке. В 1937 году возглавил вновь созданный в Киеве Государственный симфонический оркестр Украинской ССР, которым руководил до 1962 года. С 1966 года – художественный руководитель и главный дирижёр Симфонического оркестра Татарской АССР. Профессор Казанской консерватории. Награждён орденом Ленина, другими орденами, а также медалями.

Салих Сайдашев с друзьями. Слева Нургали Якупов, справа Халил Абжалилов, внизу Захит Зверев. 1929 год

чается характерными свойствами народной музыки, но в то же время она особенная. В том и состоит его талант: его музыка своим содержанием похожа на татарские мелодии, однако благодаря своему природному дару Сайдашев творит мелодии, озарённые светом его души. Патриотический талант Сайдашева, способность ощущать разнообразие народных цветовых гамм рожают образы, звучащие радостно, воспроизводящие татарские народные мотивы словно бы в лучах солнца.

Сайдашев – звезда, освещающая музыкальный горизонт Татарстана. Его творчество стало крепким фундаментом для современных татарских советских композиторов при создании произведений, способных звучать далеко за пределами Татарстана.

Сайдашев создаёт глубоко содержательные, интересные произведения, которые пробуждают стремление послушать их ещё раз. Сайдашев преобразил мысли и чувства любимого народа в прекрасную музыку, он всю свою жизнь пел о народе. Поэтому он так близок и дорог народу.

Рядом с Тукаем

Сибгат Хаким¹

Для меня музыка Сайдашева стоит рядом с музыкой Шопена и Баха. Я ездил в Германскую Демократическую Республику на празднование 60-летия Мусы Джалиля. Станные чувства в душе: если меня выпустили бы на поля Европы с завязанными глазами, я нашёл бы Польшу по мелодиям Шопена, Германию – по звучанию органа... А чтобы оказаться на своей земле, в Поволжье, мне было бы достаточно звучания марша Сайдашева... Этот марш я слышал под завывание вьюг на Калининградском фронте в годы Великой Отечественной войны.

Задушевная и жизнерадостная музыка, развивающая и возвышающая человека, дающая ему жизнь, устремляющая его ввысь...

Очень трудно писать стихи после Тукая. Трудно сочинять песни после «Тафтиляу». Так и после Сайдаша. В них – скромность татарского народа, его мужество, мелодичность, богатство и величие духа, они удивительно умело вобрали в себя думы народа, поэтому после них нелегко.

Нас спросили:

– Вы кто?

Не называя своих имён, мы сказали:

– Мы – Тукай. Мы – Такташ. Мы – Джалиль. Мы – Сайдаш.

В искусстве для обретения величия иногда достаточно одного произведения, одного «Шурале». Время от времени я говорю спасибо своему народу. Он на пути своей длинной истории оставлял неугасимые маяки, эти маяки горят, они горят, рассекая светом несколько веков вперёд.

Сайдаш светит рядом с великим Тукаем...

¹ **Сибгат Тагиевич Хакимов** (1911-1986). Татарский поэт, публицист, общественный деятель. Участник Великой Отечественной войны. Лауреат Государственной премии РСФСР имени Максима Горького, Государственной премии ТАССР имени Габдуллы Тукая. Награждён орденом Ленина, другими орденами, а также медалями.

От сердца к сердцу

Ренат Харисов¹

Бродил по улицам Казани среди нас
по первому серебряному снегу
души народа мелодичный глас,
на время воплотившись в человека.
Счастливицы, кто живым его застал,
я им завидую – я слишком поздно вырос,
но с детства душу счастьем наполнял
таинственный, голубоглазый голос.
Когда я становился к жизни глух,
и меркли краски, и слова сникали,
мелодии его, как верный друг,
меня от бед нахлынувших спасали.
Стал голосом народа и надеждой
Сайдаш – голубоглазый, светлоликий,
от сердца к сердцу он идёт, как прежде
по улицам – задумчиво и тихо...

Перевод Л. Григорьевой

¹ **Ренат Магсумович Харисов** (род. 1941). Татарский поэт, публицист, литературный критик, общественный деятель. Лауреат Государственной премии РТ имени Габдуллы Тукая, премии РТ имени Мусы Джалиля, премии Республики Башкортостан имени Фатыха Карима. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, заслуженный работник культуры Каракалпакии и Чувашской Республики.

«Забвение его не коснулось. Он уходил в светлом костюме...»

(беседа писателей о Салихе Сайдашеве)

Амирхан Еники¹ Рустем Кутуй²

*С*ынешняя зима не ошеломила вьюгами, не выцарапывала слёзы. Она была спокойна, бела, многоснежна. К полудню румянец слетал с девичьих щек. Изредка вилаь по сугробам зернистая позёмка, но робко, в сторонке, на рассыпчатых взгорках. Дышать без сырости было точно в новинку, глядеть на чистые снега – празднично, а жить в самом сердце ослепительного дня – великолепно. Не браниться, не гневаться, не поддаваться унынию и раздражению... Февраль утвердился морозами, март захрусталился.

Я испытываю почтение, особое расположение к достойной старости. Ведь стареть тоже надо соборно, без суеты, без паники. По образу зимы – стареть многоснежно. Так я говорю себе. Вот старик Хемингуэй занервничал и достал ружьё. Такой могучий, мужественный человек, а не одолел холода страха. А всего-то потерял возможность вспомнить. Жизнь стала ничтожной, без мостков и перил, без постоянных подвижек туда-сюда. Да, это серьёзно – обособление пространства, зажатость норы. Писателю без оживающих голосов жить тяжело, не передохнуть. А казалось бы, никаких резких перемен – ни тебе пасмурной нужды, ни вкрадчивой вражды. Но... Потянулась рука к спасению от неизбежного глухого одиночества, от умолкшего раз и навсегда прошлого, в котором ещё жить бы да жить, наслаждаясь «роскошью общения», а ею-то с

¹ **Амирхан Нигметзянович Еникеев** (1909-2000). Татарский писатель-прозаик, народный писатель РТ, лауреат Государственной премии РТ имени Габдуллы Тукая.

² **Рустем Аделевич Кутуй** (1936-2010). Писатель, заслуженный работник культуры РТ, лауреат Государственной премии РФ имени Максима Горького, литературной премии РТ имени Г.Р. Державина.

переизбытком одаривает память. Да, вот так: оглохло бывшее – и кончен выпестованный им сын. Короткая пауза – потом обвал.

Воспоминание убаживает не только скорбных и убогих. В нём, если разобратся, вся подпитка здоровья, крепость душевного самочувствия и иллюзия непрерываемости жизни – иллюзия возвращения к истоку, к руслу, к берегам. К ощущению пространства. Возвращение в немыслимую глубину времени. Страшно даже подумать, как моментально пролистывается жизнь.

Приблизительно так я размышлял, готовясь на мягких снегах к встрече с писателем Амирханом Еники – о феномене иллюзии, о мифах, о дымке горизонта впереди и позади, о юности, живущей не тщетой, а счастливой грезой, о голубоватом ледке на помрачневших окнах покинутого жилья. Оттуда нам «мерещилось», «чудилось», «предполагалось», «маячило». В один миг мы обманулись, решив жить только по реальности, а она-то в критический момент и подвела, – не взблеснула рыбой над помертвевшем заливом, не удивила рогами лося на изъезженной просеке, повергла в умопомрачение на безмятежной свалке вблизи железобетонного городка. Господи, прости детей своих, отказавшихся от зыбкости мечты, от преувеличений восхищённого разума и опустившихся до земных воздаяний из холодных рук!

Замысел жизни без романтических одежд неминуемо попадает на базарный прилавок или, по-современному, в кичливый ларёк. Горько, но так: без нимба нет лика. И как же успокаивает вроде бы случайное совпадение по настроению – осязаемая свежесть зимы и трогательно-умиротворённая старость несуетливого человека, тяготеющая к терпеливо-романтическому размышлению, – писателя Амирхана Еники.

Говорили мы о Салихе Сайдашеве в окружении памятных вещиц, драгоценных реликвий, взглядов с портретов. Было тепло, опрятно в таком сообществе за тесным письменным столом, где поместились, однако, и две чашечки кофе, и сахарница, и пепельница. За спиной Амирхана Еники висел на гвоздике курай в узорном чехле и две небольших миниатюры – прибалтийский берег и минарет Бахчисарая. Рядом на круглой медальке выпуклая арабская вязь из Корана. Ещё фотография интимного момента в мастерской старого живописца с обнажённой натурщицей, надевающей бархатную туфельку в соседстве с оживлённо беседующими художниками. А за окном живая серебрящаяся пыль снега. Всё это создавало атмосферу зимнего дня и тепла жилища.

Хорошее воспоминание подобно возвращению в обжитый покой дома после жёсткой дорожной плацкарты.

Я задавал вопросы и скорописью записывал ответы.

– Амирхан абый, есть такое выражение – «родной человек». Родным может быть только редкостное, сокровенное, от самого корня, от запаха земли. Как для вас в этом смысле Салих Сайдашев?

– Зрительно для меня Салих Сайдашев предстает прогуливающимся у театра на улице Горького. Замечательное место, без толчеи, всегда тихое. В прошед-

шие годы тем более. Дом его рядышком, во дворе, не отдельный, конечно. Сам он производил впечатление не очень домашнего человека, хотя и тёплого, и душевного, но как бы отрешённого, прислушивающегося. Вот стоит и прислушивается у ворот, возле театра, на углу. Так вижу. По соседству стадион, совершенно оригинальный по архитектуре дом Кекина – в нём знаменитая столовая, где всегда люди и всегда уединение от улицы. Всё недалеко – и сад, и консерватория, и музучилище, и площадь. Так было в его последние годы. Прогуливаться можно от души... В обыденном смысле «родной» для меня означает «родственный», а в более широком – тот, кто согревает чувство. Сайдашев – особый случай. Я его не могу назвать «родным». По работе мы не были связаны. У него свой круг, у меня – свой. Но есть личности, которые заставляют постоянно думать о себе. Такой магнетизм. Далеко не каждый обладает привлекательным притяжением. Тут скрыт глубокий смысл, предназначение, что ли. Мысль возвращается и возвращается к содержанию человека, хотя сам он далеко. Сложная штука. В разные периоды призывает к себе. Сайдаш обладает притягательностью. И по облику, и по поведению он был оригинальнейшим джентльменом, – негромкий, без резких поворотов, жестов. Одевался замечательно, аккуратно. Чувствовалось, что это для него важно. Может, он интуитивно соблюдал чистоплотность, по скромности средств, а всё равно было видно – одежда соответствует. И располагает, и укрывает. И говорил он тоже редко, с полуулыбкой, с мягкими паузами, не спешил, по пустякам не увлекался особенно, не путался. Многозначительная получалась речь. Нет, не речь – к нему не подходит – а беседа, будто прикрытая ладошкой. Речи он не говорил, душевный склад его к ним не был приспособлен. На трибуне я его не помню. Вот на своё 50-летие вышел всё же и сказал: «Спасибо!». Зато анекдоты рассказывал мастерски. Однажды втроем мы сидели в столовой – Наки Исанбет, Салих и я. Запомнилось почему-то. Салих мастерски рассказывал о своей жизни в Оренбурге в двадцатые годы. И так воодушевился! Сочно, красочно говорил. Как влюбилась в него одна богатая женщина. Ему, наверное, это льстило. Забавный эпизод, так сказать. Он ведь далёк был от донжуанства. Меня поразила яркость рассказа. Политики он не касался, избегал... Что же, «родное» – где душа оттаивает, преображается. Родное... Один крымский парень-тракторист так сказал: «Если бы вернулся в Крым, одной лопатой всю бы каменистую землю пухом сделал. Не истомился бы...». А сам там не жил, родился в Средней Азии. Вот что такое – родное, Родина! Почему Сайдашем восхищается народ? Свет идёт от его музыки, воодушевление. До него Габаши был так близок глубинам сердца. Но Салих первый профессиональный композитор. И по образу жизни, и по лику своему. Проникал до основ, «вскапывал» и «камень» делал пухом. Первенец, словом! Отсюда и – родник.

– А чем определяется народная любовь? Я бы так сказал или спросил: вот житель глубинки, не слишком просвещённый, произносит: «О-о-о, это я люблю! Вот тут оно, под сердцем!». А сцены, может, и не видел, имена артистов не запоминал. Музыку слушал только через радиоточку или

телевизор. Но «своё» бережно хранит, в него запало и сохранилось раз и навсегда впечатление. Не просто так оно возникло, запечатлелось.

– С точки зрения специалистов наследство Сайдашева можно разложить по полочкам: это – наиболее ценное, это – менее. Чем измеряется сила воздействия, скажу проще, восторг, слёзы? Нет такой меры. А впрочем, есть мера любви. Ясно, любовь-то и есть всё определяющее, когда – «Ах!». и ликование сердца. Народу из глубинки и через радиоточку всё понятно. Услышал – проникся доверием. На меня сильное впечатление произвёл похоронный марш Сайдашева. Называется он просто «Марш Сакая». Других похоронных маршей в татарской музыке я не знаю: может быть, есть, а, может, и нет. Но смерть Сакаева послужила толчком. Только толчком, чтобы всколыхнуть волны. А душа Салиха к нему была готова. Перед этим он пережил смерть жены, Валентины Фёдоровны Мухиной. Её он любил проникновенно. Оберегал, как умел. Без потерь не бывает счастливых моментов откровения. Потеря, может, и является осознанием утраченного света. Марш вылился моментально. Салих записал его на клочках бумаги где-то на лестничном подоконнике. Это не результат личной драмы, он о судьбе, о роке. Я бы сказал больше: о трагедии каждого человека, вековой трагедии – жизни и смерти, не о поверхностных потрясениях. Слёзы вытекают без позволения. Марш раздвигает между тем горизонт – кто я? зачем? что я? какое ожидание томит меня? в какую сторону идти? – эти вопросы настигают

1944 год

любого человека. Обескураживают. Кромешная тьма начинает пульсировать. Вполне достаточно один раз услышать – и запомнить навсегда. Не череду звуков, а вздымающуюся силу горя. Народ и услышал. Какая разница, через радиоточку или иным образом. К нему пришло скрытое выражение судьбы, в этом суть, концентрация боли, сгусток... Для меня ближе музыка страдания, грусти. Я могу назвать «Халису», «К народу» на стихи Мусы Джалиля. И ещё один мотив, покоряющий сердце, к пьесе Фаткуллина «Глаза» – «Прощай, деревня!», послевоенная, печальная. Судьбу прочесть редко кому удаётся, почуять – да. Но осветить по силам лишь большому музыканту.

– Меняется город – меняются люди. Скажу расширительнее, меняется среда. Но ведь что-то же постоянно, нечто остающееся неизменным не один десяток лет, а то и все сто. Как вы понимаете это «нечто»?

– Это «нечто» – характер, убежденность в правоте. Следование по верёвочке к цели, когда лавины вот-вот могут стронуться и покрыть собой путника. На конкретной судьбе подобное чётко прослеживается. Меняются события, идеологии, догмы, обозначаются непредвиденные повороты, а человек всё-таки в крепкой основе остаётся при своей правде. Конечно, лишь избранные не утрачивают цельности: Тукай, Исхаки. Выражусь поточнее – не изменяют своему внутреннему миру, не хамелеонствуют. Было множество течений, однако убеждения модными быть не могут. Главные постулаты остаются нетронутыми. Наша жизнь ой какие выкидывала фортели – и штормило, и зашкаливало, и страхом знобило. Я, скажем, большевизм не воспринимал. Стоял особняком. Салих, думаю, тоже. Он как огня боялся лицемерия, ханжества, чванства. Я вот сильно обрадовался перестройке, потому что внутренним зрением ждал, видел необходимость переустройства. Когда-то потерянное вернулось! Наконец-то! Свобода совести, свобода мысли, раскрепощение. Это всегда было мечтой, желанием души. А сейчас – разочарование: «заболтали, обворовали, облапошили!». Но «нечто» остаётся неизменным, ожидающим своего часа – и нельзя его истребить. Фикция слишком налицо, я чувствую. Однако живу, как прежний человек, в неизменном, в своей скорлупе, охраняя драгоценное. Чему радовался – улетучивается. Значит, остаётся свобода совести, свобода мысли. Критерий здесь – совесть. Я размышлял обо всём этом: Сайдаш был непреклонен, шкуры не менял. Хрупкость обернулась силой. «Нечто» победило, выстояло. Иначе не могло и быть.

– Амирхан абый, вот несколько каверзных вопросов. Ложный авторитет, подмена истинного... Примеров тому много. Да, «ветры возвращаются на круги своя», торжествует истинное, естественное, «рукописи не горят, не тонут» – из этого же ряда. Казалось бы, художника можно дискредитировать, умалить, замолчать, уничтожить, наконец. Но по неумолимому закону время восстанавливает справедливость. Всегда ли? Не слишком ли дорогая плата за простейшее временное забвение – жизнь творца? Бесценная жизнь.

– Будет кстати вспомнить маленький эпизод. Вышла газета, где опубликован целый список награждённых. Обычная история в то время. Кто-то из знакомых Сайдашева просматривает список. «А тебя здесь нет! – говорит. – Имени нет! А, Салих?». «Как меня здесь нет? Вот же я. И имя моё ты только что назвал! – удивляется Салих. – У меня всегда было имя!». А глаза печальные-печальные. Не потому, понятное дело, что не наградили. А потому, что «забывают» при каждом разе, отодвигают умышленно, подчёркнуто. Сам слышал, как один работник обкома говорил: «Мы сами создаём авторитеты, сами по желанию можем и разрушить. Всё можем!». Вот так! Власть добралась до имени: хотят – пишут золотом, хотят – чёрным замазывают. Да имя топорщится, отказывается подчиняться... Имя не стёрлось, не потерялось обыкновенной побрякушкой. Оно прикрыто музыкой. И народ его сохранит в чистоте, можно не сомневаться. Сколько перестрадал композитор, один Бог знает. Это всё отошло в сторону, осталось имя. У Гоголя есть признание: «Моё имя будет счастливее меня». Разве от сладких песнопений появляются такие слова. Имя Тукая тоже стало счастливее. Салих мог бы повторить слова Гоголя. Но мне бы не хотелось всё сводить к трагедии. Страдание проживают, вбирают его каждой клеткой, а не рассуждают о нём. Как подумать, и в нём есть успокоение, освобождение от мишуры, преодоление искушения. Жиганов был в этом смысле удачливее. Но творческую судьбу определяет другое – не грамоты, не звания, не награды. Дело не одного поколения – хулить ли, восхищаться ли. В конечном итоге выигрывает подлинная музыка. У Тургенева есть воспоминание о Некрасове. Они были чужды друг другу. Тургенев отошёл от журнала «Современник». Ну, казалось бы, полный, бескомпромиссный разрыв. И вдруг он узнает, что Некрасов смертельно болен, и идёт к нему, забыв о недоброжелательстве. «Смерть нас примирила», – писал потом Тургенев. Что тут добавишь? Мелкое сходит, как неприглядный снег ручьями. Сайдашева и Жиганова смерть не то чтобы примирила, но обособила – это точно.

– Да. Что же всё-таки остаётся после ухода художника? Ведь не только главное – творческое наследие, которое, между прочим, тоже надо суметь сохранить, но ещё остаётся как бы физическое присутствие – вещи, окружавшие его. Они нам тоже кое-что сообщают. Свидетели жизни уходят, а вещи, хоть и ветшают, но продлевают мгновения.

– Не знаю, не знаю, вопрос тонкий. Атмосферу создают и вещи, и речь. Жаль, спохватываемся поздно. Почти ничего не сохранилось от Тукая, мало от Джагилия, Сайдаша. Кое-что, кое-что... Об этом говорить лучше с музейными работниками. У них, наверное, наболело. И о живых-то плохо заботимся, а уйдут – сокрушаемся: «Опоздали! Представить нечем!». Я о другом; замечательные старики были и есть. Беру просто Время, не отдельный отрезок. Как сохранить память? Надо же при жизни об этом думать. Чиновников полно, а любящих душ маловато. И тают свидетельства, тают. Живое слово гложет в немоте, рукописи растаскиваются. Оглянулись, а где был творец – пусто. Ведь всё равно придётся собирать камни. Почему же равнодушно озираемся? Музей – место, откуда только что ушёл хозяин, и звуки слы-

Салих Сайдашев. 1950 год

шатся будто: шаги, шорохи. Так должно быть. Репинские пенаты, Дом Пушкина на Мойке... Но потрясла меня Ясная Поляна. Ну, остановился я у обыкновенного кожаного дивана. Большой, вместительный. Я подумал: на этом диване он родился! Если бы Лев Николаевич болел дома, то и умер бы на нём. Такая вдруг житейская, неожиданная мысль. Удивил меня не диван, а сама мысль о нём. Когда же видишь могилу в Ясной Поляне, возникает очень возвышенное, согретое дыханием чувство. Холм земли, ничего лишнего, инородного. Мы вчетвером были – жена Джалиля Амина, Роберт Бикмухаметов, Ахмет Файзи и я. Слава Богу, экскурсовод не помешал. Внимание сосредоточилось. Природа лучший хранитель. Я взял несколько щепоток земли и привёз на могилу Тукая... Музей – не фантазия, а действительность. Её бы при жизни не портить. Вот и Салих Сайдашев удостоился музея. Самый молодой музей в Казани. И хорошо. А хозяин давно удалился...

– Давайте, Амирхан абый, поговорим о проживаемой жизни и воображаемой. Присутствие Сайдашева – это не только встречи с ним, казалось бы, ничего не значащие разговоры о сиюминутном... но дух... другое дело, так? Надо ли беречь художника, творца? Не о тепличных условиях речь, а о внимании, признательности, которых чаще он лишён. Или пусть мыкается, преодолевает в одиночку нужду и отрешённость? Словом, художник – мытарь, художник – баловень: что предпочтительнее? Образ Салиха Сайдашева витает и в наших буднях.

– Салих Сайдашев был во всех отношениях красивым, обаятельным человеком. Но я бы отметил и частность – затаённым был. Что-то оставалось за кадром или за зеркалом. Вообще, художественная натура – тайна. Нельзя рассчитывать на полное взаимопонимание. Кажущееся и действительное соседствуют. Говорят ведь: «человек с подтекстом», «с двойным дном» или «себе на уме». Затаённость – другого рода. То есть – в человеке остаётся неразгаданным главное побуждение. Скажем, он общителен, откровенен в жесте, так думается, «весь на виду». Но в то же время за спиной его лежит глубокая тень. Подчас это не замечается. Мы спешим, мыслим прямолинейно. В наше время... да, пожалуй, и в другие времена (сейчас мы воспринимаем обострённо) художник поставлен в рискованное положение. И прежде он зависел от себя, теперь – обречён на действие, другими словами, на подёнщину. Без зарплаты не выживешь. Издать книгу, ноты почти невозможно. Не до флоберовских замков из слоновой кости. Эстетизм не накормит. Кто действует – получает: сомнительный для творчества закон. Но такая реальность, причём жёсткая. На блюде не преподнесут. Салих Сайдашев в подобной ситуации ощутил бы себя бесприютно. Тогда, после войны особенно, тоже было тяжело. В цене были звания. А Салих от власти имущих не привык что-либо брать. Лучше как-нибудь перебиться, перетерпеть, но жить в согласии со своим «я», по-солженицынски – жить не по лжи. Обратное тошно, угрызения совести покоя не дадут. Его друг Шакир Шамильский тоже таким несговорчивым был. Он когда-то оказался в тылу белых – и ему, как говорится, зачлось, ярлык приклеился. До смертного часа остался заслуженным артистом республики. Для Салиха спасительным, благоприятным было народное признание. Он знал себе цену. Есть удовлетворение выше наградного – улыбка, сочувствие. Рядом рояль, крыша над головой, очаг, словом – жить можно, и для радости найдётся место. Несмотря ни на что выглядел он артистично. Другого во что ни обряди, а вахлак всё одно проглядывает. А Салих держался стойко. Общение и заменило ему прочие блага... Наверное, был ленив. Режиссёр Валеев-Сулва его даже на ключ запирали, чтобы музыка к спектаклю не опоздала. И Сара Садыкова говорила, как они вместе трудились. Он «заронит» мелодию, а ей заканчивать. Творческие потёмки не сплошной мрак. «Низкого» в Сайдашеве не было. Больше разговоров о вине. Беспутным его не назовёшь. Человек определённого пути, так бы я сказал о нём. Ровно шёл, не спотыкался. Образно говоря: джентльмен при шляпе и бабочке. Есть люди, которые пьют глухо, в одиночку. Салих не укрывался, не залезал в скорлупу, роскошно тратил время на добрую беседу. Бескорыстен был по-царски. [...] Я вот о чём, почему люди смакуют дурное о хороших, даже любимых ими артистах, поэтах. Находят утешение в чужих несчастьях? Вероятно, чтобы своей жизни не стыдиться? Странные дела. Есть моменты определяющие, высвечивающие, схватывающие суть, как жаркий луч прожектора. Мне рассказывал тогдашний прокурор Давлеткильдеев об одном на первый взгляд мало значащем эпизоде. Я так и представил, так и увидел почти немую картину. Хоронили Зайни Султанова. Был на-

род, вереница машин. Потом стали расходиться. Салих Сайдашев кого-то ждал у ворот кладбища. Мимо него скользили машины начальства. Он вежливо кивал вслед, но его вроде и не замечали. Чего-то он ждал. Я выделил для себя одинокую, чего-то ожидавшую фигуру. На композитора обращали внимание, не больше. Неожиданно к Салиху подошёл Давлеткильдеев: «Салих, что ты тут стоишь один? Пойдём, вон машина – сядем поедem». Салих послушно направился к машине. А когда тронулись, вдруг закрыл лицо руками и глухо зарыдал: «Какой позор! Какой позор!». Повторял и повторял. Что он имел в виду? Что его мучило?.. Творческая личность страшится одиночества, обмана, униженности. Вот о чём помнить надо. Высокая личность чаще терпит бедствие.

– Я согласен с вами, Амирхан абый, гнев ничего не значит в искусстве. Так я думаю. Может ли быть иная точка зрения? Что оплодотворяет художника, а что и отвращает? Мне кажется, Сайдашев никому и ничему не завидовал: просто был добр и неприхотлив в своей чистоплотности. На чей-то вопрос: «Как жизнь?», – он ответил: «Дерево растёт. Там. Внутри». Тяжёлые слова... Любовь, смерть – они обычно одеты дымкой. Какая здесь сокрыта тайна? А вдруг – трагедия? Всё ли мы знаем о композиторе, да и надо ли знать? На обывательском уровне всё опошляется, мельчится, а легенда не терпит «низкого», она – возвышенна. По-пушкински: «Прекрасное должно быть величавым». Любознательность и любопытство близки.

– Да, верно. Уязвимость, ранимость – удел не из лёгких. Потому, что человек обладает моментальной реакцией. Художественная натура мыслит картинками, звуками. Временами на неё обрушивается целый ряд непредсказуемых ассоциаций. Воображение властвует над художником при своём кодексе чести. Помоему, Сайдашев обходился без гнева, без зависти. Но – отчуждался. О какой-то мести, злословии вообще не могло быть и речи. Кому мстить композитору, если он склонен винить себя сам во всечеловеческих прегрешениях. Удивительная черта – чувство вины за несовершенство мира. Отчуждение – не гнев, а поиск укрытия. Я от Салиха не слышал жалоб на Жиганова, а люди говорили, что тот относился к Салиху отрицательно, не поддерживал в трудные моменты, мягко выражаясь. Сайдашев в ответ молчал, даже больше – был безучастен к различным толкам о зависти к популярности, в сущности, собрата. Я осторожно отношусь к формуле «Моцарт – Сальери». Даже касательно Моцарта это – тяжёлое обвинение, непоправимое... Конечно, возникали нелепые перевёртыши. Джаудат Файзи с трибуны пленума композиторов заявлял: «Сайдашев – пройденный этап!». Салих сидел в зале. Каково? И ведь не закулисная интрига, а откровенное шельмование. Следом за Файзи ринулся на защиту Фатих Мусагитов, критик. Он прямо сказал: «Сайдашев – большое будущее!». Друзья – враги в ту пору перебегали из одного лагеря в другой. Неблагодарное занятие, да и тщетное. Но зато были и отличались среди этой возни неизменные друзья. Собирались у музыканта Исмагила Мусина, кураиста. Он тогда часто выступал

по радио, хотя и не относился к профессионалам. У него и сходились в узком кругу – Александр Ключарёв, Загит Хабибуллин, Салих. Там было тепло, без подвоха в будущем. Они-то не любили «держат тальянку» перед вышестоящими. Почтение подлинному – да, подыгрывать кому-то – категоричное нет. Художнику есть чего остерегаться: двуличия, несовпадения с высоким замыслом, сомнительных соблазнов. Да мало ли препятствий на пути...

Перед глазами стоит последняя встреча с Салихом. Как её описать? Он прохаживался у ворот ближе к полудню. Сотрудница театра Замира как раз направлялась ко мне (я переводил для постановки пьесу). Салих присоединился к ней. Втроём мы и посидели у меня. Зачем-то его потянуло ко мне. Он уезжал в Москву на обследование. На короткое время уезжал, а, как оказалось, навсегда. Вероятно, он чувствовал это, внутренне был собран, печален. Да, он постоянно был на людях, его обступали, зазывали: «Иди к нам за столик!». А я в тот замечательный солнечный день вдруг увидел, и помимо меня непроизвольно произошло: «Боже мой! Да ведь он одинок!». Когда я смотрел ему вслед, так произошло. Он уходил в светлом костюме, налегке. Предчувствие мудрее нас... Всё было необычно – и чистый облик Салиха, и сама непреднамеренность встречи, случайность визита в тихий ясный день. Были ведь люди ему более близкие – артисты, композиторы, а он направился ко мне. До сих пор я в недоумении: пришёл попрощаться? Где-то, втайне от меня, тогда возникло такое ощущение, как слабый звоночек прозвенел, но потерялось, смолкло на время. Забыть его невозможно, пришла мысль, вот кого не коснётся забвение. Именно от большого света родилась такая мысль, совсем не грустная, а наоборот – приподнятая. А он всё уходил, уходил... Если бы не было любви, не было бы и переживания.

Вместо послесловия

Странное я испытываю ощущение после прочтения записанной беседы. Устная затруднённая речь стала чистым письмом и... в некотором роде искажением. Вспомнилось тютчевское: мысль изречённая есть ложь. Мало того: беседа состояла из пауз, жестов, мимики, была окрашена эмоциями, а на листе бумаги живое слово предстало организованным, обрело знаковость. Писалось, лепилось не художественное произведение, не вымысел, а из разговора проявлялся характер композитора, выкристаллизовывалась драма художника в деталях бытийности, выражалось сочувствие, торжествовала правда любви. Запись преобразовалась в текст, вобравший в себя – вольно или невольно – отношение вопрошающего и отвечающего, причём высказанный приемлемо благозвучно, уже говорится без пауз, без словесной сумятицы, потому что беседа – не лаконичное интервью, а расширенное размышление... Посему я несколько авторизовал повествование писателя Амирхана Еники. Как мне показалось, в интересах читательского восприятия сложного образа Салиха Сайдашева.

Мера счастья

Амирхан Еники

Был ли Салих Сайдашев счастливым человеком?.. Время от времени этот вопрос приходит мне в голову. Знаю, звучит странно... Но Салих Сайдашев был личностью неординарной, а потому то и дело заставляет о себе думать. Это свойство больших талантов – воспоминания о них каждый раз тянут за собой цепочку разных мыслей.

Взявшись написать заметку о Сайдаше, я подумал: мы по праву называем его первым композитором, заложившим основы татарского музыкального искусства. Но для того, чтобы родился этот наш первый композитор, понадобились три революции – он явился на свет лишь после Октябрьской. Но почему так поздно? Почему не раньше? Почему, например, наше музыкальное искусство не получило развитие ещё в XIX веке?

Европейская музыка насчитывает уже несколько столетий. Она подарила немало великих композиторов, благодаря ей во всех больших европейских городах с триумфом работали оперные театры. В России музыкальное искусство с невероятной скоростью и мощью начало развиваться в XIX веке, возникла «Могучая кучка», наконец, явился Чайковский. А у нас – тягостная тишина, у нас пока ничего...

Между тем, татары жили в центре России, на одной земле с русским народом, на пересечении великих торговых путей. Мы жили в тесном общении с другими народами. К тому же, татарский народ издавна любил песню, музыку. Ни дня татары не жили без песен, они сочиняли музыку, играли на кубызе и курае... И всё же истинное музыкальное искусство мы смогли создать лишь после Октябрьской революции. В чём причина отставания? Иногда это пытаются объяснить давлением религии, сдерживающими рамками канонов ислама. Запреты, конечно, имели место, но дело было не только в этом. Главная, истинная причина – национальная политика русского самодержавия. В результате многовекового притеснения поступательное развитие татарского народа было

Салих Сайдашев и Файзулла Туишев. 1927 год

остановлено. Впрочем, что толку сетовать – как говорится, лучше поздно, чем никогда...

Таким образом, наш будущий первый композитор появился на свет лишь в начале XX века. Какие бы таланты ни рождались до него – мы о них не знаем, потому что времена были не те, и все дороги для них были закрыты. Но в начале XX века всё изменилось. Над Россией пронесли могучие ветры революции Пятого года. Словно после целебного дождя на арену выходят Тукай, Гафури, Камал, Амирхан, Кариев, Галимджан Ибрагимов и другие. Рождается новая литература, пресса, театр. Татарский мир за короткое время переживает небывалое оживление и подъём.

Детство и отрочество будущего композитора как раз и пришлось на эти годы возрождения. Салих остался сиротой, но попал в добрые руки своей

старшей сестры и её мужа – весьма просвещённого человека. Музыкальные способности мальчика открылись довольно рано. Лет в десять-одиннадцать он самостоятельно научился играть на маленькой гармонии. Загидулла Яруллин – известный в те годы музыкант, заметив одарённость мальчика, начал обучать его игре на рояле. Вскоре игру Салиха услышал Тукай – тогда уже больной. Это событие стало важным фактом в биографии Сайдаша.

Как музыкант Салих рос очень стремительно. В пятнадцать лет он начал выступать пианистом в маленьком оркестре труппы «Сайяр», а через пару лет уже сам руководил этим оркестром. В то же время он старался повышать своё музыкальное образование и начал брать уроки у признанных казанских музыковедов.

В период между двумя революциями, разумеется, наблюдалось оживление и в татарской музыкальной жизни. Музыка и песня с камерных вечеров в медресе перебралась на ярко освещённые театральные сцены. На арене появляются такие певцы, как Камиль Мутыги, Фаттах Латыпов, Фатима Гумерова, Газиз Альмухамметов, искусные музыканты Загидулла Яруллин, Гали Зайпин, Файзулла Туишев, Исмагил Илялов. Начинаются гастроли артистов по городам с концертами. Можно сказать, что эти люди делали первые шаги от самодеятельности к профессиональному искусству, но настоящего музыкального искусства

в истинном смысле слова ещё не было. Для этого нашей музыкальной культуре следовало подняться ещё на несколько ступеней... Необходимые условия для развития татарского музыкального искусства, а также новая энергия, новые творческие силы пришли вместе с Октябрьской революцией.

С чего же начинается музыкальное искусство? Если не ошибаюсь, то с творчества в различных жанрах музыки. А жанров у неё много, и кто-то должен их все знать и уметь сесть и написать музыку, словно стихи. Разумеется, это должен быть человек, одарённый талантом от природы... Наше музыкальное искусство как раз и начинается с такого исключительно талантливом от природы человека, как Салих Сайдашев. Именно он начал писать в различных музыкальных жанрах, с его именем в нашу музыку пришли марш, симфония, увертюра, ария, сюита... Правда, и до него были те, кто сочинял музыку – можно вспомнить того же Загидуллу Яруллина или Султана Габаши... Однако мы по праву называем Салиха Сайдашева первым татарским профессиональным композитором (профессиональным – значит сделавшим сочинение музыки основным своим занятием). Увлечение музыкой в раннем детстве рано или поздно должно было сделать его композитором. В конечном счёте, его судьбу определили природой данный талант и потребности эпохи...

Быть первым – само по себе большая честь. Однако роль Салиха Сайдашева в татарской музыке, разумеется, не ограничивается только этим. Речь, в первую очередь, должна идти о силе, особенностях и влиянии таланта Сайдаша на всё татарское музыкальное искусство и, наконец, о том глубоком следе, который он оставил в музыке.

Как известно, некоторые свои музыкальные произведения он написал ещё в Оренбурге. Однако он переехал туда из Казани, Казань помнила его как музыканта, и в 1923 году Сайдаш получил специальное приглашение в татарский государственный театр. По сути, именно с этого года и началось настоящее творчество композитора. Он пишет музыку почти ко всем спектаклям, идущим на сцене театра, каждый вечер занавес в театре открывается под его музыку... Его слава росла с огромной скоростью – в конце двадцатых годов имя Салиха Сайдашева уже не сходило с уст. Мы, молодёжь тех лет, хорошо помним это... В чём же был секрет его головокружительного успеха? Может, в самом слове «композитор»? Сочинитель музыки и песен был тогда для нас явлением необычным. Правда, народные песни тоже кто-то когда-то сочинил, но, к сожалению, сочинил и – был забыт. А здесь сочинитель – вот он – стоит перед оркестром и плавно помахивает дирижёрской палочкой...

...Мы сидим в зале и слушаем увертюру и арии композитора Салиха Сайдашева, написанные к «Наёмщику», «Тахиру и Зухре» или к «Голубой шали». Всё это удивительно ново для нас. Но почему-то и очень близко душе. Кажется даже, что народные мотивы обогатились новым звучанием, зазвучали ещё сильнее, полнокровнее и полнозвучнее. Наверное, потому и не было человека, который бы не был очарован его музыкой. И в самом деле – многие считают, что

музыка Сайдаша была народной уже при самом своём рождении. Да, народной, но в то же время она была поистине сайдашевой, и никогда не потеряет имя своего хозяина.

Народность мелодий для Сайдаша очень естественна, потому что он с детства рос, слыша татарские песни и мотивы. К тому же на протяжении нескольких лет он играл народные мелодии в оркестре «Сайяр». И не надо забывать ещё одну вещь, очень важную для его композиторского творчества: Сайдаш был городским по происхождению, он вырос среди представителей передовой татарской интеллигенции того времени, был пропитан городской культурой, в какой-то мере был знаком с богатой мировой музыкальной культурой – как известно из его биографии, он любил играть произведения Шопена, Чайковского. Разумеется, всё это должно было способствовать развитию, совершенствованию и обогащению природной народности его творчества.

В каждом произведении искусства прежде всего отражается сам автор, его духовный мир – эта истина известна давно. Те, кто видел Салиха Сайдашева, знают: он был очень красивым, изящным и аккуратным человеком. И его музыка тоже очень светлая, изящная... и в то же время возвышенно-страстная. Впрочем, в некоторых его песнях открыто звучала и грустная задумчивость, которая накатывает порой на сердце при виде вечерней зари (например, в песнях «Прощай, деревня» и «Халиса»). Особенно глубокой печальной мелодикой отличается его последнее произведение – «Мои песни», написанное на стихи Мусы Джалиля. Я бы назвал его лебединой песней.

...И снова на ум невольно приходит тот самый вопрос: а был ли счастлив Сайдаш? Впрочем, я знаю, что многие удивятся: «А как же, конечно! Он был самым любимым композитором татар, всю жизнь был осеён славой, что ещё нужно для счастья?!». Разумеется, всё это так. Но счастье – вещь очень индивидуальная. Каждый понимает и ощущает его по-своему. Понятие счастья вообще невозможно рассматривать отдельно от конкретного человека. В то же время наличие или отсутствие счастья зависит не только от самой личности – а вот здесь и есть главная тайна!

Мы знаем: Салих Сайдашев – человек, переживший и в частной, и в творческой жизни определённые потери. Известно, что его композиторское творчество в основном было связано с театром – большая часть написанного им создавалась для спектаклей. Пьесы Карима Тинчурина занимают особое место в творчестве Сайдаша. Это была настоящая творческая дружба, полезная для обоих, и она продолжалась довольно долго. В то же время говорят, что Карим Тинчурин – более старший по возрасту и опытный – оказал на Сайдаша очень положительное влияние и многому научил.

Сайдаш также много писал к пьесам Фатхи Бурнаша. Плодами этого творческого содружества стали популярные песни «Нафиса», «Бибисара», удивительная сюита «Восточный балет»... Но, что поделаешь, обстоятельства развели Сайдаша с ними обоими. Так ли бесследными остались в жизни Сайдаша эти

две потери?.. Если мы представим себе тридцатилетнее творчество композитора, то большая часть написанного им придётся на первое десятилетие. С середины тридцатых годов его творческая активность заметно снизилась. Правда, он не перестал сочинять, писал музыку ко многим пьесам, особенно к произведениям Тази Гиззата, а также отдельные песни, марши, и, к слову сказать, среди них немало того, что может считаться настоящим шедевром. Но всё-таки большая и самая лучшая часть написанного Сайдашевым относится к первому десятилетию его творчества, то есть к тому периоду, когда он работал бок о бок с Каримом Тинчуриным и Фатхи Бурнашем. Действительно, это была поистине счастливая эпоха, сделавшая его Сайдашевым. Знал ли об этом сам композитор? Разумеется, знал и тяжело переживал потерю. Разве может остаться бесследным для композитора разрыв творческих связей?!

Также не являются для нас секретом травмы, которые пережил Сайдаш в личной жизни. Я не хочу здесь касаться их, однако не могу не упомянуть об одной из них. В 1925 году Салих женился на девушке по имени Валентина. Она была красивой, обаятельной, очень любила музыку и – самое главное – хорошо понимала, кто такой Сайдашев. Однако, к несчастью, через год Валентина Фёдоровна скончалась при родах. Её смерть Салих переживал очень тяжело. После такого события человек оправляется не скоро, если оправляется вообще.

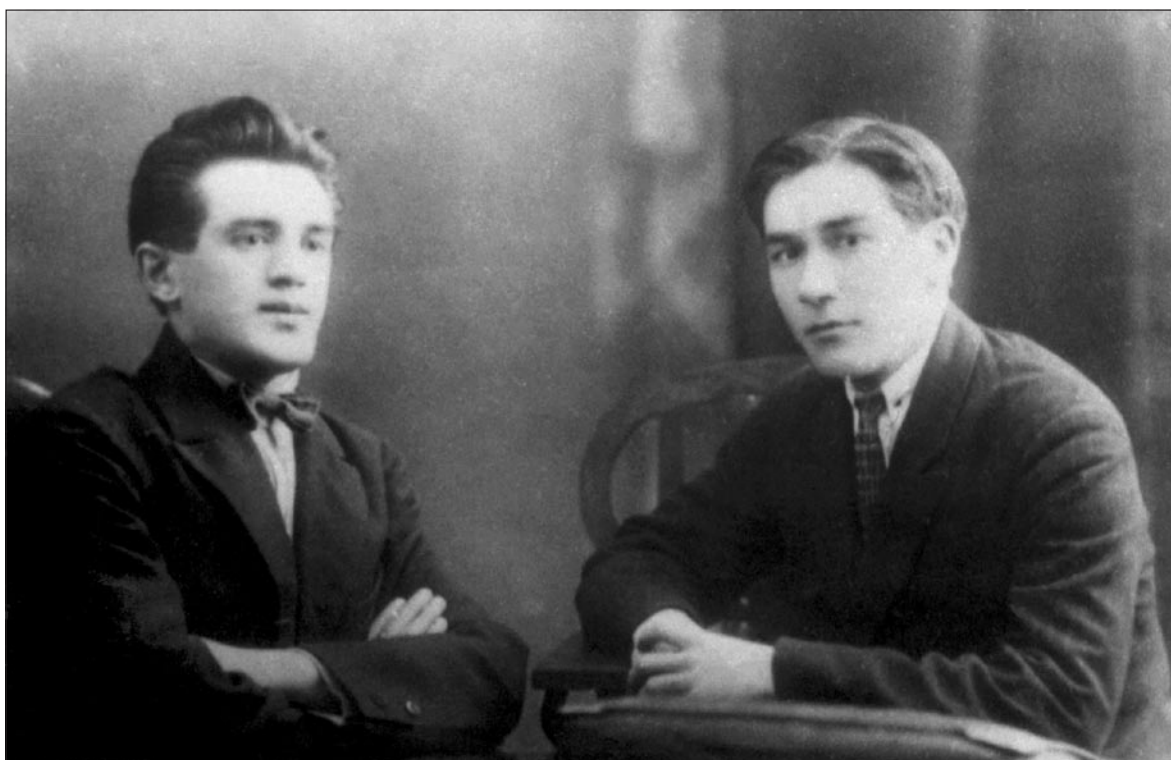

В кругу народных музыкантов. Первый ряд (слева направо): скрипач М. Яушев, певец Г. Альмухаметов, гармонист-виртуоз Ф. Туишев, композитор С. Сайдашев, скрипач М. Юсупов. Второй ряд: скрипач Г. Биккенин, скрипач Х. Ахматуллин, мандолинист-виртуоз И. Илялов, пианист И. Гумеров, композитор С. Габаши, гармонист Г. Сафиуллин

...Вскоре, в феврале 1927 года, также неожиданно скончался артист Нури Сакаев. После смерти Кариева это была серьёзная утрата для татарского театра. Присев на лестнице театра, Салих Сайдашев на листочке бумаги написал свой прославленный «Марш Сакая». Это был первый и единственный траурный марш в татарской музыке! Воздействие этой удивительной музыки на слушателя невозможно описать словами. В этом марше, на мой взгляд, звучат и бесконечное горе, и тягостные раздумья, и какое-то мучительное и яростное сопротивление смерти! Но вот в чём секрет: как свидетельствовал журналист Исмагил Усманов, близко знавший Сайдаша в те годы, марш, хотя и был посвящён Нури Сакаеву, родился из того неизбывного горя, которое жило в сердце композитора после смерти жены.

Исмагил Усманов рассказывал, что своими глазами видел, как плакал Сайдаш, когда писал марш. Очень может быть... Наверное, в сердце композитора соединились два горя – может быть, отсюда такая потрясающая сила воздействия, исходящая от этого произведения...

Всё проходит – проходит, оставляя шрамы. Композитор постепенно отдавался другим чувствам, другим мечтам и желаниям. Эти чувства и желания, конечно, отражались в его музыке, одно за другим рождались новые произведения – в том числе, такие энергичные и героические, как «Песня беглецов», «Неугасимые огни», «Марш Красной Армии»... В памяти сохранились слова Фатиха Карима: «Когда слушаешь марш Сайдаша, словно видишь мерно колышущиеся

Салих Сайдашев и Исмагил Усманов. 1927 год

стройные ряды тысяч штыков». В этот период Сайдаш много писал. Часто, указывая на свои уши, он говорил, что в них постоянно звучит музыка... Да, невозможно не восхищаться талантом, который бил ключом, словно чистый родник. Вероятно, именно в эти годы Салих и чувствовал себя по-настоящему счастливым. Ведь у него было всё – имя, слава, почёт, близкие друзья, женитьба (во второй раз) на молодой красивой девушке...

Но, несмотря на это, мы наблюдаем, что его творческий родник, не теряя чистоты и свежести, всё же понемногу слабел. Особенно ближе к концу жизни. В чём причина? Мы уже говорили о потере некоторых творческих связей, но только ли в этом дело? Разумеется, нет – ведь с тех пор уже прошло много времени. А причины эти могли быть разные – и личные, и те, которые зависели от других людей. Последнее

особенно важно. Речь идёт, в первую очередь, об отношении в обществе к Сайдашеву. Всегда ли это отношение было справедливым? Ещё при его жизни современники немало говорили об этом. Надо сразу оговориться: искренняя любовь и большое уважение народа к Сайдашу никогда не менялись. Народ любил Сайдаша, любит и будет любить – это бесспорно. Однако в среде, близкой к Сайдашеву, отношение к нему было не столь однозначным. Иначе говоря, некоторые пытались принизить то место, которое композитор занимал в музыке, лишая его творчество адекватной оценки. Думаю, всё это не могло не влиять на настроение Сайдаша и на его творчество. Тенденциозное отношение иногда наносит сердцу глубокие раны – это хорошо знают те, кто испытал...

Хочу вспомнить один эпизод, о котором я узнал от одного поэта. Однажды в газете был опубликован список награждённых по какому-то случаю деятелей искусства. Так вот, поэт шёл по улице и просматривал эту газету. Навстречу ему попался Сайдаш. Они остановились, поздоровались. Поэт, ткнув в газету, сказал: вот, мол, почему-то здесь нет твоего имени... На что Сайдашев спокойно ответил: «Почему нет имени, у меня есть имя Салиха Сайдашева!».

Хороший ответ! Сайдаш знал себе цену. Но вот парадокс: к этому своему чрезвычайно популярному имени и большой славе у него было исключительно легкомысленное отношение! Он мог общаться с кем попало, сидеть со случайны-

Салих Сайдашев

ми знакомыми за одним столом, рассказывать анекдоты, смеяться и смешить, нисколько не думая о том, что может уронить своё достоинство. Даже если у него были тягостные мысли, он их прятал глубоко внутри, очень глубоко... Возникает естественный вопрос: почему Сайдаш так себя вёл? Это свойство его характера или тому есть другие объяснения? Здесь я вынужден снова вернуться к тому самому вопросу о счастье... Наверное, и сам Сайдаш задумывался о счастье. Но смею предположить, что он видел в счастье не его привычную сторону, а другую – более великую и важную. В жизни личное счастье может быть, а может и не быть, во всяком случае, такое счастье уходит из жизни вместе с самим человеком. Но, оказывается, бывает счастье, которое остаётся после смерти человека или даже приходит после неё. Кому же выпадает такое счастье? Не буду говорить здесь о великих талантах и великих деятелях – эта истина известная... Самое важное – чтобы твоё имя и дело переходили из поколения в поколение и хранились в душе и памяти народа. Вон оно, бессмертное счастье. Это счастье, выпавшее на долю Тукая!

Думаю, что Сайдаш догадывался, что судьба и ему готовила такое счастье. И это неудивительно – ещё при жизни он завоевал глубокую любовь народа. Возможно, поэтому Сайдаш никогда не гнался за славой и никогда за неё не трясся. Слава сама пришла к нему.

Но знали ли об этом мы, его современники?.. Недавно я нашёл в бумагах одну свою заметку на двух страницах. Она была написана в день, когда хоронили Сайдашева. Вот её начало: «Мы потеряли Салиха Сайдаша. Тяжёлая, очень тяжёлая потеря для нас, но одна истина греет душу – Сайдаш прошёл по жизни счастливым человеком...». Удивительно, как я посмел назвать счастливым человека, так рано и безвременно ушедшего из жизни?! Разумеется, это было написано под впечатлением того мощного потока людей, вышедших на улицы города, чтобы проводить Сайдаша...

А в конце я написал: «Пройдут годы. Из народа будут выходить новые и новые таланты, может быть, родятся и музыкальные гении. Но никогда и никто не сможет затмить имя Сайдаша. Он всегда будет сиять на небосклоне нашего искусства самой первой и близкой к земле неповторимой звездой. Его музыка будет жить, вместе с музыкой будет жить и он, и его имя, безусловно, будет более счастливым, чем он сам».

С тех пор, как были написаны эти слова, прошло четверть века. Может быть, они теперь устарели и их следует зачеркнуть или исправить?.. Но нет, я ничего не хочу исправлять, потому что само время подтвердило, что эти слова – истинная правда.

Он нужен всегда

Роберт Миннуллин¹

Сайдаш... Как точно имя соответствует его сути. Оно звучит и поёт, как и его песни. Оно напоминает журчанье родника. Подобно именам Тукай, Бабич, Такташ, Джалиль, Туфан, имя Сайдаш словно отполировано временем и стало для нас милым и дорогим, как драгоценный самоцвет, как редкостная жемчужина. Мы помним Сайдаша – как и его песни, он живёт в нашем сердце – как и его мелодии...

Ах, эти мелодии! Они бессмертны, как народные песни, как сам народ. Театральные сцены, концертные залы, эстрадные площадки дышат сайдашевыми звуками. Татарская душа тянется к песням Сайдаша.

Мелодии Сайдаша таятся в татарском курае, гармонии, скрипке, баяне. Стоит только прикоснуться к ним, как мелодия эта начинает звучать. Величественные звуки, рождённые когда-то великим творцом, приводят в движение симфонические оркестры, ансамбли. А если к ним присоединяется ещё и такой певец, как Ильгам?! Кто-то станет ему подпевать, а кто-то – зарыдает... Кто-то будет восхищаться, радоваться, а кто-то – опечалится... «Прощай, моя деревня».

Прощай, моя деревня! Татары до сих пор не расстались с кочевым образом жизни. Наши сыны и дочери, став взрослыми, уезжают из родного дома, из родной деревни, из родного края... В поисках счастья, в попытке поймать эту птицу счастья.

«Прощай, моя деревня!», – это песня татар, покинувших свою деревню, это гимн татарских зимогоров, это крик души тех, кого судьба вырвала из родной почвы. Вслушайтесь в неё! А ещё лучше – попробуйте спеть её сами. Ах, если бы все, кто когда-то уехал из дома, могли бы собраться вместе... И если бы они

¹ Роберт Мугаллимович Миннуллин (род. 1948). Татарский поэт, публицист. Заслуженный деятель искусств Татарстана, заслуженный работник культуры Башкортостана. Награждён Почётной грамотой РТ. Лауреат Государственной премии РТ имени Габдуллы Тукая, республиканских премий имени Мусы Джалиля и Абдуллы Алиша, Международной литературной премии имени Андерсена.

все вместе спели эту песню... Тогда бы тоска, заключённая в мелодии Сайдаша, вся горечь их сердец не поместилась бы в этом мире и пролилась бы, подобно бурному потоку. Впрочем, нет, не надо. Пусть каждый поёт в одиночестве, пусть печалится наедине с собой.

Самого Сайдаша я не смог увидеть. Не успел. Мне остались только его мелодии. Остались посвящённые ему романы и повести, стихи и поэмы. Остались воспоминания о нём его современников и друзей, легенды, живущие в народе. И всё это наполнено любовью к Сайдашу. Сайдаш в воспоминаниях – простой, скромный, человечный. Сайдаш в легендах – стеснительный, наивный, искренний и, разумеется, безденежный.

[...]

Совсем недавно мы с поэтом Рашитом Гараем побывали в деревнях Илешевского района. С нами был и заслуженный артист Татарстана Рамиль Курамшин. Каждую встречу со зрителями мы начинали с «Марша Красной Армии» Сайдаша. При первых же звуках марша у татарских мальчишек, сидящих напротив сцены, загорались глаза и начинали светиться лица. Они слушали на одном дыхании. Действительно, этот марш потрясает татарское сердце, трогает душу и вполне достоин стать государственным гимном Татарстана, его невозможно слушать равнодушно.

30 августа. Столько глаз устремлено на экраны телевизоров. Народ Татарстана с увлечением смотрит вторую сессию Верховного Совета. Решается судьба Татарстана. 10 часов 45 минут вечера. Драгоценные минуты, которых мы ждали несколько столетий. Декларация о суверенитете Республики Татарстан была принята единогласно! Аплодисменты! К аплодисментам присоединяется марш Сайдаша. Вот когда нужно величие Сайдаша. Нет, без Сайдаша невозможно. И в минуты горя, и в радостные праздники нам нужен Сайдаш!

Откровения Сайдаша

Шамиль Монасыпов¹

Духовное начало в жизни и творчестве композитора

Жожалуй, ни один татарский композитор не снискал такой огромной любви, как Салих Сайдашев. Его лучезарная музыка, полная жизни и сердечного тепла, настолько глубоко и прочно вошла в наш быт, что оценивается по своей значимости наряду с поэзией великого Тукая. В народе композитора любовно зовут Сайдаш. И это имя соединилось в сознании людей с новой эрой в татарском музыкальном искусстве, с эрой профессионального композиторского творчества, развивавшегося в XX столетии.

В душах современников сохраняется чувство высокого почитания композитора, но, вместе с тем, встают и некоторые вполне закономерные вопросы: какое место занимает этот художник в татарском и мировом искусстве, можем ли мы считать его подлинным гением подобно, например, Глинке, прославившему русскую музыку? Дело в том, что исследователи творчества Сайдашева приходят к двойственным выводам.

Они отмечают исключительно богатый мелодический дар композитора, но наряду с этим указывают на безыскусность его гармонического языка, воспринимающегося на фоне сложнейшей звуковой палитры музыки XX века как несколько наивный. Обращается внимание также на отсутствие у Сайдашева развитых сонатно-симфонических форм и монументальных жанров, таких как

¹ **Шамиль Хамитович Монасыпов** (род. 1944). Скрипач, педагог, кандидат искусствоведения, профессор Казанской государственной консерватории имени Назиба Жиганова. Народный артист Республики Татарстан, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, заслуженный артист Российской Федерации, лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая.

опера, симфония, концерт. Всё это может навести на мысль, что творчество художника не выходит за рамки национальной культуры и является одной из её рядовых вех.

Композитор и время

Вглядываясь в подоснову двойственности, возникающей при оценке творчества Салиха Сайдашева, можно подметить весьма существенную деталь. Обнаруживается, что эта двойственность возникает тогда, когда умозаключения выводятся из общепринятых представлений о характере музыкального искусства, иначе говоря, когда мы вступаем в область рассудка и интеллектуального суждения.

Но, отдаваясь непосредственному переживанию музыки Сайдашева, всецело пребывая в сфере чувств, мы не можем не ощутить той необычайной красоты, одухотворённости и той поразительной укрепляющей силы, которую она несёт в себе. Здесь мы не можем не восхищаться гением Сайдашева!

Можно ли примирить чувство и рассудок? Который же из них несёт в себе истину?

Гёте считал, что чувство неизмеримо глубже интеллекта. Он говорил: «...чувство не ошибается, обманывается рассудок». Современная наука обосновывает и углубляет это интуитивное прозрение поэта. Она показывает, что мышление, чувство и воля суть основные силы души. Они существенно отличаются друг от друга и приводятся к единству «Я-сознанием». Последнее включает в себя рассудочное начало, тесно связанное с низшими биологическими потребностями, но может выработать в себе и иные духовные силы, возвышающие индивида до уровня высшего существа, в котором реализуется созидательная вселенская мысль.

Только благодаря духовно-душевным способностям человек поднимается над спекуляциями рассудка и восходит к истине. Одухотворённая форма сознания достигается с помощью духовно-научного познания в свете представлений о человеке как о великом космическом «бессмертном индивиде» (Гёте). Очевидно, лишь с этой позиции можно приблизиться к пониманию такой неординарной личности, как Салих Сайдашев.

Деятельность Сайдашева относится к периоду, который считается эпохой реформации в татарской культуре, наступившей после длительного застоя. На рубеже XIX-XX столетий на историческую арену выступила целая плеяда могучих творческих индивидуальностей, изливших благотворные импульсы во все сферы духовной жизни общества.

Мощные преобразования в религиозной области предпринял Марджани, отвергший догматический подход в исламе и указавший на важную роль музыки в воспитании человека. Сфера народного языка была освещена гением Тукая. Благодаря Баки Урманче в татарском искусстве открылся новый способ худо-

жественного постижения мира через живопись, скульптуру, графику. Не осталась незатронутой и музыкальная культура, долгое время пребывавшая в русле одноголосного искусства. И здесь по масштабу своего дарования и прогрессивной направленности творческих устремлений отчётливо выделяется индивидуальность Сайдашева.

На долю композитора выпало жить и творить в период глобальных исторических катаклизмов, разрушивших устои старого мира и давших ростки новой планетарной цивилизации.

Всматриваясь в течение татарской реформации, мы видим, что все её корифеи, в том числе и Сайдашев, выросли под сенью исламского универсума. Они были воспитанниками медресе, готовивших священнослужителей. Однако они не стали апологетами консерватизма и догматизма. В их мироощущении нет отрешённости. Напротив, наряду с кротостью, стоической жертвенностью и некоторой приглушённой эго, свойственных исламскому воспитанию, у реформаторов наблюдаются духовная активность, устремленность к идеалу. Не напрасно они черпали свои силы из тех тайников мысли, которые открывались им не только в мудрости Востока, но и в работах современных европейских умов – Гёте, Пушкина, Толстого.

Гений Сайдашева, вырастая из глубин народного духа, стремится к органичному соединению достижений национальной и мировой музыкальной культуры. Он вносит в татарскую музыку благотворную новизну, пробуждающую самосознание людей и выводящую его из состояния пассивного ожидания. Своим полнокровным искусством композитор дарует оптимистические переживания созидательного хода времени. Он словно призывает увидеть сквозь хаос перемен ростки нового, неповторимого, великого, которое придаёт смысл индивидуальному человеческому бытию и которое необходимо отстаивать в своей деятельности. Пройдя через сложнейшие жизненные испытания, Сайдашев, несомненно, имеет моральное право громогласно говорить об этом в своей музыке.

Истоки профессионализма

В начале XX столетия, на заре нового культурного этапа в татарской музыке, отчётливо выступили три различных течения. Одно из них, составляющее консервативную ветвь, было связано с деятельностью ряда музыкантов, представляющих в основном устно-профессиональную традицию. К этому течению примыкал композитор Габаши, который в числе первых татарских музыкантов вступил на профессиональную стезю. Он получил образование у русских музыкантов, но, будучи выходцем из семьи потомственных священнослужителей, нёс в своей душе глубокий пиетет к культуре прошлого. С детских лет он воспитывался на духовных песнопениях и старинных народных мелодиях, звучащих преимущественно в чистой пентатонике. Исполненные мудрого спокойствия, созерцательности, эти напевы околдовывали и прочно удерживали

фантазию Габаши в рамках мотива, лишённого внутренних обострений. Габаши пытался теоретически обосновать «охранительную» политику в татарской музыке, считая, что не только мелодический язык, но даже гармоническое сопровождение следует выводить из закономерностей пентатоники, а не каких-либо иных систем.

Противоположное течение заключало в себе идеи радикального, коренного обновления татарской музыки. Это течение поддерживали в основном западноевропейские и некоторые русские музыканты, пытавшиеся без подготовки народного слуха, сразу же ввести его в ареал мировой культуры, синтезировав с европейской гармонической системой. Эта позиция, хотя и могла способствовать обогащению национального искусства, всё же вела к существенным издержкам. Так, например, в произведениях скрипача и композитора И. Козлова, экспериментировавшего в подобном роде, нередко проступала эклектичность, имели место неоправданные диссонансы, резавшие слух национальной аудитории. Такие нововведения существенно опережали законы Времени и, будучи несвоевременными, попадали в разряд неправомερных и нежизнеспособных. Последнее касалось и консервативной ветви, сдерживавшей поступательное движение в татарском искусстве.

Полярность этих течений в силу духовных законов вела их как к взаимному отталкиванию, так и к взаимному притяжению, носившим разрушительный характер. Это проявилось в попытке создания первых национальных опер, в авторский коллектив которых вошли, с одной стороны, представители традиционной ветви Габаши и Альмухаметов, а с другой – воспитанник Московской консерватории Виноградов. Неудача опер была предрешена самой попыткой создать альянс из противоположно направленных сил. Это выразилось, в частности, в противоречии между мелодическим и гармоническим языком произведения, что было отмечено многими критиками, в том числе и Сайдашевым в его статье «Наши музыкальные проблемы»: «В основу оперы «Сания» положены татарские и башкирские народные мелодии. Авторские мелодии оперы также близки к народной музыке. Однако гармония отдалила оперу от характерных черт татарской мелодии. Хотя народные массы и начали воспринимать профессиональную музыку, они не поняли в должной степени трудную для их восприятия гармонию оперы «Сания». Этот факт показывает, что мы не должны отдалять музыку от масс; поднимая музыкальную культуру народа, нельзя забегать вперёд. Надо постепенно развивать понимание музыки, идти в ногу с ним, не вырываясь вперёд».

Только достижение равновесия обеспечивает движение вперёд. Сайдашев нашёл эту «золотую» середину. В нём жил одновременно и человек, прочно вросший своими корнями в татарскую среду, и самобытный, оригинально мыслящий индивидум, чутко вслушивающийся в созвучия нового времени. С раннего детства он вращался в кругах прогрессивно настроенной интеллигенции, играл с именитыми музыкантами, которые включали в свои выступления европейскую

и русскую классику. Сильное впечатление на Сайдашева должно было оказать также знакомство с музыкальным бытом Оренбурга, где он прожил несколько лет и написал свои первые сочинения. Здесь, вдали от Татарстана, пентатоника не господствовала столь всеохватно. Эстетика неспешного поступенного развёртывания, свойственная татарским мелодиям, соседствовала здесь с культурой степняков, для которой характерны смелые выходы за пределы пентатоновых созвучий, удалые скачки на широкие интервалы, задорные гаммообразные диатонические пассажи.

В начале XX века в Казани также начали появляться мелодии, включающие в себя необычные полутоновые тяготения и обладающие благодаря этому большой притягательной силой (например, «Баламишкин»). Наметившаяся в традиционном искусстве тенденция к обогащению пентатоники элементами европейской гармонической системы обрела в творчестве Сайдашева новую, полнокровную жизнь. Композитор явил чудо исключительно органичного соединения двух полярных течений. Однако он не ограничился обращением к западным веяниям, но нашёл живительные источники и в восточной культуре, в тех её пластах, которые были обращены к развитию «Я-сознания». Например, в своей популярнейшей песне «Море Ядран», ставшей одной из любимых народом мелодий, композитор использовал непривычный для национального слуха «восточный» звукоряд.

Таким образом, Сайдашев самым разносторонним образом вёл к расширению пентатоники. Его мелодии засверкали новыми радужными красками и обрели яркую образную выразительность. В них с большей определённой стали проявляться противоположности мажора и минора, несущих контрастные настроения радости и грусти, что необычайно расцветило созерцательную нейтральность пентатоники. Только истинный гений, чутко следующий запросам народного духа и наделённый тонким чувством новизны, мог столь органично и действенно преобразовать основы татарской музыки, найдя необходимое равновесие между крайними течениями.

Выдающийся современник Сайдашева поэт Муса Джалиль глубоко прочувствовал уникальность дарования композитора, не следовавшего ни консервативной («восточной»), ни опережающей («уделяющей внимание развитию гармонии») тенденциям: «В развитии татарской советской музыки велика заслуга нашего признанного талантливому композитора Салиха Сайдашева. Сайдашев поднял татарскую музыку на новую ступень развития. Его многолетняя плодотворная деятельность может считаться целой эпохой в развитии татарской советской музыки... Если Габаши в своём творчестве следовал традициям восточной музыки, то музыка Сайдашева в начальный период основывалась главным образом на народной песне, на деревенских напевах... Вместе с тем характерно, что в этот период Сайдашев уделяет внимание (развитию) не гармонии, а мелодии. Сайдашев не следовал слепо за народным творчеством, не копировал его, а творчески перерабатывал и обогащал народную музыку».

Фундамент профессиональной музыки

К идеалам приводятся через воспитание благоговейного отношения к знанию, к истине. Знание несёт мудрость, которая помогает человеку овладевать своими инстинктами, очищать и облагораживать чувства. Здесь ему помогают образование, религия и искусство. Являясь чисто интеллектуальным, головным знанием, образование оказывает весьма незначительное воздействие на природу человека. Более глубокое влияние несут религия, духовная наука, искусство. Советская власть сделала важный шаг к воспитанию народа, приняв закон о всеобщем образовании. Но, отбросив духовное знание и религию, лишилась этих мощных рычагов, возложив основную нагрузку на искусство. И в случае провала в области музыки, которая имеет наибольший доступ во внутреннее существо человека, могли быть подорваны все созидательные силы в обществе.

Словно осознавая всю глубину ответственности, Сайдашев постепенно, обстоятельно и осмотрительно созидает мощный фундамент татарского профессионального искусства. Профессиональная музыка зиждется на основе первичных жанров народного искусства, каковыми являются песня и танец. Эти жанры прошли в татарской культуре многовековой путь развития и сложились в стройную целостную систему. Казалось бы, в композиторском творчестве и не нужно изобретать ничего особенного: бери готовое, копируй и вставляй в опробованные формы, разработанные европейскими композиторами. По существу, так всегда мыслили и поступали ремесленники от искусства. Этот путь был неприемлем для Сайдашева.

Вначале он обратился к обработкам народных песен, которые использовались в драматических спектаклях, а также звучали в антрактах для привлечения публики. Творческая натура Сайдашева сумела сказать здесь своё веское слово. Это коснулось не только отбора песен и их гармонизации, но и фактуры изложения, в которую композитор начал внедрять элементы многоголосия. По свидетельству Мансура Музафарова, ещё в юности Салиха не удовлетворяло одnogолосное исполнение мелодий и он стремился путем варьирования придать темам полифоническое звучание. Эти поиски помогли композитору подойти к созданию обработок для хора и вывести хоровой жанр из узких рамок унисонного пения. Этот жанр был новым явлением для татарской музыки. Некоторые композиторы считали его порождением христианского искусства, чуждого национальной традиции. Однако Сайдашева привлекали в нём свойства, которые способствуют духовному объединению, сплочению людей и приподнимают их над обыденностью. Композитор чувствовал соответствие жанра духу времени и смело включал хоры в концерты и спектакли, закладывая основы татарской хоровой музыки.

Приступив к созданию собственных оригинальных произведений, Сайдашев заимствовал формы народной музыки, но существенно обновил мелодический язык, обогатив его гармоническим сопровождением. В результате музыка за-

сияла сочным колоритом, обрела полнокровность и, вместе с тем, сохранила формообразующие черты, характерные для национального мышления. Хотя и в области формы композитор всё же добавил свой особый, сайдашевский штрих. Взяв за основу форму одного из типов протяжных напевов, в которых имелся намёк на двухчастное членение, он усилил контраст, доводя его до яркого темпераментного противопоставления лирического и маршевого образов. Этот приём очень полюбился публике и сыграл исключительно важную роль в сближении национального музыкального мышления с европейским. С его помощью гений Сайдашева вначале погружал сознание слушателей в традиционное медитативное состояние, а затем энергично выводил его вовне, закрепляя и утверждая в переживании своего «Я-существа».

Вокальное творчество Сайдашева привлекает своим жанровым разнообразием. Композитор писал не только песни, но и арии, вокальные ансамбли, хоры, расширив жанровый диапазон татарской музыки. То же можно сказать и об инструментальной музыке, которая обрела благодаря его творчеству самостоятельную жизнь. Он разрушил узкие границы традиционной танцевальной музыки, выродившейся к XX веку в весьма однообразные переливы пентатонических фиоритур, сопровождаемых одноплановым двухдольным ритмическим рисунком. У Сайдашева танцевальные темы обрели мелодическую и ритмическую свежесть, яркую образность. Особенно красочно заиграли они в соседстве с трёхдольными вальсовыми мелодиями. Художника неумолимо влекла к себе стихия вальса, который был «узаконен» им в татарской музыке. Он неизменно использовал вальсы в своих спектаклях (нередко вставляя в пьесы несколько разнохарактерных сочинений), создав изумительные по красоте произведения. Таковы танцевальные номера к драме «Наёмщик», вошедшие в сокровищницу отечественного искусства. Как явствует из дневниковых записей тех лет композитора Файзи, публика с ликованием встречала каждое новое сочинение Сайдашева в этом жанре: «Король вальса Штраус воскрес в Казани!».

Огромная сила сайдашевского дарования в полной мере раскрылась в маршевой музыке, которая оказалась особенно созвучной духу времени. Ни один из выдающихся советских композиторов не прошёл мимо марша, и музыка Сайдашева заняла своё место среди неувядаемых шедевров этого жанра. Он охватил в своём творчестве все основные виды маршей (церемониальный, походный, молодёжно-спортивный, траурный и др.) и в каждом из них дал неповторимый образец совершенства. Всенародное признание обрёл его «Марш Красной Армии». Здесь лучезарный сайдашевский импульс одухотворил одну из самых тёмных сфер бытия, связанную с действием негативных, разрушительных сил. Он написал это произведение как победный марш, придав ему черты гимна, пробуждающего в человеке мужественное, возвышенное начало. Марш имел огромный резонанс в военные годы, и в настоящее время он живёт полнокровной жизнью и как парадный марш, и как блестящее концертное произведение, вызывая у слушателей благородный душевный подъём.

К числу уникальных относится также траурный марш, написанный композитором на смерть актёра Нури Сакаева. Музыка этого сочинения не ввергает слушателя в безысходную скорбь, но погружает в глубокое раздумье в духе восточного мирозерцания, воспринимающего смерть как рождение человека в сверхчувственных сферах бытия. Это достигается тем, что Сайдашев уже само начало марша даёт не с сильной доли, как это принято в европейской музыке, а с затакта в стиле татарских старинных мелодий. Кроме того, в теме используются интонации мунаджата, духовного песнопения, в котором душа молитвенно, благоговейно взывает к Божеству. Таким образом, композитор пробуждает во внутреннем существе человека ощущение прикосновения к миру бессмертия, переживание сопричастности своего «Я-существа» к глубочайшим тайнам бытия, к Извечному началу.

Творчество Сайдашева не ограничивается упомянутыми жанрами, разнообразие которых довольно велико. Однако всё же не это является главным. Неизмеримо важнее то, что вместе с музыкой композитора в татарскую культуру непосредственно входит новый светоносный импульс, тот животворящий свет индивидуального сознания, который люди обретают, восходя к своему высшему «Я». Очевидно, благодаря этому сайдашевская музыка смогла вдохнуть жизнь в татарское драматическое искусство, и возник новый жанр музыкальной драмы и комедии. Автор написал огромное количество музыкально-сценических произведений, часть которых создана в сотрудничестве с Каримом Тинчуриным. Этот талантливый драматург совместное творчество с композитором образно охарактеризовал так: «Я бросаю изюминки, а Салих подбирает и делает из них бриллианты». Музыка Сайдашева привлекла в театр массового зрителя, для которого драмы и комедии стали уникальной школой нравственного воспитания. Всё, что прежде сдерживалось исламскими канонами и обитало в душах как скрытые мучительные переживания, выявилось в театральных сценах и через смех и слёзы выплеснулось наружу. Смех и слёзы, считающиеся порой обыденными, незначительными явлениями жизни, на деле представляют собой откровения человеческого духа, который постепенно должен стать руководителем, управляющим душевным бытием. И то, что художественное творчество являет перед душами людей в трагедии и комедии как два противоположных полюса душевных переживаний, связано с общечеловеческим развитием, с воспитанием «Я-сознания».

Развитие человеческого существа нуждается в том, чтобы «Я», с одной стороны, могло освобождаться от дурного посредством смеха и, с другой, находить себя в утратах, слезах. В неподвижном, застывшем состоянии «Я» не возрастало бы и было бы подвержено внутренней смерти. Однако человек должен не только оживить свою внутреннюю жизнь, но и обрести баланс между двумя полюсами, не входя в состояния безмерного ликования и смертной скорби. В пьесах татарских драматургов запечатлено немало тягостных, безысходных моментов. Но музыка Сайдашева способствует приведению «Я-сознания» зрителей к гар-

монии. Она не даёт впадать в крайние состояния безудержного ликования или безмерной скорби, хотя и не заключает в себе традиционной бесстрастности и созерцательности. Напротив, она несёт в себе очистительный пламень, даруя душам яркие контрастные переживания, в которых «Я-существо» обретает покой и силу.

К сожалению, с уходом Сайдашева его любимое музыкально-сценическое детище, которое он пестовал в течение всей своей жизни, начало угасать. Композиторы редко обращаются к этому жанру. Однако отрадно, что спектакли с музыкой Сайдашева на протяжении почти всего XX столетия не сходили со сцен театров и на пороге XXI века продолжают волновать сердца новых поколений зрителей.

Один на один с судьбой

Выдающиеся люди рано открывают преходящий характер предметного бытия, поднимаются над суетностью материальных устремлений и начинают осознавать себя, находя противоречия в своём внутреннем существе. В самом себе человек открывает супостатов и вступает с ними в борьбу, которая по своей драматичности и напряжённости неизмеримо превосходит обычные жизненные заботы и страдания. Через сильнейшие внутренние переживания и испытания индивидуальность укрепляет себя и восходит к познанию того высшего в человеке, которое во все времена именовалось Божественным или духовным началом.

Жизнь не баловала Салиха Сайдашева. Он рос без отца, испытывая немалые моральные тяготы. Невзгоды преследовали его и в семейной жизни. В первом браке во время родов умерла жена, и он остался один с новорожденным сыном. Сильные удары судьбы выпали на его долю и в трудовой деятельности. В годы репрессий и идеологических чисток композитора неоднократно пытались сломить увольнениями из театра, отказами в выплате гонораров за музыку к спектаклям. Сайдашев довольно рано осознал бренность материальных ценностей. Они не стали целью его жизни. Уже в молодые годы он открыл, что истинное служение искусству несовместимо со стяжанием богатства. Это видно из дневниковой записи девушки, в которую был влюблён юный Салих. Она записала удивительную сайдашевскую фразу, которая перекликается по своей чистоте и силе с бетховенским посланием к «далёкой возлюбленной»: «Я не могу тебе дарить жемчуга и алмазы, но отдаю своё сердце и свою любовь. Нет большего сокровища на свете!.. Счастье – это когда двое любят друг друга... Счастье – это быть вдвоём, счастье – это работать, творить вместе, идти вместе всю жизнь рука об руку и жить в новой жизни».

Познав библейскую истину, что сокровища нужно собирать «на небесах», а не на Земле, Сайдашев должен был неминуемо прийти к противостоянию с негативными духовными течениями. Как чуткий, искренний художник, честно реа-

гирующий на события своего времени, он не мог принять тех тоталитаристских идей, которые несла с собой советская власть.

В юности ему посчастливилось застать время подлинных демократических веяний, когда на заре революционных преобразований в сознании людей ярко вспыхнули великие созидательные лозунги: Свобода, Равенство и Братство! Он принял активное участие в претворении этих идеалов, со всем пылом, свойственным молодости, включился в возрождение национального искусства. Но на его глазах разыгралась величайшая трагедия современности. Пришедшие к власти вожди пролетариата отказались от выдвинутых ранее лозунгов как неосуществимых. Установив диктатуру, большевики пытались искоренить зло с помощью такого же насилия, что вело к неминуемому краху. Годы массовых репрессий отчётливо обнажили деструктивный характер идей классовой борьбы, партийности в искусстве, разрушавших в обществе всё живое, человеческое.

В эти годы Сайдашев лишился многих ближайших друзей-единомышленников. И сам, несмотря на огромные заслуги, оказался в числе изгоев. Отныне он не мог питать никаких иллюзий относительно характера тех духовных сил, которые несли массовое помрачение сознания. Он не стал вступать в партию, хотя в его положении это могло стоить ему жизни. Очевидно, выбор между жизнью и смертью не мог заглушить того основного импульса, который мощным потоком изливался из его сердца. Он не мог жить без творчества: в этом был весь смысл его существования! Но перед ним стояла сложнейшая проблема: как сохранить искренность, как сочинять музыку, не предавая своих идеалов и не закрывая глаза на происходящее?! Духовная борьба Сайдашева с негативными силами проявлялась в разных формах. Он не стал писать хвалебных од «великому кормчему», а также отказался от масштабных симфонических полотен, философски осмысливающих «победы» социалистического строя. Однако он не ушёл от оптимистических воззрений, от воспевания высших человеческих добродетелей, чувств и идеалов. В подоснове его позиции высвечивало исламское воспитание, полученное им в медресе.

Центральным пунктом в подготовке учащихся медресе было различение добра и зла и обнаружение тех невидимых духовных сил, которые действуют в душах людей и стоят за их праведными и неправедными поступками. Это вело к возвышению духовного начала. Только неизбывная сила любви способна преобразовать зло, возникающее в тех случаях, когда человек впадает в заблуждение. Приближение к этой созидательной силе связано с величайшим самоотречением, жертвенностью служения и огромным состраданием ко всем людям без исключения.

Из глубоких внутренних противоречий должны были проистекать сомнения и двойственная позиция композитора относительно целесообразности освоения крупных форм. Ещё в начале своего творческого пути в увертюре к пьесе «Угасшие звёзды» (1926 год) он смело использовал приёмы разработки музыкального материала, что составляет важнейший сущностный элемент построения сонат-

ной формы, хотя по своему характеру относится к явлениям деструктивного, ме-фистофельского порядка. Тем самым Сайдашев дал импульс к развитию нового типа мышления в татарской музыке. Однако затем он заметно сузил поиски в этом направлении и в 30-е годы, в период учёбы в Москве, со свойственной молодости категоричностью отказался от создания крупных форм.

Он совершенно обоснованно считал, что на начальном этапе развития татарская музыка должна базироваться на традиционных формах, что в условиях обновления мелодического гармонического языка только это может удержать национальное искусство от распада. Эта принципиальная позиция Сайдашева помогла татарской профессиональной музыке удержать верный курс, позволив национальному слуху последовательно и органично вжиться в мировую музыкальную культуру, не теряя при этом собственных достижений. Великий художник своими шедеврами в области малых форм как бы высвечивал правомерное направление творчества. Тем самым он подавал пример другим композиторам и оказывал сдерживающее влияние на тенденцию, стремящуюся опередить время. Практически все его татарские коллеги, начавшие осваивать сонатную форму в 30-е годы, в последующие два десятилетия приостановили или свели к минимуму эти опыты. Исключение составили русские авторы, которые попытались в 40-х годах написать инструментальные концерты на татарском материале (Юдин, Леман), но не добились желаемого результата. Только в конце 50-х годов, когда пришла новая плеяда молодых композиторов (Яхин, Бакиров, Монасыпов, Еникеев), создавших великолепные образцы сонатно-симфонических циклов, представители старшего поколения с энтузиазмом включились в эту работу.

Но тогда Сайдашева уже не было среди них. Он предвидел, что придёт время, когда сложные циклические жанры европейской музыки расцветут и в татарском искусстве, верил в то, что у татар будет и опера, и симфония. В зрелые годы он чувствовал, что в том неприятии крупных форм, которое имело место у него в молодости, наряду с главным позитивным моментом был какой-то недочёт. Видимо, ему необходимо было всё же продолжить освоение сонатной формы в 30-х годах, чтобы одухотворить и эту сферу. Но что-то не вполне осознанное сдерживало Сайдашева. Это могло быть нежелание тратить драгоценное время на сочинения, которые ещё не были востребованы национальной аудиторией. Но, скорее всего, у мастера было интуитивное предощущение того, что в сонатной форме живёт наряду с созидательным началом и разрушительный дух, который расчленяет, дробит музыкальную ткань, вносит противоречия.

Сайдашев творил из того Духа, который нёс благозвучие, благость, и жил, сострадая, надеясь, веря. Деструктивный же дух, который разрушал живое, вызывал в нём антипатию. В какой-то момент композитор попытался было нагнать упущенное время и овладеть тем, что сдерживало его творческий рост. В конце 30-х годов он приступил к созданию оперы, но война оторвала его от

работы. Он весь без остатка окунулся в ту атмосферу забот и тревог, которыми жил народ. Выезжая с концертными бригадами на передовую, в госпитали, он нёс людям свет, проявлял необычайную способность согревать сердца, дарить любовь, радость. После окончания войны он, однако, не вернулся вновь к мысли о создании оперы. Как вспоминает Олег Лундстрем, Сайдашев в последние годы жизни сожалел, что, учась в Москве, не стал осваивать крупные формы. Маститый композитор не побоялся признать своей невольной ошибки!

С некоторого времени в кругах партийного руководства и музыкальной общестственности начали поговаривать о Сайдашеве как о талантливом песеннике-самоучке, чуть ли не полупрофессионале, не владеющем современными музыкальными жанрами. Слухи сами по себе не могли глубоко задеть композитора, поскольку он не сомневался в правоте той центристской позиции, которую проводил в жизнь. И обвинения в полупрофессионализме в его глазах могли свидетельствовать лишь о непонимании оппонентами правомерных требований Времени.

Сайдашева не могло смутить и появление нового лидера среди композиторов – Назиба Жиганова, который ратовал за радикальное обновление татарской музыки. Сайдашеву было чуждо стремление к лидерству, и он не предпринимал никаких шагов, чтобы оспорить его у молодого, активно работающего композитора. Но поскольку лидерство Жиганова обрело форму властной структуры, постольку в обществе спонтанно, помимо желания Сайдашева, возникло движение в его поддержку. В каком-то смысле оно вполне закономерно компенсировало то давление, которое оказывалось на Сайдашева со стороны официальных кругов. И всё же композитор не мог не сознавать, что раскол среди деятелей культуры, вызванный двумя крайними позициями, в которых оказались Сайдашев и Жиганов, никак не служит тому делу, для которого призвано само музыкальное искусство.

Думается, Сайдашеву было больно видеть, как те идеалы любви, единения, добра, которым он давал проявляться в своём творчестве и которым он посвятил свою жизнь, не находят правильного понимания. Ведь его жертвенное служение музыке не нуждалось ни в пьедестале, ни в движении в поддержку его личности. Оно было направлено не против других творческих индивидуальностей, а за них. Он с искренней щедростью нёс людям свой неиссякаемый музыкальный дар. И его альтруизм не имел границ. Сочинённые им мелодии он нередко безвозмездно дарил музыкантам самодеятельных ансамблей, филармонии, радио, даже не задумываясь о том, под чьим именем они волеются в сокровищницу татарской музыки.

Переживания этой на редкость кроткой и вместе с тем мужественной личности могли лишь усугубляться от той искренней поддержки благожелателей, не вполне осознающих всей глубины проблемы. Как человек, несший в себе светлый созидательный дух, он направлял свои силы не на борьбу с другими индивидуальностями, а на противостояние тем негативным духовным течени-

ям, которые живут в душе каждого человека и должны быть покорены сообща, всем миром. Только из этого настроения может родиться стремление к высшему единению, вера в осуществление свободного братского союза людей. И в канун 50-летнего юбилея Сайдашев пишет свою бессмертную «Песню о дружбе» (стихи Ахмета Ерикеева).

К пониманию существа сайдашевской проблемы ближе всех современников подошёл, видимо, Баки Урманче. Он, как и Сайдашев, принадлежал к великим реформаторам, став основоположником татарского изобразительного искусства. Оба художника в юности непосредственно восприняли благотворное воздействие импульса, идущего от Тукая.

Урманче и Сайдашев были знакомы друг с другом на рубеже 20-30-х годов. Однако затем Урманче попал в число репрессированных и смог вернуться в Казань только в конце 50-х годов, когда Сайдашева уже не было в живых. После смерти композитора противостояние движений «за Сайдашева» и «за Жиганова» долгое время не шло на убыль. Урманче не примкнул ни к одной партии, но со свойственной ему вдумчивостью взялся за композиторскую тему, создав три скульптурные работы. Это портреты Сайдашева, Жиганова и Яруллина, внёсших наиболее заметный вклад в татарскую профессиональную музыку на стадии её становления. Являясь самобытными яркими индивидуальностями, они в определённой мере были творческими антиподами, что обуславливало и известные жизненные противоречия. Наличие подобных различий и вызывало у людей стремление создать «партию поддержки», осудить или преуменьшить значение того или иного композитора. Однако это не привлекало Урманче, не затмевало у него сознания того, что в триединстве деятельности этих художников можно увидеть основные направления развития национальной профессиональной музыки.

Он искренне любил покоряющий душу мелодизм Сайдашева, восхищался его могучим светоносным талантом, возносящим слушателей к сияющим вершинам и одаривающим своим неиссякаемым оптимизмом. Властный зов Времени, обнажающий жизненные конфликты, слышался Урманче в терпких альтерированных, диссонирующих созвучиях музыки Жиганова. Искусство Яруллина, запечатлевшееся с особой силой в балете «Шурале», пленяло художника удивительной красочностью, яркостью национально-характерных образов, глубиной передачи человеческих чувств инструментальными средствами.

Урманче уходил от субъективных обывательских суждений благодаря тому, что не останавливался лишь на чувственных впечатлениях от музыки, но восходил к духовному постижению, давая непредвзятую, ясную понятийную характеристику того ценного, что несёт искусство композитора. Своеобразие творческого метода Урманче позволило ему изваять в камне исключительно ёмкий, правдивый образ Сайдашева, что было отмечено сыном композитора Альфредом Салиховичем на презентации скульптурной работы. Пожалуй, трудно отыскать в литературе, поэзии, музыке или изобразительном искусстве столь

впечатляющее произведение, передающее живой дух композитора. Всматриваясь в скульптурный портрет Сайдашева работы Урманче, можно открыть поразительное внутреннее богатство и красоту, необычайную кротость, интеллигентность и мужественность, которые были присущи выдающемуся музыканту. Вместе с тем, в портрете высвечивает и тот великий Дух, который пронизывает собой творчество Сайдашева. Это Дух чистой бескорыстной Любви, Дух, наполненный созидательным солнечным светом, несущим животворящее тепло и радость.

* * *

Творчество Салиха Сайдашева испытывает сегодня необычайно сильное давление со стороны поп-музыки, которая, затрагивая лишь чувственность человека, находит лазейку к неискушённому массовому слушателю. Время идёт вперёд, и порой создаётся впечатление, что творчество Сайдашева постепенно отойдёт в прошлое. Но на проверку обнаруживается, что есть и отрадные симптомы вставания его музыки в нашу культуру. Примечательно в этом отношении то, что современные композиторы не проходят мимо музыки Сайдашева и создают не только новые транскрипции и обработки его сочинений, но и пишут собственные оригинальные произведения на его неувядаемые темы. Особенно интересен в этом отношении опыт Рената Еникеева, написавшего для юных пианистов цикл сочинений на популярные сайдашевские мелодии («Сайдаш-стан»). Здесь мы имеем дело с отрадным фактом, что искусство композитора, родившееся под воздействием великих импульсов «эпохи реформации», входит в подосновы культуры нового времени. Подобно семени она становится важным звеном между прошлым и будущим, прорастая к своему бессмертию. Она несёт в себе интонации, пробуждающие в человеке живое одухотворённое сознание, которое грядёт на смену холодному абстрактно-рассудочному мышлению.

Музыка Сайдашева даёт душам действенные силы, необходимые в земном бытии для пробуждения в каждой индивидуальности Человека с большой буквы. Могучий талант певца грядущего единения людей доброй воли даровал современникам искусство, несущее в себе гармонию космических сфер, исполненных подлинного благозвучия и благодати. И как горячий завет, начертанный кровью сердца, следует принять его последнее сочинение «Песни мои», написанное на стихи Мусы Джалиля. Созданное в свойственном Сайдашеву оптимистическом, гимническом духе, оно несёт в себе надежду, что будущие поколения смогут постичь смысл его музыки и что в сердцах людей будут вечно жить эти божественные мелодии:

*«Песни мои...
Вам я поверил своё вдохновенье,
Жаркие чувства и слёз чистоту.
Если умрёте – умру я в забвенье,
Будете жить – с вами жизнь обрету...»*

В его песнях – душа народа

Юлдуз Исанбет¹

Творческое наследие Сайдашева обширно: песни, марши для духовых оркестров, произведения для симфонического оркестра, музыка к спектаклям. В каждом из этих жанров он показал себя ярким новатором, и, в сущности, он-то и ввёл большинство из них в татарское музыкальное искусство.

Основной областью творчества Сайдашева была театральная музыка. В Татарском академическом театре, где он заведовал музыкальной частью и был дирижёром, Салих Замалетдинович оформил около пятидесяти спектаклей. Среди них есть разные произведения: для некоторых ранних постановок он делал обработки народных песен, для других только увертюру-воспоминание, в большинстве же широко звучит оригинальная музыка композитора.

Сайдашев – создатель нового для татарского искусства музыкально-драматического жанра, в котором слово и музыка взаимно дополняют друг друга, равноценны и одинаково важны для воссоздания образов и раскрытия содержания.

В чём ценность музыкально-драматических пьес, их значение? С ними впервые в истории татарской культуры на сцене зазвучала оригинальная национальная музыка, причём не в качестве вставного или иллюстративного эпизода, а выполняя важную драматическую роль. И именно в стенах академического театра татарский народ начал впервые познавать новые формы музыки. Велика роль музыкально-драматических пьес в процессе становления татарского музыкального театра. Тогда, в конце 20-х годов, Салих Сайдашев, а также авторы опер «Сания» и «Эшче», показав принципиальную возможность создания крупных сценических произведений, основанных на национальном интонационном

¹ **Юлдуз Накиевна Исанбет** (род. 1936). Музыковед, педагог, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств РТ, РФ.

материале, закладывали основы будущего оперного театра и намечали пути для дальнейших творческих исканий в этой области.

Музыкально-драматические пьесы Сайдашева оказались предшественниками татарской оперы. В них, кроме песен, использовались характерные для оперы жанры – арии, дуэты, многоголосые хоры. В его творчестве татарская музыка впервые зазвучала в новых красках симфонического оркестра. А история музыки показывает, что от таких произведений, где наряду со словом действительную драматургическую роль играет музыка, где песни, арии, хоры и различные симфонические эпизоды органично вплетаются в развитие действия, лежит прямой путь к опере. Более того, для некоторых музыкальных пьес были написаны большие танцевальные сюиты и развёрнутые танцевальные сцены, в которые композитор вместе с народно-жанровыми танцами вводил и традиционные балетные номера: вальс, анданте и другие. «Восточный балет» в драме Фатхи Бурнаша «Тагир и Зухра», две танцевальные сюиты в «Наёмщике», сцена «Праздник урожая» в драме «На Кандре» – эти сюиты, получившие большую известность и как симфонические номера, и как эстрадные танцевальные сцены, долгое время оставались единственными образцами татарской балетной музыки и во многом подготовили почву для рождения национального балета.

Необходимо отметить и то, что постановки музыкальных спектаклей помогли выявить музыкально-исполнительские способности у многих драматических

актёров, и именно на сцене академического театра раскрылся талант будущих профессиональных певцов Ситдика Айдарова, Галии Кайбицкой, Сары Садыковой и танцоров Бари Ахтямова, Гая Тагирова. Сайдашеву, мечтавшему о создании собственной оперы, но так и не сумевшему осуществить свои планы, мы отдаём должное как одному из тех, кто подготавливал рождение татарского музыкального театра.

Сайдашев обогатил эмоционально-образный строй татарской музыки. Пожалуй, не найти таких энергичных и праздничных настроений, как в песне Фариты, арии Батыржана или «Марше Красной Армии». При жизни Сайдашева называли «татарским Дунаевским». Это не значит, конечно, что он подражал знаменитому автору «Марша весёлых ребят». Энергичность, подтянутость, особое чувство ритма были свойственны облику Сайдашева вообще, его исполнительской манере дирижёра и пианиста и сказывались даже в том, как он говорит, держится, одевается. Он был весёлым и остроумным человеком, и его товарищи вспоминают о том, что за всю жизнь не слышали от него ни одного слова жалобы. Кроме того, особая жизнерадостность, упоение жизнью зазвучали в музыке Сайдашева начиная с его сочинений 20-х годов. А в советскую массовую песню эти черты пришли только с середины 30-х годов. Близость Сайдашева Дунаевскому определяется тем, что их музыкальный язык многое заимствовал от «лёгкого жанра» эстрадной музыки и оперетты. Несмотря на то, что Сайдашев смело раздвигал рамки привычного для татарского народа музыкального языка, его музыка сразу же находила доступ к сердцам слушателей. Композитор носил звание народного артиста, и это означало не только официальное признание его заслуг. Сайдашев был в полном смысле слова народным артистом, и популярность его сравнима с популярностью лишь немногих. «Тукаем» татарской советской музыки называл его Адель Кутуй.

Соратники Джалиля по борьбе в фашистском плену рассказывают, что для пленников музыка Сайдашева звучала как символ Родины, как воплощение самых дорогих, близких сердцу воспоминаний.

Истоки широкой популярности музыки Сайдашева лежат в разных плоскостях. И в первую очередь, разумеется, нужно сказать, что это был по-настоящему талантливый, щедро одарённый природой музыкант.

По свидетельству современников, композитор любил и глубоко понимал народную музыку. Песни он пел вместе с матерью, подбирая их на гармонии, ребёнком слушая их в Восточном клубе. Понимать их красоту учил его Загидулла Яруллин. А в 15 лет Сайдашев сам исполнял народные песни в спектаклях татарской труппы. Он знал народную песню «изнутри», умело развивал скрытые в ней потенциальные возможности, поэтому его музыка входила в народ легко, просто и при своей новизне не оскорбляла слух неестественностью интонаций.

Необычайная органичность языка и стиля Салиха Сайдашева определяется не только тем, что композитор опирался на устои музыки, но и тем, что

он превосходно знал историю и искусство своего народа, его общую духовную культуру, его психологию, внутренний мир. Ещё в детстве в доме своего дяди Шигаба Ахмерова Салих встречался с выдающимися татарскими писателями Габдуллой Тукаем, Фатихом Амирханом, Галимджаном Ибрагимовым. Он хорошо знал их творчество, особенно увлекался поэзией Тукая. Сотрудничая с различными театральными труппами, он общался с крупнейшими татарскими актёрами – Габдуллой Кариевым, Нури Сакаевым, Камалом I, Камалом II и Ситдиком Айдаровым, Бари Тархановым и Халилом Абжалиловым... Работая в академическом театре, Сайдашев хорошо узнал национальное татарское искусство и находился в творческой дружбе со многими драматургами. Человек глубокой внутренней культуры, отличный знаток татарской классической и советской литературы, Сайдашев жил интересами всей художественной интеллигенции. Истоки глубокой национальной почвенности творчества Сайдашева определяются и его связью с родной литературой и театром.

Татарский народ безгранично любил Сайдашева, и это было ответом на такую же безграничную любовь композитора к людям. Он любил детей, своих товарищей, никогда никого не обидел резким словом, был доброжелателен и деликатен в общении. И, несмотря на огромную популярность, всегда оставался скромным и приветливым человеком. Эти свойства его характера также не могли не отразиться на его произведениях. Они идут непосредственно от души благородного и гуманного человека, они полны неподдельного, самого искреннего чувства, и именно это обеспечивает им подлинную жизненность в народе.

Мы стали свидетелями необыкновенно бурного роста национальной музыкальной культуры. Татарским композиторам подвластны все музыкальные жанры, многие свободно владеют современной композиторской техникой. Но среди самых совершенных сочинений настоящего и будущего всегда будет звучать музыка Салиха Сайдашева, бесхитростная и глубокая, как народная песня.

Салих Сайдашев стоял у истоков татарской профессиональной музыки, и в достижениях нашего сегодняшнего искусства есть большая доля его творческого труда. Творчество Сайдашева подготовило благодатную почву для молодого поколения татарских композиторов, и во многом благодаря его достижениям стали возможными постановка вопроса о подготовке в республике музыкантов высшей квалификации и столь стремительный взлёт музыкальной культуры в 30-е годы, когда одна за другой появлялись замечательные песни Мансура Музафарова, Джаудата Файзи, Загита Хабибуллина, когда осваивались высшие формы и были созданы ставшие уже национальной классикой опера Назиба Жиганова «Алтынчеч» и балет Фарита Яруллина «Шурале».

В своём последнем сочинении Салих Сайдашев вслед за Джалилем повторил: «Жизнь моя была одной прекрасной песней». Неумирающей песней живёт его искусство в сердце татарского народа.

Салих Сайдашев и театр

Гузель Юнусова¹

Так сложилось, что с театральной жизнью Салих Сайдашев оказался связан очень рано. Уже в 13-летнем возрасте он начал выступать как музыкант в татарском драматическом театре. В то время это была труппа артистов под названием «Сайяр», с появления которой современный театр имени Галиаскара Камала ведёт отсчёт своей истории. Салих Сайдашев аккомпанировал на фортепьяно и делал переложения татарских народных песен для струнного оркестра, выступавшего в антрактах и после спектаклей «Сайяра».

Музыкальные выступления юного Сайдашева, связанные с труппой «Сайяр», носили несистематический характер. Дело в том, что юный пианист служил у купцов Хамитовых в магазине, а в свободное от работы время также участвовал в любительских струнных оркестрах.

Учителем игры на фортепьяно Сайдашева был Загидулла Яруллин – пианист-иллюстратор немого кино, автор музыкальных произведений, среди которых особую известность до сих пор сохраняет «Марш памяти Тукая». Некоторое время Салих Сайдашев был учеником известного педагога Казанского музыкального училища по классу фортепьяно профессора Осипа Осиповича Родзевича.

В дальнейшем, проходя в Оренбурге службу в рядах Красной Армии корнетом политотдела 1-й армии, Салих Сайдашев работал пианистом татарской драмы, организованной этим же политотделом. В Казань Салих Сайдашев вернулся лишь в 1922 году по приглашению наркомпроса республики. Ему предложили должность заведующего музыкальной частью и дирижёра оркестра в татарском драматическом театре.

Список спектаклей, музыкально оформленных Сайдашевым в 1920-х годах, весьма внушителен – более тридцати пьес. Поначалу он больше вводил в музыкальную ткань театральных представлений обработку татарских народных песен, но вскоре

¹ **Гузель Файзрахмановна Юнусова** (род. 1957). Музыковед, преподаватель Казанского музыкального училища имени И.В. Аухадеева.

стал создавать собственную, полностью оригинальную музыку. Поворотным спектаклем в этом плане оказалась «Зәңгәр шәл» («Голубая шаль», 1926 год). Затем последовали «Наёмщик», «Ил» («Родина»), «Кандыр бие» («На Кандре»), «Бишбүләк», «Күзләр» («Глаза»), «Чын мәхәббәт» («Настоящая любовь») и другие произведения.

Музыкальные спектакли татарского драматического театра пользовались большой популярностью. В отчётах-итогах театрального сезона 1928-1929 годов читаем: «Публика города Казани с большим интересом посещает музыкальные постановки (которые в прошлом году шли до пятнадцати раз), поэтому необходимо в дальнейшем отказаться от исключительно фактических постановок и дать театру музыкально-драматический характер, включить в репертуар и музыкальные, и оперные постановки»¹.

В официальных документах Салих Сайдашев числился не только заведующим музыкальной частью театра, дирижёром оркестра, но и композитором. Затем к прежним обязанностям присовокупили должность инспектора оркестра. Салих Сайдашев был экспертом многочисленных комиссий. Так, ему поручали оценивать музыкальный слух и музыкальную грамотность актёров. Всё, что касалось музыкантов театра, всецело находилось в ведении Салиха Сайдашева. Он также готовил будущих артистов – преподавал в педагогическом и театральном техникумах теорию музыки.

Официальное оформление театрального оркестра произошло, судя по документам, в 1929 году. Один из приказов директора театра гласил: «В связи с организацией штатного оркестра ТГАТ [на] заведующего музыкальной частью театра тов. С.З. Сайдашева возлагается руководство оркестром в Татарском государственном академическом театре на постановках, а также на всех концертах, устраиваемых где бы то ни было по предложению дирекции театра»². После издания приказа по предложению Сайдашева в состав театрального оркестра приняли контрабасиста Саюлина, кларнетиста Сергеева, виолончелиста Аквельянова и других музыкантов.

Но всё же оркестрантов не хватало. Профессор КГУ историк Евгений Прокопьевич Бусыгин, игравший когда-то на скрипке в оркестре Салиха Сайдашева, вспоминал, что музыкантов было всего около двадцати человек³.

Представить сегодня, как звучали произведения Салиха Сайдашева в исполнении такого малочисленного оркестра, мы можем по двум сохранившимся записям – «Марш Комсомолия» и «Шәрык бие» («Восточный танец») из спектакля «Таһир – Зөһрә» («Тахир и Зухра»). Музыка танца до сих пор остаётся одной из самых известных в творчестве композитора.

Салиху Сайдашеву не раз приходилось приглашать в оркестр музыкантов со стороны. Так случилось, например, в Москве во время проведения 1-й Всесоюзной олимпиады искусств народов СССР, где татарский драматический театр

¹ НА РТ, ф. 4088, оп. 1, д. 10, л. 6.

² Там же, д. 7, л. 51.

³ Бусыгин Е. Яшьлектә яшьнәдек. // Казан. – 1994. – №3-4. – С. 63.

Группа деятелей татарской культуры в Москве. Первый ряд (слева направо): Газиз Альмухаметов, Гульсум Сулейманова, Ситдик Айдаров, Салих Сайдашев. Второй ряд: крайний слева – Якуб Чанышев. Третий ряд: второй слева – Александр Литвинов, в центре – Файзулла Туишев, крайний справа – Султан Габаши. 1926 год

гастролировал с 14 июня по 4 июля 1930 года. Сохранились расписки приглашённых оркестрантов в получении гонорара (с пометками Салиха Сайдашева) за музыкальное сопровождение спектакля «Огненное кольцо» и за концерт артистов ТГАТ в рабочем клубе¹. Надо заметить, что инициатива Салиха Сайдашева по приглашению исполнителей со стороны не получала одобрения руководства театра. В одном из приказов директора ТГАТ руководителю оркестра было запрещено совершать такие действия без санкции главного режиссёра².

В период работы Салиха Сайдашева в татарском драматическом театре там играли артисты, обладавшие превосходными вокальными данными, – Рукия Кушловская, Галия Кайбицкая, Сара Садыкова, Марьям Рахманкулова.

При создании Татарской оперной студии при Московской государственной консерватории в связи с предстоящим открытием в Казани оперного театра (был открыт в 1939 году) вышел приказ директора ТГАТ о разделении театра на два состава и о переходе части сотрудников в студию Татарского государ-

¹ НА РТ, ф. 4088, оп. 1, д. 4. л. 54; д. 40, л. 93.

² Там же, д. 63, л. 3.

ственного музыкального театра¹. В январе 1934 года эта группа уехала на учёбу в Москву², в том числе Салих Сайдашев. Его, уже достаточно известного композитора, отправили учиться азам музыки с людьми, только начинавшими свой творческий путь. Основной причиной стало отсутствие у него диплома об окончании какого-либо музыкального учебного заведения.

Отсутствие музыкального образования порой служило поводом для нападок на композитора его противников. В начале 1930-х годов авторы критических публикаций журнала «Совет эдэбияты» («Советская литература») прямо указывали на связь обнаруженных ими «ошибок» в творчестве Салиха Сайдашева с недостаточностью его музыкального образования. Собственно такова была общая тенденция, и многие оценки тиражировались исходя из конъюнктуры. Московские представители Российской ассоциации пролетарских музыкантов, в частности известные музыковеды Лебединский и Брюсов, призывали к борьбе против буржуазных элементов в музыке, названных ими «цыганщиной» и «фокстротчиной», ратовали за появление пролетарских композиторов. Отражением этих лозунгов стала статья Хасана Туфана «Нужны пролетарские композиторы»³ (кстати, поэт часто выступал в печати с анализом татарской музыки).

Журнал «Яналиф» (Новый алфавит), в свою очередь, провёл опрос читателей по поводу возможных путей развития татарской музыки. Среди прочих были заданы вопросы, имеющие непосредственное отношение к татарскому драматическому театру, творчеству некоторых композиторов, прежде всего Салиха Сайдашева. Вот некоторые из них: «Ваше мнение об отдельных композиторах (Сайдашеве, Габаши и других), чем определяется их творческое своеобразие?»; «Следует ли отказаться от таких произведений, как «Сания», «Наёмщик», «Зәңгәр шәл», «Эшче»? Если да, то почему и как быть с музыкой? Можно ли извлечь из них пользу будущей культуре? Не входит ли музыка этих произведений в противоречие с либретто, или музыку и либретто надо рассматривать отдельно?»⁴. В журнале «Совет эдэбияты» были напечатаны ответы музыкантов Александра Литвинова, Султана Габаши, Александра Ключарёва, поэта Хасана Туфана. Александр Ключарёв отметил популярность творчества Салиха Сайдашева, но задавался вопросом: нужна ли такая легкопроникающая музыка? Он рассуждал о преодолении «цыганщины» в русской музыке и призывал Салиха Сайдашева работать над собой, указав на недостаточность его музыкального образования. Хасан Туфан увидел элементы фокстрота в «Восточном танце». Были и более грубые выпады, вплоть до обвинения в халтуре. Салиха Сайдашева упрекали в том, что он не уделяет внимания показу в музыке, прежде всего, революционных настроений и движения народных масс, а также обрисовке отрицательных

¹ Там же, л. 904.

² Там же, л. 103.

³ Туфан Х. Пролетар композиторлар кирәк // Совет эдэбияты. – 1931. – №4. – С. 61-64; №5. – С. 92-93.

⁴ Султан Габаши. – Казань, 1994. – С. 72-73.

персонажей. Сегодня эта критика в адрес сочинений, считающихся лучшими в творчестве Сайдашева, композитора преимущественно лирического, задушевного склада дарования, воспринимается как удивительное и странное явление.

Учёба Салиха Сайдашева в Татарской оперной студии при МГК особого результата не принесла – более того, считается, что она на несколько лет отвлекла его от творчества.

Ко времени возвращения композитора в Казань сложилась парадоксальная ситуация: произведения Сайдашева критиковали, хотя уже и не так активно; при этом он был самым любимым и популярным композитором татарского народа. Так, во время гастролей Татарского государственного академического театра в Уфе башкирская пресса отмечала, что успех спектаклей во многом связан с музыкой и балетом, и в этом плане татарский театр находится впереди многих других¹.

О популярности музыки Салиха Сайдашева свидетельствуют его творческие вечера. Один из них состоялся 25 апреля 1939 года в кабинете имени Габдуллы Тукая, находившемся в здании Союза писателей республики. Это была встреча писателей с Салихом Сайдашевым, посвящённая его творчеству. О вкладе Сайдашева в развитие татарской советской музыки говорили Муса Джалиль, Галия Кайбицкая, Тази Гиззат, Хасан Туфан. Некоторые поэты прочитали свои стихи, посвящённые Салиху Сайдашеву. С ответной речью выступил сам композитор. Были исполнены «Марш Красной Армии», произведения из спектакля «Наёмщик»².

Популярность музыки Сайдашева оказывала влияние и на критиков. Тон их рецензий менялся в зависимости от ситуации. Так, первые отклики на премьеру спектакля «Бишбуляк» были весьма критичными. В музыке Сайдашева, например, слышали повторение мотивов из его предыдущих произведений. Однако спектакль приобретал всё больший успех у зрителей. Ещё не прошло и года со дня премьеры, а его уже показали пятьдесят раз, тогда как другие выдерживали лишь несколько постановок. Газета «Кызыл Татарстан» посвятила юбилейному спектаклю почти целую страницу³.

Сайдашев покинул Татарский государственный академический театр в 1948 году. Это было не его решение – композитора уволили. Вынужденный уход из театра обернулся самой настоящей драмой. В оставшиеся шесть лет жизни Салих Сайдашев оказался навсегда оторванным от своего главного дела.

Сегодня музыка, спектакли Салиха Сайдашева продолжают жить. «Сандугач» (Соловей), «Хуш, авылым» (Прощай, мой край), «Кара урман» (Дремучий лес), «Әдрән диңгез» (Адриатическое море), песня Булата (её начальный мотив являлся одно время музыкальным звонком в театре), песня и танец беглецов из «Голубой шали», вальс из спектакля «Наёмщик», «Восточный танец» и многие другие сайдашевские произведения любимы народом по-прежнему.

¹ Эмин, Кәзәй, Аблай, Кәлибай. Татар дәүләт академия театры турында Башкортстан матбугаты // Совет әдәбияты. – 1932. – №8. – С. 48.

² Композитор Салих Сәйдәшев кичәсе // Кызыл Татарстан. – 1939. – 29 апреля.

³ Кызыл Татарстан. – 1939. – 6 апрель.

Богатство чувства и языка

Земфира Сайдашева¹

 же давно я занимаюсь исследованием творчества Салиха Сайдашева, и в связи с моей фамилией меня нередко спрашивают, нет ли у нашей семьи родственных связей с композитором. К сожалению, нет. Хотя я не исключаю, что все Сайдашевы являются ветвями одного корня – некоего Сайдаша, который (судя по письменным источникам) прибыл по приглашению казанского хана в начале XVI века из Дагестана. В источниках его часто называют «галим кеше» – «учёный человек». Кстати, подобные фамилии характерны больше для кавказских мусульман... В нашей семье сохранилась родословная, идущая ещё от моего прапрадеда Яхии Сайдаша. Жаль, что предки композитора не вели родословную...

Обучаясь в музыкальной школе ещё при жизни композитора, я даже ни разу не видела его. Произведения Салиха Сайдашева не исполнялись, встречи с ним не проводились... А из его произведений в то время я знала только знаменитый «Марш Красной Армии», и то слышала его лишь во время праздничных демонстраций.

Очень любопытными воспоминаниями о Сайдашеве поделилась со мной недавно моя старшая сестра Наиля Нурмухаметовна. В конце 20-х годов в нашей квартире некоторое время жила актриса Татарского драматического театра Асия Масаутова. По-видимому, молодой композитор (будучи в то время уже вдовцом) ухаживал за ней и неоднократно бывал в нашей семье. Сестре, тогда ещё маленькой девочке, особенно запомнилось его музицирование, когда он, попросив разрешения у мамы, садился за пианино в зале и играл. Но эти визиты длились недолго – Асия Масаутова вскоре переехала. С тех пор, как вспоминает сестра, наши родители, по-видимому, стали общаться с композитором. Это знакомство

¹ **Земфира Нурмухаметовна Сайдашева** (род. 1938). Музыковед, педагог, доктор искусствоведения, профессор Казанской государственной консерватории (академии) имени Назиба Жиганова, заслуженный деятель искусств РТ и РФ.

послужило причиной курьёзного случая. С открытием в Казани музыкальной школы отец решил обучать музыке сестру Наилю и братьев Казембека и Анвара. Однако директор школы Рувим Львович Поляков согласился взять только одного ребёнка. Тогда отец попросил Салиха Сайдашева помочь ему. В то время композитор был на гребне славы. Он обратился к директору с просьбой принять в школу всех детей, представив их как своих родственников. Рувим Львович тут же зачислил всех в школу и, встретив отца, даже упрекнул его: «Почему вы не сказали сразу, что композитор – ваш родственник?». Отец очень смутился, но, чтобы не подвести композитора, раскрыть обман не посмел. Так они и учились как родственники знаменитого Сайдашева, причём учились очень хорошо.

Салиха Сайдашева я открыла для себя лишь в конце 1960-х годов, будучи аспиранткой и работая над диссертацией на тему «Традиции фольклора в песенном творчестве татарских композиторов».

Уже тогда я отмечала большую цельность и неповторимую индивидуальность стиля его мелодики, пытаюсь проанализировать, чем определялись эти её качества. Меня особенно поразила новаторская сущность его мелодики. В этом отношении Сайдашева можно сравнить с Чайковским, мелодика которого представляет собой «сложнейшую интонационную географическую карту», воспринятую с большой органичностью на основе многожанрового синтеза национального и инонационального. И в то же время он – истинно русский композитор! Так и Сайдашев. При всей широте восприятия различных источников он остаётся истинно татарским композитором. Его опыт «скрещивания»

Салих Сайдашев с друзьями. 1930-е годы

народной песенности с новыми жанровыми источниками нетрадиционного происхождения получил развитие в лучших образцах профессиональной музыки. Он смело использовал европейские бытовые жанры (вальс, марш), особенно русские революционные и молодёжные песни. Не чужды были ему и особенно опереточного стиля, восточной музыки... Что касается истоков татарского музыкального фольклора, Сайдашев подобно Чайковскому тяготел больше не к древнейшим её пластам, а к жанрам современной ему городской бытовой музыки. Он не стремился к исторической и этнографической достоверности в музыкальных характеристиках своих героев и их бытового окружения, отражая современное ему мироощущение.

Очевидна близость некоторых песен-маршей Сайдашева к песням Дунаевского. Их объединяют романтическая приподнятость, юношеская радость жизни. Разумеется, это не заимствование или подражание, а сходство мироощущения. Строительство будущей «счастливой» жизни, сопровождаемое оптимизмом ожидания этой новой жизни, породило сходные черты в произведениях многих художников того времени. Сходство Сайдашева с Дунаевским сказалось и в том, что их лучшие песни приобретали самостоятельную жизнь и переходили в быт со сцены (у Сайдашева) и с киноэкрана (у Дунаевского).

Появление Салиха Сайдашева как первооткрывателя нового направления в музыкальной культуре татар, как личности, которая вывела татарскую музыку устной традиции в русло европейского композиторского творчества, было предопределено всем ходом культурного развития татарской части Казани. Ведь Казань в XVIII и XIX веках чётко подразделялась на русскую и татарскую части, пограничная линия которых проходила по Булаку и озеру Кабан. В результате в Казани сформировались две культуры, которые поначалу развивались практически независимо и на разных условиях. Русской части города, где жили дворяне, помещики, уже были знакомы драматические и оперные сценические представления, там формировалась концертная жизнь. Успешному развитию музыкальной культуры этой части города способствовал рост интеллигенции благодаря открытию в Казани университета. Музыкальная культура татарского населения, состоявшего преимущественно из торговцев, ремесленников, ограничивалась в основном интонированием напевов мусульманской книжной традиции и исполнением народных песен, инструментальных наигрышей.

Однако с годами эти две разные части населения города стали проявлять интерес к музыкальной культуре друг друга. Русская интеллигенция интересовалась татарскими народными песнями, музыкальным бытом. Интерес татар к русской музыкальной культуре проявлялся более многосторонне: они посещали театральные постановки, концерты, приобщались к русским и европейским музыкальным инструментам, татарские музыканты исполняли на ярмарках, праздниках русскую и европейскую бытовую музыку...

В дальнейшем, с бурным развитием национальной буржуазии, в среде городских татар происходит резкий поворот от восточной ориентации к европейской,

выразившийся в активном развитии домашнего музицирования, зарождении профессионального исполнительства и творчества. Это затронуло и мелодику произведений татарской городской бытовой музыки. «Стена» между культурой татар, тесно связанной с мусульманским Востоком, и культурой Запада начала давать «трещину». С этого времени начавшийся процесс становится необратимым, и для успешного его продолжения возникает острая необходимость в появлении основоположника татарской профессиональной музыки. Эта историческая миссия была выполнена Салихом Сайдашевым. Он первым поставил татарскую музыку на новую ступень, не отбросив сложившиеся традиции, а качественно обогатив их, и создал в регионе Волго-Камья первый национальный театр с новым жанром музыкальной драмы.

Именно этот жанр наиболее полно отвечал восприятию татарского слушателя, именно в нём проявилась огромная сила воздействия музыки на слушателей. Вот почему этот вид искусства сыграл большую роль в приобщении татар к профессиональной музыкальной культуре, в чём и заключается его историческая необходимость.

Сейчас порой высказывают мнение, что нам не нужны оперы, зато необходимо возродить жанр музыкальной драмы. Так рассуждать вряд ли правомерно. Другое дело, что оперу рассматривали и продолжают рассматривать как жанр

Салих Сайдашев с друзьями. Слева направо: Салих Сайдашев, кинорежиссёр Каюм Поздняков, скульптор Садри Ахунов после 50-летнего юбилея композитора

более развитый, более профессиональный по сравнению с музыкальной драмой. А ведь это – два совершенно самостоятельных жанра. И поскольку музыкальная драма получила в татарском музыкальном искусстве столь успешное развитие и достигла таких высот, нужно ли было её уничтожать? Попытки создать татарские оперы были ещё в 20-х годов («Сания» и «Эшче» Газиза Альмухаметова, Василия Виноградова, Султана Габаша), но они не выдержали конкуренции с музыкальными драмами Салиха Сайдашева. Возможно, такая же участь постигла бы и другие произведения, созданные в этом жанре, если бы не ликвидировали музыкальную часть татарского драматического театра, а в 1948 году не упразднили и должность заведующего музыкальной частью. Так Сайдашеву обломали крылья и полностью лишили его возможности творить в своей области. И если говорить откровенно, то в жанре татарской оперы до сих пор ещё не создан шедевр на уровне «Наёмщика» Салиха Сайдашева, «Шурале» Фарита Яруллина, «Башмагым» Джаудата Файзи.

Жанр музыкальной драмы вовсе не исчерпал свои возможности. И, думаю, мы придём к созданию театра музыкальной драмы и комедии. Будут и новые авторы. Развитие многих жанров всегда зависело от исполнительского потенциала. Благодаря организации симфонического оркестра фактически сформировался и получил активное развитие татарский симфонизм. И сейчас, благодаря организации фестиваля «Европа – Азия», композиторы Татарстана пишут только камерную музыку. Возвращение жанра музыкальной драмы вернёт татарского слушателя, а не просто зрителя.

В своё время академик Борис Асафьев писал: «Жизнеспособность музыки Чайковского – в заложенной в ней общительности». Именно это качество свойственно и музыке Сайдашева, что обеспечило такую широкую любовь к ней людей самых разных национальностей, возрастов, профессий. А основа тесной связи композитора со слушателями – в его психологической чуткости, в интересе к чувствам человека, в уважении к его восприятию, а главное – в мелодическом богатстве музыкальной речи.

Вечная молодость

Земфира Сайдашева

Белик и неоценим вклад Салиха Сайдашева в развитие жанра татарской советской песни. Он первый создал такие произведения, которые отвечали духу времени, отразили огромный перелом в жизни и настроении молодёжи. Истоки многих песен восходят к спектаклям Татарского академического театра, музыку к которым Сайдашев писал в течение тридцати лет.

В чём же секрет столь долгой жизни и вечной молодости его произведений? Прежде всего в том, что Сайдашев, опираясь в своём творчестве на традиционные жанры музыкального фольклора казанских татар, использует последние не пассивно, стилизаторски, а, наоборот, подвергает их смелой трансформации. Отсюда и совершенно новый музыкальный язык песен Сайдашева. Он на долгие годы определил собою интонационный строй татарской советской песни, оказал огромное воздействие на песенное творчество последующих татарских композиторов. Различные интонационные источники и различные песенные жанры в творчестве Сайдашева в 20-х годах остались господствующими на протяжении нескольких десятилетий (а некоторые из них остаются и до наших дней).

Традиции музыкального фольклора татар наиболее полно сохранились в эпических и лирических песнях композитора. Особенно ясно это проявляется в песне Булата из пьесы «Голубая шаль» Карима Тинчурина, исполняемой им в сцене беглецов в лесу. В быту она получила широкую известность под названием «Кара урман» («Дремучий лес»). Образы беглецов, крепостных крестьян, которые бежали в леса, не выдержав гнета и несправедливости, чтобы стать грозой для богачей и защищать бедных, занимают большое место в фольклоре. Эта идея социального протеста ярко выражена и в песне Салиха Сайдашева.

Все средства музыкальной выразительности композитор подчиняет раскрытию образов поэтического текста, где суровое, задумчивое настроение (в запеве) сменяется героической приподнятостью (в припеве). В годы Великой Отечественной войны эта песня зажила новой жизнью с текстом Махмута Хусаина,

где «Дремучий лес» становится символом не только неуязвимости советских партизан, но и их грозной, устрашающей для врагов силы.

Обратился Сайдашев в своём творчестве и к народно-песенной лирике казанских татар. Его привлёк её характер – мягкий, элегичный, светлый, а порой с оттенком грусти; чувство любви выражено с большой проникновенностью. Названиями подавляющей части этих песен служат собственные имена (преимущественно женские). Сайдашев остался верен этой традиции. Это его знаменитые «Бибисара», «Песня Майсары», «Халиса» и другие. Простые, задушевные мелодии пришлись по душе народу, и их запели во всех уголках республики.

Иную трактовку получает выражение лирических чувств в «Соловье» (из пьесы «Родина» Карима Тинчурина). В ней любовь показана светлой, радостной, без всякого оттенка грусти. Если её припев по строению текста довольно традиционный и подобен народной песне «Соловей-голубок», то в музыке использованы несвойственные татарской песенности звонкие колоратуры, вносящие в общее радостное настроение черты восторженного ликования, задора. Эту находку Сайдашева подхватили авторы лирических песен 30-х годов и послевоенного периода (в частности, Мансур Музафаров, Латыф Хамиди и другие).

Как известно, в татарской народной лирике очень много песен посвящено родным местам, даже названия красноречиво говорят об этом – «Агыйдел» («Река Белая»), «Сакмар» и т.д. Естественно, что Сайдашев не мог пройти мимо этого интересного явления в народном творчестве. Примером тому служат его «Песни о реке Кандр» из пьесы «На Кандре» Карима Тинчурина и «Край родной, прощай» из пьесы «Очи» Хабиба Фатхуллина.

Своеобразие мелодики лирических песен композитора заключается в том, что она буквально насыщена интонацией, которую смело можно назвать «сайдашевской». В её основе – плавное, мягкое опевание основного звука. Прозвучав ещё в «Песне Майсары», она в самых различных вариантах присутствует и в других. Вот почему музыка Сайдашева всегда воспринимается как уже знакомая, родная слуху.

Новаторство песенного творчества Сайдашева заключается и в том, что он обратился к совершенно новым для татарской музыки жанрам – революционной песни и русской комсомольской песни 20-х годов, воспринимая от них не только маршевую собранность, но и отдельные характерные мелодико-интонационные и ритмические черты, сплавляя их с элементами традиционной татарской песенности.

В одних произведениях он, сохранив в мелодии все свойства татарской песенности (строгая пентатоничность, плавность мелодического движения и т.д.), понижает их пунктированным ритмом марша, отчего они принимают совершенно иной облик: в них появляются черты активной мужественности, героизма (например, «Первая песня Булата» из пьесы «Голубая шаль» Карима Тинчурина).

Сайдашев не просто продолжал эти традиции, а обогащал, преобразовывал в соответствии с прогрессивными запросами и требованиями современности.

Музыкальная драма – колыбель татарской профессиональной музыки

(отрывок из III главы книги «Салих Сайдашев»)

Фарита Салитова¹

Композитор и разносторонний музыкальный деятель Салих Замалетдинович Сайдашев своей прекрасной, понятной, созвучной самым тонким душевным струнам слушателя музыкой снискал безграничную любовь народа. Его самыми значительными творениями стали музыкальные драмы – спектакли, где музыка и драматическое действие выступают в неразрывном единстве, а песни, танцы, увертюры, хоры, арии и другие музыкальные номера активно участвуют в создании образов и развитии сюжета. Этот зрелищный демократичный жанр соединяет в себе национальные традиции с формами европейского музыкального театра. В 20-30-х годах XX века он оказался наиболее созвучным запросам массовой аудитории и в то же время сыграл решающую роль в становлении современной татарской профессиональной музыки.

Во второй половине 20-х годов Салих Сайдашев переживал пору творческого расцвета. Его композиторская, дирижёрская, исполнительская и общественная деятельность развивались особенно интенсивно и плодотворно, приобретали всё большее значение в концертной жизни и музыкальном быту народа не только

¹ **Фарита Шарифовна Салитова** (род. 1948). Доктор педагогических наук, профессор, автор первой диссертации на соискание учёной степени кандидата искусствоведения и первой научной монографии, а также множества статей, посвящённых Салиху Сайдашеву. Заслуженный деятель искусств РТ, почётный работник высшего профессионального образования, член-корреспондент Петровской академии наук и образования.

в Татарстане, но и за его пределами. Этому способствовали работа композитора на республиканском радио и участие в гастрольных поездках Татарского академического театра (ТГАТа) по СССР. Музыка Салиха Сайдашева зазвучала во многих городах и регионах страны, включая Москву и Ленинград. Кроме того, постановки пьес с его музыкой осуществлялись на сценах ряда национальных театров союзных и автономных республик.

С самого начала работы Салиха Сайдашева в ТГАТе ясно обозначилось его «амплуа» театрального композитора. Главными вехами его упорного восхождения к вершинам творчества были премьеры спектаклей, в которых он представлял как автор музыки и дирижёр. Эти постановки ясно обозначили утверждение на татарской сцене перспективного направления национальной театрально-музыкальной культуры.

Пожалуй, не было ни одного автора, пишущего для ТГАТа, который бы не создавал пьесы в расчёте на музыку композитора. Особенно тесные творческие контакты сложились у него с ведущими татарскими драматургами тех лет – Каримом Тинчуриным, Фатхи Бурнашем, Аделем Кутуем, Тази Гиззатом. С ними композитора связывала и многолетняя личная дружба.

Обстановка, окружавшая Салиха Сайдашева в сезоне 1928-1929 года, ставшем одной из наиболее ярких вех его блистательного пути в искусстве, была сходна с той, какую можно было наблюдать в предыдущие годы. Вновь труппа была набрана только на один сезон. При минимальных сроках подготовки премьеры проходили каждые две-три недели, а то и чаще.

Напряжённый творческий тонус, определивший жизнь композитора на многие годы, достиг тогда своего пика. У Салиха Сайдашева была масса обязанностей, связанных с музыкально-постановочной частью театра – ежедневные многочасовые репетиции, дневные и вечерние спектакли (в театре и на выезде), многочисленные концерты, индивидуальные занятия с актёрами и оркестрантами, работа с драматургами и режиссёрами. Одновременно с репетициями он должен был, следуя указаниям режиссёра и драматурга, сочинить музыку, разучить с оркестром и исполнителями их партии. Сложность его работы заключалась и в том, что состав актёров и музыкантов оркестра постоянно менялся. Однако композитору в это лучшее время его жизни (как и позднее, в последние годы) не воздавалось в должной мере за титанический труд. Сам он никогда не требовал для себя достойных материальных и бытовых условий, а создавать их для него и в тот период, и впоследствии никто не стремился. Жил он всегда очень скромно, а если называть вещи своими именами – в бедности. Между тем деятелям татарской культуры тогда стало уделяться определённое внимание, улучшались условия их труда. Например, творческому коллективу в составе В. Виноградова, Г. Альмухаметова, С. Габаши на период создания оперы «Эшче» («Труженик») была предоставлена возможность работать в санатории.

Впрочем, Салих Сайдашев не считал свою нагрузку избыточной. Более того, сознавая всю полноту ответственности работы в ведущем национальном теат-

ре, он находил время систематически пополнять свои теоретические знания и развивать практические навыки как дирижёр и пианист. Пока ещё он был молод, полон сил и оптимизма, его жизнь и творчество были на подъёме.

Результаты архивных изысканий позволяют заглянуть в творческую лабораторию композитора, понять всю сложность его упорной недооцененной работы, подарившей потомкам незабываемые страницы музыки – память об эпохе энтузиазма и надежд. Судя по сохранившимся документам, позволяющим воссоздать летопись жизни театра, невозможно выделить не только месяцы и недели, но даже дни и часы, когда композитор всецело посвящал себя сочинительству. Тем не менее, он постоянно создавал музыку к новым спектаклям. В случае же обновления постановок предыдущих сезонов никогда не повторял буквально своё музыкальное оформление к ним, а вносил изменения в готовые музыкальные эпизоды, добавлял новые номера.

Обычно Салих Сайдашев работал в специально выделенной для него комнате с фортепиано, находившейся за кассой, рядом с кабинетом администратора. Это довольно обширное помещение было малокомфортабельным, недостаточно освещённым. Композитора постоянно окружали коллеги, друзья, малознакомые, а то и вовсе незнакомые люди. При этом оркестранты репетировали свою ежедневную программу, кто-то громко разговаривал, курил. Но всё это не мешало Салиху Сайдашеву в нужные моменты сосредоточиться, и, судя по всему, шумная, суетливая атмосфера кулис стимулировала его творческую фантазию больше, нежели покой и тишина отдельного кабинета. Если он и не сочинял, то всё равно большую часть времени находился возле своего фортепиано, что-то наигрывая, как бы поверяя ему сокровенные мысли, в которые мало кого посвящал. Создаётся впечатление, что, несмотря на внешнюю открытость, он имел свой загадочный, закрытый для непосвящённых внутренний мир. Прекрасный рассказчик занимательных историй, Салих Сайдашев избегал сомнительных тем, особенно связанных с политикой и, если кто-либо затрагивал их в шумной компании, предостерегал и призывал к осторожности.

Остаётся только удивляться работоспособности, физической и моральной выдержке композитора. По свидетельствам коллег, он мог работать в любых условиях. Сочинять ему приходилось зачастую урывками, сумбурно, перед самой премьерой очередного спектакля, когда в процессе рождения пьесы одновременно созревал замысел автора, режиссёра и композитора. Но в этом есть своя логики – та неповторимая особенность создания театральной музыки, без чего она может утратить свои специфические качества.

Судя по воспоминаниям современников, Салих Сайдашев в 20-е годы не изменял сложившимся ещё в дореволюционный период вкусам, привычкам, стилю одежды. Молодые артисты и студенты театрального техникума, где продолжал преподавать композитор, запомнили его тактичным, высококультурным человеком. Режиссёр Ширияздан Сарымсаков отмечал, какое неизгладимое впечатление производил его артистический облик, выделявшийся на фоне аске-

тической строгости эпохи. В элегантных костюмах светлых тонов, с галстуком-бабочкой на белой сорочке, он олицетворял собой человека искусства на все времена, оставаясь верным себе, несмотря на все перипетии, которыми изобилует история первой половины двадцатого столетия.

Необыкновенно обаятельный, он легко завоёвывал расположение окружающих. Внешность и человеческие качества композитора ассоциировались у них с его музыкой. Особенно ценны суждения музыкантов оркестра – самых объективных и строгих ценителей работы дирижёра. Один из них, валторнист С. Глазырин, отмечал следующее: «Когда Сайдашев встаёт за пульт, играть легко. Он берёт не строгостью, а лаской. Взгляд его больших голубых глаз вдохновляет и оставляет глубокий след в душе...». Воспоминания ветеранов татарской сцены подтверждают и фотографии, запечатлевшие композитора в расцвете жизненных и творческих сил, в отблеске лучей восходящей славы.

Одновременно с работой в театре Салих Сайдашев активно участвовал в очень важном для татарской культуры начинании – развитии массового радиовещания. Тем самым он намного расширил и без того разносторонний круг приложения своих творческих сил. Новое дело увлекло его широкими возможностями пропаганды татарской музыки. В радиопрограммах выступали певицы Г. Сулейманова, М. Рахманкулова, инструменталисты Ф. Туишев, М. Яушев, Х. Ахматуллин и другие. Их успех в немалой степени обеспечивал прекрасный аккомпанемент Салиха Сайдашева. Ввиду практически полного отсутствия нотных записей татарской музыки, он исполнял на радио обязанности пианиста-импровизатора, блестяще проявив себя в этом сложном искусстве. Композитор обладал редким даром хорошего, чуткого концертмейстера, тонко чувствовал индивидуальность каждого музыканта, поэтому все солисты предпочитали работать с ним, справедливо считая, что он, как никто другой, может помочь полноценно воплотить творческий замысел.

В этой деятельности Салих Сайдашев частично воплотил свою заветную мечту стать концертующим пианистом. Он также составлял программы радиоконцертов, привлекал к участию в них не только известных, но и молодых перспективных исполнителей. Как и в театре, он занимался с ними, ещё раз подтверждая свои качества талантливого и усердного педагога.

Радиокомитет в те времена находился в здании ТГАТА, а регулярные радиоконцерты транслировались в одном из помещений расположенного неподалёку здания, известного казанцам как дом Кекина. Эти концерты привлекали многочисленных слушателей.

Частыми были и выступления композитора вне театра. Так, 31 августа 1928 года, перед началом сезона, он дирижировал симфоническим ансамблем из 25 музыкантов на концерте с участием певцов А. Измайловой и Г. Альмухаметова, пианиста З. Зверева, мандолиниста И. Илялова и Татарской балетной труппы под управлением Ю. Муко¹. 18 сентября 1928 года Салих Сайдашев при-

¹ Кызыл Татарстан. – 1928. – 30 август.

нял участие в вечере, посвящённом 110-летию со дня рождения Л. Толстого¹. Следует упомянуть и о памятном этнографическом концерте-лекции, состоявшемся в конце сезона, 4 марта 1929 года, с участием многих известных артистов, литераторов, музыкантов. Салих Сайдашев руководил концертной частью программы этого мероприятия².

В театральном сезоне 1928-1929 года основное внимание композитора было сосредоточено на новых творческих замыслах. Подготовка к сезону осуществлялась на этот раз в ТГАТе тщательнее, чем обычно. Загодя появилась афиша с фотографиями полного состава труппы, в том числе Салиха Сайдашева. 12 июля в газете «Кызыл Татарстан» появилась информация о составе художественного руководства. Обязанности распределились следующим образом: заведующим музыкальной частью назначался С. Сайдашев, балетмейстером – Ю. Муко, художником – В. Сперанский, режиссёром – Г. Девишев. В октябрьском номере журнала «Яналиф»³ был опубликован репертуарный план театра на новый сезон. Здесь содержится первое упоминание о музыкальной драме Салиха Сайдашева «Наёмщик» по пьесе Тази Гиззата, а также других запланированных постановках с его музыкой – музыкальной комедии «Дивана», исторической драме «Ханбикэ», музыкальной драме «Тэскирэ» по пьесам Г. Минского, М. Заитова, А. Кутуя.

В архиве театра сохранились документы, помогающие заглянуть не только в творческую лабораторию Салиха Сайдашева, но и проследить его участие в повседневной жизни, проходившей незаметно для зрителей за кулисами.

Этот сезон ознаменовался шумной политической кампанией по переходу татарской письменности на новую графику, основанную на латинице, – яналиф. По этому поводу устраивалось множество помпезных мероприятий, к которым активно привлекались деятели татарской культуры. Например, 19 декабря для делегатов Третьего пленума ЦК по яналифу был дан спектакль «Зәңгәр шәл» («Голубая шаль»), которым дирижировал Салих Сайдашев. 21 декабря для представителей Всесоюзного ЦК «нового тюрко-татарского алфавита» состоялся вечер дружбы народов Востока с участием композитора.

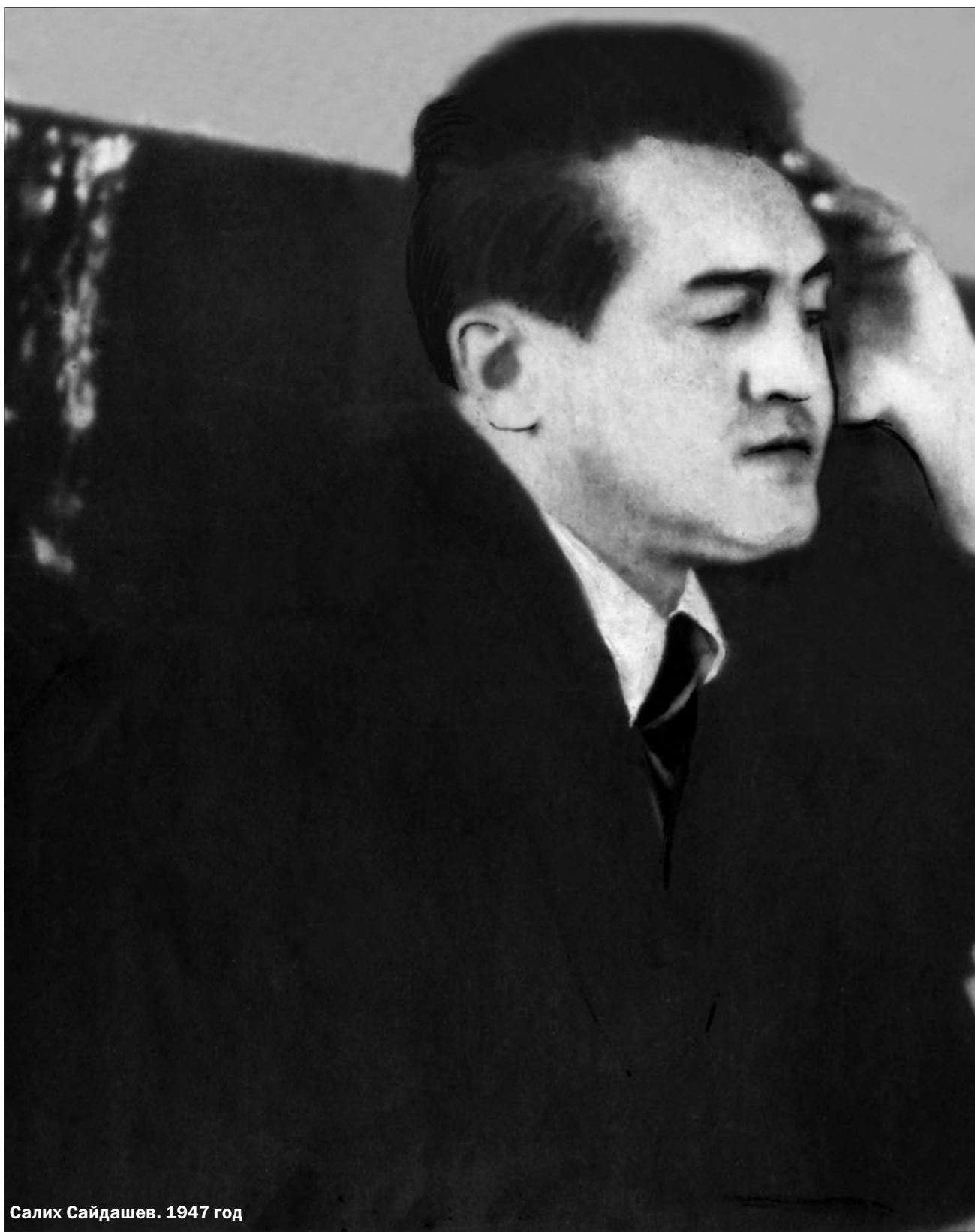
Новый алфавит были обязаны изучить сотрудники всех предприятий и учреждений. В ТГАТе по этому случаю был издан специальный приказ, согласно которому весь коллектив должен был ежедневно уделять яналифу один час⁴. Так, под гром и фанфары, происходил отрыв народа от его многовековой письменной культуры.

¹ Там же. – 1928. – 23 сентября.

² Архив ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Коллекция по искусству, оп. 1, д. 5.

³ Яналиф. – 1928. – №19.

⁴ Национальный архив Республики Татарстан, ф. 4088, оп. 1. д. 7; Приказы по Татарскому академическому театру за 1928-1930 гг.: №65 от 15 марта 1929 г., №5 от 11 августа 1928 г., №4 от 11 июня 1928 г., №9 от 18 августа 1928 г., №74 от 16 апреля 1929 г.

Салих Сайдашев. 1947 год

Подпись композитора часто встречается на различных документах административного характера. Это позволяет точно определить, чем был занят Салих Сайдашев в определённый день и даже час своей жизни. Например, 8 сентября он присутствовал на собрании коллектива, посвящённом началу сезона, что подтверждает его автограф за номером сорок на подписном листе. А в одном из приказов по театру ему поручалось руководство комиссией по приёме нотной библиотеки оперного театра с точным указанием начала её работы – 12 часов 18 августа.

В архиве театра сохранились документы, подтверждающие должностной статус композитора. Приказом по ТГАТ от 11 июня 1928 года за подписью директора М. Зайтова и режиссёра Г. Девишева Салих Сайдашев с 1 сентября принимался на должность заведующего музыкальной частью¹. Новый приказ с теми же подписями от 18 августа подтвердил прежний, но с конкретизацией назначаемого композитору «оклада жалованья» в размере 130 рублей в месяц². Для сравнения – оклад рядового артиста составлял 59 рублей. Приказом от 16 апреля 1929 года трудовой договор дирекции театра с Салихом Сайдашевым, как и с другими сотрудниками, был расторгнут³.

[...]

Несомненно, наибольшую ценность среди сохранившихся документальных материалов составляют те, которые непосредственно относятся к композиторскому творчеству Салиха Сайдашева. По ним можно проследить судьбу как известных, так и когда-то звучавших, но утраченных сочинений, а также узнать о неосуществлённых по разным причинам творческих замыслах композитора. До сих пор неясна судьба произведения под названием «Мулла кызы» («Дочь муллы»). Сохранился договор от 16 октября 1928 года, заключённый «между дирекцией ТГАТа в лице М.А. Зайтова и гражданином С.З. Сайдашевым», согласно которому композитор должен был предъявить к 1 января 1929 года оперетту «Мулла кызы» в четырёх картинах. Дирекция обязывалась уплатить автору аванс в размере двухсот рублей. Окончательная стоимость пьесы устанавливалась в сумме до пятисот рублей. Под документом стоят подписи директора театра М. Зайтова и С. Сайдашева⁴. Можно предположить, что «Мулла кызы» – это также утраченная, но прошедшая на сцене в том сезоне «Сахра кызы» («Дочь степей»). Название могло быть заменено в связи с непопулярным в те времена упоминанием в заглавии пьесы лица духовного звания.

Ещё один любопытный документ не только является веским основанием для пополнения списка сочинений Салиха Сайдашева, но и проливает дополни-

¹ Национальный архив Республики Татарстан, ф. 4088, оп. 1, д. 31.

² Государственный объединённый музей Республики Татарстан. Материалы по истории ТГАТ им. Г. Камала, №119760, д. 1.

³ Национальный архив Республики Татарстан, ф. 4088, оп. 1, д. 15. Материалы о сезоне ТГАТ 1928-1929 г.

⁴ Музей С. Сайдашева.

тельный свет на нелёгкую материальную сторону жизни композитора. Это написанное его рукой (что само по себе представляет историческую ценность, тем более что автографов композитора сохранилось очень мало) заявление уполномоченному обществу драматургов и композиторов города Москвы А. Бутину от 30 января 1929 года¹. В нём Салих Сайдашев просит выхлопотать ему авторский гонорар за музыку к пьесам текущего сезона – «Ханбикэ», «Наёмщик», «Зәңгәр шәл», «Галиябану», «Сахра кызы».

Заявление, видимо, не дошло до адресата, а гонорары так и не были выплачены. В то время как драматурги, числящиеся в штате театра, получали вознаграждение за свои пьесы, Салих Сайдашев, как автор музыки, таких прав почти не имел. Безусловно, он мог претендовать на отдельную оплату своей творческой работы и справедливо не хотел мириться с таким положением.

Среди постановок на музыку Салиха Сайдашева сезона 1928-1929 года в документах театра значатся «Наёмщик», «Ханбикэ», «Тимер ага», «Сахра кызы», «Ут», «Доцент Янбулатов», «ОДВА», «Бронепоезд 14-69», «Галиябану», «Камали карт», «Күк күгәрчен», «Сүнгән йолдызлар», «Урман кызы». Репертуарный список ТГАТа свидетельствует о частоте музыкальных постановок, которыми неизменно дирижировал композитор. Он позволяет уточнить и даты премьерных спектаклей: 26 и 27 октября – «Ут», 1–4, 11 и 15 ноября – «Ханбикэ», 8-10 ноября – «Разлом», 16-18, 23 ноября – «Наёмщик», 23-25 ноября – «Сүнгән йолдызлар», 30 ноября и 1 декабря – «Сахра кызы», 29 ноября и 2 декабря – «Урман кызы». Таким образом, за месяц с небольшим – 22 спектакля! Судя по этому списку (а точность его несомненна, так как этот документ связан с финансовой отчётностью), первые спектакли знаменитого «Наёмщика» прошли ранее известной даты премьеры – 14 декабря.

Дело в том, что в те годы широко практиковались так называемые «закрытые» спектакли для организованного зрителя, как правило, рабочих различных предприятий. Значительная часть из них шла на сцене Рабочего клуба в Заречье (современный Кировский район Казани), который размещался в здании бывшего театра Алафузова. Там прошли первые показы «Наёмщика», а официальная премьера действительно состоялась 14 декабря в ТГАТе.

Из сочинений Салиха Сайдашева этого сезона в полном варианте дошла до нас только музыкальная драма «Наёмщик». О том, какого характера музыка звучала в остальных произведениях, можно судить предположительно. В постановки пьес на современную тематику, особенно переводные, такие как «Доцент Янбулатов» (вольный перевод З. Султанова пьесы А. Файко «Человек с портфелем») или «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова (выпускной спектакль-экзамен студентов театрального отделения Татарского техникума искусств) включение большого количества музыкальных номеров не предусматривалось. Они могли быть не только оригинальными, но и представлять собой «цитаты»: известные революционные песни и марши, популярные образцы бытовой музыки. Что же

¹ Бурган С. Надо поговорить // Кызыл Татарстан. – 1929. – 27 января.

касается пьес, подобных «Ханбикэ», «Сахра кызы», то они являлись музыкально-драматическими постановками и неслучайно обозначены в сводках как «оперетты». Об их утере приходится сожалеть более всего.

Театральный сезон 1928-1929 года стал особым в истории татарского искусства благодаря произведениям, наиболее прославившим имя Салиха Сайдашева, – музыкальной драме «Наёмщик» по пьесе Тази Гиззата и «Маршу, посвящённому одиннадцатой годовщине Красной Армии».

«Наёмщик» явился вершиной творчества композитора и лучшей татарской музыкальной драмой. Он повествует о борьбе народа за освобождение от крепостной зависимости. Следует, правда, уточнить, что сюжет не вполне отражает подлинную историю татарского крестьянства, которое, в основном, было закреплено за государственными землями. В «Наёмщике» (так называли в старину молодого человека, нанимавшегося за плату вместо другого в рекруты) события прошлого трактовались созвучно реалиям времени. Лишь подчёркивая тяжёлую участь угнетённого люда, поднимающегося против высших классов, автор смог, исходя из своих творческих возможностей, построить занимательную сюжетную фабулу и создать жизненные характеры.

Несмотря на это, историческая народная драма Тази Гиззата, в отличие от других музыкально-драматических пьес, в которых преобладал мелодраmatизм, дала композитору шанс реализовать ещё не задействованные приёмы. На основе предоставленного драматургического материала Салих Сайдашев нашёл новые подходы к воплощению средствами музыки содержания пьесы, где главным действующим лицом выступает народ.

«Наёмщик», как и все последующие значительные произведения Салиха Сайдашева, основан на оригинальных темах. Значительно большее, чем раньше, количество персонажей получило глубоко индивидуализированные музыкальные характеристики посредством разнообразных вокальных форм – арий, дуэтов, ариозо. Важные функции в действии приобрели развёрнутые оркестровые номера и хоры. Драматические и музыкальные сцены в «Наёмщике» на протяжении действия чередуются очень органично. Сольные номера связаны непосредственно с какой-либо сценической ситуацией, предшествуют массовым сценам, определяя их содержание и настрой. В первом акте даётся экспозиция образов главных действующих лиц, чьи вокальные партии являются важным средством драматургического развития. Особенно показательна в этом плане партия Батыржана.

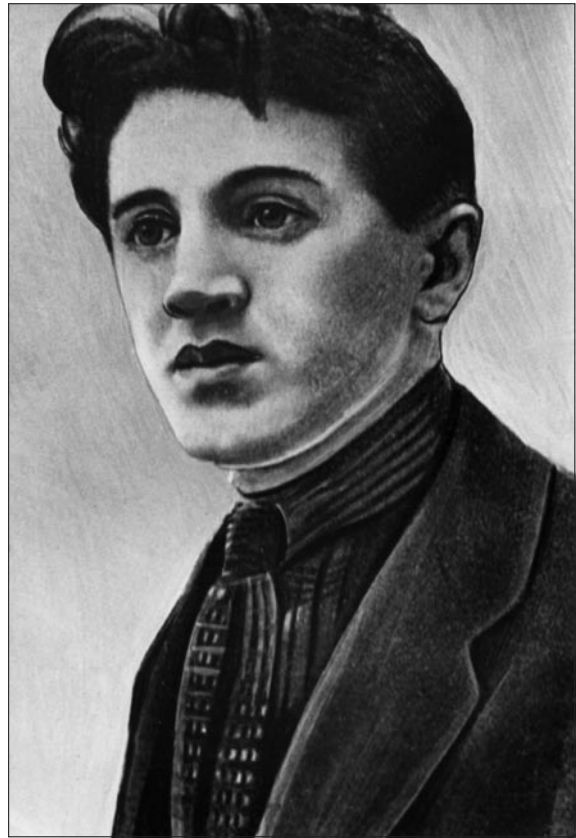
В целом в драме в сложный клубок сплетаются судьбы нескольких групп персонажей. Основной коллективный образ – народ, с которым тесно связаны характеристики положительных героев. Объединяющими моментами действия являются хоры, где все участники действия выступают в единстве настроения, состояния.

Наиболее драматургически значимый оркестровый номер «Наёмщика» – увертюра, построенная на контрасте основных музыкальных тем драмы, – вво-

дит слушателей в атмосферу действия. Она имеет форму, характерную для произведений программно-жанрового симфонизма: чередование разнохарактерных эпизодов с разнообразным тембровым, гармоническим и фактурным оформлением. Темы арий главных героев сменяются связующими эпизодами инструментального характера без ярко выраженной завершённой структуры, что было новым (в то время) для песенной в своей основе традиционной татарской музыки. К примеру, это постепенное нарастание звучности с последовательным подключением всех инструментов оркестра, завершающееся мощным тутти (в переводе с итальянского – все).

Симфонические эпизоды жанрового характера способствуют в «Наёмщике» воссозданию звуковой атмосферы определённой эпохи и среды, в особенности две красочно оркестрованные хореографические сюиты. Первая из них стала истоком одного из направлений развития современной татарской танцевальной музыки, стилистически близкого к народной хореографии. Во второй – хореографической сюите – активно претворяются элементы балетной классики, что, несомненно, способствовало становлению татарского национального балета. Она звучит во втором акте в сцене бала в доме помещицы Шарифы бике. Этой музыкой композитор вносит дополнительный контраст между двумя группами персонажей – крестьянами и их угнетателями, противостояние которых составляет главный драматургический конфликт пьесы. В сюите последовательно чередуются такие номера, как «Адажио», «Пастораль», «Вальс». В чём-то здесь можно провести параллель со знаменитым «Польским актом» из оперы «Иван Сусанин» М. Глинки, где через балльные тайны обрисована враждебная народу среда.

Область лирических образов «Наёмщика» обширна и разнообразна. Лирика – важная, но всё-таки не ведущая линия музыкального действия. Она высвечивает лишь одну из граней образов главных героев, к примеру, Батыржана. Как лирический персонаж, он выступает в сценах со своей возлюбленной Гульюзум. В душевной музыке дуэтов, близкой к традиционным народным мелодиям, раскрывается не только объединяющее героев чувство любви, но и единство взглядов.

Салих Сайдашев. 1930-е годы

В музыкальной драме «Наёмщик» в творчестве Салиха Сайдашева впервые появляется столь многогранно обрисованный женский образ. Гульюзум – первая в целой галерее ярких портретов героинь последующих произведений композитора. В них с большой степенью индивидуализации раскрывается душевный мир персонажей. Партия Гульюзум включает, помимо ансамблей, четыре довольно развёрнутые арии. Эта героиня отличается широтой кругозора, смелостью мыслей и поступков. Вместе с отцом, народным музыкантом, своим искусством она доставляет людям радость. Наиболее значимы в действии первая и вторая арии Гульюзум. Первая из них, выполняя функции, предназначенные для данного персонажа в драматическом действии (развеселить окружающих), одновременно является музыкальным портретом самой героини. Эта ария вносит в колорит драмы светлые, оптимистические тона на пути от героико-драматического настроения, доминирующего в начале первого акта, к завершающей его жизнерадостной танцевальной сюите. Вторая ария Гульюзум передаёт противоречивое душевное состояние девушки, тревожащейся за судьбу возлюбленного, но вынужденной развлекать гостей на балу. Её настроение контрастирует с воодушевлением и весельем окружающих. Это выражается в музыке посредством сольной части арии, где объединяются особенности классической вокальной мелодики и народной лирики и хорового припева, близкого к жанру застольной песни.

Драматический и даже трагический оттенок Салих Сайдашев вносит в музыкальные номера Зубаржат и Гарая – юных героев драмы, разлучённых жестокой помещицей. В арии Зубаржат многократное опевание нисходящих минорных интонаций создаёт настроение безысходности. Дуэт Зубаржат и Гарая интересен нехарактерным для творчества композитора вплетением в оригинальную мелодию фрагмента напева «Элвидаг» («Прощание»). Это короткая, жалостная, многократно повторяемая попевка.

В своё время на страницах журнала «Яналиф» Султан Габаши критически оценил введение композитором в свою музыку этого элемента духовного песнопения, находя противоречие между его интонациями и социальной характеристикой персонажей – крестьянских детей¹.

Возможно, он был прав в том, что подобные мелодии вызывали у аудитории 20-30-х годов определённые слуховые ассоциации. Но данный мотив вполне оправдан музыкально и отражает неосуществимость надежд героев драмы. Главная же новизна дуэта Зубаржат и Гарая заключалась в том, что партия каждого голоса достаточно самостоятельна, индивидуализирована.

Арию Гарая композитор создал по типу любовного «оперного» романса лирического тенора. В ней используются характерные для такого рода музыки приёмы: нисходящие «задержанные» «интонации вздоха», «арфовый» трёхдольный аккомпанемент. В этой арии присутствует также частая смена темпов, детальная нюансировка. Довольно развита её форма.

¹ Кутуй А. Салих Сайдашев и татарская музыка. // Кызыл Татарстан. – 1929. – 1 марта.

Общая направленность лирической линии спектакля отражает переход от светлого эмоционального состояния – первая ария Гульюзум – к постепенному углублению драматических мотивов. Они намечаются, внушая неясные предчувствия, в музыке дуэта Зубаржат и Гарая, затем получают развитие в сольных номерах Гульюзум и достигают кульминации в арии Зубаржат и хоре народа в трагической сцене гибели этой героини.

Одна из самых примечательных особенностей музыкальной драмы «Наёмщик», сближающая её с оперным спектаклем, – наличие разнообразных хоровых номеров, представляющих главный коллективный образ – народ. Они являются

Салих Сайдашев с артистами Татарского академического театра

важным фактором драматургии, кульминационными моментами действия, где все участники выступают в единстве настроения, состояния. Хоры неразрывно связаны с музыкальными номерами главного героя драмы – Батыржана.

Он с самого начала действия предстает признанным народным лидером. В его вокальную партию композитор активно привлекает интонации и ритмы массовой песенной и маршевой музыки. Вместе с тем, в ней есть черты, присущие классическим оперным ариям.

Первая ария Батыржана вносит эмоциональный перелом в действие от сурово-сосредоточенного настроения начальной сцены к состоянию героического подъёма. Её развитие состоит из активных восходящих, ритмически заостренных попевок. Вторая часть арии начинается восходящим тоном, характерным для революционной песенности. При этом автор использует приёмы развития народной мелодики. Ария имеет четырёхголосный хоровой припев аккордового склада. В целом эта ария представляет собой большую сцену, в которой чередуются эпизоды, исполняемые последовательно солистом, женским, мужским и смешанным хорами. Таким образом, в татарскую музыку входило развитое многоголосие.

Тема арии Батыржана приобрела в «Наёмщике» значение лейтмотива народа, элемента сквозного развития, заняв место традиционной лирической народной песни – музыкальной канвы ранних сайдашевских музыкальных драм. Образ народа в «Наёмщике» претерпевает значительную эволюцию, что достигается композитором посредством близких по интонациям, но значительно отличающихся по эмоциональному настрою хоров. Они отражают поворотные моменты сюжетной канвы.

Воодушевление и героика первой арии Батыржана с хором отражает перемену в настроении людей по сравнению с первым хором «Иж сулары» (сурово-сосредоточенным, повествующим о тяжёлой участи крестьян, занятых подневольным трудом).

Далее резко контрастирует с предыдущими массовыми сценами проникнутый глубокой скорбью хор, в котором оплакивается безвременная кончина Зубаржат. Он выражает трагичность ситуации, а интонационно-ритмические особенности траурного марша предвещают последующий взрыв всеобщего негодования.

Контрастирует минорным тонам предыдущих сцен светлая лирика последней арии Батыржана. Эта изумительная «Прощальная ария» построена всего лишь на одной, многократно повторяющейся фразе. Но она так красива и выразительна, что слушать её можно бесконечно. Завершается этот номер героическим хоровым припевом на лейтмотиве народа, переходящим в массовую финальную сцену, основанную на том же тематическом материале.

Кульминацией драмы, завершающей действие, становится хор восставшего народа, построенный на теме первой арии Батыржана. Две тематически родственные арии Батыржана с хором являются основными драматургическими акцентами начала и финала «Наёмщика», связующими музыкального действия.

Таким образом композитор придаёт цельность и законченность своему произведению.

«Наёмщик» Салиха Сайдашева намного расширил круг выразительных возможностей татарской музыки. В нём присутствуют не только разнообразные оттенки лирики и жанровости, но и нетипичные для национального фольклора драматическая, трагическая, героическая сферы образности.

Язык музыки сложен, и её анализ труднее поддаётся популярному изложению, нежели иных форм художественного творчества, поскольку она апеллирует непосредственно к чувствам и является наиболее абстрактным среди искусств.

Возможно, читателя утомил подробный рассказ о «Наёмщике». Однако автору хотелось раскрыть значение этого произведения для развития национального музыкального искусства, показать его цельность и художественную зрелость. Появление «Наёмщика» подняло татарский музыкальный профессионализм на более высокую ступень развития.

Вскоре после премьеры «Наёмщика» Салиха Сайдашева ожидал ещё один триумф. В феврале 1929 года был впервые исполнен знакомый, наверное, каждому, даже далёкому от музыки, человеку не только у нас в республике, но и далеко за её пределами «Марш, посвящённый одиннадцатой годовщине Красной Армии», или просто «Марш Красной Армии». Об истории создания этого марша, его первых исполнениях сохранилось немало, порой противоречивых, воспоминаний и публикаций в печати. Он стал поистине легендарным произведением татарской музыки.

Известный театральный деятель Лукман Аитов в своей версии истории появления «Марша Красной Армии» утверждает, что Салих Сайдашев начал сочинять его в привычной для него шумной атмосфере «комнаты за кассой». Кабинет Лукмана Аитова, тогда администратора театра, находился рядом. Композитор, услышав через тонкую стенку голос хозяина кабинета, возвратившегося после долгих хождений по «присутственным местам» с целью распространения билетов, звал его к себе, заставляя шагать под марш то быстро, то медленно, выверяя ритм. И здесь композитор оставался настоящим практиком, заботясь не только о художественной стороне произведения, но и о его жанровом, функциональном соответствии.

Свой вариант воспоминаний оставил коллега Салиха Сайдашева по радиокомитету и, кроме того, руководитель комитета по содействию армии в Рабисе Исмагил Усманов.

Он отмечает постоянные шефские контакты композитора с Красной Армией. По его словам, создать марш для дивизии, которой командовал известный татарский генерал Якуб Чанышев, предложил именно он.

Вначале Салих Сайдашев отказывался: «Нет, «бэгырь» (это слово композитор употреблял, когда хотел выразить свою приязнь, симпатию, в переводе означает «милость», «дорогуша»), я лирик, а марш – это подъём, мажор...». Однако уго-

воры действовали. Он начал импровизировать, и постепенно из отдельных фрагментов стала складываться основная тема произведения.

Впервые самый знаменитый марш Салиха Сайдашева прозвучал на торжествах, посвящённых одиннадцатой годовщине Красной Армии. Проходили они в ТГАТе 22 и 25 февраля 1929 года. Об этом вспоминали многие очевидцы, в том числе балетмейстер Гай Тагиров, драматург Габдрахман Минский. Не все из этих воспоминаний вполне достоверны, по-видимому, их авторы написали о тех торжественных вечерах, которые наиболее ярко врезались в их память, ведь марш исполнялся в те февральские дни неоднократно. Кроме того, он неизменно звучал на аналогичных торжествах в последующие годы. Зал обычно заполняли бойцы Красной Армии. Всегда не было конца аплодисментам, восторженным возгласам. Марш исполнялся на бис. Вызывали на сцену композитора, просили сказать что-нибудь. Но он смущенно разводил руками и говорил что-то вроде следующего: «Вот, слушайте, написал для вас...». Он не был мастером говорить торжественные речи – обо всём говорила его музыка.

В день первого исполнения марша выступал сводный военный оркестр в составе примерно семидесяти человек. За дирижёрским пультом стоял Салих Сайдашев. Затем марш был исполнен повторно, но за пульт встал уже военный дирижёр, руководитель оркестра. Было торжественно объявлено о посвящении композитором своего марша Красной Армии. Представители военного командования зачитали приказ о зачислении Салиха Сайдашева почётным красноармейцем Казанского гарнизона и преподнесли ему полное обмундирование и Почётную грамоту.

Следует отметить, что тогда ещё не было традиции присваивать высокие официальные звания и присуждать престижные премии. Знаки признания были скромными, но отличались искренностью и отражали, как правило, мнение самого народа, а не высоких руководящих инстанций.

Первое исполнение «Марша Красной Армии» современниками было названо большим праздником татарской музыки. Многие годы о нём с восторгом рассказывали очевидцы.

Впоследствии в творчестве Салиха Сайдашева появится ещё немало произведений в этом жанре. Это будут марши походные и церемониальные, парадные и концертные и даже экзотические и фантастические. Обычно композитор создавал свои марши в двух вариантах – для симфонического (для концертного исполнения) и духового (для практических целей) оркестров. Марши Салиха Сайдашева и сейчас являются популярными концертными произведениями, звучат и в повседневной жизни. Некоторые из них ждут своего возрождения.

«Наёмщик» и «Марш Красной Армии» стали главными творческими удачами сезона 1928-1929 года. Первоначальный вариант знаменитой музыкальной драмы в виде оркестровой партитуры и частично в клавире дошёл до наших дней. Сохранилась и рукопись «Марша Красной Армии». На её обложке можно прочитать: «Полковой марш 1-го татарского стрелкового полка в память XI годовщины славной Красной Армии. Утверждаю. Командир Чанышев».

Почётный красноармеец Казанского гарнизона

Оглушительный успех «Наёмщика» и «Марша Красной Армии» поставил их в ряд центральных музыкальных событий завершающихся двадцатых годов. О Салихе Сайдашеве особенно много писали в газетах. Он был неизменным участником всех значительных культурных событий в Казани уже не как молодой, подающий надежды, а как признанный композитор и музыкант. Его популярность ширилась и возрастала.

Одним из откликов на премьеру «Наёмщика» стала статья Сафы Бургана¹ «Надо поговорить». Вот что писал её автор: «Музыка, прозвучавшая в пьесах «Голубая шаль», «Наёмщик», «Ханбикэ», долгое время продолжает звучать в памяти зрителей. На другой день после спектакля музыка, звучавшая в нём, распространяется по городу... Талантливый композитор Салих Сайдашев – восходящая, всё ярче светящаяся звезда на небосводе татарской музыки. Здесь нет преувеличения. Вообще мы ещё по-настоящему, как полагается не изучили и не оценили Сайдашева». Последние строки надолго сохранили свою актуальность.

Подлинная оценка творчества композитора складывалась постепенно, годы и десятилетия. В этом Сафа Бурган оказался провидцем.

[...]

В исторической ретроспективе ясно просматривается значимость наследия Салиха Сайдашева для татарской музыки. В его сценических произведениях она приобретала многожанровую основу. Здесь коренятся истоки национальной оперы, балета, симфонии. Новаторство композитора особенно проявилось в его многочисленных и прекрасных мелодиях. В них ему удалось бережно сохранить лучшие черты татарского фольклора и вместе с тем внести в национальное музыкальное искусство множество новых явлений.

Основным творческим принципом композитора является гармоничное единство традиционного и нового, составляющего основу неповторимости его стиля. Мелодии Салиха Сайдашева, будучи ярко национальными, не напоминают буквально народные мелодии.

Когда-то Пётр Ильич Чайковский сказал: «Далеко не каждому композитору, даже выдающемуся, сопутствует сильный мелодический дар». Салих Сайдашев обладал им в полной мере. Эта самая сильная сторона его таланта неотразимо привлекает к его музыке. Композитор стал достойным наследником богатейших народных песенных традиций, продолжил и развил их в своём творчестве. При всей смелости, максимально возможном привнесении новизны, он не перешёл ту неуловимую грань, за которой его музыка могла бы стать недоступной слушателю. В одном из выступлений в печати он сформулировал своё творческое кредо, которому в искусстве следовал всю жизнь: «Мне хочется создать такое музыкальное произведение, в котором лучшие традиции русского и западноевропейского классического творчества сочетались бы со своеобразием татарского музыкального языка».

¹ Сафа Вафович Бурган (1989-1937). Татарский журналист.

На отдыхе с коллегами. В первом ряду крайний справа – Салих Сайдашев. Батуми, 1928 год

Музыка Салиха Сайдашева на первый взгляд проста и безыскусна, но знатоку и специалисту-музыканту видны продуманный стройный план, строгий выбор средств выразительности, умение объединить в одной музыкальной мысли, казалось бы, самые разнородные элементы, интонации и ритмы, имеющие весьма отдалённое друг от друга происхождение. Ну, а рядовой слушатель воспринимает в музыке Салиха Сайдашева лишь её красоту и непосредственное выражение души композитора. Ему не видны те трудности и усилия автора, с которыми он создавал свои творения. Современникам тем более сложно было осознать, какой вклад внёс этот художник в искусство. В то время мало кто сознавал, в том числе, наверное, и сам композитор, какая огромная творческая работа была им выполнена за время, предшествующее «Наёмщику», полное непрерывного самоотверженного труда, упорного восхождения по ступеням мастерства. Неудивительно, что личность Салиха Сайдашева так ярко врезалась в память его поколения, и понятно, почему с таким особым чувством вспоминают его современники, – с восторгом и поклонением, не всегда, к сожалению, понятным нынешнему поколению. Искренность и увлечённость, с которой Салих Сайдашев создавал, – а он и не мог создавать иначе, – свою музыку, помогают ей жить и сегодня. Сочинения композитора не канули в прошлое, как многие другие явления первой половины XX века. И задача почитателей и пропагандистов его творчества – сохранять и развивать сайдашевские традиции.

ГЛАВА 2

ДНЕВНИКИ ДИЛЬБАР САИНОВОЙ-АХМЕРОВОЙ

— 10.01.1987 —

Приближается 90-летие Салиха абый! Есть решение горисполкома (от 29 мая 1985 года) о создании музея-квартиры Салиха Сайдашева. Сразу приходит в голову мысль: почему музея-квартиры, а не музея Салиха Сайдашева?

Со дня смерти Салиха абый прошло уже более тридцати лет. До сих пор нет ни музея-квартиры, ни музея, ни одного мемориального сооружения в честь родоначальника татарской музыки, талантливого, неподражаемого человека. Вероятно, вина в большей степени ложится на его близких, родных, на семью нашу, Альфреда и, конечно же, на Министерство культуры и Союз композиторов.

В первые годы после его смерти память о нём жила в сердцах его современников, искренне его любивших и почитавших. Вся общественность была взбудоражена, и не было человека из народа, из его круга, кто бы не считал, что имя Салиха Сайдашева будет вечно жить и занимать достойное своему значению место в истории татарской культуры. Как-то думалось, что всегда будет так. Отец, Шигаб Ахмеров, говорил, что похороны Сайдашева вылились во всенародное горе. Такое было, как помнят старожилы Казани, в 1913 году на похоронах Тукая. Даже этот единственный факт ставит их на один уровень в смысле исторической значимости. Это исполины татарской культуры: Тукай – в литературе, Сайдаш – в музыке.

Время, прошедшее со дня смерти, показывает, что людская память не может долго хранить историю в воспоминаниях. Меняются поколения, умирают современники, и память о событии, о выдающейся личности тускнеет, если её не подкреплять, не обновлять.

Причин тому, что нет музея, памятника, не названы именем Сайдашева учреждения культуры, большие улицы (в одном из архивных материалов отца есть горькая фраза о том, что Салиху «повесили» Плетенёвскую улицу и на этом успокоились, упрёк в адрес руководства нашей республики), вероятно, несколько. С одной стороны, наличие личных, каких-то мотивов..., с другой – наша инертность. Кто-то же должен вести этот вопрос, где-то его ставить, требовать, добиваться результатов. Мы же в сутолоке каждодневных своих забот забываем, что именно мы должны защищать этого беззащитного как при жизни, так и после смерти большого человека. Эта задача ложится целиком на Узбека – старейшину рода и хорошего организатора. Я же ему помогаю. Буду писать последовательно всё, что нужно сделать.

— 1.03.1987 —

К сожалению, я не успела сфотографировать дом, где Салих Сайдашев жил до 1916 года. Этот дом, где Салих жил до 12 лет в семье Насретдина Хамитова, Рабига апа (дочь Насретдина) мне показала. На нём не было даже мемориальной доски. Дом же этот исторический уже потому, что на свадьбе Шигаба

Ахмерова (отца Узбека) и Амины Сайдашевой (сестры Салиха) были видные представители татарской национальной культуры: Габдулла Тукай, Фатих Амирхан и многие другие. Это дом, куда маленький Салих в 1912 года из семьи Насретдина Хамитова перешёл на иждивение Ахмерова Шигаба и уже до конца своей жизни был членом семьи Ахмеровых и приёмным сыном Шигаба Ахмерова. Это дом, куда приходил в гости к своему другу Шигабу и часто оставался ночевать Тукай. Это дом, где Салиху впервые было куплено пианино и где его начал учить музыке Загидулла Яруллин, отец Фарита Яруллина. Сейчас на месте этого дома небольшой сквер. Это место мне кажется подходящим для установки памятника Салиху Сайдашеву. Это центр Казани, близко к музею Тукая и к театру, место, где действительно стоял его дом. Не знаю, какие есть проекты относительно скверов напротив театра, об этом надо узнать и поставить вопрос об объявлении конкурса на памятник Сайдашеву, обсудить всенародно место, где он будет расположен.

— 18.04.1987 —

Вчера была у вдовы Карима Тинчурина Загиды апа. Ей уже 90 лет, она родилась в 1897 году. Её мать, урождённая Алкина, — из семьи, получившей дворянство и тяготевшей к русской знати. Старшая сестра Соня даже приняла христианство. Отец её, один из пяти татар, окончивших в то время университет, был учителем, организатором училища для татар. Беседа с ней произвела на меня тяжёлое впечатление, поскольку у человека в 90-летнем возрасте в воспоминаниях сохраняется то, что было наиболее близким и ярким в молодости. Весь разговор шёл о ней, о её личной жизни, о её молодых годах, и совсем не вспоминается Тинчурин, не говоря уже о Сайдашеве.

Мне показалось по некоторым нюансам в разговоре, что случившееся с Тинчуриным, то есть арест и расстрел в 1937 году, связано, может быть, в некоторой степени с тем, что он присоединился к этой дворянской семье.

Поженились Тинчурины в 1919 году, и с тех пор до ареста жили в собственном доме на улице Мусы Джалиля, напротив Петропавловского собора. Загида апа рассказывает, как его арестовали.

«Днём раньше был его юбилей. Много цветов, поздравлений. Через сутки, ночью, он уже лег спать, я сидела, проверяла тетради. Вдруг сильный стук в дверь. Я подумала, что пришли к Ильяссу — в соседней комнате жил мой брат Ильяс с женой. Открываю дверь. Стоят двое мужчин и домком. Предъявляют ордер на арест. Я иду к Кариму. Он берёт ордер, читает; он очень удивлён. Несмотря на то, что Карим производил впечатление очень мягкого человека, в этой труднейшей ситуации самообладания и твёрдости духа он не потерял. Перевернули весь дом. Все книги, рукописи бросали на пол, не читая, сказали, что придут позднее и возьмут. Больше я Карима не видела. Есть несколько его писем, мне из тюрьмы их принесли, я их храню».

Сайдашев познакомился с Тинчуриным в Восточном клубе. Когда Сайдашев женился на Сафие, Тинчурин устроил ему квартиру через домовый комитет в том же доме, где жила и его семья. Сайдашев с женой Сафией, со своей матерью (ак эби) и сыном Альфредом от первого брака жили в двух комнатах.

В это время Галия Кайбицкая развелась с мужем Айдаровым и решила уехать из Казани; она заключила контракт с Астраханским театром. Тинчурин и Сайдашев уговорили её остаться. Сайдашев уступил ей с ребёнком свою квартиру и переехал с семьёй на улицу Насыри, где они сняли квартиру. Оттуда они переехали во двор театра на улице Максима Горького.

Такое бескорыстие и доброта – характерные черты Салиха абый. Кайбицкая до сих пор живёт в этом мемориальном доме.

Загида апа вспоминает: «Первый раз Салих пришёл к нам, когда мы поженились. Потом часто заходил, играл на пианино. Иногда придёт, напевает что-то, советуется с Каримом. Но работали они отдельно. Я не вникала в их дела, что они делали, что писали. Салих относился к Кариму с почтением, называл его Карим абый, а он его всегда Сайдаш. Чувствовалась между ними возрастная разница. Салих аны олыый иде. Сам Тинчурин очень любил преферанс, часто играли у Фатиха Амирхана, Загида Нуркина, Кулиева, но Салих с ними никогда не играл».

— 25.04.1987 —

Сегодня с Узбеком проехали по всем домам и улицам, на которых они жили. Очень жаль, что я не успела сделать фотографию дома на улице Парижской Коммуны. После сопоставления всех фактов из воспоминаний получается, что этот дом наиболее богат историческими событиями. Этот дом назывался Камал йорты. Вероятно, по имени хозяина дома. В этом доме с 1905 года до 12 лет Салих абый жил в семье Насретдина Хамитова, который был его опекуном. Они жили сначала на первом этаже этого дома. По словам Рабиги апа, дом был не очень хороший, тёмный, сырой. Она помнит рассказ своей матери, как у Салиха был рахит, а у неё – малярия. Потом, когда Насретдин абый стал приказчиком, семья переехала на второй этаж дома. Это уже была большая квартира со всеми удобствами того времени.

Жили там Насретдин абый Хамитов, его жена Рауза апа и четверо их дочерей (Рабига, Хава, Разия, Асия), а также вдова Замалетдина Сайдашева с двумя детьми – Аминой и Салихом. Рауза апа – двоюродная сестра Салиха со стороны отца, дочь Бикмухамеда. В этот же дом в 1912 году пришёл свататься к Амине Шигаб Ахмеров, здесь же была их свадьба. До этого Шигаб Ахмеров жил в гостинице «Болгар», там же жил и Тукай; их комнаты были рядом. Некоторое время семьи Насретдина и Ахмеровых жили вместе, затем Хамитовы переехали на Варламовскую улицу. Салих же с матерью и Ахмеровы остались в прежнем доме. Рабига апа вспоминает: в этом доме была большая зала, ещё

комната, большая прихожая, кухня. В этот дом было куплено для Салиха пианино, и сюда часто приходил Тукай.

В 1916 году семья тоже переехала на Варламовскую улицу и поселилась в доме недалеко от семьи Хамитовых. Рабига апа рассказывает, что в это время Салих уже общался со многими артистами, музыкантами. На днях поедет с Узбеком и сделаем фотографию этого дома. Дом стоит без изменений, Узбек посмотрел всё и многое вспомнил.

Оттуда мы поехали на улицу Волкова, где Ахмеровы и Сайдашевы жили в двух домах (1921-1925 годы – в одном доме, 1925-1929 годы – в другом). Эти дома сохранились почти такими же, как были. В доме №46 даже внутри многое сохранилось – зала с колоннами, комната Салиха на третьем этаже. Его пианино стояло у окна, из которого была видна роща. Дом был продан матери Узбека Аминой после ареста отца в 1929 году, и Ахмеровы выехали из этого дома, а Салих абый с Сафией жили там до 1930 года. Узбек говорит, что продажа этого дома – большая ошибка его матери, так как это привело к разобщению семьи, разорению библиотеки (была большая библиотека), потере документов, нот и т.д.

Сначала, после переезда на улицу Волкова, семья жила на первом этаже дома №23. В этом доме произошло знакомство Салиха с Вале́й Мухиной. Валя жила по соседству и приходила к своей подруге Зайнаб, сестре Шигаба; кроме того, она давала уроки музыки Узбеку. Из этого же дома были похороны трагически погибшей Зайнаб (её и себя застрелил Бернияз). Сюда же после армии из Оренбурга вернулся Салих абый.

В 1925 году семья переехала в дом №46 на той же улице. Дом был куплен на ссуду от государства. Этот дом, принадлежавший немцу Кешнеру, был у него конфискован. Ахмеровы купили второй его этаж, а первый этаж купили Гильмановы. Сёстры Гильмановы до сих пор живут в этом доме. Они нас очень радушно встретили, сразу узнали Узбека. Оставили им анкеты, конечно, будет много воспоминаний, ведь эти семьи прожили рядом почти десять лет.

В этом последнем доме, где жили Ахмеровы и Сайдашевы, был самый богатый творческий период жизни Салиха абый. Здесь были написаны многие его произведения. Салих абый считал его своим родным домом. В последние годы, уже после женитьбы на Асие, он приходил сюда вместе с ней, познакомил её с сёстрами Гильмановыми. На втором этаже в одной комнате жила Халима апа, родственница Кайбицкой. Она и сейчас там живёт. Всё помнит. Рассказывает, что последний раз при посещении Салих сказал: «Туган жир бит, тарта». Посидел немного и ушёл.

После ареста Шигаба Ахмерова Сайдашевы недолго жили на улице Волкова. Через некоторое время они переехали в дом, где жил Карим Тинчурин. Оттуда, оставив квартиру Кайбицкой, семья Салиха переезжает на улицу Каюма Насыри, а затем – на улицу Максима Горького, во двор театра, и там Салих живёт до конца своей жизни.

Дом Шигаба Ахмерова в Казани на улице Волкова, 46, в котором жил Салих Сайдашев

На улицу Каюма Насыри вернулся в 1934 году после тюрьмы Шигаб Ахмеров, и вся семья жила опять вместе в страшной тесноте, вместе жили и в квартире во дворе театра, пока Ахмеровы не получили квартиру на улице Галактионова, недалеко от театра. Эта квартира стала для Салиха абый вторым домом.

Жизнь с Сафией сложилась неудачно, и Салих часто бывал у нас, а когда во время войны они разошлись, он и питался у нас, домой уходил только ночевать. В то время были лимитные карточки на деятелей искусства, мама (сестра Салиха Амина) получала продукты питания и готовила обеды. Обедал он нерегулярно, часто его приглашали друзья и даже незнакомые люди – он везде был желанным гостем и собеседником.

— 2.05.1987 —

Первое мая провели с детьми Нияза и Розы (мои сын и дочь) в лесу. Второго решили съездить к Камарии апа Биктимировой. Это наша очень давняя знакомая, хорошо знает Салиха, Сафию и всех. В одно время, в 1939 году и позже, на даче в Кызыл Байраке жили вместе с Сайдашевыми, в одном доме. В передней половине жила Камария апа, в задней – Сайдашев и Сафия с детьми. Это – дом Амины апа Рахматуллиной. Когда семья Ахмеровых жила на улице Волкова, Амина жила у них как домработница. Затем, когда Шигаб Ахмеров организовал деревню Кызыл Байрак, Амина вышла замуж и переехала туда. Эта одарённая от природы, очень умная женщина всегда была близким нашей семье человеком. Мы с Узбеком тоже часто жили у неё, пока не купили в Кызыл Байраке свой дом.

Камария апа вспоминает, что Салих абый не жил на даче постоянно. Он часто приезжал, иногда с друзьями, и всегда было весело, когда он бывал. Любил рассказывать в кругу друзей разные истории, но не любил, когда кто-то отвлекался и слушал невнимательно, заглядевшись в окно, тогда он говорил: «Ярар инде, карап торыйк бераз тэрэзэдэн», – и замолкал.

Однажды он приехал с незнакомым человеком; оказалось, что этот человек работает в тюрьме. Как-то он взял Салиха в тюрьму, чтобы показать внутренность и быт тюрьмы. Салих рассказывает: «Мы смотрели в дверной глазок. Заключённые играли в карты. Мы заходим, а карты тут же исчезают. Смотритель начинает обыскивать всех – карты исчезли. Стоило только выйти, как в камере снова началась игра. Мы снова вошли в камеру, хотелось узнать, куда они прячут карты. Заключённые узнали меня и поведали свой секрет. Оказывается, когда начинается обыск, карты незаметно кладут в карман смотрителя, а потом так же незаметно их оттуда достают». Салих рассказал эту историю с большим юмором и всех насмешил.

Была у него ещё одна любимая история. Как-то девушка назначила ему свидание: «Биш белэн алты арасында», а он подумал, что свидание назначено «Бишбалтада»; приехал туда и долго ждал, только потом догадался, что девуш-

ка сказала о времени встречи. Он часто очень смешно рассказывал эту историю, видимо, она действительно произошла с ним, и он надолго её запомнил.

У него была манера поводить плечом, когда он разговаривал с тем, кого не воспринимал положительно. Он говорил: «Болай итеп жөрмә. Мин бит менә бу французский булкалар белән (так он называл детей) чэй эчәргә килдем...» и начинал свои рассказы, анекдоты и смешные истории.

— 10.06.1987 —

Воспоминания Ахмеровой Гульнары Шигабовны (1916 года рождения, родной сестры Узбека)

«Салиха Сайдашева я знаю с детских лет. Он родной брат моей матери, Амины Сайдашевой. Помню, Сайдашев жил у нас, учился и писал некоторые свои произведения. С нами же жила моя тетя Зайнаб Ахмерова, она училась на медицинском факультете Казанского университета. Вместе с ней училась будущая жена Сайдашева Валя Мухина. Зайнаб и Валя дружили и часто вместе занимались у нас дома. Сайдашев познакомился с Валею в нашем доме. Валя окончила медфак и они поженились. Валя имела музыкальное образование и хорошо разбиралась в музыке. Сайдашев играл на фортепиано, Валя была рядом, и он советовался с ней, проигрывая свои произведения. После женитьбы они жили в семье Вали, где вместе с ними жили её братья, которые тоже имели музыкальное образование. Во время родов Валя умерла. Я помню, как плакал Сайдашев, очень тяжело переживал её смерть. Они жили дружно, красиво.

Медицинский персонал роддома тоже очень тяжело переживал смерть Вали (она была уже врачом). Профессор клиники просил Сайдашева отдать ему ребёнка (у него не было детей). Сайдашев сына не отдал, кормила его кормилица, а бабушка, мать Сайдашева, воспитывала и смотрела за ребёнком. Мы все вместе жили на улице Волкова. Через некоторое время Сайдашев женился на Сафие. Свадьба была грандиозной, в течение трёх дней. В первый день были родственники, старики и т.д. На третий день работники театра, артисты. Был оркестр. Свадьба прогремела на весь город. После свадьбы они жили у нас. Вскоре Сайдашевы переехали на другую квартиру.

Салих абый часто бывал у нас. Приходил всегда жизнерадостный, весёлый, брал меня на руки, кружился и говорил: «Любимая племянница, будущая артистка!». Рассказывал много интересных историй.

Я была уже студенткой, когда он услышал, как я пою. Я пела, а окно было открыто. Он проходил мимо, услышал пение, зашёл к нам и спросил у моей мамы, кто это так хорошо поёт. Мама ответила, что это его племянница Гульнара. На следующий же день он отвёл меня к преподавателю пения, который тоже нашёл, что у меня хороший голос, и я стала заниматься вокалом. Сайдашев говорил, что я должна быть актрисой, что у меня все данные. Я проучилась два месяца, и Салих абый внимательно следил за моими успехами. Но отец не разрешил мне за-

ниматься – сказал, что не хочет, чтобы в его семье были артисты. Сайдашев был огорчён, уговаривал отца, но это ни к чему не привело. Я бросила пение и училась только в институте. Салих абый часто бывал у нас и всё время уговаривал меня, чтобы я училась пению и стала актрисой. Всё дальнейшее я помню смутно; я училась на медфаке, редко его видела, затем и вовсе уехала из Казани».

Дальше Гульнара рассказывала, как Салих абый жил после того, как арестовали её отца, Шигаба Ахмерова. Сначала семья Салиха жила всё в той же квартире на улице Волкова, потом в доме, где жил Карим Тинчурин, затем на улице Каюма Насыри, а ещё позже – во дворе театра. С ними всё время жила и мама Салиха (ак эби). Гульнара часто приходила к ним, а одно время, пока училась на рабфаке, и жила с ними. Сафия плохо относилась к свекрови. Свекровь жила в холодной и маленькой боковой комнате; там же она и умерла. Салих абый очень часто уходил из дома, задерживался в театре. Дома теплоты и уюта не было. Сафия была женщиной совсем других интересов и не могла создать ему условий для работы и творчества. Они были разные, чужие друг другу люди, и шли по жизни каждый своим путём.

— 7.03.1988 —

Позвонила Галия апа Кайбицкая; она тоже довольна газетной статьёй. Просит, чтобы я с ней поработала над её воспоминаниями, говорит, что сама писать не может, а рассказать хочется о многом. Она, конечно, на сегодняшний день – уникум, так сказать, ходячая энциклопедия, живой свидетель истории всей театральной жизни Казани с самого её начала. Первая исполнительница всех песен Сайдашева, большая поклонница его таланта; они с Салихом абый – большие друзья. Все песни Сайдашев писал именно для её голоса.

Она вспомнила очень важный исторический факт. В середине 30-х годов ряд артистов татарского театра, певцы, композиторы, учились в Москве в татарской студии при Московской консерватории. В их числе были Кайбицкая, Сайдашев, Жиганов и другие. В это время (1934-1935 годы) назревал новый период в развитии татарской музыки, её рост. Были разговоры о создании татарской оперы. В связи с этим для обучающихся в студии композиторов было запланировано в качестве дипломной работы создание опер. Так, Музафаров должен был написать оперу «Галиябану», Сайдашев взял «Зәңгәр шәл», Жиганов предложил своё новое произведение «Качкын». Салих абый серьёзно думал об этом.

Галия апа рассказала позднее об этом факте ещё раз. Оказывается, Тинчурину тоже было предложено ехать в Москву на учёбу как артисту и режиссёру, но он отказался. Салих абый тоже не хотел ехать, однако Тинчурин его уговорил. Он обещал ему написать либретто оперы «Зәңгәр шәл» и «Сүнгән йолдызлар» к приезду Салиха на каникулы, чтобы Салих в Москве начал писать музыку. Этот разговор состоялся при Кайбицкой. Салих абый очень обрадовался и согласился. При этом он очень возмущённо говорил, что некоторые обвиняют его, что в Мо-

скве он пил и не работал. Галия апа категорически отрицает это. Говорит, что никогда не видела его пьяным. «Мы же работали с утра до ночи, когда же было пить?». Он любил посидеть в компании; его угощали, но пьяным он не был. Я также это подтверждаю.

Далее Галия апа рассказала, что когда они приехали на каникулы из Москвы, то собрались у Тинчурина, и он прочитал им либретто оперы «Зәңгәр шәл». Все были в восторге. Галия апа говорит: «Я прыгала, вскакивала с места, так мне всё нравилось». Тинчурин обещал к следующему приезду всё уже закончить и сказал Сайдашеву, чтобы он работал над музыкой. «Как приедете, начнём работать вместе!», – это были его последние слова.

Когда они вернулись в Казань в 1937 году, Тинчурина уже арестовали. Салих абый тяжело переживал потерю друга, очень плакал. Все искали хотя бы черновики либретто, но ничего не нашли. Все записи, все материалы увезли. Загида апа Тинчурина рассказала, что во время ареста все рукописи, все книги побросали на пол в общую кучу, а наутро кто-то пришёл и забрал всю этот беспорядочный ворох исписанной бумаги. Вероятно, рукописи потом были уничтожены.

Таким образом, Сайдашев не смог осуществить свою работу как потому, что пропало само либретто, так и по чисто психологическому своему состоянию; трагедия с Тинчуриным, близким другом и старшим советчиком, которого он уважительно называл «Карим абый», надолго вывела его из равновесия.

Далее Галия апа рассказывает: «Позже он сам говорил: «Не надо такие вещи, как «Наёмщик», «Зәңгәр шәл» превращать в оперу. Я не хочу их отдалять от народа, они доступны народу и любимы им такие, как они есть». И он оказался прав. После его смерти «Наёмщик» в 1963 году был превращен в оперу Ключарёвым, а «Галиябану» – Музафаровым, и обе оперы не нашли отклика в сердцах зрителей и оказались нежизнеспособными. В этом предвидении также сказался гений Сайдашева.

— 12.01.1989 —

Риза Ишмурат написал большую статью на татарском языке и сдал её в газету «Татарстан яшьләре». Принципиально нового в статье нет, она длинная и освещает те же вопросы, что и у меня. Надо, чтобы Узбек зашёл в редакцию и продвинул её. Это нужно для ознакомления татарского читателя с вопросом и чисто психологически для Ризы абый. Дело в том, что я уже много раз настойчиво уговаривала его написать драму о Салихе Сайдашеве. Он, конечно, очень стар, силы не те, но когда я начинаю с ним об этом разговор, у него блестят глаза, он оживляется. В последнюю встречу мы около четырёх часов разговаривали об этом. Так увлеклись, что даже получилось что-то вроде сценария. Он уже воображал будущую пьесу: как Салих в 1922 году в военной форме возвращается в наш дом из Оренбурга, как его встречают, как он знакомится с Вале́й, их любовь, смерть Вали. Потом появляется Сафия. Она упрекает его: «Ты со мной

говоришь, а думаешь о Вале!» и т.д. Затем его творчество, общение в совместной работе со знаменитыми артистами, режиссёрами в театре и у нас дома. «А как закончить?», – задумался Риза абый, я подсказываю: «Арестом Тинчурина». Вот так мы сидели и мечтали.

Риза абый вспоминает, как Тинчурин ему рассказывал, что он только подбрасывал Сайдашеву идею для сочинения какой-нибудь песни к спектаклю, а дальше уже работало воображение композитора. Тинчурин говорил: «Я давал ему изюминку, а он делал из неё бриллиант». Риза абый высказал мысль, что если в пьесе о Сайдашеве будет звучать его музыка, то было бы интересно, если бы звучала музыка его антипода, как Моцарт и Сальери. Кто будет писать за Сальери? Стали перебирать композиторов. Он говорит, что когда-то работал с Бакировым над либретто Тукая. «С ним я бы мог работать, у нас получалось, но у него трудный характер. Когда я что-то изменил без него, он сказал, что так работать не будет. Таким образом, ни моя пьеса, ни его музыка не увидели свет, а было потрачено много сил! Но с ним я бы мог работать». Я попросила его, чтобы он сам поговорил с Анваром об этом. Но на другое утро он позвонил мне и сказал, что лучше, если будет звучать только музыка Сайдашева. Хорошо то, что он сейчас категорически не отвергает работу над такой пьесой. Было бы только у него здоровье. Жена его, Райса, не уверена; она говорит, что он очень долго и трудно работает. Я предложила: может быть, сделать так, чтобы ему была дана заявка на пьесу, как это раньше делали Министерство культуры или театр. Она была категорически против этого. Говорит, что тогда он будет нервничать, это будет висеть над ним. Может быть, она и права. Чувствую, что она не заинтересована в его работе, говорит, что всё это ляжет на неё, он уже стар и т.д.

Риза абый вспоминает, как они с Тинчуриным писали пьесу «Тургай». Ему было дано задание написать такую пьесу. Он не успевал, тогда подключился Тинчурин, и они вдвоём, закрывшись ото всех, написали пьесу, а Салих абый – музыку к ней. Части этой музыки сохранились. Хор девушек для четырёх голосов находится сейчас у А. Абдуллина (доцент хорового дирижирования консерватории). Он будет над ним работать; сказал, что постарается сделать скоро, хотя не уверен в успехе. Ноты стёрты, не уверен, все ли они есть. Есть в архивах ноты и других произведений Сайдашева. Скоро начнём их разбирать, там будет видно.

После этой встречи с Ризой Ишмуратом у меня было ощущение, что мы что-то теряем, ощущение незаконченности разговора, что время не терпит. Время шло, мы общались по телефону, и вот я снова пошла к нему домой. Он сильно изменился, чувствует себя плохо. Однако, как это категорически бывает, когда речь заходит о Сайдашеве, лицо светлеет, появляется улыбка. Я заговорила о доме, где жил Салих. И вдруг, несмотря на то, что он еле ходил и плохо себя чувствовал, Риза абый попросил меня сводить его туда. И вот мы ходим по тем лестницам, по которым ходил Салих, по комнате, где прошла шумевшая на всю Казань его свадьба с Сафией, с оркестром, друзьями-артистами, родными, заходим в комнату, где он писал бессмертные песни свои... Риза абый был

взволнован, тихо сказал: «Так плохо, что нет уже сил; очень хотел бы написать пьесу о Сайдашеве. У него так много тем: и драма, и трагедия личной жизни, и трагедия творчества. Если бы начать всё раньше!». Так мы вернулись домой, и разговор продолжился.

— 20.01.1989 —

После Р. Ишмурата к нам приходил и Амирхан Еники. Хотела сама пойти к нему, но он сказал, что хочет посмотреть наш дом, где жили Ахмеровы и т.д. Зашёл, сидел долго, принёс свою статью о Сайдашеве, которая когда-то была напечатана в «Азат хатын». Расспрашивал о смерти Вали, когда и как это произошло. Он знал, что на смерть своего друга артиста Сакаева Сайдашев за 10-15 минут написал «Сакай маршы», присев в сторонке во время прощания, и у него после моих рассказов сразу возникла мысль, что эта музыка после смерти Вали зрела в его душе и выплеснулась, казалось бы, внезапно. А когда я рассказала, что незадолго до этого в семье Ахмеровых и Сайдашевых произошла ещё одна трагедия – погибла сестра Шигаба Ахмерова Зайнаб (её и себя застрелил Бернияз после вечера в «Шәрык клубы»), он окончательно убедился в своём предположении. Горе Сайдаша было так велико и раны кровоточили, поэтому смерть Сакаева, близкого друга, стала, как говорится, последней каплей, и мелодия, звучавшая в его душе, появилась на свет.

Амирхан абый хорошо помнит Салиха. Несмотря на свой солидный возраст (80 лет), мог бы писать, он много не говорит, но если что задумает, то обязательно выполнит. Сейчас он уехал в дом творчества в Москву. Приедет – договоримся о встрече.

* * *

Сегодня звонила Баяну Гиззатуллину. Я его знаю давно – с тех пор, когда мы оба были аспирантами в Академии наук. Он уже тогда по совместительству работал в театре, и они сидели с Салихом абый в одном кабинете: Салих абый – музыкальный руководитель, а Баян – заместитель секретаря парткома. Художественным руководителем (главным режиссёром) был Ширияздан Сарымсаков, режиссёрами – Габдулла Юсупов, Хусаин Уразиков, а директором – Нажип Гайнуллин. Баян Гиззатуллин рассказывает: «Нам спустили указание о сокращении штатов. Мы долго думали, кое-кого сократили, подумали, что Сайдаш получает зарплату всего 890 рублей (до 1961 года). Мы думали, что для него это не деньги, ведь Сайдаш считался большим человеком, обеспеченным; думали, что деньги для него – не проблема. Он не возражал. Через некоторое время я встречаю его около радиокомитета. Он открывает ладонь и показывает мне 420 (до 1961 года) рублей, которые он получил как гонорар за несколько месяцев, и говорит, что на эти средства он должен жить. Тогда только я понял, что всё это значит».

Первый раз Сайдашева уволили в 1939 году – якобы в творческий отпуск. В 1946 году вновь приняли на работу. За это время он подготовил второе издание музыки к драме «Наёмщик», и постановка драмы с новым музыкальным оформлением прошла с большим успехом. В 1948 году его снова уволили, и до 1954 года, вплоть до самой смерти, он был безработным, не имея средств к существованию, кроме гонораров от его песен, исполняемых от случая к случаю.

— 26.01.1989 —

Галия апа вспоминает последнюю встречу с Сайдашевым. Они с Мухамметом Садри пришли к нему в больницу в Казани. «Салих очень обрадовался, попросил принести ему из радиокомитета плёнки с записями наших песен. Я не смогла этого сделать – не помню, почему. Не помню, тогда или позднее эти записи были уничтожены. Я описала всю эту встречу в стихах в своих мемуарах», – сказала она.

Далее она рассказывает, как Сайдашев переживал арест Тинчурина, Бурнаша. Видно, ему самому было очень тревожно. Однажды она спускалась по лестнице консерватории в очень весёлом настроении и, увидев сидящего на подоконнике Салиха, подбежала к нему и обняла. «Что ты грустишь тут один, Салих?», – спросила она. Он очень резко отстранил её: «Ты, Галия, около меня не ходи, как бы не случилось беды. Мне сказали, что Асия Измайлова и ещё кто-то написали на нас, что мы поём песни врагов народа». Сказал он это очень серьёзно, с несвойственным ему выражением лица. Это она до сих пор помнит.

На днях встретила Юлдуз Бурнашеву, племянницу Фатхи Бурнаша. Она читала материалы допроса Бурнаша и сказала мне, что там почти на каждой странице фигурирует имя Сайдаша. «Салих абый, оказывается, тоже всё время ходил по острию кинжала», – сказала она.

Воспоминание Галии Кайбицкой

«Когда он писал музыку к пьесе «Кандыр бую», он не сидел часами за роялем. Легко писал. «Песни сами идут ко мне», – говорил он. Слегка перебирая клавиши, неожиданно создавал новую песню. «Я вот с тобой разговариваю, а в уме у меня рождается новая мелодия».

Галия апа рассказала несколько случаев, как создавались его песни. Когда ставили «Кандыр бую», вся музыкальная часть пьесы писалась на ходу. Однажды Салих пришёл и говорит: «Галия! Ведь ещё нет конца арии Гуляндам!». А сам смеётся. Я тоже засмеялась: «Ничего, Салих, я и так спою. Ведь никто не знает, что ария без конца, я так спою, что никто ничего не поймёт». Он посмотрел на меня, улыбнулся и говорит: «Всё, я нашёл!», и побежал в свою комнату. Я за ним; смотрю, он уже сидит у рояля и наигрывает, имитируя мой смех. Так была закончена ария Гуляндам.

Ещё один случай. Идёт репетиция «Наёмщика». Я исполняю арию Гульюзум, а дальше по пьесе должна идти пляска. Режиссёр Сулейман Валеев-Сульва спра-

шивает: «А где музыка пляски?». Репетиция остановилась. Все стоим и смотрим на Салиха. А он так задумался, что нас не замечает, как будто далеко от нас. Мне стало смешно. Я взяла да, глядя на него, что-то запела: «Эх, матур син, егеткэй, егеткэй, кайчан була музыкаң, музыкаң». А сама притопываю и приплясываю. Вдруг у него загорелись глаза: «А ну-ка, Галия, повтори ещё раз!». И, сев за рояль, стал что-то перебирать. Валеев-Сульва и все артисты стоят, смеются, а он уже вовсю играет знаменитую плясовую, завершающую арию Гульюзум.

Салих очень тяжело перенёс смерть Нури Сакаева. Они были большими друзьями. Во время прощания Салих прятался от людей, искал одиночества. Вдруг вижу – сидит у рояля, в фойе под лестницей, и что-то пишет. Через некоторое время подошёл к музыкантам и сказал им: «Давайте попробуем сыграть. Это мой последний подарок Нури».

— 1.04.1989 —

Наконец-то собралась и поехала к Мухаммету Садри, я с ним очень долго вела переговоры по телефону, много раз договаривались о встрече, но как-то все не получалось. Очень довольна, что встретила с ним сама. Я просила сходить к нему Альфреда с Верой, они очень дружны; они один раз были там, но ничего конкретного не привезли. Узнали, правда, что у него есть три письма Салиха абый из больницы, но он почему-то пока их не отдал.

Мухаммет Садри – один из самых близких друзей Сайдашева в последние годы его жизни. Когда Салиху абый было очень плохо, они как раз близко сошлись. Я помню их всегда вместе, вдвоём или втроём. Был с ним ещё и Гамир Насрый – поэт. Но особенная близость была с Мухамметом Садри. Они часто приходили и к нам в дом, к отцу, в общем последние четыре года были неразлучны. Мухаммет абый рассказывает, что они были знакомы и раньше, но особенно сблизились после увольнения Салиха из театра. Как-то раз он встретил Салиха у театра Камала очень подавленным, беспомощным. Мухаммет абый пригласил его на работу к себе, в Дом печати, где он работал корреспондентом газеты. С тех пор они стали часто встречаться. Салих абый приходил к нему на работу, где тут же из всех отделов и редакций появлялись знакомые и незнакомые, но знающие Сайдашева, образовывался кружок, центром которого становился Сайдашев. Были анекдоты, смех, юмор. Салиху абый, оторванному от людей творческих, обстановка, царившая в Доме печати, очень понравилась. Он почувствовал себя среди людей своего круга, где его знали и любили. Он сразу стал там своим человеком. Ему стали предлагать стихи, чтобы он написал музыку; появились гонорары.

Салих абый, человек тонкой души, очень быстро откликался на доброту, искренность. И эта привязанность его к Мухаммету Садри, их дружба – ещё одна полоса в жизни Салиха Сайдашева. Мухаммет абый не только любил Сайдашева, как многие люди того времени, но ещё и старался помочь ему в трудной жизни. С момента сближения этих людей начался период написания песен на стихи разных

поэтов, главным образом, на стихи Мухаммета Садри. Получил первый гонорар – 500 рублей – за «Чишмэ буенда» (есть записи Марьям Рахманкуловой на радио). Когда Мухаммет Садри стал заведующим отделом литературы и искусства газеты, он пошёл в Кремль к председателю Совмина и заключил договор на написание совместно с Сайдашевым пьесы «Ак күгәрчен». Она оказалась последней, незавершённой работой Сайдашева. Когда был завершён первый акт, составили договор, и Салих абый получил аванс – около трёх, а Мухаммет Садри – около полутора тысяч рублей. Были написаны увертюра и одна ария к первому акту. Эта ария хранится у Галии Кайбицкой, ноты же увертюры надо искать. Мухаммет абый помнит некоторые мелодии; он мне их напел, надо бы записать.

Мухаммет Садри рассказывает: «Первым делом, как только получили деньги, поехали на «толкучку» и купили Салиху концертный костюм. Он очень радовался, но через некоторое время костюм расползся, так как оказался гнилым от долгого хранения в сундуке».

Затем Мухаммет Садри уговорил директора Таткнигоиздата Закира Валеевича Тинчурина (бывший председатель Совмина) издать сборник детских песен, написанных Салихом Сайдашевым за последние годы. Это тоже стало большой поддержкой.

Организовали концерт из произведений Салиха Сайдашева. Он очень просил Мухаммета Садри провести концерт. Специально к нему была написана песня «Игенчеләргә дан». Сайдашев сделал оркестровку, и на этом концерте она прозвучала впервые. Дирижировал сам Сайдашев.

— 12.04.1989 —

С кем бы ни разговаривала о Сайдашеве, у всех появляется удивительно доброжелательное отношение к теме. Люди с исключительной добротой и искренностью вспоминают далёкие, ничего не значащие на первый взгляд факты, а на самом деле со всей полнотой характеризующие облик этого обаятельного, прямо можно сказать, несравнимого человека. Все эпитеты, сказанные о нём, – добрый, отзывчивый, мягкий, душевный – ничего не говорят по сравнению с одним эпизодом, рассказанным Джалалем Садрижигановым. Он вспоминает, что когда они учились в Москве, кому-то срочно понадобились деньги. Салих абый достал золотую коронку, приготовленную для себя, и тут же отдал её. До чего же надо быть бескорыстным! В этом проявляется вся его натура.

— 16.04.1989 —

У меня сегодня большая удача. После долгих переговоров, наконец, получила уникальные, никому не известные фотографии Салиха абый. Их принёс мне сын одного из близких друзей Салиха абый 30-40-х годов Чингиз Валеев. Его отец, Ташим Валеев, учитель татарской школы №12, был одним из близких

друзей Салиха абый – как говорится, из народа. Простота, непосредственность, умение держать себя на равных с людьми из самых широких слоев общества часто приводили его к таким тесным контактам. Жена Ташима Валеева – двоюродная сестра Халимы Курбангалеевой, дочери Мухутдина Курбангалеева. В 1920-1921 годах дети семьи Даутовых (Гусман и Нияз Даутовы) и Узбек Ахмеров учились дома у Мухутдина Курбангалеева, поэтому эта семья, вероятно, и раньше была связана с нашей, но, как бы то ни было, по рассказам Чингиза Валеева, Салих абый очень часто бывал у них, а в периоды разлада с Сафией даже жил у них месяцами. Он нашёл для них рояль и Ташим Валеев его купил. Салих абый очень часто сочинял у них музыку. Чингиз Валеев рассказал, как однажды у Салиха абый украли часы с надписью «Салиху Сайдашеву от наркома». Через 3-4 дня кто-то передал эти часы Валееву. Салих абый очень обрадовался. Это ещё один случай, когда имя «Сайдаш» действовало магически. Чингиз рассказывал, что когда умер его отец, Салих абый привёл на похороны сразу два оркестра – русский и татарский – и всю дорогу по пути до кладбища лично дирижировал обоими. «Играли «Сакай маршы» и русские похоронные», – сказал он.

— 17.04.1989 —

Вчера сходили вместе с Узбеком к Гаю Тагирову, балетмейстеру театра с 1929 года. Все годы вплоть до смерти Салиха абый они работали вместе и дружили. Гай был очень рад нашему приходу, волновался, много рассказывал, читал отрывки из своих мемуаров о театре. Пишет много и интересно. Бесценный материал для будущего театрального музея, если таковой получится. Самое главное, он сразу заговорил о балете «Гульнара», который они написали с Салихом абый. Сказал, что нам этот материал даст, и долго искал при нас рукопись, но не нашёл. Обещал ещё поискать. Боюсь даже думать, что рукопись может не найтись, – он уже стар, память плохая. Сказал, что в оперном театре есть оркестровые партии этой вещи, и его дочь, которая там работает, поможет нам найти их. Кроме этой вещи, у него много нот, рукописей разных плясовых, среди которых есть и сайдашевские. Одну мне он уже отдал – «Жилэк жыйганда» из книги «Пионер сәхнәсе» (Казань, 1984).

— 20.02.1990 —

Был очень интересный эпизод, как говорят, Божья воля. Я позвонила по объявлению в газете, чтобы мне настроили пианино. И вот приходит мужчина – он мне сразу понравился – и начинает работать. Как бывает в таких случаях, завязалась беседа. Оказалось, он один из немногих, оставшихся из оркестра Салиха абый, – Максумов Мансур, трубач. Он до конца жизни Салиха абый играл в его оркестре и провожал его с этим оркестром на кладбище.

Он очень образно рассказал о похоронах Салиха абый. Было три оркестра – один в начале процессии, второй и третий – через определённые промежутки. Играли без перерыва, только слушали друг друга. Один оркестр заканчивает, другой в середине процессии подхватывает; так до кладбища всё время и играли. А когда подошли к кладбищу, туда уже нельзя было пройти, – всё было заполнено народом, снесли заборы. Даже оркестранты не смогли пробиться к могиле, они остановились где-то в толпе; как взмахнут платком, так начинали играть. А сам гроб от самых кладбищенских ворот передавали из рук в руки, так как пройти уже было нельзя – всюду был народ.

Когда его похоронили, народ не расходился. Все стояли, никто не уходил. Кто-то сказал, что не может быть, что Сайдаш умер, не верится. «Давайте сыграем его Марш, чтобы не так тяжело было». Мы были в недоумении, говорили нельзя, неудобно. Что делать? Тогда все стали просить, и мы играли Марш, но так играли, что до сих пор помню. Мы очень часто с оркестром бывали на похоронах, хоронили и Музафарова, и Ключарёва, и Жиганова, но таких похорон, как Сайдашева, я никогда не видел. Это было всенародное горе. На крышах домов, на деревьях, по тротуарам – всюду народ. Стар и млад – все провожали Сайдашева в последний путь. Начало процессии – уже у Кольца, а конец её ещё был у театра.

— 27.02.1990 —

Сегодня состоялось прослушивание «Гульнары» у нас дома. Были Гай Тагиров, Азгар Абдуллин, Луиза Батыркаева, Фарита Салитова, Махмут Нигмедзянов. Играли Альфия. Сначала они с Гаем ещё раз поставили акценты, посмотрели всё, затем мы слушали. Инструмент звучал великолепно, Аля играла хорошо, она всё уже хорошо заучила. Молодчина! Стали обсуждать. До того, как Аля начала играть, Тагиров немного рассказал, как создавалась эта вещь. Он хотел, чтобы «Восточный балет» Сайдашева как-то был использован, и стал думать о либретто. Написал и пошёл к Салиху. Ему понравилось, и мы стали работать. Я придумываю танец и даю ему тему, а он пишет музыку; так частями и сделали. Отдали балет в оперный театр. Салих даже получил деньги и сделал оркестровку. Но в это время я заканчивал работу над танцевальными номерами «Башмагым» Д. Файзи и одновременно ставил балет Н. Жиганова «Фатых». Художественным руководителем был Н. Жиганов. Наш балет «Фатых» был уже готов, прошёл смотр, но Жиганову что-то не понравилось, он взял, да и порвал партитуру, и ушёл. Так пропала моя работа над балетом «Фатых». Балет «Гульнара» не прошёл – вероятно, всё вместе, вся обстановка повлияла, но, скорее всего, Жиганов не пропустил. На «Гульнару» был составлен договор в отделе искусства. Клавир сдали в библиотеку оперного театра; я его предварительно переписал и оставил себе. Это был 1949 год. Я предлагал поставить балет «Гульнара» к 80-летию Салих Сайдашева.

Гай вспоминает, что когда создавалась «Гульнара», Салих был очень близок с Мухамметом Садри. Я думаю, что в то время они работали над опереттой «Ак кугэрчен». Это последняя неоконченная работа Салиха Сайдашева. Удивительная мощь, сила таланта, – на ходу написать такой балет! Гай рассказывает, с какой лёгкостью всё делалось: «Салих, монда кызлар килэ, аннары егетлэр, миңа нинди музыка кирэген эйтэм, шпаргалка язып бирэм, ничэ минутка бию барсын, нинди тема, нинде счёт. Икенче көнне ул миңа кыягэз бирэ, мин күчереппазам, тагын задание бирэм, менэ шулай»...

Вот так раскрывается Салих Сайдашев – этот удивительный человек, очень слабый социально, но несущий в себе огромную силу, мощь таланта. Самое тяжёлое для него время. Без работы, без дома, на ходу писать и для Садри, и для Тагирова. Удивительно! Если бы его спросили об этом, он бы ответил на свой манер, мягко, полушутя-полусерьёзно: «Шулай була икэн ул, бэгырь!». Понимай, как хочешь.

Махмут Нигмедзянов: «Спасибо большое за доставленное удовольствие! Надо обязательно зафиксировать этот исторический момент и написать в газету, что сегодня, 27 февраля 1990 года, состоялось первое прослушивание нового, неизвестного балета Салиха Сайдашева. Впечатление очень сильное. Вновь восторгаешься профессионализмом Салиха Сайдашева, оркестровостью мышления; музыка удивляет насыщенностью фактуры, полифонией. В этом произведении Сайдашев предстает очень свежо и оригинально. Поражают интонационная выразительность и танцевальность музыки, виртуозность фактуры и интонационное богатство мелоса. Буквально из музыки предстают восточные образы балета».

Азгар Абдуллин: «Надо клавир быстро напечатать. Альфия не права, что хочет сначала оркестровать, а потом на основе партитуры сделать клавир. Надо дать клавир таким, какой он есть у автора. Краски можно добавить и потом».

Луиза Батыркаева: «Я хочу предложить для оркестровки своего мужа, так как балет восточный, а он по национальности узбек и чувствует эту музыку, уверена, что он сделает на уровне». На это Аля очень спокойно ответила: «Не будем торопиться!», так как они уже решили дать оркестровку Алмазу Монасыпову. Не знаю, как будет лучше, но Гай сразу же согласился. Думаю, они между собой договорятся.

Гай рассказывает, что он задумал писать либретто «Гульнары», ориентируясь на музыку «Восточного балета». Восточная ориентация музыки требовала выбора сюжета на восточную тематику, и он взял болгарский эпос 1434-1437 годов. Когда же была написана музыка, «Восточный балет» оказался только небольшим отрывком среди множества новых прекрасных музыкальных сюжетов.

К счастью, бывают в жизни такие совпадения: ко мне пришёл незнакомый молодой человек и показал партитуру балета «Гульнара»; это был староста оркестра оперного театра. Он обратился ко мне с вопросом: действительно ли это почерк Салиха Сайдашева? Да! Это был почерк Сайдашева, я его узнаю сразу.

Я попросила его оставить на день партитуру, чтобы мне окончательно убедить-ся, и я сделала копию для себя. Вот так у меня оказались и партитура, и клави-р балета «Гульнара».

Я думаю, балет был назван в честь племянницы Сайдашева – Гульнары, ко-торую он очень любил и уделял ей много внимания.

— 5.03.1990 —

Из воспоминаний Исмагила Усманова, друга молодости Салиха Сай-дашева:

«Салих был очень хорошим трубачом. Помню, однажды идёт репетиция «Зэңгэр шэл»; заболел трубач. И вдруг Салих бросил дирижёрский пульт, взял трубу и сыграл не хуже основного трубача; так что то, что он уехал на фронт с заранее определённой целью для организации музыкально-просветительской работы в армии, вполне вероятно. Конечно, это было не без усилий Шамиля Усманова». Так Исмагил Солтанович Усманов ответил на мой вопрос о том, как Салих оказался в армии.

Далее Исмагил Усманов рассказывает: «Я познакомился с Салихом в 1926 году. Мои друзья – студенты Хамид Хабибуллин, Фарит Кулиев, Фаил Мухамедов, Абдулла Гумеров – были знакомы с ним раньше и познакомили нас. В 1927 году я начал работать в обществе взаимного кредита курьером, там же тогда рабо-тал воспитатель Салиха Шигаб Ахмеров. Он был одним из членов этого обще-ства; он мне очень помогал, перевёл меня в конторщики, потом из общества взаимного кредита мне выделили стипендию, и я поступил в вуз.

К этому же времени относится организация переселения дальних татарских деревень на берег Волги. Я помню, что это дело вёл Шигаб Ахмеров. Он ор-ганизовал переселение деревень Кызыл Байрак, Берек, Бахчисарай и других. Для этих деревень были выделены из банка деньги, куплен трактор, построена школа, организована коммуна или колхоз, точно не помню.

С тех пор мы стали близкими друзьями с Салихом. Я начал работать вместе с Шамилем Усмановым в радиовещании журналистом. В то время было труд-но организовывать концерты на радио; не хватало артистов, музыкантов. Од-нажды меня встретил заведующий отделом агитации и пропаганды Рахматул-лин (это мой бывший учитель из медресе) и говорит: «Надо пригласить Салиха Сайдашева». Я предложил Салиху, он подумал и засомневался, сможет ли, ведь работы очень много. Тогда радиостудия помещалась в здании театра. Я его уго-ворил, сказал, что у него будет своя комната для работы, и он согласился. Са-лих нам очень помог. Он разыскал несколько певцов – Марьям Рахманкулову, Яруллу Чамая, Нурмухаммета Сафина и других.

В это время он очень близко сошёлся с Шамилем Усмановым. Они и раньше были знакомы, когда служили вместе, и Шамиль был комиссаром».

Дальше Исмагил вспоминает приезд в Казань Максима Горького.

Концерт в честь приезда Алексея Максимовича Горького в Казань

Лето 1928 года перевалило за вторую половину. В те годы в это время наступали своеобразные каникулы культурных сил. Театры уезжали на гастроли и вместе с ними профессиональные певцы и музыканты. Лекторские силы были в летних отпусках, и работникам тогда ещё очень молодого радиовещания приходилось довольно трудно. Не сводились программные концы с концами. Концерты получались бедные, однообразные, сложно было организовать интересные передачи. Но радиостанция работала, и студия должна была передавать.

В один из таких сложных дней в студию вихрем влетел Шамиль Усманов – в то время руководитель радиовещания. Тогда радиостудия помещалась на втором этаже Татарского Академического театра. Работники студии (а всего их было два-три человека) почти безошибочно определяли по шагам Шамиля, с чем он возвращался в студию. Этот человек был наделён энергией и всегда придумывал что-то новое, радовал своей творческой фантазией. Это было привычно. Но на этот раз он всех ошеломил и озадачил:

«Товарищи, – сказал он очень возбуждённо, – к нам едет Алексей Максимович Горький. Понимаете, какое это событие? Как мы его встретим, как организуем трансляцию его выступлений, какой концерт будет в честь его приезда? А ведь это нам поручено. Давайте думать».

Далее он рассказал, что Горький прибудет в Казань на пароходе 30 августа, будет выступать в нескольких местах, но самая важная встреча с казанцами планируется в Большом драматическом театре. Надо организовать трансляцию этого вечера. Это первая задача. Вторая задача – организовать приличный концерт, как-то познакомить Максима Горького с татарской музыкой. Всё это было чрезвычайно трудно... «Единственный выход, – сказал Шамиль Усманов, – это привлечение Салиха Сайдашева с его оркестром. Правда, он сейчас в отпуске. Надо ехать к нему домой и попросить его; он, безусловно, согласится».

Сайдашев живо откликнулся на эту просьбу и принял самое активное участие в составлении программы концерта. Он быстро собрал музыкантов, организовал репетиции с певцами в сопровождении оркестра. Помнится, были привлечены известные певцы тех лет – Асия Измайлова, Ахат Хисамов, Гульсум Сулейманова и другие. Ведение концерта взял на себя известный поэт и работник радиостудии Адель Кутуй.

Когда пароход, на котором ехал Максим Горький, приблизился к Казани, на «Устье» собралось очень много народа (в то время пристань была на основном русле Волги около устья Казанки, поэтому место причала судов называлось «Устье»). Были писатели Кави Наджми, Шамиль Усманов, Адель Кутуй, Хади Такташ, Тази Гиззат, Фатых Карим и многие другие, журналисты, работающие в газетах «Красная Татария», «Кызыл Татарстан», «Чаян», «Яналиф». Собралось очень много студентов казанских вузов... Пароход ещё не успел причалить, как положено, а молодые писатели Кутуй, Такташ, Усманов были уже в салоне и приветствовали дорогого всем Алексея Максимовича Горького.

При виде этих восторженных молодых людей Алексей Максимович разволновался и очень тепло, по-отечески ласково встретил писателей. Появление Горького на пристани, на улицах и площадях Казани было встречено возгласами радости, восторга. Особенно много народа собралось около Большого драматического театра на улице Баумана, куда должен был прибыть Горький. Практически по улице было невозможно пройти. Вызванная для поддержания порядка конная милиция с трудом справлялась. В зрительном зале яблоку упасть было некуда; всё было забито людьми. Появление Горького вызвало неимоверной силы овацию. А когда Горький говорил, было слышно, как пролетает муха. Его глуховатый бас был слышен в самых отдалённых уголках театра. На лицах у всех было отражено огромное уважение к этому дорогому человеку, Человеку с большой буквы.

На следующий день Горький выступал в Доме культуры (ныне ТЮЗ). Артисты за кулисами с трепетом и волнением ожидали начала концерта. Особенно волновался Шамиль Усманов; ему очень хотелось, чтобы концерт был хорошим и Алексей Максимович остался доволен. Он проверял готовность певцов, оркестрантов, то и дело разговаривал с Кутуем, который должен был вести концерт.

«Учтите, товарищи, – говорил Усманов, – Горький – человек с очень тонким слухом и большим вкусом. Постарайтесь его не огорчать».

Концерт прошёл очень хорошо. Все номера исполнялись на должном художественном уровне, и татарская музыка звучала с большой силой и колоритом. Сайдашев дирижировал с истинным вдохновением. Особенно красиво звучали отрывки из его произведений и татарские народные песни в исполнении любимой народом певицы Асии Измайловой. После концерта Шамиль Усманов представил Горькому Салиха Сайдашева и других участников концерта. Алексей Максимович Горький от души поблагодарил их. Он выразил своё восхищение, что у татарского народа рождается симфоническая музыка, и пожелал успехов в этом большом начинании. Горький сердечно обнял Салиха Сайдашева и крепко пожал руку Шамилю Усманову, а Асии Измайловой оставил автограф в знак благодарности. Вот что осталось в памяти от тех далёких, но очень дорогих памятных дней.

(Из домашнего архива Айслу Сагайдак об отце. Переписано с рукописи Исмагила Усманова, члена Союза журналистов СССР)

Дальше разговор с Исмагилом абый опять перешёл на годы, проведённые с Сайдашевым – 1920-1930-е. Он очень тепло вспоминает мать Салиха абый. Он сказал, что в жизни Салиха большое значение имела его мать; добрая, мягкая, своим присутствием она всегда создавала обстановку тепла и уюта.

«Помню комнату на первом этаже; дверь выходила прямо в сад, там же стоял рояль, и Салих подолгу просиживал за ним в этой комнате». (По рассказам Узбека, это комната, в которой после смерти Вали жила кормилица Альфреда; потом там работал Салих абый).

Позднее их пути надолго разошлись, и снова они встретились уже в 1946-1948 годах, когда Салих абый – безработный, одинокий, – был пригрет

Мухамметом Садри, и Садри привёл его в Дом печати. В это время Исмагил Усманов работал там же, и они встретились вновь. Мухаммет Садри описывает в воспоминаниях, как они тепло встретились, как долго не могли разжать объятий. Но это уже была не та юношеская дружба, это была совместная работа, творчество. Исмагил Усманов был обязательным слушателем всех песен, которые Салих абый приносил в Дом печати для прослушивания.

Он вспомнил один разговор тех лет: «Мы зашли с ним и Поздняковым в кафе перекусить. Поздняков куда-то ушёл, и мы остались вдвоём. Салих долго сидел без слов, потом тихо сказал: «Ты знаешь, очень тяжело. Вот ты приходишь домой, всё рассказываешь Ане, всё, что случилось за день, и она тебя понимает, переживает вместе с тобой, а я ведь этого не имею. Если я скажу, что у меня радость, то мне скажут, что это обман, если скажу – горе, мне скажут так, что станет ещё хуже. Я живу двойной жизнью». В это время он жил с Асией Казаковой. Он часто приходил ко мне домой и говорил моей жене: «Налей-ка мне твоих вкусных щей». Иногда он вспоминал Валию. Он её очень любил. Однажды я встретил их на улице. Держась за руки, они шли получать Валин диплом врача. Как сейчас, помню их весёлые, счастливые лица. Он сказал с гордостью: «Мы идём получать диплом. Она теперь настоящий врач». Он очень тяжело переживал смерть Вали. Помню, как он плакал. Она умерла в 1926 году. Только где-то в 1928 году он стал понемногу приходить в себя. Жизнь втянула его в свой круговорот, и он с головой окунулся в работу».

— 11.03.1990 —

Давно собиралась встретиться с Амирханом Еники. Он долго болел, только недавно вышел из больницы. Мне очень нужно было с ним поговорить о том периоде жизни Салиха Сайдашева, который положен в основу повести Амирхана Еники «Гуляндам».

Моя работа над книгой потихоньку продвигается. Уже написала первую часть «Истоки», куда вошли материалы, связанные с детством Салиха Сайдашева: до 12 лет в семье Насретдина Хамитова и с 12 до 18 лет, до отъезда в армию. Это две подглавы. Я дошла до 16 лет, и как раз получился пробел с 16 до 17-18 лет. Книга Амирхана Еники «Гуляндам» очень хорошо восполняет этот пробел. Мне нужно было уточнить эти годы. События, описанные в повести, как раз приходятся на эти годы. Самое главное, Амирхан Еники обещал дать мне дневники – документальную основу повести. События, описанные в повести, вполне реальны. Еники рассказал историю, как он получил эти данные, так что я могу вполне обоснованно включить их в свою книгу. Вот что он рассказал:

«Как-то случайно встретил в редакции радио Зайнаб Хайруллину. Она протянула мне рукопись и попросила прочитать дома. Это оказался дневник девушки, которой Салих Сайдашев когда-то давал уроки музыки... Материал интересный. Я прочитал несколько раз. На другой день звонит Зайнаб и просит

рукопись, так как её необходимо вернуть хозяйке. Пришлось дневник вернуть, но я запомнил его содержание и долго думал об этом. Позвонил Зайнаб и попросил ещё раз дать рукопись на несколько дней, но она сказала, что уже отослала дневник хозяйке в Ташкент.

Прошли годы, я же всё время думал о дневнике той девушки. У меня остался адрес хозяйки дневника, и я решил поехать по этому адресу в Ташкент, хотелось поговорить с ней; недолго думая, я поехал.

В те годы в Ташкенте было землетрясение, и квартиру по этому адресу я не нашёл, но мне сказали адрес её дочери, и я обратился к ней. Мы познакомились, я рассказал ей о своей цели, о желании написать по этим материалам книгу, на что она мне ответила, что они все мамины дневники сожгли, так как это её личные вещи, не для посторонних. Тогда я попросил дать мне альбом с фотографиями матери, и когда я листал альбом, из него выпали листы из дневника, часть дневника... В конце концов, дочь отдала мне эти листы, и я написал книгу «Гуляндам». Такова судьба этого дневника».

Вопрос об организации музыкальной драмы потихоньку решается. После двух моих статей в газете об этом многие говорят, что-то советуют. Решили написать «Обращение», собрать подписи 20-25 видных представителей культуры Татарстана и отдать в газету. Салих Низамутдинов уже собирает подписи, я показала Амирхан Еники это обращение, и он тоже подписал его.

Обращение

В связи с начавшимся годом 90-летия композитора Салиха Сайдашева мы, группа деятелей культуры ТАССР вместе с ветеранами войны и труда, обращаемся в Совет Министров республики со следующим предложением, направленным на сохранение музыкального наследия композитора.

Юбилей Салиха Сайдашева – значительное событие в культурной жизни многомиллионного татарского народа, разбросанного судьбой по разным регионам нашей страны. Имя и музыка Сайдашева дороги старшему поколению, а молодёжь мало знакома с его музыкой. Поэтому, наряду с увековечением его имени путем сооружения памятника, открытия музея и других мероприятий, первостепенное значение приобретают мероприятия, направленные на сохранение его музыкального наследия для будущих поколений.

Для этого имеется только один путь: наряду со сбором разбросанных по разным местам произведений Сайдашева и издания полного собрания его сочинений, восстановить все спектакли с его музыкой в том историческом здании театра, где они родились и были признаны народом. При этом следует учесть, что вместе с музеем Сайдашева, расположенным во дворе этого театра, возникает музыкально-театральный мемориальный комплекс. Очевидно, что музыка Сайдашева должна звучать со сцены постоянно. Если бы такие композиторы, как Кальман, Легар, Оффенбах не звучали со сцен театров, разве их музыка была столь популярной в народе? То же можно сказать и о музыке Салиха Сайдашева.

Сегодня мы обращаемся с просьбой о создании в Казани Государственного татарского театра классической музыкальной драмы в старом здании театра, в стенах которого когда-то зародились основы нашей национальной драматургии и нашей национальной музыкальной культуры.

— 20.03.1990 —

Позвонила, наконец, Айслу Сагайдак, дочь Шамиля Усманова, которая написала замечательную книгу о своем отце. Книга написана очень эмоционально и легко читается. Я ей благодарна за то, что она дала мне некоторые, очень важные для меня материалы. Они как-то связывают Салиха Сайдашева и Шамиля Усманова именно в тот период, который меня интересует. Это очень важно, так как в биографии Салиха абый очень много белых пятен, подчас не поддающихся анализу и трактовкам, особенно с 17 до 18, 19 лет – до отъезда в армию. Почему, из каких соображений, по какому порыву он вдруг уехал на фронт? Зная склад ума, особенно сти мышления Салиха абый, хотелось бы понять, почему он вдруг сорвался и, как пишут, уехал добровольцем в Красную Армию. Нужна трактовка мотивов этого поступка. Материалы, которые мне дала Айслу Сагайдак, частично проясняют это.

Оказывается, Шамиль Усманов, будучи комиссаром бригады, куда входили три татарских полка, формируя военные части, не упускал из виду уже тогда порученную ему, как комиссару, задачу поднимать дух бойцов перед сражениями. Уже тогда, в тревожные годы борьбы, он думал об этом, а потому привлёк в свою бригаду некоторых артистов, музыкантов. Существует такое предположение, что Салих Сайдашев тоже был в их числе. Анализируя факты, воспоминания очевидцев тех лет, можно сказать, что Салих ушёл в армию в 1919 году. Это подтверждается «Воспоминаниями» Фатхи Бурнаша (Казань, 1970, с. 61) и в автобиографии Салиха Сайдашева в той же книге (с. 41).

Фатхи Бурнаш пишет, что он ушёл на фронт в марте 1919 года, а осенью этого же года встретил Сайдашева уже в Оренбурге. Следовательно, Салих Сайдашев ушёл на фронт после него, как раз в то время, когда одновременно с первым полком формировалась артистическая группа, созданная Шамилем Усмановым при этой бригаде.

В книге Айслу Сагайдак «Глазами памяти» читаем: «Вместе с полком уходила на фронт созданная при бригаде артистическая группа» (с. 57). Кроме того, в личном архиве Айслу Сагайдак есть воспоминания Гульсум Камской, где она пишет: «19 мая первый полк поплыл по Волге к Самаре, предстояло провести доукомплектование и подготовку смотра военных частей и снаряжения командармом Восточного фронта Михаилом Фрунзе. Мы, артисты, Мукарама Асфандиярова, Салих Сайдашев и другие, ехали там же, пели песни, русские и татарские. В ту же поездку мы отпраздновали мою свадьбу с Ахметшой Сабитовым, заместителем комиссара 1-го татарского полка. Однако судьбе было угодно, чтобы Ахметша погиб в первом же бою. Но тогда мы не знали, что нас ожидает

впереди, и веселились, репетировали, готовились к выступлениям. Утром причалили к Симбирску, на дебаркадере стоял комиссар Шамиль Усманов и приветствовал полк. Поздравил молодых. Комиссар был очень доволен и прибытием, и особенно тем, что приехали артисты, и было несколько добровольцев-девушек. Дальше мы вместе с Шамилем Усмановым поехали в Самару на комплектование. Там уже было два-три полка».

Далее вспоминает Мукарама Асфандиярова: «Однажды мы репетировали татарский танец. Вдруг сидевший среди зрителей Шамиль Усманов перемахнул через стулья и вступил со мной в перепляс. Это было так неожиданно и так замечательно, что окружающие буквально затихли от восторга».

Материалы взяты из домашнего архива об отце Айслу Сагайдак.

Чтобы проверить эти данные, я помчалась к Исмагилу Усманову. Удивительно приятный, симпатичный человек. Вот что он мне рассказал.

— 11.04.1990 —

Сижу у Амирхана Еники. Он сам мне позвонил и сказал, что нашёл рукопись и отдаёт мне. Как всегда, вначале поговорили о здоровье, о том, о сём.

Далее разговор перешёл к дневнику Фатима-и-Зухры, и Амирхан рассказал мне её историю со слов её дочери, с которой встречался в Ташкенте...

Родители Фатима-и-Зухры хотели дать дочери хорошее образование; для этого приглашали в дом учителей, в числе которых был и Салих Сайдашев – учитель музыки. Девушка влюбляется в своего учителя музыки, о чём и пишет в дневнике. Это, по словам дочери Фатима-и-Зухры, была большая любовь, которую она пронесла через всю свою жизнь; даже перед смертью просила поставить пластинку с музыкой Сайдашева. Однако родители выдают её замуж за симбирского парня, но вскоре она остаётся вдовой. Затем в Казань из Узбекистана приезжает Агзам Ходжаев, который женится на ней, и они уезжают в Ташкент. Агзам Ходжаев тогда занимался внешнеторговыми делами и был хорошо знаком с Файзуллой Ходжаевым – руководителем Узбекистана. В 1937 году мужа репрессируют и она остаётся с тремя детьми (сын и две дочери). Дочь её, Фания Ходжаева, преподаватель Ташкентского театрального института, рассказала, что мама после ареста мужа работала в кинотеатре, играла на фортепиано, потом работала в детском саду, вела музыкальные занятия. Мама часто вспоминала Салиха. Она, очевидно, любила его музыку, если перед смертью просила поставить пластинку с музыкой Салиха, а это говорит о многом.

Была ли это большая любовь со стороны Сайдашева, нам знать не дано. Он, несомненно, был увлечён ею, вероятно, чувствовал, что она талантлива, музыкальна. Она была красива. Салих же был увлечён не только её внешней красотой – это в какой-то степени был его идеал свободной женщины на фоне закрепощения женщин того времени.

Дневник Фатима-и-Зухры интересен ещё и тем, что в нём описывается большой круг людей, с которыми Салих Сайдашев общался в то время.

По словам подруги её матери, которая и сейчас живёт в Казани, Фатима-и-Зухра была очень интересная голубоглазая красавица с тёмными волосами.

Амирхан Еники вспоминает: «Я был знаком с Салихом Сайдашевым с 1920 года, но не очень близко. Близко мы познакомился, когда я в 1945 году вернулся с войны. Тогда он жил с Асийей. Я ничего не могу сказать о ней. Бывало, мы сидели с Салихом, он играл на пианино, она же никогда не выходила к его друзьям. Я слышал от людей, что это дочь богатых Казаковых, её первый муж был репрессирован; друзья якобы говорили Салиху: «Зачем ты взял жену врага народа?» и т.д. Она не внушала симпатии. Салиху было очень неудобно оттого, что она не хотела признавать его друзей. Я знал и Сафию. Была она красивая, привлекательная, но очень легкомысленная. [...]

Салих был очень общительным, его все любили. После войны я однажды встретил его, Анаса Кашапа и Шакира Шамильского, пригласил всех к себе в гости. Мы просидели всю ночь. Это была незабываемая встреча.

Иногда Салих заходил просто так – посидеть в нашем саду, поговорить. Я не был с ним очень близок, много не общался, но запомнились единичные встречи. Последняя из них была перед его отъездом в Москву в больницу. Думается, ему тогда было очень трудно. Он, как всегда в последнее время, стоял у театра и встретил нашу общую знакомую, которая шла ко мне с моими рукописями для проверки; он решил пойти с ней. Салих был очень подавлен, видно, не знал, куда себя деть; не было у него близких, и он пришёл туда, куда понесли его ноги. Он был необычайно молчалив – неприкаянный, тихий, не такой, каким я знал его раньше. Я тогда ничего не понял, только потом осознал его внутреннее состояние. Это была наша последняя встреча. Вскоре он умер в Москве, в больнице, не приходя в сознание после укола».

Исмагил Усманов – друг молодости Салиха

Снова беседую с Исмагилом Усмановым. Это такой тип людей, с которыми хочется встретиться, поговорить – удивительно доброжелательный, приятный старик. Не только рассказывает, вспоминает факты, но ещё и делает свои обобщения. В прошлый раз он прочитал мне свою повесть, где Сайдашев является прообразом главного героя. Она напечатана, но я тогда не посмела выпросить у него эту вещь. И вот подумала ещё раз сходить и попросить повесть хотя бы ненадолго, так как там очень хорошо описано, как Салих сочинял музыку.

Встретил он меня, как всегда, очень приветливо и сразу начал: «Помню такой эпизод. Идём мы с ним как-то по улице, а навстречу – Жиганов. Салих его увидел и говорит: «Пошли на другую сторону». Я ему говорю: «Почему ты его боишься?», а он мне: «Я его не боюсь, я стесняюсь, мне неудобно перед ним, он меня ругает, что я не работаю». В этой фразе весь Салих», – добавил Исмагил Усманов.

Продолжает: «Почему Салих не работал в Москве? Я считаю, что ему вообще туда не надо было ездить. Он зрелый музыкант, а ему сказали: «Забудь всё, что

ты до сих пор делал. Начинай всё сначала!». Он мне сказал: «Очень меня это задело, укололо моё сердце. Как я могу забыть своё творчество, свой капитал?». Это и было причиной, почему он не учился там.

С другой стороны, он человек творческий; ему трудно по натуре подчиняться учебной дисциплине. А работать он умел. Работал на износ, но по настроению – точнее сказать, по вдохновению, или когда поджимали сроки. Он был человеком свободным, вольным, нерегламентированным.

Бывало, разговоримся, я что-то рассказываю, а он впитывает всё, как губка. Очень любил меня слушать. У него не было близкого по духу человека, который мог бы тихо, тактично на него влиять и направлять. В этом он нуждался всю жизнь. Валя была человеком огромной души. Я знал её, видел их влюблённых, радостных. Салих много рассказывал о ней. Она вдохновляла его, питала духовно. Она могла бы быть ему настоящим другом в жизни. Он очень страдал, когда она умерла, и долго не мог прийти в себя».

Записано со слов Исмагила Усманова.

* * *

«В сочинении «Восточного балета» Салих многим обязан балетмейстерам. Вместе писали сюжет, танцы и музыку. Как родился «Восточный балет»? Решили ставить пьесу «Тахир и Зухра». Там по пьесе должен быть балет. Юлий Муко и его жена З. Чарушина должны были ставить танцы. Под их влиянием и при общем творческом подъёме была написана музыка «Восточного балета». В подвале театра имени Галиаскара Камала находилась нотная библиотека, заведовал которой немец Роледар. Когда писал «Восточный балет», Салих часами просиживал в библиотеке, изучая произведения классиков. Когда ставили пьесу, все с большим интересом в этом принимали участие; впервые в балете танцевали Гай Тагиров и его жена Галима Ибрагимова. Музыка была великолепна.

Однажды Салих спросил: «Ты читал сказки «Тысяча и одна ночь»?». Я говорю ему, что она есть в русском переводе. Салих был в восторге от этих сказок: «Как замечательно! Какой широкий мир, какая красота жизни!». Он ещё тогда чувствовал Восток и живо им интересовался. Все высказывания о восточной культуре он впитывал, как губка, всё запоминал и потом где-то неожиданно к этому возвращался и выдавал в музыке.

Как-то мы с ним слушали оперу «Князь Игорь»; его особенно заинтересовали «Половецкие пляски»; опять привлекла восточная тема. В 1929 году в Казани целый год работала Пермская опера, и мы не пропускали ни одного спектакля. Салих садился в последнем ряду и слушал. Он очень любил Чайковского: «Вот, вот послушай «В вашем доме» – это же лейтмотив всей оперы!».

Салих всегда интересовался истоками народной музыки. Ему хотелось побывать в мишарских деревнях, у крещёных татар, запомнить их мелодии, понять, откуда они возникли, влияют ли «макамы Корана» на характер музыки народа. Эти вопросы его очень интересовали.

В драме «Наёмщик» плотники, строящие дворец для бикэ, поют с большим подъёмом песню о труде. Он рассуждал так: почему такие забытые, казалось бы, люди поют с таким подъёмом? Не противоречит ли это действительности? И, обсуждая эту тему, мы пришли к выводу, что труд побуждает человека к творчеству, возвышает его, так что песня не противоречит душевному состоянию работников. Эта песня – гимн труду».

Это очень ценные воспоминания Исмагила Усманова. Эти беседы показывают Салиха Сайдашева не только занимательным и компанейским, как принято считать – это глубоко мыслящий, любознательный человек.

— 6.05.1990 —

Халима Терегулова, музыковед

На вечере прослушивания балета «Гульнара» была одна из старейших музыковедов Союза композиторов Халима Терегулова. Мы познакомились, и я напросилась к ней домой и на следующий же день её навестила.

Её отец Терегулов был организатором «Шэрык клубы» и работал вместе с Шигабом Ахмеровым. Она помнит, как в доме её сестры, которая была замужем за Абубакиром Терегуловым (однофамилец), собиралась вся татарская интеллигенция Казани.

Халима Терегулова познакомилась с Салихом Сайдашевым в Оренбурге. Там открылась Восточная музыкальная школа. С 1916 года и после революции её отец работал в Оренбурге заведующим отделом татарского народного образования. Халима Терегулова вспоминает:

«В 1917 году, окончив два курса гимназии в Казани, я приехала к отцу и стала учиться в музыкальной школе. Мои сёстры, Рабига и Мадина, тоже были в Оренбурге. В 1918-1919 годах многие специалисты из центра уезжали на периферию. Так, в Оренбург приехал дирижёр-хоровик Павел Яковлевич Цесаркин, создавший хор, который стал основой этой музыкальной школы. Окончивший консерваторию Цесаркин был фольклористом, выезжал в деревни, собирал народные песни, которые в школе перекладывал на четыре голоса; это было новое, ибо татарские песни пелись одnogолосо. Этот хор стал знаменитым.

В Казани была частная музыкальная школа Гуммерта; позже он передал её Русскому музыкальному обществу. Салих Сайдашев учился там вместе с будущей женой Тинчурина Загидой. Я была на её выпускном вечере, сидела в первом ряду. Она исполняла Баха. Я не знаю, в каком классе и у кого учился Салих. Потом я увидела его в Оренбурге. Их полк стоял недалеко от нашей музыкальной школы. Из этого полка в нашу школу пришли пять музыкантов в военной форме. Салих был трубачом. У них в полку был свой духовой оркестр.

Салих стал преподавать у нас фортепиано. Директором был Байбеков. Он хотел создать театр оперы и балета, и нас обучали балету. Салих нам аккомпани-

ровал. Он наизусть играл музыку Чайковского, вальсы Шопена. После занятий мы оставались на танцы: вальсы, польки. Играл Салих Сайдашев.

Через некоторое время приезжие преподаватели уехали из Оренбурга. Салих остался основным преподавателем. В это время я уже стала преподавать фортепиано. Салих мне очень помогал. У меня в то время учились Джаудат Файзи, его брат Мифтах и ещё трое – всего пять учеников. В нашей музыкальной школе также учились сёстры Муштариевы.

В Оренбурге был парк «Караван-сарай». Туда мы обычно ходили на гуляние; часто с нами бывал Салих.

Когда Восточную музыкальную школу закрыли, Салих уехал в Казань. В Казани мы снова встретились. Тогда он был женат на Вале. Он мне сказал, что собирается ехать в Москву в консерваторию – учиться по классу фортепиано. Салих в то время работал в театре; это был 1925 год. Он был очень счастлив. После смерти Вали он не поехал в Москву, тяжело переживал её смерть, но потом взял себя в руки и стал очень энергично работать.

Затем я познакомилась и с его второй женой. Во время войны нам давали картошку в деревне. Из театра за картошкой всегда посылали Салиха, потому что его очень любили в народе и всегда давали хорошие, отборные овощи, и он привозил для всех. Однажды я тоже поехала за картошкой и там встретила его жену. Она была очень приветливая.

**Записано с моих слов 6.05.90.
Халима Булатова-Терегулова,
музыковед, член Союза композиторов Татарстана
с 1939 года, со дня основания**

— 23.05.1990 —

Воспоминания Исмагила Усманова (продолжение)

Салиху было присуще чувство интернационализма. Его увлекала идея интернационализма в музыке. Он говорил, что татарскую музыку надо вывести из пентатоники, чтобы она была близка и понятна всем народам.

Когда мы вместе слушали Пермскую оперу, он всё понимал, он был весь во власти музыки и своим тенорком подпевал любимым мелодиям. Он был моим учителем в понимании музыки. Он любил музыку как большую ценность, большое достижение цивилизации. Это был очень интересный человек, умел слушать не только музыку, но и собеседника; мы могли разговаривать часами, и с этого, видимо, началась наша дружба.

...Салих говорил о Вале, что это очень большой души человек, с широким диапазоном мыслей. С ней жить было очень легко. Он мне как-то сказал, что если бы Валя была жива, то он бы работал значительно лучше. Я ему говорю: «Наверное, ты бы стал татарским Чайковским». А он мне: «Что ты! Это невозможно!». Он очень любил Чайковского, но ему и в голову не приходило, что когда-нибудь

татарский народ назовёт его своим Чайковским. Это будет позже, а пока... До Салиха Сайдашева в татарской культуре не было симфонической музыки, не было оркестра. В театре «Сувар» впервые появился струнный оркестр, который организовал Загидулла Яруллин. Это было достижением.

Сначала симфонический оркестр появился в зале театра и играл во время перерыва. Организатором оркестра был Салих Сайдашев, затем он «перенёс» оркестр на сцену театра, музыка зазвучала в самом спектакле (создание нового жанра – музыкальной драмы).

У Салиха появилась идея ввести в симфонический оркестр гармонь – народный инструмент. Это он сделал впервые в увертюре «Галиябану». Важно, чтобы между оркестром и гармонью не было дисгармонии. Салих нашёл выход – когда играла гармонь, оркестр замолкал. Он ввёл в оркестр соло – соло на гармонии. Солировал гармонист Сафиуллин; Биккенин и Туишев в это время играли в оркестре.

У Салиха появилась идея создать струнный квартет, и он был создан в таком составе:

- 1-я скрипка – Хасан Губайдуллин,
- 2-я скрипка – Аверьянов,
- виолончель – Хамит Абубакиров,
- альт –...

Просуществовал струнный квартет недолго; они сыграли всего лишь два квартета Чайковского. Александр Александрович Литвинов, дирижёр музыкального училища, не всё одобрил, и квартет распался. Салих Сайдашев был дружен с Литвиновым, всегда прислушивался к его советам. Когда у него что-то не получалось, он обращался за помощью к Литвинову, профессионалу высокого класса. Если же Литвинов одобрял его идеи, то он, окрылённый, брался за дело.

Салих очень долго всё обдумывал, консультировался. Бывали конфликты с режиссёрами, которые требовали упрощения форм; он отвергал эти требования, если они противоречили его пониманию искусства, настаивал на своём. Был такой случай с Сулейманом Валеевым-Сульвой. Решили показать спектакль в упрощённом, лубочном стиле – нечто ярмарочное. Надо было подготовить соответствующую музыку. Сайдашев наотрез отказался – сказал, что музыку менять не будет, что в пьесе и так чистый натурализм. Это очень упростило бы музыку. Он проявил твёрдость, не пошёл за модным течением.

Как-то пошли с ним в Татарскую слободу, у Салиха там какие-то музыкальные интересы были, кажется, это была семья Яруллиных. Я ему говорю: «Зачем ты меня с собой таскаешь?», а он мне в ответ: «С тобой интересно».

У него были внутренняя культура и принципиальность. Если он принимал решение, то его уже не менял.

Исмагил Усманов

«Конец лета. Слышал – заболел Сайдашев, положили в больницу «актива». Направился я его посетить, как-то успокоить. В больнице встретил Мансура Музафарова – он тоже пришёл к Сайдашеву, принёс большой зелёный арбуз.

У Сайдашева грустные глаза, улыбается через силу. «Не люблю болеть, – говорит, – но настояли обязательно полечиться в больнице».

Разговаривали долго; мы старались взбодрить его, развлечь. У Мансура много всяких воспоминаний, они ведь очень давние друзья, и у них много общего. «Чувствую себя неплохо, – говорит Салих, – неверное, скоро выпишут».

Когда расстались с Салихом, Музафаров задумчиво сказал:

«Говорил с врачом. Серьёзное положение. Знаешь, вот шагаю, а в ушах звучат мелодии Салиха, но они какие-то тревожные, как-то горестно повторяются. Очень жалко терять Салиха».

**Октябрь 1994 г.
Исмагил Усманов**

— 27.08.1990 —

Мидхад Ганиев, народный артист РСФСР:

Позвонил из Уфы Мидхад Ганиев, троюродный брат Салиха Сайдашева, внук Мустафы. По моей просьбе ему написала троюродная сестра Закия танжи. Мы долго разговаривали по телефону, и он рассказал: «Когда я окончил консерваторию, то часто встречался с Салихом абый; я его очень любил. Однажды по какому-то случаю Салих абый написал вставную, новую арию к «Наёмщику». Эту драму давно не ставили, он, видно, думал её переделать, дополнить. Салих абый сам написал ноты и дал мне. Я разучил арию и на другой день спел её в Союзе композиторов. Аккомпанировал сам Салих. Это была настолько сильная ария, что меня заставили исполнить её несколько раз. Он вложил в арию самые сильные чувства: и тоску по Родине, и тоску расставания, и надежду. В общем, что-то вроде «Князя Игоря». Все были потрясены. Ноты я оставил в Союзе композиторов».

Уже после смерти Салиха ко мне в Уфу приехал композитор Александр Сергеевич Ключарёв. Он спросил, не остались ли ноты этой арии или не мог бы я напеть отдельные фразы, но ничего не получилось. Ключарёв написал потом оперу по «Наёмщику», но не помню, с этой арией или без неё. Если бы человек написал только одну эту арию и больше ничего, и тогда можно было бы назвать его гениальным. Больше я никогда этой арии не слышал».

Это всё, что он рассказал мне по телефону. Обещал приехать на юбилей. Надо будет поговорить с режиссёром концерта Мазитовым, чтобы включил его в программу концерта; это украсит концерт, внесёт что-то новое – участие родственника в юбилейном концерте.

Мидхад рассказал одну из импровизаций Салиха, которые он так умел рассказывать, развлекая слушателей. В этих рассказах ничего удивительного и оригинального не было, но Салих умел так преподнести, так входил в роль сам, так подражал, представлял, как всё происходило, что все слушали, разинув рты, и от души смеялись...

Вот что вспомнил Мидхад: «Салих Сайдашев работал в театре Камала и в театральном техникуме. Тогда людям, приехавшим из деревни, было трудно по-

ступить в институт, и они шли, а некоторые специально, «в артисты». В общем, поступающие были не на высоком уровне. Председателем приёмной комиссии был Салих Сайдашев. Когда заходил очередной абитуриент, Салих Сайдашев спрашивал: «Что Вы умеете делать?».

Ответ невнятный.

«Покажите, какой у Вас голос».

Невнятное бормотание.

«Громче, громче!».

Салих с юмором: «Такая труба загремела, что когда я позвал следующего, там никого не оказалось».

Я очень ярко представила Салиха абый в этом рассказе – это восторг! Хотя глубокого смысла в этой ситуации нет, но надо знать Салиха.

— 20.09.1990 —

Встреча с Афзалом Хайрутдиновым, профессором консерватории

Вчера позвонила Марина Рубцова, сценарист документального фильма о Салихе Сайдашеве. Она попросила меня сходить вместе с ней к Афзалу, ей надо что-то уточнить по фильму. Мы вместе были в консерватории и обстоятельно поговорили о Салихе абый. Хайрутдинов – один из людей того поколения, которые, раз встретившись с Сайдашевым, уже навсегда оставались его поклонниками. Афзал с большой любовью говорил о Сайдашеве: «Он был очень одарён – композитор, дирижёр, прекрасный пианист. В его оркестре я работал в 1938 году. Я поступил в музыкальное училище. Директором тогда был Аухадеев. Я играл на гармошке, меня взяли на виолончель и стали учить серьёзной музыке. Всё мне было в диковинку в то время. Я из деревни, никто мне не помогал; надо было искать заработок. Как-то пришёл к нам в училище человек – скрипач – и спрашивает: «Кто играет на виолончели?». Я сказал, что играю, и он мне предложил работать в оркестре в ресторане «Чулпан». Я согласился. В один из вечеров туда пришли директор нашего училища Ильяс Аухадеев вместе с Салихом Сайдашевым, которого я знал только по фото. На другой день меня прямо с уроков вызывает директор и спрашивает, почему я играю в ресторане? Я рассказал, что жить не на что, – отец в тюрьме. Он выслушал и говорит: «Ты оттуда уходи, я поговорю с Сайдашевым, чтобы он взял тебя к себе в оркестр». В общем, сказал, чтобы я тут же уволился из ресторана и вручил записку Сайдашеву. Сайдашев очень приветливо меня встретил, посадил в оркестр рядом с виолончелистом Ивановым. Я оказался вторым виолончелистом в его оркестре. Салих абый бывал очень часто занят на репетициях в театре или писал музыку, в этом случае вместо него дирижировал Иванов; тогда я играл вместо Иванова.

Помню, два дня играли с Салихом абый на похоронах профессора Курбангалеева. Видно, он был близок с ним, сильно горевал.

В оркестре было человек пятьдесят, иногда дополнительно приглашали из училища. Я играл «Ташкыннар», «Бишбүләк», «Күзләр» и т.д.

В это время Сайдашева обязали написать оперу. Вместе с Тази Гиззатом они должны были писать «Наёмщика». Салих абый работал в Дербышках в Доме творчества. Пока его не было, в театре дирижировал или Иванов, или Файзи. Файзи не умел дирижировать – делал он это очень примитивно. Вот Салих Сайдашев был дирижёром высокого класса!

Станным он был человеком... Яркая личность, блестящий талант, но сам он никогда не подчёркивал этого, а между тем выше его никого не было.

Всеобщая к нему любовь, от рабочих до людей самых высоких рангов, дала отрицательный результат: с одной стороны – зависть, с другой – такое тяготение к нему людей, желающих пообщаться с ним в дружеской беседе, что это отнимало у него время и мешало работе.

Помню один эпизод. Перед декадой татарского искусства в Москве специально для её участников открыли кафе. Туда мы с Рашидом Таймасовым, гобоистом, мужем Зулейхи Хисматуллиной, получив зарплату, и направились. По дороге к нам присоединился Салих абый. Только мы присели за столик, все увидели Салиха абый и начали подсаживаться к нам; даже сдвигали столы. Мы уже задумались, как будем расплачиваться, ведь нашей зарплаты не хватит. Такая атмосфера была характерна – там, где был Сайдаш, вокруг него всегда было много народу; он просто притягивал к себе.

Мы готовились к декаде, которая должна была пройти в июле 1941 года. Работа была напряжённая, в театре шли спектакли, мы играли в оркестре; кроме того, готовили оперу «Алтынчэч». Началась война, музыкальное училище закрыли, а в освободившемся здании разместилось эвакуированное из Москвы Министерство пищевой промышленности. В театре начали готовить фронтовые бригады. Когда закончился сезон, оркестр расформировали...

Все учились у Салиха абый; все росли на песнях – народных и сайдашевских. Это уровень его таланта. Есть композиторы, которые написали много, но сказать, что всё – золото, нельзя, а у Сайдаша – всё золото... У Сайдаша все песни – шедевры; это яркий мелодист, оркестровщик. Современные гармонии почти не употреблял; у него божий дар, как у Чайковского, – он не умел писать плохо.

Я взял сайдашевские вещи, хотел их обновить, несколько осовременить, но для него современные гармонии не годятся совершенно, поэтому, я думаю, будет очень трудно оркестровать его балет «Гульнара».

Встреча с Шириязданом Мухаметзяновичем Сарымсаковым

Сижу у Ширияздана Сарымсакова. Мы с ним много раз встречались, но как-то получалось, что говорили об очередных делах, а его воспоминания всё оставались «на потом». Сегодня же пришла специально – записать воспоминания. Вот что он рассказал:

«Я приехал в Казань в 1928 году, в театральный техникум. Салих с первого курса преподавал музыкальную грамоту. Я учился с 1928 по 1930 год, два года.

Годовщину, 20-летие татарского театра, провели в здании нынешнего ТЮЗа. Председателем комиссии был Ибрагимов.

С тех пор я всё время шёл по жизни вместе с Салихом Сайдашевым. В 1930 году в Москве была творческая олимпиада. Мы вместе там были. Театр повёз на олимпиаду драмы «Ил», «Утлы божра», оперу «Эшче». Салих абый дирижировал оркестром. После этого я остался учиться в Москве до 1936 года. Когда приехал в Казань, Салих Сайдашев учился в Москве. В 1938 году они вернулись, и был открыт театр оперы и балета. Драматический театр продолжал работать. Молодой режиссёр Кашифа Тумашева ставила драму «Жүзләр» с музыкой Салиха Сайдашева. Ставили драму «Изге әманәт». Сюжет этой драмы: девушка в плену у фашистов. В спектакле звучала очень лиричная музыка Салиха Сайдашева. Я высказал мысль, что музыка должна быть драматичной, но Салих Сайдашев не изменил своего замысла: передать весь драматизм ситуации через лиризм музыки.

— 5.12.1990 —

Вчера, после просмотра нового фильма о Салихе Сайдашеве Рубцовой, позвонила Зухра из Кызыл Байрака и сказала, что у неё сидит женщина, которая хочет что-то рассказать о Сайдашеве. Я на другой же день по этому адресу пошла к ней.

Я в доме невестки Гайнуллина Хайруллы, одного из многочисленных знакомых Салиха абый, почитателя его таланта. Хайрулла, по её рассказу, рано приехал в Казань, работал мальчиком в лавке Замалетдина Сайдашева, отца Салиха. Он из деревни Чемәк Дубъязского района. Это деревня, соседняя с Ибрей, и, видимо, родители прислали Хайруллу в Казань к Замалетдину, предварительно поговорив с его отцом Бикчантаем. Напрашивается вывод: если Замали мог принимать мальчиков к себе на работу в торговлю, значит, дела его шли неплохо.

Сначала Хайрулла служил у Замалетдина, затем открыл своё собственное дело. Замали, отец Салиха, поначалу одолжил ему денег, и так он вырос до самостоятельного хозяина. Его магазин находился на улице Кирова – «Чемәк Хайрулла кибете». Он торговал кожей и имел тесные деловые связи с Замалетдином. Он был всю жизнь благодарен Замалетдину, никогда не прерывал связи с семьёй Сайдашевых. Его сын Султанхамит (1907 года рождения) вырос вместе с Салихом. Он был почитателем таланта Салиха, другом его семьи. Закончив финансовый институт, он работал бухгалтером, зав. секцией в магазине. Салих был частым гостем его семьи.

Я сейчас записываю со слов его жены Асии Гайнуллиной, которая вспоминает посещения Сайдашева и его игру на пианино у них дома. Когда у него было плохое настроение, он жаловался: «Жүтәрмиләр бит мине». Частые его приходы в эту семью как раз совпадали с периодами его увольнений, спада его творчества. Она дала меткую характеристику его творчества: «Когда весной

журчали ручейки с Высокой горы (с улицы Волкова), он слушал шум этих ручейков и даже в этом брал темы для своей музыки». Поистине не знаешь, где услышишь такое! Эта простая неграмотная женщина поняла источник его вдохновения и обобщила все его творчество таким объёмным сравнением.

Записано с моих слов. Асия Гайнуллина.

— 8.12.1990 —

Исмагил Илялов, мандолинист, концертный администратор, друг Салиха Сайдашева

Вчера на концерте увидела Исмагила Илялова. Ему уже около 90 лет, ровесник Сайдашева, вместе играли, творили. Это тот самый знаменитый в своё время Илялов, мандолинист. Я давно хотела с ним поговорить, записать его воспоминания... Увидев его на концерте, обрадовалась и договорилась встретиться с ним завтра.

И вот я в доме у Исмагила Илялова. Ему уже 94 года, но память хорошая, вспоминает особенно молодые годы очень подробно. Он родом из Троицка, уже в 20-е годы слышал о Сайдашеве.

Он рассказывает:

«В 1916 году я приехал из Троицка в Оренбург. Однажды я сделал визит к Фатыху Кариму и рассказал ему, что в Троицке уже есть музыкальное общество, и мы с ним решили организовать музыкальное общество в Оренбурге. Организационное собрание состоялось в конторе известного богача Абдулхамита Хусаинова. Его жена Улмэс – это прообраз героини пьесы «Хаят» Фатиха Амирхана. В организации общества участвовали Валиулла Муртазин, Терегуловы и многие другие. Это общество потом было преобразовано в Восточную музыкальную школу.

О Салихе Сайдашеве я впервые услышал от председателя Наркомпроса Башкирии Абдуллы Адгамова. Он и рассказал, что в Оренбург приехал Салих Сайдашев, музыкант из Казани. Салих Сайдашев стал работать в Восточной музыкальной школе, которая была открыта на базе Музыкального общества. Так я впервые услышал о Сайдашеве.

Познакомился с Сайдашевым в 1921 году. В это время в Оренбург приехал с женой Загидой Карим Тинчурин. Это были голодные годы. Вместе с оркестром Салиха Сайдашева они решили ехать на гастроли в Среднюю Азию. Я тоже взял направление на учёбу в консерваторию в Ташкент. Пришёл на вокзал, тогда поезда ходили плохо. Пришлось ждать поезда на вокзале несколько суток. Там же ожидали подходящего поезда Салих и его оркестранты, ночуя на лавках в саду. Вот тогда-то я и познакомился с Салихом. Я уехал в Ташкент раньше, чем они, в этот состав поезда они не попали. В Ташкент они так и не приехали. Очевидно, Салих и оркестр поехали в Бухару.

Салих работал в кинотеатре тапёром. Там произошёл пожар, и многие не смогли выйти из здания. Здание было двухэтажным. Пожар начался в кино-

будке. Салих поднялся на второй этаж и выпрыгнул из окна, при этом сломал палец, для пианиста это, конечно, была большая травма. Это он мне рассказывал, когда через год приехал в Ташкент. В Ташкенте он не выступал. Вскоре он уехал в Оренбург. Вслед за ним и я приехал в Оренбург. В 1922 году я переехал жить в Уфу, Салих уехал в Казань.

В 1924 году я переехал жить в Казань, и снова мы встретились с Салихом в «Мәдәният йорты». Директором там был Заки Баязитский, режиссёром – Карим Тинчурин, администратором – твой отец, Саинов-Пороховский. Я часто приходил к вам, вы тогда жили во дворе театра. Вашими соседями были Фатхи Бурнаш, Фатима Ильская. Салих меня приглашал к себе в оркестр, но я не пошёл, стал выступать со сцены самостоятельно, одновременно работал в госторге бухгалтером, надо было зарабатывать деньги. Но я всегда был рядом в театре. Давали концерты Габаши, Альмухаметов, Суфия Алкина, Сулейманов и я. С тех пор всё время рядом с Салихом. Был у него на свадьбе с Сафией, свадьба длилась три дня, играл оркестр. Это была свадьба на всю Казань».

Далее он вспоминает: «Я помню, что «Мәдәният йорты» был первым татарским театром. Ставили «Зәңгәр шәл». Сцена была мала, да и в зале не помещались все желающие посмотреть спектакль. Стали претендовать на большой театр, особенно хлопотал Ситдик Айдаров. Театр только шесть месяцев жил на дотации от государства, летом всех увольняли, и артисты разъезжались на гастроли.

Благодаря ходатайству театральной общественности правительство Татарии предоставило артистам годовое обеспечение зарплатой и другое большое здание на улице Максима Горького.

Помню, Салих очень уважал Габаши. Звал его Габаши абый. В 1930 году я получил телеграмму за подписью Ризы Ишмуратова. Он тогда был режиссёром татарского театра: «Воздержитесь от гастролей. Вы нужны для организации студии в Москве». Я тогда жил около года в Москве, занимался организацией татарской студии. Сулейман Валеев-Сульва был во главе группы, приехавшей на учёбу в студию. Это был конец 1933 года, а в январе 1934 года приехали артисты, которые должны были учиться в студии.

— 4.04.1991 —

Азгар Абдуллин, дирижёр, современник Салиха Сайдашева

Очень давно в планах было записать воспоминания Азгара Абдуллина. И вот, наконец, мы с ним беседуем. Пишу сразу с его слов:

«Я познакомился с Салихом Сайдашевым близко только после войны. До этого я учился вместе с Афзалом Хайрутдиновым в музыкальном техникуме, а Афзал параллельно с учёбой работал в сайдашевском оркестре. Я же просто видел Сайдашева со стороны, восхищался им и не думал, что выпадет счастье узнать его ближе. В народе так много было разговоров о нём, даже среди рус-

ских. Я жил на квартире у русских, и моя хозяйка часто говорила мне, какой он деликатный, простой, что его все любят. Не помню, откуда они всё это знали, но то, что хвалили, помню хорошо.

После техникума я начал работать в художественной самодеятельности хором, и мне по работе приходилось советоваться с Салихом Сайдашевым, как тот или иной кусочек его музыки сделать по-другому. Он, несмотря на внешнюю мягкость, был человеком принципиальным, особенно если речь шла об изменении или трактовке его музыки. Поэтому я до сих пор, если композиторы или дирижёры хотят изменить его музыку, зная его принципиальность, всегда стою на том, что надо восстановить то, что он делал сам, иметь в виду, что он хотел. Могу сказать, что сейчас я хорошо чувствую его музыку и стою принципиально на том, чтобы далеко не уходить от первоначального материала.

Мне приходилось видеть Салиха Сайдашева и в быту. Слух о нём проникал и в деревню, в простой народ. И вот ко мне из деревни приехал мой отец и захотел его увидеть. Однажды нам повезло. Встретились случайно. Это было так. Мы с отцом зашли в закусочную. Вижу – за стойкой Салих Сайдашев с кружкой пива; я познакомил отца с ним. Он пил пиво маленькими глотками, согревая кружку руками. Разговорились, видно, мой отец ему понравился, и он пригласил нас тут же к себе домой. Для отца это была невероятная радость. До сих пор помню, как Сайдашев доброжелательно отнёсся к совершенно не близким ему тогда людям. Очень ярко запомнился один из многочисленных его смешных рассказов: «У меня был друг, мне – двадцать лет, ему – тридцать. Что бы я ни говорил, он прерывал меня: «Погоди-ка, ты ещё молод». Через двадцать лет – то же самое. Мне – 40, ему – 50, но стоит мне начать, как он опять: «Не суйся раньше старших, ты ещё молод». Вот я всё время жду, когда же я постарею и никак не дождусь». Как будто ничего особенного, но он так интересно рассказывал, что мы все хохотали, и главное – это запомнилось на всю жизнь.

Мы сидели у него дома довольно долго. Дома была его жена Асия, он попросил её приготовить рисовую кашу... Когда стали прощаться, он пригласил нас заходить ещё. Мой отец до самой своей смерти рассказывал этот случай своим друзьям.

Я часто советовался с Салихом Сайдашевым, когда работал над его произведениями. Это очень важно для музыканта чувствовать, что хочет автор, и мне удавалось узнать, как он трактует свои вещи, что хочет выразить.

Я учился в Москве в аспирантуре. Однажды мне встретила Асия Измайлова и сказала, что умер Салих Сайдашев. Мы бросились в больницу, но не успели, его уже увезли. Потом узнали, как его хоронили, всё это было передано из уст в уста в Москву. Это было большое, всенародное горе. В 1938 году умер Ситдик Айдаров, тогда тоже были большие похороны, был сентябрь; запомнилось, как народ хоронил своего любимого артиста. В Москве видел похороны Сталина, похороны хорового дирижёра Юрлова. Но, рассказывают, похороны Сайдашева

превзошли все. Это о многом говорит. Речь Ширияздана Сарымсакова на похоронах передавалась из уст в уста...

Я стал дирижёром театра имени Галиаскара Камала в 1957 году перед Декадой татарского искусства в Москве. На декаду подготовили «Зәңгәр шәл», «Хужа Насретдин»; клуб «10 лет Октября» готовил «Башмагым». Директором декады был Я. Шамсутдинов. Он участвовал и в подготовке к декаде 1941 года. Он тогда учился в пединституте и играл в оркестре филармонии на домре.

Когда началась война, мы ещё два-три месяца работали в оркестре, потом нас расформировали по сокращению штатов. Он ушёл на фронт и я тоже.

Помню рассказ, как ставили «Сүнгән йолдызлар» и Тинчурин предлагал использовать татарскую народную песню «Мәләжәп»(?), но Сайдашев доказывал, что эта песня не раскрывает драматизма пьесы, настоял использовать музыкальную тему из оперы Глинки «Руслан и Людмила», написал переложение, и получился прекрасный дуэт Сарвар и Исмагила, пьеса получила какой-то свой колорит. У Сайдашева было чутьё на выбор и обработку народных песен, используемых по пьесе».

— 20.04.1991 —

Записываю воспоминания Рукии Ибрагимовой. Она рассказывает:

«Я впервые встретилась с Салихом Сайдашевым в Татарском драматическом театре имени Галиаскара Камала. До этого я немного его знала. В 1928 году Султан Габаши организовал в музыкальном училище хор, и мне дали песни из пьесы «Ил» – «Ал чәчәкләр» с хором. Учил нас и проводил репетиции с хором Салих Сайдашев. Потом он дал нам для исполнения хором песню «Сандугач». Я была солисткой. В этом хоре пели Райса Сакаева, Зайнаб Галеева, Наиля Рахматуллина. Все ноты сохранялись у Глазурина.

Это было новое, первое исполнение песни «Сандугач», ещё до того, как появились Садыков, Кайбицкая. Солистка пела первую партию, а хор – где должны быть трели. Это было наше очень удачное выступление.

...В 1941 году я поступила баянистом в театр в Казани. Как раз в это время Салих ввёл в оркестр баян и специально для меня написал партию баяна. (Рукопись этой первой партии я взяла у него. – Д.С.) Это было первое исполнение увертюры к пьесе «Галиябану» с партией баяна. После начала войны оркестр был расформирован, и всех музыкантов уволили по сокращению штатов. В театре из музыкантов остались трое – Глазурин как хранитель нот, Рукия Ахматуллина, дочь скрипача Ахматуллина, и я. Салиха в театре уже не было.

Оркестра в театре не было до 1952 года. На постановки приглашали оркестр по договору. Я работала в театре до 1952 года, но Салиха Сайдашева встречала редко. Театр стал убыточным, так как публика перестала ходить на спектакли. Мы снова стали ставить сайдашевские вещи, приглашали его написать музыку для очередного спектакля. Должны были ставить пьесу «Алсу таң» Мухаммета

Садри. Салих написал для неё песни, а я из них сделала себе попури, на что Салих обиделся: «Песни новые. Почему она их исполняет?».

Во время войны я много выступала в госпиталях. Когда мы исполняли вальс из «Наёмщика», я всегда удивлялась: почему этот вальс незаконченный, только четыре строчки. И вот однажды во время концерта в госпитале я... продолжила его на баяне. Оказывается, среди слушателей был Салих. Вдруг меня вызывают и говорят, что со мной хочет поговорить Сайдашев. Мы встретились, и он мне сказал: «Ты молодец, ты дала мне идею! Я сейчас пойду и допишу этот вальс». В первом варианте этот вальс исполнялся как фон, а в 1945 году Сайдашев сделал новую редакцию и с моей лёгкой руки завершил произведение. Сейчас его очень красиво исполняет Зия Сунгатуллина».

Рассказывает Хажяр:

«Я думаю, что на сегодня нет человека, который мог бы встать рядом с ним. Он был велик, ему ничего не нужно было, ему все было дано от природы. Он не был развратен, похабен, он был деликатен со всеми, особенно с женщинами, на женщин он не смотрел плохо, просто женщины сами ему навязывались...

Однажды мы сидим за столом: Салих, Исмагил Мусин, ещё кто-то. Разговор был о композиторах, и Мусин что-то сказал о композиторе Хренникове, он переиначил и сказал «тот хрен». Тогда Салих, подняв свои голубые глаза, очень серьёзно сделал ему замечание: «Ты чтобы больше за этим столом таких слов не производил». Салих был как цветок, если поливать – растёт, не поливать – засохнет.

Рукия Ибрагимова:

«Однажды я попросила Салиха, чтобы он мне написал для баяна какую-нибудь песню. Он написал мелодию, а слова – я сама. Как-то ко мне пришёл Рауф Хуснутдинов из редакции, и я ему сказала: «Давай эту мелодию опубликуем. Он взял ноты песни, и мы решили, напечатав, отдать их Венере Ганеевой. В редакции газеты «Социалистик Татарстан» отпечатанные ноты вручили Венере Ганеевой».

Беседа с сыном Тази Гиззата, Казбеком Тазеевичем

«1940 год. Салих Сайдашев жил на правительственной даче в Ливадии. Ему поручили написать оперу «Наёмщик», выделили специальный дом. Но его посещают друзья, не дают работать, он же не может им отказать, и они, добрые и недобрые, пользуются этим.

Когда они с моим отцом работали над пьесами «Алсу таң» и «Изге эманэт», было много критики. Неучи! Даже в день рождения моего отца в газете была разгромная статья. Особенно критиковали «Алсу таң». Однажды Ишмурат ему сказал, что это нетипично, что семья рушится. На что отец ему ответил: «Син бит инде үзең ике хатынга өйләнгән кеше».

Перед смертью отец пригласил к нам домой Батыева и всё ему высказал. Бытыев ушёл от нас, даже не попрощавшись.

Однажды мы ехали с отцом на пароходе. Там был и Сайдашев. Для меня он всегда был одиноким, и в гости он к нам приходил один, без жены, и долго у нас оставался один после гостей.

В 1938 году была гастрольная поездка в Уфу. Когда стали выезжать обратно домой, кто-то занимался покупкой билетов и распределением мест, и я оказался в одной каюте с Сайдашевым. Мы ехали трое-четверо суток. Он редко бывал в каюте. Как правило, в таких поездках давали концерты, играли в карты, общались. Однажды я уснул, а он не смог меня разбудить и всю ночь провёл на палубе. Утром, когда я ему открыл дверь, он даже замечания не сделал, был закоченевший, но ни слова не сказал, лёг спать, а потом с большим юмором всем об этом рассказывал и смешил всю компанию».

Казбек оставил мне стихи песен, написанных к пьесе «Иделкәем» его отцом Тази Гиззатом; музыку написал Салих Сайдашев. Пьесу ставят в 1940 году, тема патриотическая – война с финнами. В это время были выездные труппы, и вот как-то певица Зифа Басырова исполняла песни из пьесы «Иделкәем» и кое-где забыла слова. В этой же труппе был Адель Кутуй, он выручил Басырову, добавив забытые ею строки. И стали считать, что песни написал Адель Кутуй, а Тази Гиззата обвинили в том, что он присвоил чужие стихи. Гиззат вынужден был написать заявление в Союз писателей, чтобы восстановить справедливость.

И такое бывает.

— 9.07.1994 —

Воспоминания Ясира Шамсутдинова, директора музея Салиха Сайдашева

Давно собиралась системно расспросить Ясира Сафиулловича о Сайдашеве и других его современниках, он их многих знал. Вот что он мне рассказал:

«Впервые я увидел Салиха Сайдашева в татарской студии при Московской консерватории. Я тогда приехал из Средней Азии учиться в консерватории.

До 1937 года я жил во Фрунзе и учился в педагогическом техникуме. Окончив техникум в 1936 году, остался там преподавать музыку и историю. Музыку я очень любил и даже пытался сочинять. У меня был марш, похожий на марш Сайдашева. С этим маршем я выступал во Фрунзе: оркестр играл марш, а меня посадили в самолёт, и я пролетел над играющим оркестром. В 1937 году меня послали в Московскую консерваторию на годичные подготовительные курсы, чтобы через год я поступил учиться в консерваторию. Оказалось, что эти курсы закрыты, и мне сказали, что есть техникум или Татарская оперная студия. Я зашёл в студию, в учебную часть; там я увидел Салиха Сайдашева и ещё некоторых. Узнав о моих намерениях, меня стали спрашивать, каких композиторов я знаю, что умею. Сайдашев сказал: «А ну-ка, сыграй!», – и дал мне скрипку. Я сыграл «Марш Красной Армии». Им понравилось. Тут вошёл Генрих Литинский. Салих Сайдашев и Хамит Тухватуллин меня рекомендовали, но Литинский сказал, что студийцы уже заканчивают учёбу, и предложил пойти на первый курс музыкального училища.

Мне было 17 лет. Я решил поехать в Казань. Приехав в Казань, я поступил на исторический факультет Казанского педагогического института и на вечер-

нее отделение музыкального техникума, пообещав создать оркестр. Вскоре самодеятельный оркестр заиграл. Я сочинил студенческую песню и стал «знаменитым».

Началась подготовка к Декаде татарского искусства в Москве. При Доме учителя организовали оркестр, в состав которого входил и я; кроме того, во дворе ТЮЗа я вёл кружок музыки. Меня включили в декадный оркестр. Так я вошёл в музыкальный мир.

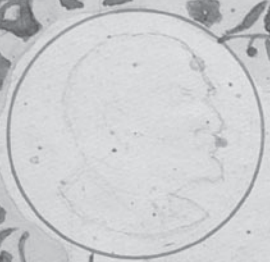
В 1939 году прошёл I организационный съезд композиторов ТАССР и состоялся отчётный концерт симфонической музыки татарских композиторов; многих очень хвалили, но против Сайдашева были отрицательные выступления. Я тогда ничего не понял. Я очень любил его музыку и теперь люблю, а тут один за другим говорят, что его музыка непрофессиональна – нет симфоний. Видимо, это было связано с арестами Тинчурина, Бурнаша и других, и музыка, сочинённая к их пьесам, перестала исполняться. Видимо, политическая ситуация коснулась и Салиха Сайдашева. Это была первая ласточка – начало нападков на него. Но в его защиту тоже было много выступлений.

В третий раз я встретил Салиха Сайдашева в Доме Тукая. Там тоже было какое-то мероприятие, но в нём, в основном, участвовали писатели. Они высоко оценили творчество Салиха Сайдашева, очень его поддержали. После этого мероприятия Салих Сайдашев вышел довольный, а увидев меня, подошёл и пригласил к себе домой. Я почему-то не воспользовался приглашением.

В это время идёт подготовка к московской декаде. Дирижёром народного оркестра был Александр Ключарёв. Я в составе оркестра вёл первую партию на домре; это был специальный домровый оркестр, вторую партию вёл Сагит Алиев, в то время работавший на радио, позже его место заняла Зайнаб Хайруллина.

1941 год. Подготовка к декаде идёт полным ходом, артистам сшили костюмы, мы везде даём концерты для тренировки, но... Началась война. Из Латвии эвакуировался музыкант Линке, который перевёл репертуар оркестра на западный стиль; стали играть классику. Последний раз в парке играли мой прощальный концерт, и меня проводили на фронт. Я не закончил институт, ушёл с 4-го курса исторического факультета и с 3-го курса вечернего отделения музыкального училища. Это было моё прощание с музыкальным миром. К музыке я больше не возвращался».

ТАТАРСТАН
АССР

ВЕРХОВНЫЙ
СОВЕТЫ
ПРЕЗИДИУМЫ

Иптәш *Сайдашев*

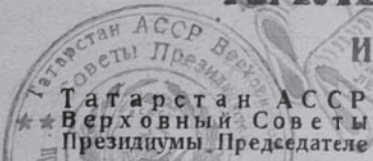
Салих Нҗәмәлетдин улы

Татарстан Автономияле Совет Социалистик
Республикасынын Верховный Советы Президиумы

*Татар совет музыкаль
культурасын үстерүдә
зур казанышлар ыргачен*

СЕЗГӘ ТАТАРСТАН АССР ның
ХАЛЫК АРТИСТЫ

ИСЕМЕН БИРДЕ

Татарстан АССР
Верховный Советы
Президиумы Председателе

Татарстан АССР
Верховный Советы
Президиумы Секретаре

№ 388 С.

Г. Динмөхәммәтов (Г. Динмөхәммәтов).

Ә. Хөсәенов (Ә. Хөсәенов).

КАЗАНЬ, КРЕМЛЬ. 11 январь 1951 ел.

ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА

ТАТАРСКОЙ
АССР

Тов. *Сайдашев*

Салих Замалетдинович

Президиум Верховного Совета Татарской
Автономной Советской Социалистической Республики
за *большие заслуги в разви-*
тии татарской советской
музыкальной культуры

ПРИСВОИЛ ВАМ ЗВАНИЕ

НАРОДНОГО АРТИСТА

ТАТАРСКОЙ АССР

Председатель Президиума
Верховного Совета
Татарской АССР

Секретарь Президиума
Верховного Совета

(Г. Динмухаметов)

ГЛАВА 3

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ
САЛИХА САЙДАШЕВА

1900 – 3 декабря (20 ноября) – родился Салих Замалетдинович Сайдашев.

1913 – окончил школу-медресе.

1914 – начало занятий в Казанском музыкальном училище.

1915 – Салих Сайдашев начал участвовать в национальных ансамблях народных музыкантов при труппе «Сайяр».

1916 – выступает как пианист-солист в концерте, организованном татарскими студентами.

1918 – в Буинске Салих Сайдашев открывает музыкальную студию, при которой организует татарский и чувашский хоры для разучивания «Интернационала».

1919-1921 – годы службы в рядах Красной Армии. Политотдел 1-й Армии Туркестанского фронта.

1922, ноябрь – Салих Сайдашев возвращается в Казань. Начало работы в Татарском государственном драматическом театре.

Сезон 1922-1923 – симфонический ансамбль театра под управлением Салиха Сайдашева выступает в антрактах между действиями в фойе театра.

1922, 18 декабря – премьера «Башмагым» («Башмачки») Хабибуллы Ибрагимова с музыкальным оформлением Салиха Сайдашева – первая работа в Казани.

1923, 9 февраля – Салих Сайдашев дирижирует музыкальной комедией Узеира Гаджибекова «Аршин мал-алан».

1926, май – октябрь – вместе с коллективом театра на гастролях в Москве, затем театр продолжает гастроли в Ленинграде, Оренбурге, Астрахани, городах Поволжья. Ставились спектакли «Сүнгән йолдызлар» («Угасшие звёзды»), «Казан сөлгесе» («Казанское полотенце»).

1927, июнь-сентябрь – с коллективом театра Салих Сайдашев совершает новую гастрольную поездку (Москва, Горький). Идут спектакли «Таһир – Зөһрә» («Тахир и Зухра»), «Зәңгәр шәл» («Голубая шаль»).

1929, март – Салих Сайдашев зачислен почётным красноармейцем Н-ской части.

1928, июнь – в Казани демонстрируется художественный фильм «Булат-батыр». Фильм сопровождается фрагментами из произведений Салиха Сайдашева.

1928, 10 августа – с группой татарских писателей и деятелей культуры Салих Сайдашев выезжает в творческую командировку в братские республики: Казань, Астрахань, Махачкала, Баку, Ереван, Тбилиси, Батуми, Симферополь, Харьков, Москва.

1928, 23 августа – в Баку состоялся вечер дружбы. Произведения Салиха Сайдашева исполнял симфонический оркестр. Дирижировал автор.

1928, сентябрь – вместе с татарскими писателями Салих Сайдашев встречается с Алексеем Максимовичем Горьким.

1930, 3 января – дирижирует оперой «Савия».

1930, 13-20 июня – Татарский государственный академический театр принимает участие во Всесоюзной олимпиаде искусств, где идет музыкальная драма Салиха Сайдашева «Ил» («Родина»).

1931, 12-14, 18 февраля – дирижирует оперой «Эшче» («Рабочий»).

1931, 23 ноября – в Татарском государственном академическом театре состоялся большой концерт, в котором дирижировал Салих Сайдашев. В программе – Мусоргский «Рассвет над Москва-рекой», увертюра к опере «Эшче».

1933, май – вместе с Татарским государственным Академическим театром выезжает на гастроли по городам Азербайджана, Узбекистана, Туркмении.

1933, 25 ноября – первый творческий концерт Салиха Сайдашева (итог 10-летней творческой деятельности). В концерте принимают участие Галия Кайбицкая, Ситдик Айдаров, вступительное слово сказал Карим Тинчурин.

1933, декабрь – Салих Сайдашев уезжает в Москву на учёбу в Татарскую оперную студию при Московской консерватории.

1935 – Салих Сайдашев получил от Климента Ефремовича Ворошилова именные часы за участие в концерте красноармейской художественной самодеятельности в честь VII съезда Советов СССР.

1937 – Салих Сайдашев возвратился в Казань.

1939, 25 апреля – творческий вечер Салиха Сайдашева в клубе писателей.

1939, май – постановлением Совнаркома ТАССР Салих Сайдашев включён в состав художественного совета Управления по делам искусств Совнаркома ТАССР.

1939, 17 сентября – Указом Президиума Верховного Совета ТАССР Салиху Сайдашеву присвоено звание заслуженного деятеля искусств ТАССР.

1940, 2 февраля – Салих Сайдашев принят в Союз композиторов СССР.

1940, 20 апреля – творческий вечер заслуженного деятеля искусств ТАССР Салиха Сайдашева в Татарском государственном академическом театре при участии лучших артистических сил Казани и большого симфонического оркестра.

1943, 7 октября – концерт Салиха Сайдашева. Сбор от концерта поступает в фонд покупки тёплых вещей для Красной Армии.

1945, 30 июня – Салих Сайдашев награждается Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Татарской АССР в связи с 25-летием республики и за достижения в области искусства.

1948, 3 июня – Салих Сайдашев открывает пленум композиторов ТАССР, произносит вступительную речь.

1949 – гастроли по республикам Средней Азии.

1950 – Указом Президиума Верховного Совета ТАССР Салиху Сайдашеву присвоено почётное звание народного артиста ТАССР.

1951, 11 января – в Татарском государственном академическом театре состоялся торжественный вечер, посвящённый 50-летию со дня рождения и 30-летию творческой деятельности Салиха Сайдашева.

1954, 16 декабря – Салих Сайдашев умер.

ГЛАВА 4

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЁМ ДЛЯ НАС, САЙДАШ...

Что в имени твоём для нас, Сайдаш...

*Высказывания известных деятелей искусства и культуры
о Сайдашеве и его творчестве*

Джаляль САДРИЖИГАНОВ,
дирижёр и педагог, заслуженный деятель искусств РТ:

«Услышав впервые музыку Салиха Сайдашева, я понял, чем отличается гений от даже очень талантливого художника. Дело не в том, что гениальное произведение нравится больше, что оно непременно лучше, совершеннее, правильнее воссоздаёт замысел образа. Оно может и не удовлетворять этим требованиям; может даже, как ни парадоксально это звучит, не «понравиться», вызывать у слушателя несогласие, возражение, протест. Но сила музыки Салиха Сайдашева в том, что она властно покоряет даже несогласных, действует на слушателей даже против их воли, пленяет их в буквальном смысле слова, то есть берёт их в плен вопреки их желанию, наперекор их вкусам. Слушая музыку Салиха Сайдашева, вы невольно покоряетесь ей. И опомнившись от «наваждения», уйдя с концерта или из театра, вы можете сколько угодно критиковать услышанное, но не сможете забыть её, отделаться от того музыкального образа, который волей таланта навсегда вычеканен в вашей душе».

Муса ДЖАЛИЛЬ,
поэт, Герой Советского Союза:

«В развитии татарской советской музыки велика заслуга нашего признанного талантливого композитора Салиха Сайдашева. Сайдашев поднял татарскую музыку на новую ступень развития. Его многолетняя плодотворная деятельность может считаться целой эпохой в развитии советской татарской музыки. Мы можем назвать её эпохой музыкального творчества, основанного на освоении и обработке народной музыки».

Назиб ЖИГАНОВ,

композитор, народный артист СССР, председатель Союза композиторов Татарской АССР, с 1945 года – ректор Казанской консерватории, профессор, Герой Социалистического Труда:

«Творчеству композитора свойственны страстная влюблённость в жизнь и подлинный гуманизм. Он умел видеть красоту жизни в большом и малом. Он горячо любил свой народ и прекрасно знал его культуру, его духовные запросы. В этом его сила и источник вдохновения.

Жизнеутверждающая музыка Сайдашева пронизана оптимизмом, овеяна красотой больших человеческих чувств и отношений, любовью к людям, глубоким уважением к их труду. Музыка Сайдашева зовёт к жизни. В этом величие композитора, получившего широкое признание».

Марсель САЛИМЖАНОВ,

народный артист СССР, с 1966 года – главный режиссёр Татарского академического театра драмы имени Галиаскара Камала:

«Почти тридцать лет Салих Сайдашев был связан с Татарским театром. Поэтому, когда нас сегодня спрашивают, какие из традиций продолжают жить и развиваться на камаловской сцене, мы с гордостью отвечаем: сайдашевские... Поныне в наших спектаклях музыка играет такую же важную роль, как и драматургия. Она помогает и актёрам, и зрителям, которые уносят из театра музыкальные впечатления не менее сильные, чем от драматической игры мастеров нашей сцены. В золотой фонд нашего театра вошли практически все постановки, в которых звучит музыка Салиха Сайдашева: «Казанское полотенце», «Угасшие звёзды», «Голубая шаль», «На Кандре» и другие. Мы возвращаемся к ним вновь и вновь, потому что сменяются поколения актёров, режиссёров, зрителей... Неизменна в этих спектаклях только музыка Сайдашева».

Натан РАХЛИН,

с 1966 года – художественный руководитель и главный дирижёр Симфонического оркестра ТАССР:

«До переезда в Казань я, к сожалению, никогда не слышал о таком композиторе – Салих Сайдашев. Может быть, это моё упущение, а может, его творчество недостаточно популяризировали. Я влюбился в этого композитора, как только познакомился с его партитурами. Красотой, напевностью мелодий он напомнил мне Шуберта, о котором Ромен Роллан сказал: «Если Бах – на небе, то Шуберт – это композитор, к которому небо само приходит». Вот и Сайдашев такой – бесхитростный, народный. Он как бы не замечал теневых сторон в жизни народа, он говорил только о его душевной красоте, счастье...».

* * *

«...Салих Сайдашев – выдающийся композитор, мелодист, чьё творчество основано на народной песенности. Его широкий, сердечный, красивый талант, любимый народом, представляет собой сокровище национальной культуры».

Натан РАХЛИН – сыну Салиха Сайдашева, Альфреду Салиховичу:

«...Не верьте, что Ваш отец прост в музыке. Это – простота Гения...».

София ГУБАЙДУЛИНА, композитор:

«...В то же время очень сильно влиял на моё сознание Салих Сайдашев, хотя он и не был у нас педагогом. Но он исподволь влиял на всю культуру татарского народа...».

«Огромное восхищение получила я сегодня, как самый драгоценный подарок – музыку Салиха Сайдашева и воспоминания о его жизни и творчестве. Большое спасибо! Музыку Салиха Сайдашева я всегда очень любила, люблю, можно сказать, даже знаю её наизусть».

02.12.93 (Запись в книге отзывов музея Салиха Сайдашева)

Владислав КАЗЕНИН,
председатель Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств
РСФСР, народный артист России :

«В каждой национальной культуре есть личности, выражающие лучшие особенности своего народа. Они не просто выходцы из народа. Они его сердце, голос, душа. У разных народов свой неповторимый музыкальный язык, ритмы, интонации.

Музыкальное искусство Сайдашева несёт в себе объединяющее начало, оно уникально и самобытно, и поэтому, возможно, оно понятно всем.

Явление Сайдашева выходит за рамки творчества. Такие люди не только создатели музыкальных творений. Они находятся в гуще всей художественной жизни своего народа, всех событий. Такие личности, как Сайдашев, определяют художественную мысль, направляют её развитие, формируют культуру народа.

Сайдашев – это особый пласт музыки. Все компоненты национального фольклора были обогащены его талантом. Этому надо воздать должное.

Как Михаил Глинка в русской музыке, Салих Сайдашев является символом татарской музыки».

Тихон ХРЕННИКОВ,

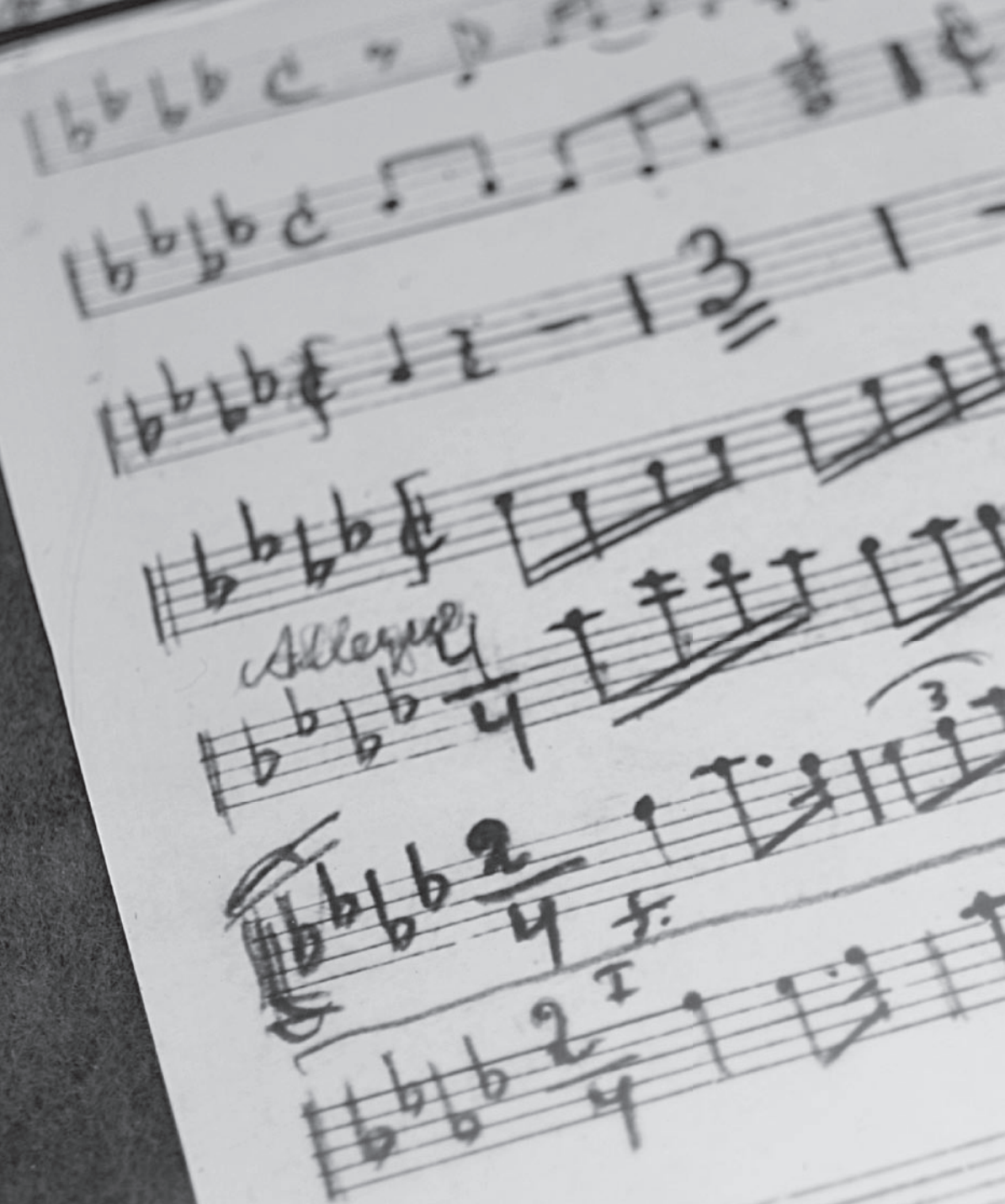
композитор, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, секретарь Союза композиторов СССР (1948-1990):

«Салих Сайдашев – одна из интереснейших личностей в музыкальной культуре Татарии. Популярнейший композитор, песни которого татарский народ распевал с наслаждением, музыкант, который знал песни своего народа не по нотным записям, а носил их в своем сердце со дня своего рождения. Это композитор, оставивший глубокий след в музыке своего народа.

Вечная ему слава. Вечная ему память».

Встреча родственников Салиха Сайдашева с сотрудниками музея С. Сайдашева. Второй ряд справа – сыновья Науфаль и Альфред Сайдашевы. 1994 год

The background of the page is a grayscale image of musical notation. It shows several staves with various notes, including eighth and sixteenth notes, and some rests. The notation is slightly blurred and angled, creating a sense of depth and artistic texture. The text is overlaid on this background.

ГЛАВА 5
СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
САЛИХА САЙДАШЕВА

Список театрально-музыкальных сочинений Салиха Сайдашева¹

№ п/п	Название произведения		Жанр	Автор пьесы	Год премьеры
	на татарском языке	на русском языке			
1	Башмагым	Башмачки	Музыкальная комедия	Г. Ибрагимов	1922
2	Казан сөлгесе	Казанское полотенце	Музыкальная комедия	К. Тинчурин	1923
3	Хан кызы	Дочь хана	Музыка к спектаклю	К. Тинчурин (перевод на татар. яз. пьесы К. Гоцци «Ту- рандот»)	1923
4	Сак-Сок	Сак-Сок	Музыка к спектаклю	Не установлен	1923
5	Талир тәңкә	Серебряная монета	Музыка к спектаклю	Т. Гиззат	1923
6	Урал суы буенда	На берегу Урала	Музыка к спектаклю	М. Файзи	1923
7	Сүнгән йолдызлар	Угасшие звёзды	Музыкальная драма	К. Тинчурин	1923
8	Һинд кызы	Индийская девушка	Музыка к спектаклю	Г. Хамит	1924
9	Салават батыр	Богатырь Салават	Музыка к спектаклю	М. Зингатов	1924
10	Ашказар	Ашказар	Музыка к спектаклю	Г. Сулейманов	1924
11	Камали карт	Старик Камали	Музыка к спектаклю	Ф. Бурнаш	1925
12	Ак калфак	Белый калфак	Музыка к спектаклю	М. Файзи	1925
13	Галиябану	Галиябану	Музыкальная драма	М. Файзи	1926
14	Таһир-Зөһрә	Тахир и Зухра	Музыка к спектаклю	Ф. Бурнаш	1926
15	Балдызкай	Свояченица	Музыка к спектаклю	А. Кутуй	1926
16	Яшь йөрәкләр	Молодые сердца	Музыка к спектаклю	Ф. Бурнаш	1926
17	Зәңгәр шәл	Голубая шаль	Музыкальная драма	К. Тинчурин	1926

¹ Составитель Ф.Ш. Салитова.

№ п/п	Название произведения		Жанр	Автор пьесы	Год премьеры
	на татарском языке	на русском языке			
18	Асылгяр	Возлюбленная	Музыкальная драма	М. Файзи	1926
19	Энжекэй	Энжекай	Музыка к спектаклю	Х. Габитов	1927
20	Күмелгән кораллар	Зарытое оружие	Музыка к спектаклю	Х. Такташ	1927
21	Канлы чәчәкләр (Маркитантка)	Кровавые цветы (Маркитантка)	Музыка к спектаклю	К. Тинчурин (перевод на татар. яз. пьесы Б. Брехта «Ма- маша Кураж...»)	1927
22	Хөсәен Мирза	Хусаин Мирза	Музыка к спектаклю	Ф. Бурнаш	1927
23	Нәнкәжән	Нянькеджан	Музыка к спектаклю	А. Кутуй	1928
24	Калфаклылар	Девушки в калфаках	Музыкальная комедия	А. Кутуй	1928
25	Күк күгәрчен	Сизый голубь	Музыка к спектаклю	А. Кутуй	1928
26	Дим буенда	На берегу Дёмы	Музыка к спектаклю	С. Джалиль	1928
27	Сәхрә кызы	Дочь степи	Музыка к спектаклю	Не установлен	1928
28	Ут	Огонь	Музыка к спектаклю	Ш. Камал	1928
29	Наёмщик	Наёмщик	Музыкальная драма	Т. Гиззат	1928
30	Ханбикә	Ханбика	Музыка к спектаклю	М. Зингатов	1929
31	Тимер ага	Тимер ага	Музыка к спектаклю	М. Зингатов	1929
32	Доцент Янбулатов	Доцент Янбулатов	Музыка к спектаклю	З. Султанов (перевод на татар. яз. пьесы А. Фай- ко «Человек с портфелем»)	1929
33	Ил	Родина	Музыкальная драма	К. Тинчурин	1929
34	Бронепоезд 14-69	Бронепоезд 14-69	Музыка к спектаклю	Вс. Иванов	1929
35	Казанны алганда	Борьба за Казань	Музыка к спектаклю	Н. Галимов	1930

№ п/п	Название произведения		Жанр	Автор пьесы	Год премьеры
	на татарском языке	на русском языке			
36	Шлем	Шлем	Музыка к спектаклю	Г. Минский	1930
37	Хикмәтле доклад	Мудреный доклад	Музыка к спектаклю	К. Тинчурин	1930
38	Робиндар	Робиндар	Музыка к спектаклю	А. Хабиб-Вафа	1930
39	Жилләр шәһәре	Город ветров	Музыка к спектаклю	В. Киршон	1930
40	Данлы чор	Славная эпоха	Музыка к спектаклю	Р. Ишмуратов	1930
41	Тормыш көлә	Жизнь смеется	Музыка к спектаклю	Г. Ильясов	1930
42	Утлы божра	Огненное кольцо	Музыка к спектаклю	Г. Уральский	1930
43	Таулар	Горы	Музыка к спектаклю	Ш. Камал	1931
44	Камил	Камиль	Музыка к спектаклю	Х. Такташ	1931
45	ОДВА	ОДВА	Музыка к спектаклю	Г. Минский	1931
46	Кандыр буге	На Кандре	Музыкальная драма	К. Тинчурин	1931
47	Өермә	Вихрь	Музыка к спектаклю	Г. Зулькарнаев	1932
48	Тургай	Жаворонок	Музыка к спектаклю (в соавторстве с В. Виноградовым)	К. Тинчурин Р. Ишмуратов	1932
49	Лачыннар	Соколы	Музыка к спектаклю	Ф. Бурнаш	1933
50	Булат бабай семьясы	Семья дедушки Булата	Музыка к спектаклю	К. Тинчурин К. Наджи	1933
51	Бишбүлөк	Бишбуляк	Музыкальная драма	Т. Гиззат	1938
52	Гөлчәчәк	Гульчачак	Музыка к спектаклю	Г. Минский	1939
53	Күзләр	Очи	Музыка к спектаклю	Х. Фатхуллин	1939
54	Сынау	Испытание	Музыка к спектаклю	С. Баттал	1939
55	Хафизәләм иркәм	Милая Хафиза	Музыкальная комедия (в соавторстве с М. Юдиным)	Г. Камал	1943
56	Изге эманәт	Священное поручение	Музыка к спектаклю	Т. Гиззат	1944

№ п/п	Название произведения		Жанр	Автор пьесы	Год премьеры
	на татарском языке	на русском языке			
57	Диңгездәгеләр өчен	За тех, кто в море	Музыка к спектаклю	Б. Лавренёв	1946
58	Мулланур Вахитов	Мулланур Вахитов	Музыка к спектаклю	Н. Исанбет	1947
59	Мылтыклы кеше	Человек с ружьем	Музыка к спектаклю	Н. Погодин	1948
60	Наёмщик	Наёмщик	Музыкальная драма (2-я редакция)	Т. Гиззат	1948
61	Чын мәхәббәт	Настоящая любовь	Музыка к спектаклю	Т. Гиззат	1948
62	Алсу таң	Алая заря	Музыка к спектаклю	Т. Гиззат	1950
63	Гөлнара	Гульнара	Балет в одном действии, двух картинах	Либретто Г. Тагирова	1950
64	Кадерле минутлар	Дорогие минуты	Музыка к спектаклю	Г. Насретдинов	1952

Примечания.

1. Основной нотный рукописный материал театрально-музыкальных произведений Салиха Сайдашева находится в Национальном архиве Республики Татарстан, музее Татарского академического театра имени Галиаскара Камала, нотной библиотеке Татарского академического театра оперы и балета имени Мусы Джалиля, нотной библиотеке ГТРК «Татарстан», в музее Салиха Сайдашева Национального музея Республики Татарстан, в архиве семьи Ахмеровых.

2. Впервые фрагменты из театрально-музыкальных произведений Салиха Сайдашева были опубликованы Татарским книжным издательством в 1931 году. Это песня Майсары из музыкальной драмы «Зәңгәр шал», песня «Бибисара» из музыки к спектаклю по пьесе Фатхи Бурнаша «Хөсәен Мирза», песня Батыржана из музыкальной драмы «Наёмщик».

Опубликованные к настоящему времени фрагменты из театрально-музыкальных произведений Салиха Сайдашева сосредоточены главным образом в следующих нотных сборниках:

- Салих Сәйдәшев. Жырлар һәм арияләр. – Казан, 1952.
- Салих Сәйдәшев. Сайланма әсәрләр: җырчылар, хор һәм фортепиано өчен. – Казан, 1957.
- Салих Сайдашев. Избранные произведения: для голоса, хора и фортепиано. – Казань, 1957 (на татар. и рус. яз.).
- Салих Сәйдәшев. Без кабызган утлар. – Казан, 1980.
- Салих Сайдашев. Огни, зажжённые нами (песни, арии, дуэты, инструментальные произведения). – Казань, 1980 (на татар. и рус. яз.).
- Салих Сайдашев. Полное собрание сочинений: В 3-х томах. – Казань, 2002.

Перечень произведений Салиха Сайдашева

1920

«Озын сәфәр» («Далёкий путь») – песня. Первое исполнение состоялось в Оренбурге.

«Вальс» – пьеса для фортепьяно. Первое исполнение автором состоялось в Оренбурге.

1922

«Башмагым» («Башмачки») – музыкальное оформление к комедии Х. Ибрагимова.

1923

«Казан сөлгесе» («Казанское полотенце») – музыкальное оформление к комедии Карима Тинчурина. Первое исполнение состоялось 19 января 1923 года. Ноты хранятся в библиотеке ТГАТ имени Галиаскара Камала.

«Хан кызы» («Дочь хана») – музыкальное оформление к пьесе Карима Тинчурина. Первое исполнение 17 февраля 1923 года.

«Талир тәңкә» («Серебряная монета») – музыкальное оформление к драме Тази Гиззата. Первая постановка состоялась 15 марта 1923 году.

«Сак-Сок» – музыкальное оформление драмы по татарской народной сказке. Первое исполнение состоялось 4 апреля 1923 года.

«Урал суы буенда» («На берегу Урала») – музыкальное оформление к драме Мирхайдара Файзи. Первая постановка состоялась 30 ноября 1923 года.

«Сүнгән йолдызлар» («Угасшие звёзды») – музыкальное оформление к драме Карима Тинчурина.

Увертюра написана при повторной постановке в сентябре 1926 года. (Ноты хранятся в Госархиве ТАССР)

1924

«Һинд кызы» («Индийская девушка») – музыкальное оформление к пьесе Г. Хамиди. Первая постановка состоялась 26 января 1924 года.

«Салават батыр» – музыкальное оформление к исторической драме. Первое исполнение состоялось 31 октября 1924 года.

1925

«Ашказар» – музыкальное оформление к драме по башкирской народной легенде. Первое исполнение состоялось 14 и 18 января 1925 года.

«Камали карт» («Старик Камали») – музыкальное оформление к пьесе Фатхи Бурнаша. Первая постановка состоялась 6 декабря 1925 года.

1926

«Галиябану» – музыкальное оформление к драме Мирхайдара Файзи. Первое исполнение состоялось 14 марта 1926 года. (Увертюра хранится в Госархиве ТАССР)

«Таһир – Зөһрә» («Тахир и Зухра») – музыкальное оформление к драме Фатхи Бурнаша. Первая постановка состоялась 18-26 марта 1926 года. (Рукопись хранится в библиотеке ТГАТ имени Галиаскара Камала.)

«Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца») – музыкальное оформление к драме Фатхи Бурнаша. Первая постановка состоялась 2 апреля 1926 года.

«Балдызкay» («Свояченица») – музыкальное оформление к пьесе Габдуллы Тукая. Первая постановка состоялась 19 ноября 1926 года.

«Зәңгәр шәл» («Голубая шаль») – музыкальная драма (пьеса Карима Тинчурина). Премьера состоялась 20 декабря 1926 года. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР)

1927

«Асылъяр» («Возлюбленная») – музыкальное оформление к комедии Мирхайдара Файзи. Первая постановка состоялась 9 января 1927 года.

«Әнжәкәй» – музыкальное оформление к драме Хабибуллы Габитова. Первое исполнение состоялось 7 февраля 1927 года.

Похоронный марш (посвящается артисту Нури Сакаеву). Первое исполнение состоялось 1 марта 1927 года на похоронах артиста. Марш издан в 1957 году (см. сборник «Избранные произведения». Казань: Таткнигоиздат¹.)

«Күмелгән кораллар» («Зарытое оружие») – музыкальное оформление к драме Хади Такташа. Первое исполнение состоялось 7 ноября 1927 года.

«Маркитанка» («Кровавые цветы») – музыкальное оформление к драме. Первое исполнение состоялось 11 ноября 1927 года.

«Турандот» – музыкальное оформление к пьесе Гоцци. Премьера состоялась 8 декабря 1927 года.

«Хусаин Мирза» – музыкальное оформление к драме Фатхи Бурнаша. Песня Бибисары из этой драмы. Издана в 1957 году.

¹ В дальнейшем все ссылки на издание 1957 г. относятся к этому сборнику.

«Нянькеджан» – музыкальное оформление к драме Аделя Кутуя. Премьера состоялась 6-8 января 1928 года.

«Калфаклылар» («Девушки в калфаках») – комедия Аделя Кутуя. (По сообщениям печати, написаны 24 музыкальных номера.) Первое исполнение состоялось 27 января 1928 года.

«Дим буенда» («На Деме») – музыкальное оформление к драме Садри Джалиля. Премьера состоялась 26 марта 1928 года.

«Күк күгәрчен» («Сизый голубь») – музыкальное оформление к драме Аделя Кутуя. Песня молодёжи из этого спектакля издана в 1957 году. Первое исполнение состоялось 26 апреля 1928 года. (Ноты хранятся в библиотеке ТГАТ имени Галиаскара Камала.)

«Наёмщик» – музыкальная драма (пьеса Тази Гиззата). Премьера состоялась 14 декабря 1928 года. (Ноты хранятся в Госархиве ТАССР.)

1929

«Ханбикә» – музыкальное оформление к исторической драме М. Заитова. Премьера состоялась в январе 1929 года.

Марш, посвящённый 11-й годовщине Красной Армии. Первое исполнение состоялось в феврале 1929 года. (Рукопись хранится в Госмузее РТ). Партитура издана в 1950 году. Первое издание в журнале «Безнең юл» («Наш путь»), ноябрь 1929 года.

«Ил» («Родина») – музыкальная драма (по пьесе Карима Тинчурина). Первое исполнение состоялось 15 ноября 1929 года. Отдельные песни были изданы в 1957 году.

1930

«Шлем» – музыкальное оформление к пьесе Габдрахмана Минского. Премьера состоялась 24 февраля 1930 года. Песня красноармейцев из этой пьесы была издана в 1957 году.

«Чудесный доклад» – музыка к дивертисменту (танцевальные номера и песни). Первое исполнение состоялось 2 марта 1930 года.

«Робиндар» – музыкальное оформление к драме Хабиба Вафы. Первое исполнение состоялось 28-29 октября 1930 года. (Рукопись – в Госархиве ТАССР.)

«Жилләр шәһәре» («Город ветров») – музыкальное оформление к пьесе В. Киршона. Премьера состоялась 6-8 ноября 1930 года.

«Данлы чор» («Славная эпоха») – музыкальное оформление к пьесе Ризы Ишмуратова. Премьера состоялась 31 декабря 1930 года. (Рукопись хранится в кабинете музыки народов Поволжья Казанской консерватории.)

1931

«Камиль» – музыкальное оформление к драме Хади Такташа. Премьера состоялась 31 января 1931 года.

1932

«Кандыр буенда» («На Кандре») – музыкальная драма (пьеса Карима Тинчурина). Премьера состоялась 21-22 марта 1932 года. Многие песни изданы в 1957 году. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

«Өермә» («Вихрь») – музыкальное оформление к драме А. Зулкарнаева. Премьера состоялась 26 октября 1932 года. Песня из этой драмы была издана в 1957 году.

«Тургай» («Жаворонок») – музыкальное оформление к пьесе Ризы Ишмурадова и Карима Тинчурина. Премьера состоялась 18 ноября 1932 года. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

«Комсомольский марш» – впервые исполнялся по радио. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

1935

Марш, посвящённый 15-й годовщине ТАССР. Первое исполнение состоялось 25 июня 1935 года.

1939

«Бишбүләк» (название деревни) – музыкальное оформление драмы Тази Гиззата. Премьера состоялась 3 января 1939 года. Песни были изданы в 1957 году. (Рукописи хранятся в библиотеке ТГАТ, часть – в библиотеке Татарского радио и телевидения).

«Гульчачак» – музыкальное оформление к пьесе Габдрахмана Минского. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

«Күзләр» («Очи») – музыкальное оформление к драме Хабиба Фатхуллина. Премьера состоялась 17 ноября 1939 года. Песни были изданы в 1957 году. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

1942

«Поход жыры» («Походная песня») на слова Кави Наджми. Издана в 1943 году. (Казань, Татгосиздат).

1943

«Хафизэләм-иркәм» («Милая Хафиза») – музыкальная драма (пьеса Галиаскара Камала). Написана в соавторстве с М.А. Юдиным в 1943 году. (Рукопись хранится в кабинете музыки народов Поволжья Казанской консерватории.)

1944

«Ватан» («Родина») – марш для духового оркестра. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

1944

«Изге эманэт» («Священное поручение») – музыкальное оформление к драме Тази Гиззата. Постановка осуществлена в 1944 году. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

1945

«Бүген бэйрәм» («Сегодня праздник») – песня, слова Тази Гиззата. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

1946

«Чит ил бүләкләре» («Заграничные подарки») – шуточная песня на слова Мухаммета Садри. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

1947

«Москва» – песня для детей, слова Мухаммета Садри. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

«Без үсәбез» («Мы растем») – песня для детей. Слова Мухаммета Садри. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

1948

«Мулламур Вахитов» – музыкальное оформление к драме Наки Исанбета. Премьера состоялась 1 февраля 1948 года. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

«Чын мәхәббәт» («Настоящая любовь») – музыкальное оформление к драме Тази Гиззата. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

«Наёмщик» – музыкальная драма (по пьесе Тази Гиззата), вторая редакция. Премьера состоялась в сентябре 1948 года. (Рукопись хранится в Татарском государственном театре оперы и балета имени Мусы Джалиля.)

1949

«Жәй» («Лето») – детская песня на слова Шайхи Маннура. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

«Дуслык турында җыр» («Песня о дружбе»), слова Ахмета Ерикеева. Издана в 1957 году.

1950

«Алсу таң» («Алая заря») – музыкальное оформление к драме Тази Гиззата. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

«Салют бирәбез» («Салютуем») – пионерская песня на слова Гамира Насрый. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

«Яшь туристлар» («Юные туристы») – песня на слова Шайхи Маннура. (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

«Бал корты» («Пчела») – детские песни. Слова Гамира Насрый.

«Дәү эни» («Бабушка»). (Рукопись хранится в Госархиве ТАССР.)

«Совет Татарстаны» («Советский Татарстан») – песня для хора, слова Гамира Насрый. Издана в 1957 году.

1951

«Укучылар вальсы» («Вальс школьников») – песня на слова Махмута Хусаина.

«Укырга, укырга» («Учиться, учиться») – песня школьников на слова Сахаба Урайского. (Рукописи хранятся в Госархиве ТАССР.)

«Халисә» (имя девушки) – лирическая песня на слова Гали Хузеева. Издана в 1957 году.

«Чишмә буенда» («У ручья») – лирическая песня. Слова Мухаммета Садри. Издана в 1957 году.

«Яшьлек җыры» («Песня юности») – песня-дуэт на слова Мухаммета Садри. Издана в 1952 году (Казань, Таткнигоиздат).

1952

«Кадерле минутлар» («Дорогие минуты») – музыкальное оформление к пьесе Гамира Насрый. Песня из этого спектакля была издана в 1957 году.

1954

«Җырларым» («Песни мои») – песня на слова Мусы Джалиля. Была издана в 1957 году.

Перечень произведений Салиха Сайдашева составлен по данным архива композитора, а также по материалам библиотек Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров ТАССР, ТГАТ имени Галиаскара Камала и по материалам республиканской периодической печати.

Ввиду того, что некоторые рукописи утеряны, список остаётся неполным.

Послесловие от составителя

Уважаемый читатель! Вы держите в руках книгу, которая является результатом коллективного творчества современников и поклонников нашего любимого композитора – Салиха Сайдашева. Это сборник воспоминаний людей, знавших его, находившихся рядом, поддерживавших в трудные минуты. Мы постарались собрать, насколько это возможно, все имеющиеся воспоминания о композиторе, как ранее публиковавшиеся в различных изданиях, так и до сих пор неизвестные и хранящиеся в архиве нашей семьи.

Судьба композитора оказалась довольно трагичной. Насколько быстрым и стремительным был его взлёт в начале творческого пути, настолько драматичными стали последние годы его жизни, несмотря на то, что он по-прежнему оставался народным любимцем и народным композитором. Выдающийся музыкант был отлучён от музыкальной жизни, уволен из театра, которому посвятил всю свою жизнь, остался без средств к существованию и уверенности в завтрашнем дне. Несмотря на огромную популярность, его талант оказался незащищённым перед завистью и интригами посредственностей. К этому можно прибавить полную неустроенность и неудовлетворённость в личной жизни. По сути, этот общительный, удивительно жизнерадостный, весёлый человек, имевший многочисленных, искренне любящих его родственников и друзей, был очень одинок...

В этой книге мы постарались показать Салиха Сайдашева глазами людей, общавшихся с ним в разные годы: перед читателем предстанет картина жизни композитора с детских лет и до последних дней, описанная очевидцами событий. Надеемся, что это позволит взглянуть на образ Салиха Сайдашева с другой, до сих пор не известной стороны. Многие, кто уже познакомился с материалами этой книги, признавались, что увидели композитора другими глазами...

Мы не включили в эту книгу специальные музыковедческие статьи, посвящённые его творчеству, которых в последнее время становится всё больше, так как считаем их предметом для отдельного издания.

При подготовке книги использованы:

– «Воспоминания о Салихе Сайдашеве», 1970 г. (на рус. яз.); то же, 1980 г., дополненное (на татар. яз.).

– Воспоминания современников, опубликованные в газетах и журналах в разные годы на русском и татарском языках.

– Статьи из журнала «Казань», в котором уделяется большое внимание вопросам развития национальной культуры и роли Салиха Сайдашева.

– Не публиковавшиеся ранее воспоминания современников Сайдашева – из личного архива Дильбар Замалеевны Саиновой-Ахмеровой, автора книги «Салих Сайдашев – страницы жизни и творчества».

– Отрывки из дневника Дильбар Замалеевны Саиновой-Ахмеровой, который она вела в процессе сбора материалов о Салихе Сайдашеве.

– Фотографии Салиха Сайдашева и мест, связанных с ним, из архива музея Салиха Сайдашева Национального музея Республики Татарстан (г. Казань), а также из семейных архивов Сайдашевых и Ахмеровых.

В своих дневниках Д.З. Саинова-Ахмерова ставила перед собой цель – воссоздать неповторимый образ гения своего народа. Речь идет именно об образе, так как духовный мир гения – всегда таинство. Мы можем знать только внешнюю сторону его бытия, описывать людей и события, которые каким-то образом могли влиять на формирование его личности. Но духовная сущность, с которой связаны откровения, являющиеся нам в искусстве, наверное, всегда будет оставаться непознанной. Такую же цель преследовали и мы: именно в стремлении показать Салиха Сайдашева в контексте эпохи, в которой он жил, во взаимоотношениях с друзьями, коллегами, недругами и состояла задача этой книги.

Была ли она достигнута – судить читателю.

Рустем АХМЕРОВ,
директор фонда имени Салиха Сайдашева

Содержание

Рашид Калимуллин. Салих Сайдашев. (Вместо предисловия).....	3
Автобиография.....	8
ГЛАВА 1. СОХРАНИВШЕЕСЯ В ПАМЯТИ	10
Шигаб Ахмеров. Сохранившееся в памяти	12
Шигаб Ахмеров. Тукай и Сайдашев	17
Альфред Сайдашев. Воспоминания об отце	20
Альфред Сайдашев. Божественный дар	22
Науфаль Сайдашев. Его любили... ..	26
Дильбар Саинова-Ахмерова. Сокровища художника	30
Диляра Алимбек. «Нэни абый»	53
Мансур Музафаров. Друг детства	55
Адель Кутуй. Салих Сайдашев и татарская музыка	58
Исмагил Усманов. Незабываемое торжество	60
Исмагил Усманов. Утраченная мелодия души	61
Вафа Бурнашев. Организатор музыкальной студии	63
Файзи Биккенин. Первые шаги в преподавании музыки	65
Гариф Фахретдинов. В Оренбурге	67
Халима Булатова. Восточная музыкальная школа	68
Хаким Салимжанов. В Татарском драматическом театре	70
Галия Кайбицкая. «Без него я не стала бы певицей...»	76
Галия Кайбицкая. Вся жизнь – в музыке	80
Сара Садыкова. На отдыхе	81
Габдрахман Минский. В те годы	84
Масгуда Бурнашева. Творческая дружба	90
Юрий Виноградов. Из воспоминаний музыкального редактора	92
Ширияздан Сарымсаков. Горжусь им	96
Фаузия Файзи. Мои встречи с любимым композитором	98
Мухаммет Садри. Незабываемые годы	100
Мухаммет Садри. Величие таланта	103
Мухаммет Садри. Навеки в наших сердцах	106
Мухаммет Садри. На улице его имени	109
Латыф Хамиди. Надо изучать народную музыку	110
Генрих Литинский. В Московской консерватории	112
Евгений Бусыгин. Как измерить глубину оркестровой ямы	115
Джаудат Файзи. О коллеге и товарище	119
Джаудат Файзи. Из того, что помню	121
Олег Лундстрем. Кладёзь татарского фольклора	129
Афзал Хайрутдинов. Талантливый дирижёр	130
Лябиба Ихсанова. Мгновения, которые помню	133
Анвар Бакиров. Последняя встреча и последний путь	136
Фатима Камалова. Салих Сайдашев и театр	138
Касим Шамиль. Он любил сцену	141
Бату Мулюков. Чувствуя его влияние	143
Гай Тагиров. Дорогие сердцу даты	145

Мингали Давлетшин. Как рождалась его музыка	150
Вера Сайдашева. Мой второй отец	154
Асфан Ильясов. Сумерки за кулисами	163
Асия Галеева. Мелодия из детства	175
Зуфар Гимаев. Образ из детства	177
Халит Кумысников. С судьбой один на один	178
Празат Исанбет. Признание в любви, на которое автор решился сорок с лишним лет спустя	181
Лемоза Беляева. Праздники встреч	184
Рада Нигматуллина. Салих Сайдашев в моей жизни	186
Ахмет Хайретдинов. Последняя встреча	191
Магсум Латифуллин. Бессмертные песни	192
Салих Низамутдинов-Шамов. Встречи с Салихом Сайдашевым	195
Фатима Даулеканова. Свет Сайдаша	198
Фатима Ильская. Несущий счастье людям	200
Ильяс Аухадеев. Дирижёр и пианист	203
А. Друтин. Близкий народу	205
Гази Кашшаф. Не будешь забыт!	206
Рукия Кушловская. Любимый композитор	208
Риза Ишмурат. Чудо	209
Марсель Салимжанов. Дорогие традиции	211
Ахмет Жубанов. Концерты Салиха	221
Т. Гараев. Заветное	224
Махмут Хусаин. Певец жизни	226
Айрат Арсланов. Звезда татарской музыки	228
Александр Ключарёв. Салих Сайдашев. К 70-летию со дня рождения	240
Натан Рахлин. Звезда музыки	242
Сибгат Хаким. Рядом с Тукаем	244
Ренат Харисов. От сердца к сердцу	245
Амирхан Еники, Рустем Кутуй. «Забвение его не коснулось. Он уходил в светлом костюме...»	246
Амирхан Еники. Мера счастья	257
Роберт Миннуллин. Он нужен всегда	265
Шамиль Монасыпов. Откровения Сайдаша	267
Юлдуз Исанбет. В его песнях – душа народа	281
Гузель Юнусова. Салих Сайдашев и театр	285
Земфира Сайдашева. Богатство чувства и языка	290
Земфира Сайдашева. Вечная молодость	295
Фарида Салитова. Музыкальная драма – колыбель татарской профессиональной музыки (отрывок из III главы книги «Салих Сайдашев»)	297
ГЛАВА 2. ДНЕВНИКИ ДИЛЬБАР САИНОВОЙ-АХМЕРОВОЙ.	316
ГЛАВА 3. ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ИЗ ЖИЗНИ САЛИХА САЙДАШЕВА	358
ГЛАВА 4. ЧТО В ИМЕНИ ТВОЁМ ДЛЯ НАС, САЙДАШ...	362
ГЛАВА 5. СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ САЛИХА САЙДАШЕВА	368
Послесловие от составителя.	380

Салих Сайдашев
в воспоминаниях современников

Ответственный редактор: Рамиль Миннуллин
Консультант: Шамиль Фаткуллин
Компьютерный набор: Йолдыз Нуриева
Вёрстка: Сергей Рухов
Корректор: Светлана Ярмухаметова
Фото: Альберт Тахавиев, Олег Маковский
Ретушь: Альберт Губайдуллин

Формат 84х108/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Schoolbook.
Усл. печ. л. 40,32. Тираж 1500 экз. Заказ №

Издательство Фонда духовного возрождения «Рухият»
ОАО «Татнефть».
г. Казань, ул. Солдатская, 8, оф. 306.
Т/ф (843) 518-74-02. E-mail: ruhiat@mail.ru.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА» ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
e-mail: idelpress@mail.ru

ISBN 978-5-89706-137-2

9 785897 061372